

de visu

3/4'94

de visu

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1992 ГОДА

3/4 (15)'94

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ

- 3 Михаил Осоргин. Личное мнение
Л.В.Поликовская
- 8 Леонид Андреев. Письма А.А.Кипену
В.Н.Чуваков
- 23 С.Л.Франк. Из писем М.О.Гершензону
М.А.Колеров
- 34 Письма Буниных Струве
Р.М.Янгиров

СТАТЬИ

- 47 *Е.М.Юхименко*
Старообрядческие источники
романа Д.С.Мережковского «Петр и Алексей»
- 60 *С.Н.Доценко*
Петербургский миф А.М.Ремизова

ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

- 67 *В.А.Черных*
Автобиографическая проза А.С.Пушкина и А.А.Ахматовой
- 69 *А.Л.Дмитренко*
О воспоминаниях С.Е.Нельдихена
- 72 *Е.Д.Гринько*
Письмо В.П.Полонского Л.Д.Троцкому
- 73 *Ж.Шерон*
К судьбе зарубежного архива Е.И.Замятина
- 74 *А.Б.Рогачевский*
Из комментария к «Магдалине. I» Б.Л.Пастернака

БИБЛИОГРАФИЯ

- 77 *А.И.Рейтблат*
Материалы к библиографии русского
дореволюционного детектива
- 82 *В.П.Купченко*
Литературная Феодосия в 1920 году

РЕЦЕНЗИИ

- 90 Кнорринг И. После всего: Стихи 1920-1942 гг.
Алма-Ата, 1993
С.И.Кормилов
- 92 Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika.
1675-1940. Tallinn, 1993
С.Г.Исаков

ОБЗОРЫ

- 101 Книги
109 Журналы
118 Газеты
128 Славистские журналы в 1993 году
К. Харер.
129 «Петербургский журнал»
А. Р.

ХРОНИКА

- 132 Художественный текст и культура (Владимир)
С. А. Мартынова
133 Владимир Маяковский и его время (Варшава)
Л. Ф. Кацис
134 Проблемы мировоззрения и метода И. С. Тургенева
(Орел)
Н. Н. Арсентьева
134 К вопросу о трагедии личности С. Я. Эфрона
и судьбах России (Москва)
И. Ю. Белякова
135 Сергей Есенин: Проблемы, поиски, находки
(Москва)
М. В. Скарородов
136 Андрей Белый (Москва)
О. А. Лекманов
138 Пришвинская конференция (Москва)
Л. Р.
139 «Век мой, зверь мой» (Фрайбург)
В. Б. Микуневич

POST SCRIPTUM

- 140 К публикации писем Л. Н. Андреева
Р. Д. Тименчик
-

Журнал редактируют
АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН и АЛЕКСАНДР РОЗЕНШТРОМ

Над номером работали
ЮРИЙ БИН, ЕЛЕНА ДВОРЕЦКАЯ, ИРИНА КУРУКИНА, ТАТЬЯНА ЛЕПИХОВА,
КОНСТАНТИН ПОЛИВАНОВ, СЕРГЕЙ ПУТИЛОВ, АНДРЕЙ УСТИНОВ

Оформление
ТАТЬЯНЫ ЧЕРНОВОЙ

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются
№ № 0-11 за 1992-1993 гг. изданы на средства Агентства «Алфавит» (Москва)
№ № 4-11 — при поддержке «Союза учредителей фондов немецкой науки» (Эссен)
(Stifterverband der Deutschen Wissenschaft, Essen)

С 1994 ГОДА «DE VISU» ФИНАНСИРУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬ
«ТЕЛЕКАНАЛ 2×2»

Адрес редакции: Москва, ул. Октябрьская, 4, стр. 2, к. 407
Писать по адресу: Москва, 103030, а/я 19
Телефоны: (095) 289-63-08, (095) 335-28-84
Факс: (095) 288-97-02

© De Visu, 1994

МИХАИЛ ОСОРГИН ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Политическая биография Михаила Осоргина 1890-х — 1910-х гг. изучена еще недостаточно. Между тем, именно в это время складываются те мировоззренческие принципы, которые впоследствии нашли свое художественное воплощение в самых прославленных его произведениях.

Уже в 1899 г. студент 2-го курса юридического факультета Московского университета Михаил Ильин за участие в студенческих беспорядках высылается в Пермь, под негласный надзор полиции. (Сам Михаил Андреевич, очевидно, не знал, что за ним установлен надзор, — иначе, наверное, не преминул бы рассказать об этом в мемуарах. Нам же удалось найти дело о его высылке¹). Во время невольного пребывания Осоргина в Перми в местной газете появляется один из первых его рассказов². Написанный в традициях «натуральной школы», рассказ этот дает представление о мировоззрении молодого Осоргина, считавшего своим главным — писательским и человеческим — долгом «милость к падшим призывать».

Ссылка была недолгой: уже в конце лета Осоргин снова в Москве. Через год он восстановлен в университете (с потерей года). Получив в 1902 г. высшее образование, Осоргин становится помощником присяжного поверенного. Профессию свою он, как и все «недурные люди» того времени, считал «общественным служением», а себя чувствовал «защитником прав трудового народа», не брал денег с бедняков «и даже тратил от своей скудости, считая честью быть их покровителем и ходатаем»³.

В 1903 г. Осоргин женится на Екатерине Александровне Маликовой, эсерке, дочери известного революционера А.К.Маликова, участника процессов «каракозовского» и «193», организатора коммуны в Канзасе. Думается, что этот брак и Александр Капитонович Маликов — «личность красоты изумительной и всепобеждающей», — сыграли немалую роль в том, что романтические устремления и жажда пострадать за «униженных и оскорбленных» получили конкретное воплощение: в 1904 г. Осоргин вступил в партию эсеров.

Осоргин был рядовым членом партии, ни в одной террористической акции непосредственного участия не принимал. Но в его квартире хранилось оружие, пряталась нелегальная литература, скрывались террористы (П.Куликовский и др.) Для тех же целей (кроме хранения оружия) использовалась и его адвокатская контора.

В 1905 г. в подпольной эсеровской газете Осоргин выступил с оправданием убийства эсерами «в борьбе за народное дело» гр. Шувалова⁴. Спустя 30 лет, в письме к бывшему товарищу по партии А.С.Буткеви-

чу, Осоргин так вспомнит этот период: «...я в свое время принимал революционный террор как неизбежность (следствие любви, ненависти, негодования, невозможности поступить иначе), но отвергал с таким же негодованием его целесообразность»⁵.

19 декабря 1906 г. в собственной квартире во время обыска (полиция нашла большое количество запрещенной литературы) Осоргин был арестован — «в целях ослабления мятежнического движения»⁶. Арестован он был, как выяснилось позднее, по ошибке: одним из рабочих отрядов на Пресне руководил некий Ильин (даже не родственник Михаила Андреевича). Путаница, однако, привела к тому, что Осоргину какое-то время угрожала смертная казнь (Осоргин не хотел помогать жандармам и давать какие-либо показания отказался). Недоразумение разъяснилось. Осоргин был приговорен не к «высшей мере», а к ссылке в Нарымский край сроком на три года, но 8 мая 1906 г. освобожден под залог⁷.

Лето 1906 г. он проводит в деревне под Москвой, не занимаясь ни революционной, ни литературной деятельностью. Он глубоко разочарован, если — пока еще — не в революционных идеалах, то в самих революционерах: «...не столько плохи дела, как плохи люди — полная деморализация и дезорганизация. Дошло до того, что трудно отличить революционера от хулигана». Из этого же письма явствует, что Осоргин не собирается уезжать из России: «...за границу поеду лишь в крайности»⁸. Однако оставаться вблизи столицы стало небезопасно, и в конце августа Осоргин уезжает в Гельсингфорс (Хельсинки). Но и в Финляндии положение политических беженцев было непрочным — «пришлось торопливо собраться и погрузиться на пароход, отплывавший к берегам срединной Европы»⁹. В ноябре 1906 г. Осоргин уже в Италии. Он поселяется в местечке Сори, близ Генуи, на вилле «Мария» — приюте русских эмигрантов.

В начале 1908 г. вместе с женой, А.С.Буткевичем и некоторыми другими товарищами по партии переезжает в Париж — все они снимают общую квартиру, живут коммунально. В Париже Осоргин тесно общается с В.В.Лебединцевым (вскоре казненным в Петербурге за подготовку покушения на министра юстиции И.Г.Щегловитова) и другими видными эсерами. По сведениям Департамента полиции¹⁰, Осоргин входит в парижскую группу содействия социалистам-революционерам, участвует в конференции «левой группы» партии.

В мае 1908 г. Осоргин возвращается на виллу «Мария». Однако, все более и более втягиваясь в литературную работу (в том же 1908 г. Осоргин становится итальянским корреспондентом «Русских Веду-

мостей»), он все менее и менее склонен к барахтанью в «тине эмигрантской жизни», в которой он отчетливо видит бесконечные теоретические споры, нежелание (или неумение) «отделить человека от программы»¹¹. «О какой говорите вы цели, не зная не только причины, но и причины причин? О каком добре, не имея ни в пространстве, ни на земле, ни в себе самих точки опоры? О какой истине — кроме искомой и не находящей?»¹²

В 1911 г. в № 13 парижской эсеровской газеты «Известия Заграничного Комитета партии социалистов-революционеров» была опубликована статья «Личное мнение», которая отражает эволюцию мировоззрения Осоргина. Эта статья и републикуется нами ниже.

В фонде Департамента полиции нам удалось найти письмо за подписью Т.В. (из Москвы), адресованное М.Ильину в Рим, которое, очевидно, навечно этой статьей: «...Моментами кажется, что общественная жизнь сведена на нуль и все принесено в жертву личных острых ощущений. И тогда сильно чувствуется потребность в таких людях, как вы. «Светлый луч в темном царстве», который может рассеять уродливые видения. <...> Ваше гордое отречение вознесло Вас на необычайную высоту и укрепило мои крошечные силы. Ваш завет, что совесть должна быть единственным критерием поступков, я постараюсь сохранить навсегда. А та задача, о которой Вы пишете, — я вложу в нее все, все мои силы. Я вижу, что в ней вся ценность жизни...»¹³

В мемуарном очерке «Катенька»¹⁴ Осоргин пишет, что он в Италии вышел из партии. На самом деле, формально он из партии не выходил, но от партийных дел, безусловно, отошел. По агентурным сведениям, Михаил Ильин, «...проживая за границей, никакой партийной деятельности не проявляет, в революционных кругах пользуется плохой репутацией, <...> многие революционеры не подают ему даже руки»¹⁵.

Тем не менее вернуться на родину ему не разрешают («...в случае прибытия в Россию подлежит водворению в Сибирь»¹⁶). Однако на свой страх и риск Осоргин летом 1916 г. возвращается. В Сибирь сослать не успели — подоспела Февральская революция, которую он поначалу воспринял восторженно, как свершение идеалов своей молодости: «Очаровательное время распада государственной машины, безвластия, самопорядка...» Но, увы, и «самопорядка, срывающегося в сумбур». «Совершенно ясно, что кто-то придет и скрутит плуце прежнего»¹⁷.

В 1917 г. Осоргин уже не тот наивный юноша, который в 1905 г. на меньшее, чем «вечное земное блаженство», не соглашался. Он снова включается в борьбу — «не во имя будущего, а лишь по невозможности мириться с настоящим»¹⁸.

Еще в 1905 г. в «самиздате» тех времен ходила стихотворная сатира Осоргина «Молитва социал-демократа». И в мемуарной книге «Времена», законченной незадолго до смерти во французском местечке Шабри, самые гневные слова — о большевиках, их учителях и вождях — от «Бородатого прусского идола» до «толстого грузина <...>, услужливо прозванного отцом народов и мировым гением <...>, соперника в бессмертии и славе германского маляра»¹⁹.

Но в тех же «Временах» он говорит и о том, что вина за трагедию 1917-го года лежит на всех партиях.

Но и в пору зрелости, зная цену «ученой лжи» и революциям («революция есть государственный переворот, не более, социальный переворот совершается не революционно, а эволюционно»²⁰), зная, что в реальности получилось из мечты о светлом будущем, он никогда не отказывался от своего эсеровского прошлого, не стыдился его. И в творчестве своем не раз обращался к судьбам и характерам эсеров, «для одних героев, для других — извергов» (диалогия «Свидетель истории» и «Книга о концах», цикл мемуарных очерков «Венок памяти малых», рассказ «Террорист» и др.)

«Если бы можно было повторить путь пройденный, я повторил бы его без колебаний, не потому что он хорош, а потому что иного перед нами не было, и неизбежностью своей он до конца оправдан»²¹, — это сказано, подводя итоги земной жизни, в преддверье жизни вечной.

¹ ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). ЗД. 1899. № 2178.

² Арестантский вагон: Маленький фельетон // Пермские губернские ведомости. 1899. 11 апреля. Подписано: И. Эта публикация не учтена в наиболее полной на сегодня библиографии М.Осоргина: Bibliographie des œuvres de Mischel Ossorgine / Publie par M.Barmache, D.M.Fiene, T.Ossorguine. Paris, 1973 (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Études slaves. Vol.XXXV).

³ Времена // Осоргин М. Времена: Романы и автобиографическое повествование / Сост. и примеч. Е.С.Зашихина. Екатеринбург, 1992. С.545.

⁴ За что? // Революционная Россия. 1905. 1 августа. Без подписи. В упомянутой в примеч. 2 библиографии Осоргина ошибочно указана подпись «Москвич».

⁵ Разговор через «решетку»: Переписка М.А.Осоргина и А.С.Буткевича / Публ. А.Серкова // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып.2. С.514.

⁶ ЦГАМ. Ф.16. Оп.96. Д. 6. Т.18.

⁷ Там же.

⁸ Из письма А.С.Буткевичу от 1 июля 1906 г. // РГБ. Ф.599. К.2. Ед.хр.22.

⁹ Осоргин М. Времена. С.550.

¹⁰ ГА РФ. Ф.102. ОО. 1908. Т.1. 9.

¹¹ Про бабушку // Осоргин М. Мемуарная проза / Сост., вступ. ст. и примеч. О.Г.Ласунского. Пермь, 1992. С.217.

¹² Осоргин М. Времена. С.518.

¹³ ГА РФ. Ф.102. ОО. 1913. Т.2. 9. Ч.46. Л.Б.

¹⁴ Впервые — Последние новости. Париж, 1928. 15 апреля.

¹⁵ ГА РФ. Ф.102. 6Д. 1916. 2 отд. № 9965.

¹⁶ ГА РФ. Ф.102. 6Д. 1914. Ч.1. Л.А.

¹⁷ Осоргин М. Времена. С.570.

¹⁸ Из письма А.С.Буткевичу от 12 мая 1936 г. // Звенья. Вып.2. С.499.

¹⁹ Осоргин М. Времена. С.577.

²⁰ Из письма к А.С.Буткевичу от 7 августа 1936 г. // Звенья. Вып.2. С.515.

²¹ Осоргин М. Времена. С.509.

Идет ли у нас спор о том, что делать: начинать ли сначала, или — сызнова, или остаться при прежнем, гордо держа «Знамя труда»¹ над полысевшей головой. Не берусь решать этот спор, не хочу даже вступать в него. Если мне позволят маленькую исповедь — я пойду к вопросу с другой стороны и выскажу две-три мысли, которые не дают мне спать даже и после приема большой дозы снотворного партийной литературы. Мысли, конечно, еретические.

Не то чтобы я мечтал в партийной литературе почерпнуть бодрое слово, а все же хотелось думать, что не мимо и не даром прошли годы общественной сумятицы, которыми сменился революционный подъем. Ибо чудилось мне, что эту сумятицу нельзя выразить одним словом «реакция» в его общепринятом смысле.

В этом нестройном хоре проклятий вчерашним кумирам, приветствий грядущим богам, призывов к плотским страстям, насмешек над ригоризмом староверов, в этой дикой кадрили декаданса, черносотенства, духовного кадетства и мистического анархизма² чудится все же страдальческий голос борющегося, ищущего духа, и ищущего не безнадежно. Вчитываясь в продукты творчества русской литературы, вглядываясь в образцы нового искусства, вслушиваясь в речи новоявленных философов, богоборцев и богоискателей, и делая все это не в целях предвзятой критики, а с тайной надеждой найти ответ на вопросы, нашей программой не предусмотренные, и однако же — мучительные, — я проникся уважением к живучести человеческого духа, ищущего даже там, где не потерял.

Конечно, в смысле углубления — прогресс. И несколько не скрывая от себя ту массу нелепостей, гадостей, бесталанщины и вздора, через который пролагает себе путь современный искатель, — я все же не могу себе представить передовой интеллигентской группы, а тем более — группы революционной, которая бы прошла мимо всего этого, с упрямо поднятой головой, в белоснежных перчатках партийной догмы, оберегающих брезгливые пальцы от всей этой «современной грязи». И однако именно мы, «социалисты»-«революционеры», и оказываемся такой группой, по крайней мере поскольку «Знамя труда» является выразителем нашего партийного мирозерцания. Я это говорю не ради критики и не для полемики. «Знамя труда» — почтенное предприятие, над которым добросовестно трудятся почтенные люди. Но ведь могила же это, товарищи, окончательная могила.

Тщательно, добросовестно, номер за номером прочел я комплект центрального органа, прочел — и грустно поник головой. Представилось мне поле брани, усеянное трупами. Кое-где еще стонут раненые, которых некому подбирать, а посередине стоит поп и заупокойным голосом читает старое евангелие. И доносится до меня твердая фанатически-менторская фраза Н.М.:

— Переживаемый партией кризис есть кризис организационный³.

О! Я не отрицаю организационного кризиса, как не забываю и кризиса провокационного, на ликвидации которого специализировался т. Бурцев⁴. Но неужели вы, товарищ Н.М., не замечаете иного кризиса, глубоко внутреннего, который не излечивается правильной диспозицией войск, дисциплиной отдельных батальонов и подробным расписанием маневров? Того кризиса, который не есть привилегия нашей партии, не есть даже привилегия нашей русской молодежи, — но есть мировое явление нового времени и только с особой резкостью выражен в России, как стране молодой культуры? Того кризиса, который заставляет людей метаться от бога к дьяволу, от дьявола к нирване, — лишь бы миновать болото надвигающегося мещанства? Того кризиса, который гуляет по рядам и партийной и внепартийной молодежи и чистит эти ряды гораздо успешнее правительственной метлы. Я убежден в том, что этот кризис вам ведом, но вижу и то, что он вас мало смущает, раз вы до разрешения его, до намека на его разрешение, — пытаетесь окончательно решить кризис организационный, в котором вы видите единственное действительное страдание Партии.

Я понимаю, например, товарища Бурцева, который в № 4 своего «Общего дела» повествует о «величайшем счастье», выпавшем на его долю: за двадцать лет своей деятельности ему «ни разу и ни по одному существенному вопросу не пришлось переменить своего мнения». Ему «никогда не приходилось ни поклониться тому, с чем он боролся, ни бороться с тем, чему он поклонялся»⁵. Не могу не признать совершенно серьезно, что это, рассуждая объективно, — действительно счастье, хотя лично я, например, повесился бы в тот же момент, как обнаружил в себе такую стойкость. Застыть в великолепной неподвижности в те дни, когда человеческая мысль рвет плотины и пролагает новые пути, я считал бы величайшим несчастьем. Но т. Бурцев говорит за себя, как за себя говорю и я; партийный же орган есть голос всей Партии, и не хочется верить, чтобы в данном случае он правильно отражал моменты, переживаемые партийными работниками. А между тем

отражать их он должен. Если довериться ему, то можно подумать, что «на Шипке все спокойно», за исключением разве того, что тов. Борисов усомнился в целесообразности террора⁶ да т. Л.А-ва «перекупалась» в холодной воде конспирации⁷, но и то первого убедил т. В.Оленин⁸, а вторую откачал т. Н.М.⁹

Скажу яснее. По моему разумению, Партия, олицетворяемая своим органом, не вправе и не может проходить мимо вопросов, волнующих сейчас умы молодой России. Вопросы религии, этики, вопросы о роли отдельной личности, интеллигентской группы и нации, как и множество других вопросов, волнующих сейчас молодежь, не исключая ни области эстетики, ни области половой жизни, имеют гораздо большее значение, чем вопросы тактики, которым посвящен почти исключительно наш партийный орган. Действовать может лишь тот, кто уяснил себе жизнь и кому есть чем поделиться с меньшим братом, — или кто, подобно тов. Бурцеву, двадцать лет прожил без сомнений, но таковых в наших рядах очень мало.

Я знаю первое возражение: мне скажут, что для дебатирования этих вопросов есть легальная пресса. Это неверно, товарищи. В легальной прессе нашим голосам, желающим говорить свободно и независимо, нет места. Есть очень много вопросов, которые мы в легальной прессе дебатировать не можем; я укажу хотя бы на вопрос об этическом оправдании террора, который гораздо важнее вопроса об его тактическом обосновании, укажу еще на вопрос о революционной этике вообще, о личном евангелии революционера, который у нас заброшен чуть ли не со времен Народной Воли и который мучительно нужно выяснить именно сейчас. Но если бы легальная пресса и могла быть свободной ареной дебатов по «проклятым вопросам», то не нужно забывать, что мы не имеем ни одного партийного легального органа. А именно о разработке партийного мирозерцания я и говорю.

Но оставим в покое «Знамя труда» и вообще литературу, как типа центрального, так и типа оппозиции Его Величества. Никогда еще ни один орган не отражал ни одной партии. Будем говорить о самой Партии, то есть о нас самих.

Партия не должна вырождаться в касту, — а нам грозит эта опасность. Официально, например, Партия наша числится отрядом всемирного социалистического ополчения, — на деле же мы не имеем с мировым движением никакой внутренней связи. Но это еще победы. А вот если мы потеряем корни и в России, — это будет бедой серьезной и окончательной. Потерять же их мы можем. Ведь тот фонд, из которого мы черпали до сих пор свои силы, — есть интеллигентская молодежь, не определившаяся еще, ищущая путей масса юношей, обуреваемая вопросами, жаждущая руководящих намеков на решения. Чем же мы привлечем ее? Рассуждениями о наилучшей организации деятельности комитетов, которых у нас почти и нет, члены которых разделились между заграницей и каторгой? Тактикой террора, в этическом оправдании которого она усомнилась, хотя бы под влиянием реакции или последних провокационных драм?¹⁰ Чем же? Быть может, воспитанием в ней ненависти, в ней, еще не научившейся любить? Или, может быть, не в ней, не в молодежи лежит центр тяжести наших упований, а в массах народной? О, конечно! Но ведь ее мы пошлем в народ, ибо сам народ нас искать не станет, а если и станет — не найдет. Потому что мы, товарищи, сейчас действительно далеки от народа. Фактически: он в России, а мы в Париже.

Мы распылены, мы рассеяны, мы изверились. И есть лишь один путь для нашего возрождения: путь откровенности. Не скорбь о минувшем важна, не слезы о прошлом потребны, к будущему важно направить взоры. Вы думаете, мне, как и вам, не жаль наших старых верований, от возвышенной отвлеченной идеи до писанной программы? Думаете, не жаль того времени, когда для того или иного шага нужно было лишь справиться, что об этом полагает товарищ Гарденин¹¹ и что благословит товарищ Н.М.? От души жаль! Но делать нечего — жизнь ушла вперед. Не ушла — ускакала, умчалась на шнельцуге, упорхнула на биплане. А наша великолепная колымага стоит на месте в гордом величии деревянных колес с гербом «П<артия> С<оциалистов> Р<еволюционеров>» и с горбом насохшей на нем грязи азевовского происхождения. Почтенные менторы скажут на это: «не прикажете ли и нам увлечься автомобильным спортом?» Нет, почтенные менторы, не прикажу. Но позвольте дорогу, я на своих двоих приду туда, куда жизнь кличет. Говоря без метафор — нельзя, товарищи, уходить от жизни, погружаясь в отстаивание устаревших истин. Для возрождения Партии, для пополнения ее рядов новыми воинами нужно войти в жизнь молодой России, нужно понять запросы новых поколений русской молодежи, нужно отозваться на ее вопросы, и не предвзятым скептицизмом и беззубым про-

тестом — а пониманием. Мы стары — нам нужно помолодеть. Мы стары и безграмотны, прибавлю я. Мы застыли на вчерашнем, а вчерашнее умерло сегодня на рассвете.

У нас рассуждают так. Такой-то юноша, славный товарищ вчерашней борьбы, ушел в религию. Что это такое? Реакция! Вздор! Мистицизм! Такой-то усомнился в этической закономерности террора. Либерал! Трус! Третий усомнился во всем и ищет ответа в искусстве. Ясно — малодушный неврастеник и эстет! Четвертый говорит: жил для других — теперь хочу жить для себя. Ну, тут уж приговор: эгоист, ренегат и подлец!¹² Скажете — неправда? О, сознайтесь, положите руку на сердце! Ибо привыкли мы обо всем судить по графареткам и на все ярлыки наклеивать. Да ярлыки-то... старопечатного образца, тех времен, когда почтенный социалист считал своей главной добродетелью незнакомство с евангелием, отрицание искусства и прочих буржуазных утех. Но ведь так же невозможно, товарищи!

«Мистицизм», «эстет» — все это слова без внутреннего смысла. Надо понять, надо доискаться причины. Мучительную для человека дилемму: «себе или ближнему своему» не разрешают одним словом: болван. Религия... да, может быть, самыми верующими людьми и являются социалисты с их верой в победу добра и в земной рай. И не есть ли прошлое нашей Партии — величайшая поэзия, сложнейший и возвышенный роман революционно-го рыцарства! Откуда же в нас это идейное скопчество, это стремление отгородиться от веяний времени, от ветра, вихря, бури исканий современности, отгородиться стеной партийного ветхого завета?

С чем подойдем мы к молодежи? И неужели думаете вы, что она по нашему программному подрабнику и нашей организационной рясе не узнает в нас сектантов-беспоповцев, ибо попы наши умерли, а новых не народилось; довольствуемся причетниками из «Знамя Труда». Эх, не сердитесь за выражение, не со зла говорю это, а от чувства досады...

Резюмирую я свои мысли так. Важно сейчас не организационные вопросы решать и не думать глубокомысленно над тем, почему мы не победили, а нас побили, и какой системы револьвер покупать на будущее время. Важно понять время и откликнуться на его запросы, решая их по совести и разумению. Не думать, что нашли или что имели, — а искать, искать, искать. Ничего не презирая а priori, ничего не отрицая с налету, ничего не осуждая предвзято, — всюду искать ответа, радостно встречать каждую новую мысль, жадно впитывать каждую новую идею. Новую жатву да обмолотит разум и да просеет революционная совесть: отборное зерно пойдет на новые посевы. Вы спросите: а как же практическая деятельность? Отвечу вопросом: а как она обстоит сейчас? товарищ Ваня и товарищ Аня призывают рабочего Саню забастовать экономически? О большем что-то не слышать. Блажен, кто верует, — тепло ему на свете: пусть он и действует; я же, еретик, обращаюсь к еретикам с горячим призывом искать утраченную веру, будь то старая, обновленная или совсем новая. Кто не идет вперед, тот идет назад, хотя бы стоял на месте: таков единственно верный из старых парадоксов...

М.О.

КОММЕНТАРИИ

¹ Речь идет о газете «Знамя труда», центральном органе партии эсеров (выходила в 1907-1914 г. в Париже).

² Теория «мистического анархизма» была провозглашена в 1906 г. Г.И.Чулковым.

³ Криптонимом «Н.М.» подписывал свои статьи эсеровский публицист Николай Иванович Максимов. Осоргин приводит цитату из его «Очерков по организационному вопросу» (Знамя труда. 1909. № 16-19).

⁴ Бурцев Владимир Львович (1862-1942) — видный деятель русского революционного движения. После разгрома «народовольцев» формально не принадлежал ни к одной партии. Разоблачил многих провокаторов царской охраны — Е.Ф.Азефа, Р.В.Малиновского, А.М.Гартинга и др.

⁵ Осоргин цитирует передовую статью «От редакции», напечатанную в № 1 (а не 4) за 1909 г. журнала «Общее дело», издававшегося Бурцевым в Париже.

⁶ За подписью «Борисов» в «Знамени труда» (1909. № 19) было напечатано письмо в редакцию «Нужен ли еще террор?».

⁷ Имеется в виду статья «Что теперь нужно», опубликованная за подписью «Л.А.-ва» в газете «Известия областного заграничного комитета партии социалистов-революционеров» (1909. № 10).

⁸ Возможно, речь идет о Викторе Михайловиче Чернове (1873-1952), одном из основателей партии эсеров и ее теоретике. Известны его псевдонимы «Оленин» и «Борис Оленин». Ответ «В.Оленина» на письмо «Борисова» нами не разыскан.

⁹ Ответ на статью Л.А.-вой был дан в указанных в примеч. 3 «Очерках...» Н.И.Максимова.

¹⁰ Имеются в виду разоблачения провокаторов А.М.Гартинга и Е.Ф.Азефа.

¹¹ Псевдоним В.М. Чернова.

¹² Возможно, в первом случае имеется в виду письмо «Борисова», а в третьем — статья Л.А.-вой.

Публикация, вступительная статья и комментарии
Л.В.Поликовской.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ ПИСЬМА А.А.КИПЕНУ

Впервые публикуемые полностью письма Л. Андреева к А.А.Кипену относятся по времени к 1914-1916 гг. и характеризуют настроения и позицию Л. Андреева накануне и в начале Первой мировой войны. Адресат Л. Андреева — А.А.Кипен (1870-1938) — писатель и агроном по образованию, был крупным специалистом по виноградарству, автором многих научных трудов, не утративших своего значения и поныне. А.А.Кипен родился на юге Украины, в Мелитополе. Его отец, одно время служивший писарем у нотариуса, после сдачи экзамена на звание частного поверенного совмещал службу с занятиями частной адвокатурой. По воспоминаниям А.А.Кипена, он воспитывал детей «в духе тогдашнего либерализма и народолюбия». Мать происходила из купеческой среды. Его брат и сестра были профессиональными революционерами-землевольцами. После окончания реального училища А.А.Кипен, не попавший из-за установленной для евреев «процентной нормы» в Харьковский технологический институт, отбывал вольноопределяющимся воинскую повинность в Севастополе в артиллерийской батарее, а в 1890 г. уехал во Францию учиться в Высшую национальную школу агрикультуры в г. Монпелье. А.А.Кипен возвратился в Россию со званием *ingenieur agricole* и поступил на службу в Одесский филосерный комитет. В 1897-1898 гг. он руководил питомниками виноградных привитых лоз сначала в Кутаисской губернии, а затем (по 1903 г.) в Бессарабии. А.А.Кипен с 1895 г. регулярно печатал статьи и рецензии в одесском журнале «Вестник виноделия», где позже занимал должность секретаря редакции. Выступал с научными докладами на «занятиях» Всероссийских съездов виноградарей и виноделов в Москве и Одессе. За свои демократические убеждения А.А.Кипен подвергся травле со стороны кишиневских черносотенцев-монархистов и был выслан из Бессарабии, а в 1905 г. арестован в Одессе и препровожден на родину в Мелитополь. В 1907 г. А.А.Кипен переехал на жительство в Петербург. Читал лекции по виноградарству при Сельскохозяйственном музее, в 1909-1917 гг. вел курсы виноградарства на Высших Каменноостровских сельскохозяйственных курсах. Свой первый рассказ «На перекрестке» (опубликован в 1909 г.) А.А.Кипен написал в 1903 г. под впечатлением от черносотенного погрома в Кишиневе. Первым выступлением А.А.Кипена-беллетриста в печати стал его рассказ «Метеорологическая станция», опубликованный в № 10 «Русского богатства» в 1903 г. Широкое признание получил его рассказ «Бирючий остров» на злободневную в условиях Первой русской революции 1905 г. тему о войне рыбаков с хозяином завода и приказчиком.

Рассказ одобрил М. Горький и напечатал в Сборнике товарищества «Знание»¹. Еще больший резонанс имели очерки А.А.Кипена «В Октябре»² — свидетельство очевидца о баррикадных боях и еврейском погроме в Одессе. Очерки «В Октябре» были переведены на польский и немецкий языки. Как беллетрист А.А.Кипен занял, если и не первое, то весьма заметное и почетное место в русской литературе начала XX в. Отсутствие имени А.А.Кипена в таком авторитетном издании, как биографический словарь «Русские писатели. 1800-1917», вряд ли оправдано. В 1904-1919 гг. его рассказы, кроме «Русского богатства», печатались в журналах «Образование», «Современный мир», «Пробуждение», «Еврейский мир», «Бодрое слово», «Путь», «Вестник Европы», «Северные записки», «Новый путь», в 8-м сборнике Книгоиздательства писателей в Москве — «Слово», в газетах «Одесские новости», «Неделя «Современного слова» и др. изданиях. В 1916-1917 гг. в Книгоиздательстве писателей в Москве вышло первое Собрание рассказов А.А.Кипена в двух томах. Наиболее полным переизданием его художественных произведений стало Собрание сочинений в трех томах с вступительной статьей М. Поляковой (М., 1928-1931). В 1917 г., еще до Октябрьской революции, А.А.Кипен уехал из Петрограда на юг России. С февраля 1920 г. он — профессор Одесского сельскохозяйственного института. В 1922 г. А.А.Кипен возглавил Одесское художественное общество имени К. Костанди, провозгласившего своей задачей «выявление революционной действительности». В следующем году А.А.Кипен стал одним из учредителей в Одессе Филологического общества, назначением которого было объединение «наличных в г. Одессе научных сил, работающих в области гуманитарных дисциплин». Позже А.А.Кипен отошел от литературы, целиком отдавшись делу развития виноградарства в совхозах на юге Украины.

Первая встреча и личное знакомство А.А.Кипена и Леонида Андреева состоялось 16 августа 1907 г. в Куоккале, о чем А.А.Кипен оставил запись в памятной книжке:

Был у Андреева на даче. Его мать, старушка в длинной новой кофте, спрашивает, как сказать обо мне. Очень скоро она возвратилась и, уже лобезно улыбаясь, провела меня через полутемную столовую к лестнице. «Пожалуйте наверх». Наверху меня встретил Л.Н., очень лобезно улыбающийся. «Ваше имя и отчество?» — спросил он. Предложив чаю, познакомил с гостем своим, каким-то молодым человеком с бритым лицом, — к которому он был очень внимателен. Потом познакомил с своим братом. Л.Н. —

статный, здоровый, по виду не старше 26-27 лет. На нем шнурован-ные> штiblеты, брюки и русская рубашка из тонкого синего сукна, подпоясанная тонким ремешком с серебряным набором.

Разговор зашел об его участии в «Знании». Тогда предполагалось выпустить параллельные «сборники»: одни (старые) под редакцией Пятницкого и Горького, другие (новые) под ред-акцией» Андреева. Я знал уже об этом от Сем-ена» Павл-овича» Боголюбова, но для Андреева это была новость, о которой он узнал только в день моего посещения из письма поверенного от Горького или Пятницкого. Он очень взволнован, говорил об этом, называя всю затею нелепостью, и говорил, что от редактирования сборников откажется.

— Я соглашался редактировать старые сборники и не знал, что затеваются еще какие-то новые.

На мое замечание, что теперь фактическим редактором, очевидно, будет Пятницкий, он ответил:

— Ну, конечно, Горький не может редактировать, сидя за границей. К тому же он мало знаком с новыми течениями в литературе. Он говорит, что следит за всем, но, сидя за границей, это невозможно.

Спросил, работаю ли теперь над чем-нибудь новым. Сказал, что сам давно уже «бьет баклуши», но думает засесть за работу. Говорил он безостановочно. Сел (так! — В.Ч.) к столу, он заметил, что я смотрю на него в упор (обычная моя нелепая манера), нахмурился на минуту, потом улыбнулся и снова заходил по комнате. Ругал юг — Ялту и Капри. Оказывается, что он уроженец Орловской губернии, хвалит свои места. Когда я сказал, что он, стало быть, земляк Бунину, он сказал, что там родился Тургенев и Писемский. «А Бунин мне не нравится».

Он только что возвратился из Москвы, где вел переговоры с Нем-ировичем»-Данч-енко» о постановке «Жизни Человека». Переговорами он недоволен. «Они подгоняют пьесу к своей форме, а не создают форму к пьесе». Очень юмористически рассказал о полученной от Нем-ировича»-Данч-енко» телеграмме. Вместо «Ответ дан будет в категорическом духе», телеграфист передал «Отец дитя будет в католическом духе».

Ругал Дымова. «Развязный молодой человек!» Передал очень смешно содержание новой пьесы Дымова и сказал, что все теперь стали писать пьесы с прологами, что эта форма, таким обра-

зом, опошлена и что придется искать новую форму. На мой вопрос: неужели это вам помещает? — улыбнулся и промолчал.

Очень юмористически представил <нрзб.> своих встреч с жандармами. Говорил он все время без умолку. Когда я поднялся, не хотел отпустить. «Оставайтесь обедать». Я сослался на то, что меня ждет брат. Отпустил. Просил захватить к обеду в Петербурге, Каменноостровский пр., 13³.

Между А.А.Кипеном и Л.Андреевым установились теплые, дружеские отношения. А.А.Кипен навещал Л.Андреева в Ваммельсу, плавал с Л.Андреевым на его моторной яхте⁴.

По свидетельству А.А.Кипена, его последняя встреча с Л.Андреевым была в Петрограде в январе 1917 г. Дата эта, по-видимому, нуждается в уточнении. У А.А.Кипена сохранилась книга Л.Андреева «В сей грозный час» с такой надписью: «Александр Абрамовичу Кипену с сердечной приязнью, на добрую и долгую память. Леонид Андреев. 1917. Февраль. Помните «Далекого»»⁵.

А.А.Кипен был близко знаком и переписывался с другом и почитателем Л.Андреева А.С.Серафимовичем. Сближал Л.Андреева и А.А.Кипена их интерес к живописи (А.А.Кипен неплохо рисовал и в гимназические годы получил серебряную медаль на конкурсе ученических работ по рисованию, объявленном Петербургской Академией художеств). Тем более тяжел был для Л.Андреева фактический отказ А.А.Кипена от участия в «банковской» газете «Русская воля» (отказался и А.С.Серафимович), в организации которой Л.Андреев принял такое живое участие, а позже занял кресло редактора.

Письма Л.Андреева к А.А.Кипену печатаются по оригиналам, хранящимся в Отделе рукописей ИМЛИ (Ф.27. Оп.2. Ед.хр.15).

¹Сборник товарищества «Знание». СПб., 1905. Кн.7.

²Там же. СПб., 1906. Кн.11.

³ИМЛИ. Ф.27. Оп.1. Ед.хр.105.

⁴См.: Кипен А. Андреев: Воспоминания // Южное слово. Одесса, 1919. 5 ноября. № 53; 12 ноября. № 59. То же: Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева. М., 1930. С.177-194.

⁵ИМЛИ. Ф.27. Оп.3. Ед.хр.25.

1

[Рим. 17 февраля (2 марта) 1914 г.]

Дорогой Александр Абрамович.

Все было бы здесь чудесно, если бы не головная боль. Кажется, застудил я голову, а эта беда теперь долго будет отравлять существование; и прекрасные римские дни наполовину пропадают¹ — все люди, как люди, а я как х... на блюде. Так говорили у нас на Пушкарной про подобных мне римлян.

Подумайте только — отведите глаза от окна, в которое видны Териоки, и представьте, как тут у них хорошо. Вчера с Анной² обедали мы в ресторанчике Масси, сидели на терраске, откуда видно полмира: весенне зеленые, необыкновенные холмы Кампаньи с редкими рощицами пиний и дальше цепь Албанских гор; и светило такое горячее, по-нашему майское солнце, и так прозрачен и легок воздух, и такая нежнейшая синева неба, и такие беленькие продолговатые амурчатые, райские облачка — что сердце таяло во рту, как леденец. А прополз вдаль поезд с двумя паровозами — и дым из труб был совершенно синий, точно покрашенный; и все, как нарисованное, но какою умною, какою гениальною рукою. Видно вдаль на десятки верст; и дальние глиняные осыпи четки среди зелени, как

золотые, и каждый розовый или белый домик, одинокий в этой необыкновенно<й> подгородней пустыне, лепится воздушно и четко. А внизу, на чистом дворике, и на терраске, веселая, любезная, приветливая римская полущерьнь: было воскресенье, понаехали, пьют вино и веселятся. Играет что-то приятное пьянола; и вдруг завальсировали — по двору, как по паркету. Смотрю я на это с умилением: так хорошо, так радостно и мило, — и вдруг, — вы подумайте, что вспомнилось мне. Вспомнились наши карательные отряды, наши повешенные, наши расстрелянные. Перед этим в Берлине я прочел весьма интересную новую книгу о Николае Втором³, и вот, значит, воскресло в памяти все пережитое. И стало так мучительно на душе, почти до слез; мрачные мы люди и не можем быть другими.

Устроились мы в Риме недурно. Анна избегала город и добыла-та<ки> приличную виллу, где живем самостоятельно, как на моторе; хорошо будет и работать, если голова только позволит⁴. Русские пока не мешают, хотя и стремятся к тому, уже знают о приезде; вчера вечером отправился в кинемо и за дорогу успел заключить три знакомства. Сапка⁵ здоров и зело радуется меня, но слишком он умен, каналья, плохо ему будет жить. Подумайте: в Венеции⁶, улегшись спать, вдруг плачет горьчайшими слезами; я к нему — обнял меня за шею, прильнул и своим детским языком, плача, говорит «когда буду старый, то умру». — Ну, дальше. «Не хочу умирать». — Ты еще молодой, не плачь. «Бабушка стаенькая»... Никак не может успокоиться, и пришлось мне, как здешнему пастору, наврать ему с три короба о великолепнейшей загробной жизни. А причина была в том, что утром он видел похороны⁷. И все запоминает, подлец, если дал ему обещание, то уж исполняй.

Хотел написать вам, дорогой Александр Абрамович, длиннейшее письмо, но беда с новой машинкой: пока написал эти строки, Анна раз пять поправляла, а я вынужденно гулял, ругаясь. Прямо не знаю, что делать, рукой не могу писать.

Пока крепко целую, буду писать, как только справлюсь с этим дьяволом, машиной.

Ваш Л.А.

17 фев<аля> 1914 г.

Привет Вам, милый Александр Абрамович!

Спасибо за письма. Буду писать Вам, как только хоть немного приведу себя в порядок: с одной стороны, куча хозяйств<енных> и домаш<них> забот, с другой, такие сильные впечатления от Рима, что голова еще не справилась с ними. Всего Вам доброго!

Пишите.

А.А.

Адрес наш: 261, via Nomentana. Roma.

2

[Рим, 6 (19) марта 1914 г.]

Дорогой Александр Абрамович!

Очевидно, Рим предназначен к тому, чтобы в нем все разваливалось: приходят, напр<имер>, варвары, свежие люди — и разваливаются. Развалился и я. Точно меня дурманом опонили: в голове сонная одурь, сердце переколачивает, голова вдруг сыто затрещит. А то вдруг совсем здоров, словно отроду и не болел, и хвост крючком — и все это будто не я, а подмененный. Письмо написать так трудно, как неграмАтной деревенской старухе. И временами очень мрачное настроение. Несколько раз уже подумывал: не удрать ли куда, где попроще. На днях надо садиться за работу, а ни одной мысли, все позабыл, что и знал-то. А работать *необходимо* — и это меня также мучает.

Не сердитесь, что ограничу письмо этими невразумительными строками, — видите, какое дело. Вашим же письмам очень радуюсь и до чрезвычайности хотел бы: вдруг вы здесь, и мы идем по Кампанье шататься и разговаривать. Последнее я еще могу, хотя и это слабо. В столь же очумелом состоянии Анна, и только Савка радуется своим весельем, бодростью и интересом ко всему. Удивительно милый мальчуга.

Напишите, как показался Вам Шаляпин и очень ли Вам было приятно слушать и смотреть его¹. Что знаете о Горьком?² Из Москвы мне писали, что ни с кем не видался. Серафимыч, конечно, не прав, слишком резко — Вересаев плох только потому, что состоит из одних достоинств³. Очень радуюсь, что Вы посмотрите «Мысль»⁴. Странная вещь, но этого представления я боюсь — первый раз за весь мой театр. Боюсь и глупейшим образом делаю из этого какую-то решительную и крупную ставку.

Л.Н.Андреев. 1909-1910 гг. (ГЛИМ)

Но мамаше⁸ при встрече не говорите, я ей пишу веселейшие письма.

Крепко жму руку и целую, до свидания.

Ваш Л.А.

6 марта 1914

261, via Nomentana. Roma.

Милый Александр Абрамович!

Крепко жму Вашу руку. Знаете, нужны большое здоровье и огромный запас устойчивости, чтобы выдерживать всю ту черноту, которой так полон Л<еонид>. Конечно, мрачнее всего его нездоровье. Как исключение выпадает когда светлый денек, что он не жалуется на что-нибудь. К доктору не хочет. И я не знаю, что у него с сердцем: нервное или какой-либо появившийся физический недостаток. Вероятно и то, и другое. Как было бы чудесно, если бы он был здоров. Это было бы счастье, и редкое счастье.

В Риме и возле него бесконечный источник всего: жизни, вечности, красоты. Поедете вместе на «Далеком» — познакомимся еще лучше. И то сейчас Вам так пишу, как никому. Будьте здоровы.

Анна Андреева.

3

[Рим, 27 марта (9 апреля) 1914 г.]

Дорогой Александр Абрамович

— крепкое спасибо за Ваше дружеское и своевременное письмо: пока-то сообразишь, что весь этот «провал» означает, а в первую минуту все же несладко. С тех пор, как Вы писали, я прочел много рецензий о «Мысли», очень много, и вся картина спектакля мне ясна так, будто я сам там находился. И ничего печального. Ругаются почти все, ругаются злобно, преднамеренно порою, бьют по голове извека готовыми аршинными, как Игнатов из Русских Ведомостей¹, — но при всем старании, при всей даже ненависти порою никому не удалось нанести ни одного мало-мальски острого действительного удара. Хлопают рогожей, звучно и безвредно, а безмен у меня одного в руках.

И по всему видно, и никто этого скрыть не в силах, что спектакль был силы огромной, воздействия чрезвычайного, заразительности совсем редкой. Одни приписывают это игре Леонидова — но откуда же игра, ведь он не в лошадки играет, а мою авторскую волю выполнял; другие полагают, что вся причина импрессии в изображении сумасшедшего дома — будто и раньше не показывались на сцене сумасшедшие! Я еще сам помню, как Андреев-Бурлак², в халате сумасшедшего, при всей соответствующей обстановке читал-

играл гоголевского Поприщина. И помню, что никому тогда с ума сходить не хотелось. Конечно, Вы правы, что покажи я им *так* самоубийство и все, что угодно, они так же бы кричали о недопустимой тяжести представления. Трагизм куда-то девался — смешные и жалкие люди.

И сила спектакля — доказательство, что я и театр в данном случае идем правильным путем. Им все еще хочется баловаться искусством, оно для них даже не жена, от которой берешь и радость и горе, а проститутка, содержащая за большие деньги специально для утех. Избави Бог порядочного джентльмена от содержанки, которая вдруг вздумала бы полюбить его, ударились в серьезные переживания, стала плакать, страдать, волноваться, вдруг томиться ожиданием и сентиментально дарить ему цветы. Разве он *переживать* идет к ней? Нет, уйти от переживаний, отдохнуть на роскошных грудях искусства, нанюхаться всяких амбре — вот его послеобеденное полусонное стремление, вот зачем ему, подлецу наших дней и буржую, нужен театр. А за выражением его оскорбленного лица почтительно следит холоп наших дней — «журналист» и вопиет наутро: «что они сделали с нашим уважаемым, разве это театр, нельзя же допускать такие пытки: истинное искусство должно быть мягко, как перина, а нас всех, и меня, и его степенство, положили прямо на гвозди! Никакого трагизма, ибо истинный трагизм приятен, истинный трагизм веселит душу, очищает желудок, увеличивает аппетит, вообще слабит мягко и нежно. Дайте нам Мольера, а если уж так хочется трагедии, то дайте старух, хорошо пастеризованную временем трагедию — Шекспира, например. И трагично, и не больно»³.

Но обо всем этом будем говорить при встрече, дорогой Александр Абрамович. Сейчас я принялся за работу, и руки так надергиваются машинкой, что при всем желании расписаться боль в пальцах кладет предел. Ах, если бы можно было писать прямо языком — он у меня никогда не устает. Меня очень радует, что я Вас застаю: и уже готов состав первой экспедиции в шхеры: Вы, брат Андрей⁴, Николай⁵ и я. До Гельсингфорса — чудеснейшая неделя.

Работа идет пока неуверенно, приходится многое преодолевать в себе. Мешает нездоровье и ужаснейшее настроение, какого у меня давно уже не было. Рим для меня не родная мать — скорее, пышная мачеха.

Крепко жму Вашу руку, жду, что еще разок напишете. Потом, в мае, мы вместе пойдем на «Мысль», я их еще застаю. Анна *сердечно* кланяется.

Ваш Л.А.

27 Марта 1914 г.

4

[Ваммельсу, 21 августа (3 сентября) 1914 г.]

Дорогой Александр Абрамович!

Только сегодня, 21-го, получил Ваше письмо. У нас на письма военная цензура, и мало поездов, и еще что-то, так что сильно опаздывают. Ни о каком распоряжении, касающемся выселения евреев из Финляндии, не слышал и не читал. Думаю, что это враки, и во всяком разе Вам следует ехать в Куоккала, так или иначе дело это мы устроим. А сидеть в Мелитополе, когда вместо Петербурга стал Петроград¹ и когда дела столь важны и всех требуют к ответу, невозможно. Плывите на Мелитополь и жарьте сюда.

Мое дело швах. Уже три недели я нездоров, жестокая невралгия правой руки и плеча, непрерывная боль: ни работать, ни думать, ни жить. Скрючило и придавило. Хожу по кабинету, вытянув шею вперед, как собака Треф² на следу, и бормочу, а на машине выступает Анна. И кажется, нет никакой надежды на близкое выздоровление — так я дурак дураком и проморгаю войну. Одураченный от боли и бессонницы, целый день и вечер грызу газеты и из беллетристики читаю только про войну, и получается нечто совсем сумасбродное. Но сквозь боль и хмару все же росточками пробивается пречудесное настроение: ах, если бы не эта дурачки неуместная боль, какой бы веселый и радостный был я человек!³

И мне очень любопытно потолковать с Вами о войне, как Вы смотрите на это дело. Думаю, что мы сойдемся, а вот «колония на кратере», сиречь Мустамяки, сиречь Горькие, Бончи⁴, Иорданские⁵ и проч. и проч. — их там собралось множество — эти мне не нравятся. Не знаю, как сейчас, я давно никого не видел, но в начале войны они производили впечатление довольно жалкое: точно в игру играют, где да и нет не говорить, черного и белого не называть. И никто из них до сих пор не выступил публично, и это меня возмущает, ибо напоминает нейтральную Румынию: ах, как бы не проворонить, как бы не про-

гадать!⁶ Нет у них ни живой силы, ни порыва, ни того вдохновения Эрве⁷, которое заставляет антимилиариста взяться за ружье. Нет, не им вершить судьбы России и не их зовет Россия, когда настанет нужная минута.

Но даже и диктовать трудно, так все болит. Посему бросаю и жду Вас для личных объяснений. Относительно Далекого расскажу, а с Андрюшей нашим дело обстоит серьезно. Стояли они своим полком в Финляндии, но 15-го их погнали к Варшаве, поздравив с походом. Проездом через Райволу Андрюше удалось на один час урваться сюда, повидаться. Вчера получил от него письмо из-под Вильны, а где он теперь — одному Богу известно. Вероятно, в Галиции. Если вздумаете написать ему, то вот адрес: Действующая армия, 9-ый финляндский стрелковый полк, 7-ая рота, унт<ер>-офиц<еру> вольноопредел<яющемуся> А.Н.Андрееву. *И больше ничего*⁸. Думалось ли обо всем об этом, когда мы лазили по Гохланду или мирно попивали чаек на палубе.

Крепко целую, и под мою диктовку Анна Вас приветствует.

Ваш Л.А.

Всего доброго и до скорого свидания, милый Александр Абрамович!

А.А.

5

<Петроград,> 18 окт<ября> <1914 г.>

Милый мой Александр Абрамович,

напрасно Вы меня не разбудили, надо б повидаться перед дорог<ой>¹. Но я рад, что Вам удалось поехать, приобретете много важных и полезных впечатлений². Сейчас хлопочем, чтобы Серафимыча устроить корреспондентом от «Дня»³, ему самому хочется, будет лысиной своей освещать события, вот и пригодилась лысина, а Вы всегда смеялись. Мне лично будет Вас не хватать, ведь мы почти и не видались. Здоровье несколько лучше, отдыхаю, но становлюсь болен, когда поговорю с интеллигентными россиянами, такую несут околесную; прискорбно удивил меня Аркадий Георг<иевич>⁴, умный человек, а о войне думает, как Максим Мустамякский. Я же продолжаю пламенеть и все больше стоять за войну⁵. Сейчас смутно относительно Турции, что-то весьма непонятное⁶. От Андрюши есть письма, пока цел, счастлив, что получил теплое. Крепко целую и желаю здоровья, не тяжелых впечатлений>.

Ваш Л.А.

6

[Ваммельсу, 16 (29) января 1915 г.]

Милый друг!

Поверьте моей совести: легче верблюду написать письмо, нежели мне. Изнемог от работы и машины, света Божьего не вижу; а к тому же и нездоров весьма существенно. Пользуясь затишьем на войне и дома, с поспешностью отступающего австрийца написал, точнее соорудил, точнее воздвиг громаднейшую трагедию: «Самсон в оковах».

Что вышло, не знаю, Арабажин¹ и Эфрос² еще не высказались, но сам доволен (не самодоволен, это другое!). Работы было много ужасно, от исписанных листов в кабинете проходу нет; теперь навожу окончательную правку. Завтра еду в Петроград по делам, связанным с моей «Первой ступенью»³: как ее развитие, возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я во главе) с целью противодействия антисемитизму⁴; составляем книгу, проводим устав общества «для изучения еврейства», ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиумы с именитыми писателями и общ<ественными> деятелями, и проч. Дела много. Подробнее в письме не стоит, но любопытного много. С Максимиычем я выдаюсь, отношения приличные и по виду напоминают старые.

Времени так мало в этом году и так оно дорого, что сижу неделями без времени, хоть по миру иди. Даже на своей пиесе в Александринке еще не побывал ни разу, они обижаются — а что сделать?⁵ Некогда. Стараюсь реже сморкаться, руки заняты, а то Анна во время работы, пока я стучу, вытирает мне нос — что поделаешь! В загоне и остальные естественные отправления: при полной необходимости, ни разу за зиму не побывал в кинемо.

Писем совсем не пишу, последнее время даже Андрюшу оставил, кстати, у них в Пруссии затишье, и он пока благополучен: пишет бодро и хорошо. А с Вами — поговорить бы до

семи утра, вот это дело! При отсутствии событий мысль вертится вокруг идей и принципов, а это материал для обширного многоглаголания, никак не для письма.

И болен, болен! Загадочное вздутие желудка, от которого не могу дышать, и головные боли. Доктор уверяет, что другой на моем месте давно сдох бы, и спрашивает: почему я недохну? И я могу ответить только одно: некогда! Если принять в расчет, что для простой, но приличной смерти требуется с неделю, а для писательской (ведь надо ж бюллетени!) надобно недели полторы, а то и две — куда же мне, не могу, нет у меня свободных двух недель! Придется отложить до каникул.

Оставленные в доме здравствуют. Детишки веселы и приятны, Анна пособляет мне в работе. Снегу у нас гибель и красиво, приятно гулять — но когда? Дай Бог в окошечко поглядеть.

Жду Вас и Ваших рассказов — много Вы привезете? Когда думаете назад? Хорошо, что Вы поехали и вошли в суть: интеллигентское сидение в тылу, здесь, полно скверны; среди двух больших партий: идиотов и подлецов, как-то теряются остальные. Но все же намечаются и просветы, есть несомненные надежды на улучшение русской жизни.

Будьте здоровы, дорогой, и пишите, не обращая внимание на мое несчастное молчание. Целую и крепко жму руку.

Ваш Л. А.

16 января нового года.

7

[Ваммельсу, 3 (15) июня 1915 г.]

Милый друг, Александр Абрамович!

Сказка моей жизни заключается в том, что с 10-го апреля и по днесь я снова нянчусь с рукой. Пробыв бесполезно еще месяц в больнице, я дома обрел ту же несносную боль, даже усилившуюся; лечусь дома грязями и конца этому не видится. Писать, конечно, не мог, одной рукой много не настукаешь. Завтра пускаюсь в рискованный путь — рискованный, ибо с полдороги вернувшаяся боль может заставить бросить все и мчаться домой. Еду с Голоушевым (С.Глаголем)¹, большим моим другом, на казенном пароходике по Москвереке и Оке до Нижнего — куда дальше, еще не знаю. На юг теперь не попаду и стало быть к Вам — увы! — не смогу.

А жалко! Вы так вкусно описываете вид из окна, да и жары хочется, рука хочет. Здесь у нас все холода и частые дожди, для моего сада погода пречудесная, но для дачных удовольствий и невралгий неподходяще. Брат Павел² скулит и завтра устремляется к югу; возможно, что на денек он забредет к Вам. Доктора настойчиво шлют меня на евпаторийские грязи; если придется поехать, то, конечно, Мелитополя не миную.

Помимо руки у меня очень скверен желудок, сию на детской диете, молоко да манная каша, начал уже срыгивать и ношу слюнавку. И чаю мало дают, да и то жидкого — разве это жизнь? Скверно, друже. И настроение у меня преподлое, злое, кислое, мрачное, тупо молочное, эфиопское. Этот последний месяц в больнице, в Питере, преисполнил меня отвращением. Злили людишки, и больше всех злил дорогой Максим, заново отделяющийся свою популярность при посредстве М<арии> Ф<едоровны>³; да и вообще — дрянно живут, мелко и нечестно.

Очень скучно без моря, даже до глупости. А смотреть на него с берега — только раздражение. Как мы были счастливы на Гохланде! Брат Андрей теперь в полку, а что дальше и что, собственно, — не знаю. Последнее письмо от 23-го. Если захотите написать ему, то: 9 финляндский стрелковый полк, 7 рота, унтер-офицеру.

Писать трудно от руки, кончаю. При возможности буду писать. Это хорошо, что Вы сели за большую работу, конспект ее мне понравился и обещает большую вещь. Маленькие рассказы хороши, чтобы проконопачивать литературу, а основанием служат бревна — романы, без них и здания нет. Жарьте роман, мать его за ногу! Когда мне отрежут правую руку (и левую ногу: она тоже болит) и вынут желудок, я левой напишу роман.

«Самсон» пойдет в Х<удожествен>ном, но когда, неизвестно⁴. Так надоели переговоры о нем! А осенью я сочиню сенсационную драму, где героиня — укротительница зверей!⁵ Вы подумайте!

Крепко жму руку и целую. Не забывайте!

Ваш Леонид А.

3 июня 1915 г.

[Ваммельсу, 9 (21) августа 1916 г.]

А.А.Купен. 1913 г.
(ГЛМ)

Дорогой Александр Абрамович!

Чрезвычайно хочу видеть Вас и говорить — долго, хорошо, по-ночному, — а писать просто нет сил! От Анны Вы знаете мои дела¹; мотаюсь усиленно.

Конечно, мыслю о Вас как о сотруднике и союзнике моем решенном². Вы сами, приехав, увидите, каково дело, и что все разговоры о банковском засилье — пуф. А важно то, что мы можем поставить дело, как хотим. Сколько лет живу я на свете (сегодня исполнилось ровно 45!), а впервые получаю возможность реально провести свои взгляды на литер<атуру> и театр, наложить на них свою руку.

Огорчений много, но много и особенной радости. Опять-таки впервые берусь за работу не один, не ночью, не наедине с своими мыслями — а купно с народом. Это волнует меня по-новому и радует. Крепко жму Вашу руку. Не сердитесь на меня, дорогой, за молчание: я никому из *своих* не пишу, пишу только чужим.

Жду Вашего приезда. Конечно, вопрос с жильем уладится; с знаю, что в Райволе можно жить.

А голова ← болит!

Ваш Л.А.

9 августа 1916 г.

9

[Петроград, 23 октября 1916 г.]

Дорогой Александр Абрамович!

Совершенно приемлю Вашу позицию относительно новой газеты и некоторую осторожность Вашу считаю естественной и, на расстоянии, должной. Только будьте уверены, дружище, что иду я с открытыми глазами и — пока — имею твердую уверенность в хорошем будущем газеты, в ее необходимости для общего нашего дела. Как министр, Протопопов¹ очень плох, что и будет выражено нами, если до тех пор он не вылетит; но его прошлое — внимательно прочтите все газеты о его назначении — свидетельствует о его большой честности и последовательном либерализме.

Что такое российский либерализм? Слова: в начале бе Слово, и в конце бе Слово. Но приятно, что хоть в словах и пожеланиях П<ротопопов> был слева. Возьмите его *пожелания* в рабочем вопросе; свобода стачек, профессион<альных> союзов, страхование рабочих и т.д. — ведь совсем приличная программа. И поскольку газета могла быть «протопоповской» (при наличии сильной, радикальной и вполне *самостоятельной* редакции), постольку это не ни плохо, ни опасно; Протопопов же министр — человек нам чужой и враждебный. Это все ясно².

А писать мне — умора, так я занят! Надо бы говорить, вот что — говорить! Кстати, у Вас ошибка: не Муре-е-тов³, националист, а Мура-а-тов⁴, художник, [будет] заведывать искусством. И просто повидать Вас хочется, ни для чего, а так... и неужели Вы будете жить в Одессе? О, Боже! Не говоря о том, как это дурно повлияет на Ваш характер (вспомните Юшкевича!⁵) — расстояние-то уж очень велико.

Не знаю, не рассердитесь ли Вы на меня, но хочу от себя похлопотать, чтобы дали Вам в Питере право жительства. Буду просить за Айзмана⁶ (по его желанию) и позволю себе пристегнуть Вас. Можно? В этом отношении Протопопов человек очень милый, и [это] уже кое-что для людей; еврейское равноправие — насколько мне известно — входило и в его программу, если только министерство не переставило всю его голову задом наперед.

Работаю — хвораю — борюсь — восторгаюсь умением Максимов и Мережковских⁷ делать бум и рекламу своей честности и таланту — минутами тихо скулю о потерянной правде — жду событий — гляжу на события.

Дети в деревне, я в городе, квартира, звонки. Место хорошее: Мойка, 1, кв. 12.

Только что вернулся из Москвы, где воевал с Х<удожествен>ным театром и победил его. Для Вас это интересно: «Собачий вальс» (в усовершенствованном виде) пойдет в Х<удожествен>ном. Хорошая вышла пьеса!

В списке сотрудников ставить Вас я не буду, доколе сами не захотите, а вещицу — хорошую! — все ж давайте. И пока — крепко и дружески жму руку и настойчиво повторяю, что весьма и весьма ощущаю Ваше отсутствие и инобытие.

Конечно, кланяется Анна... да что в этих поклонах! Видеться надо, вот что.

Крепко жму руку.

Ваш Л.А.

23 Октября 16 г.

А.Д.Протопопову уже написано!⁸

10

[Петроград, 16 ноября 1916 г.]

Милый мой Александр Абрамович!

Как видите из копии сего¹, я просил министра и он дал разрешение Айзману, а относительно Вас — Вы видите. Если хотите воспользоваться случаем, пошлите немедленно прошение в Департамент и приложите к нему копию отношения: я думаю, Вам без всяких околичностей и без разговора с Протопоповым разрешат пребывание, как и Айзману. А шесть месяцев — это целая зима в Питере, а ведь потом — еще неизвестно, как будет.

Действуйте! Очень хочется видеться и вид-а-ться с Вами — писать трудно, некогда, пальцы болят. Последнее время я хвораю — что-то сожрал такое, от чего живот стал, как у беременной, и под сердцем томление, изжога, боли, коли, оли. Диета! Кисло! Скучно!

Голубчик мой, как мне хоцца солнца, солнца, солнца! Здешний ноябрь — адский месяц, темный, мокрый и бесцветный, выше нуля, а все время трясет от тайного озноба. Про пальмы, тропики и людоедов читать не могу, слони бегут.

Буду ждать от Вас вестей. С газетой — в том же положении. Со дня на день ждем Амфи-театрова², выходить думаем первого³. «Речь»⁴ продолжает преподло инсинуировать, лжет сознательно.

Крепко жму Вашу руку и жду.

Ваш Л.А.

16 Ноября 16 г.
Мойка, 1, кв. 12

КОММЕНТАРИИ

1

¹ Л.Андреев с женой и сыном Саввой выехали в Италию поездом из Петербурга 27 января 1914 г., см. запись в дневнике брата Л.Андреева Андрея Николаевича Андреева от 27 января 1914 г. (дневник хранится в личном архиве А.С.Вагина, С.-Петербург). На вокзале Л.Андреева провожали писатель и театральный деятель Ф.Н.Фальковский и С.Ю.Копельман, один из основателей и главный редактор петербургского издательства «Шиповник», а также родственники. Перед отъездом Л.Андреев дал интервью репортеру газеты «Петербургский курьер» С.Фриду. «Моя поездка в Рим, — сказал Л.Андреев, — является результатом тоски по большой культуре. Я так давно оторван от жизни большого города и так изменился в Финляндии, что часто поэтически мечтаю о красивой грезе — очутиться среди великолепных музеев, картинных галерей, знать и ощущать, что попадаешь в театры и не будешь «облобован» любопытными взглядами толпы» (Петербургский курьер. 1914. 12 января. № 2).

² Андреева (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая) Анна (Матильда) Ильинична (1883-1948) — вторая жена Л.Андреева. Их венчание состоялось 20 апреля 1908 г. в Крыму (см.: Крымский вестник. 1908. 30 апреля. № 97).

³ Речь идет о книге: Николай II: Разоблачения. С тайными документами и речами царя. Изд. 4-е. Берлин, 1914. Автор книги скрылся под псевдонимом «Современник».

⁴ В Риме Л.Андреев приступил к написанию трагедии «Самсон в оковах». Своими творческими планами он перед отъездом поделился с сотрудником «Московской газеты»: «Андреев рассказывает, что им задуман целый ряд больших работ, между которыми главное место занимает трагедия. Трагедия задумана им не формальная, а психологическая. В связи с целым рядом статей Андреева о новом и старом театре он задумал пьесу, построенную на больших психологических вопросах...» (см.: Московская газета. 1914. 13 января. № 295). «Работа над «Самсоном в оковах» оказалась большой и трудной. «Самсона» я начал, написал одну картину — и отложил до осени или до зимы. Причина — в несоответствии моего настроения теперешнего с укладом и душой всей этой вещи», — написал Л.Андреев из Рима 1 апреля 1914 г. Вл. И.Немировичу-Данченко (см.: Письма Л.Н.Андреева к Вл. И.Немировичу-Данченко и К.С.Станиславскому / Публ. и коммент. Н.Р.Балатовой и В.И.Беззубова // Ученые записки Тарту. гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 266. С. 247). Только 17 января 1915 г. он известил Вл.И.Немировича-Данченко о завершении пьесы (там же. С. 259). Л.Андреев мечтал увидеть свою трагедию на сцене Московского Художественного театра. Переговоры об этом с Вл.И.Немировичем-Данченко побудили его продолжить работу над пьесой. 7 декабря 1915 г. Л.Андреев сообщил брату Андрею Николаевичу: «Работаю я столь много, что из глаз идет дым: третий раз переделываю «Самсона»» (см.: Андреев Л. Письма / Предисл. К.Чуковского // Русский современник. 1924. Кн. 4.

С.145). Несмотря на все усилия Л.Андреева постановка «Самсона в оковах» на сцене Московского Художественного театра так и не состоялась. Впервые эта пьеса была напечатана уже после смерти автора в альманахе «Эпоха» (М., [1923. Кн.2]).

⁵ Шутливое семейное прозвище маленького Саввы (1909-1970) — третьего сына Л.Андреева. Впоследствии окончил во Франции балетное училище, был артистом балетной труппы театра «Колон» в Буэнос-Айресе.

⁶ Л.Андреев приехал в Венецию 1 февраля 1914 г. и пробыл там до 10 февраля.

⁷ Ср. в письме А.С.Серафимовичу от 7 февраля 1914 г.: «Любопытно следить за Савкой, как влияют в него новые впечатления. Сегодня он в красной маске и с свистулькой принимал участие в уличной маскарade и был доволен — подлец — когда вокруг него, как вообще вокруг ряженных, собиралась толпа <...>, а вчера, когда надо было ему спать, вдруг не спит, плачет, зовет. <...> Сколько еще предстоит узнать ему печального! А причиной, кстати, оказалось то, что днем он видел похороны, ставили гроб в гондолу» (Письма Леонида Андреева к А.С.Серафимовичу / Примеч. Н.Н.Фатова // Московский альманах. М.; Л., 1926. Кн.1. С.308).

2

¹ В начале января 1914 г. Л.Андреев писал А.С.Серафимовичу из Ваммельсу: «В СПб. много слушал и много видался с Шалапиным — что-то не то. Но тема большая, не для письма» (Московский альманах. С.306). В письме А.А.Кипену Л.Андреев, вероятно, имеет в виду гастрольные выступления Ф.И.Шалапина в петербургском Народном доме. Весь сбор от первого спектакля 24 февраля 1914 г. (в этот день шла опера А.С.Даргомыжского «Русалка») Ф.И.Шалапин передал в кассу Императорского Русского театрального общества для престарелых артистов (см.: Речь. 1914. 26 февраля. № 55).

² М.Горький вернулся в Россию с острова Капри 30 декабря 1913 г. Оберон (Д.С.Соколов) в газете «Театр», упомянув об отъезде в Италию Л.Андреева, констатировал: «Каждый тоскует о том, что уже надоело, осточертело другому» (Театр. 1914. 14 января. № 1432. С.9-10). В начале января Л.Андреев направил М.Горькому письмо, в котором предлагал тому поселиться в доме в Ваммельсу: «Дом велик и поместит всех, кто с тобою, удобен для жизни и работы, главный для работы. <...> Можно будет устроить и так, что и на лето дом останется в твоём распоряжении; я сам лето буду в шхерах» (Переписка Горького и Андреева / Комментар. В.Н.Чувакова // Литературное наследство. М., 1965. Т.72. С.352). Однако М.Горький не принял предложения Л.Андреева и, скрываясь от любопытных репортеров, остановился на даче родных М.Ф.Андреевой в финской деревне Кирьявала, неподалеку от Мустаяк. Мотивировка отказа М.Горького нам не известна, но она оскорбила Л.Андреева. В печати промелькнуло сообщение, что М.Горький не ответил на предложение Л.Андреева воспользоваться его домом (Театр и жизнь. 1914. 13 января. № 244). 26 января 1914 г. Л.Андреев посетил в Петербурге директора-распорядителя издательства «Знание» К.П.Пятницкого. Разговор, в частности, шел о взаимоотношениях М.Горького с издателем И.Д.Сытинным. После ухода Л.Андреева, К.П.Пятницкий сделал пометку в личном дневнике: «Андр<еев> написал Г<орьком> у письмо, где назвал его "хамом". Есть копия» (Архив А.М.Горького. ФКП. Д-Пят. 5-1-21. Л.15 об.-16). Было ли это письмо отправлено и сохранилась ли его копия — сведений нет. 27 января 1914 г. Л.Андреев пишет А.Н.Ти-

хонову, которого просит не передавать М.Горькому вторичного предложения поселиться у него в Ваммельсу (Архив А.М.Горького. ПТЛ 4-6-1). В Берлине, в интервью корреспонденту газеты «Берлинер Тагблат» Л.Андреев впервые для печати заявил о прекращении его дружбы с М.Горьким (Berliner Tageblatt. 13.2.1914. № 80).

Это заявление не осталось незамеченным русскими газетами (см.: Биржевые ведомости. 1914. 5 февраля. № 13989; Утро России. 1914. 7 февраля. № 31; Театр. 1914. 8 февраля. № 1453. С.9-10). Л.Андреев и М.Горький встретились лишь в конце мая — начале июня 1914 г. Они много спорили о России, судьбах русского народа, русской культуре. Переписка их возобновилась в конце 1914 года и в основном касалась их совместной деятельности в «Русском обществе для изучения жизни евреев». Однако отчужденности по отношению друг к другу они преодолеть уже не смогли. Первым выступлением Л.Андреева-публициста против М.Горького была его статья «О "двух душах" М.Горького» (Современный мир. 1916. № 1). За ней последовала статья «Неосторожные мысли: О М.Горьком», подписанная: И.Чегодаев (Русская воля. 1916. 24 декабря. № 10. С.7). См. также статью Л.Андреева «"Летопись" и мемуары Шалапина» (Русская воля. 1917. 16 января. № 15). Замаскированной полемикой с М.Горьким была и рецензия Л.Андреева на книгу И.Шмелева «Суровые дни» (М., 1916); см.: Русская воля. 1917. 9 января. № 8. Подпись: Л.А.

³ Речь идет о конфликте между А.С.Серафимовичем и В.В.Вересаевым, редактировавшим сборник «Слово», выпускавшийся с 1913 г. «Книгоиздательством писателей в Москве». А.С.Серафимович в письме А.А.Кипену от 9 февраля 1914 г. писал: «С Вересаевым столкновение вышло. Не взял он моего рассказа в сборник — его право, но написал мне при этом совершенно менторское по моему адресу письмо, что-де я — истязатель русского языка. Я не подал ему руки, он в третейский суд. Будет суд» (ИМЛИ. Ф.27. Оп.2. Ед.хр.67. Л.2). Конфликт скоро был улажен, и в письме А.А.Кипену от 29 марта 1914 г. А.С.Серафимович известил: «... я сделал по-твоему: написал Вересаеву, что он был неправ, характеризую меня как писателя, а я был нелепо неправ, дубина, не подав ему по этому поводу руки. Помирились» (Серафимович А.С. Собр. соч. В 7 т. М., 1960. Т.7. С.484-485).

⁴ Пьеса Л.Андреева «Мысль», названная автором «Современной трагедией», была написана в октябре — ноябре 1913 г. Для этой пьесы, бывшей для него во многом экспериментальной и открывавшей, как это ему представлялось, новые пути для театра XX века, Л.Андреев использовал сюжет старого одноименного рассказа (1902). «Мысль» была попыткой реализовать на практике формулируемые Л.Андреевым в двух «Письмах о театре» принципы театра «панпсих». Премьера «Мысли» в Московском Художественном театре состоялась 17 марта 1914 г. Рецензенты выделяли впечатляющую игру Л.М.Леонидова в роли главного персонажа пьесы — доктора Керженцева, но о самой пьесе и о ее постановке дали резко отрицательные отзывы. В Петербурге пьеса была показана во время гастролей МХТ (первый спектакль 10 апреля 1914 г.), но и там не имела особого успеха. Л.Андреев увидел свою пьесу по возвращении из Рима 5 мая 1914 г. на гастрольном спектакле. В 1916 г. по пьесе и одноименному рассказу актер и режиссер В.Р.Гардин снял художественный фильм.

⁵ Над пьесой «Собачий вальс» Л.Андреев работал с 1913 по 1916 г. Ни одна пьеса не давалась ему с таким трудом. В «Собачьем вальсе» почти нет внешнего

действия. Драма переживающего не совершенное убийство из мести центрального персонажа пьесы банковского чиновника Генриха Тиле служит для иллюстрации глубоких внутренних движений, «жизни души» и подсознательного, воплощенных в реальных действующих лицах. Сам Л. Андреев считал «Собачий вальс» самым «личным», сокровенным своим произведением и откладывал его печатание. Намечающиеся постановки «Собачьего вальса» в Московском Художественном театре и в Александринском театре в Петербурге (режиссер Н.В.Петров) не состоялись. Пьеса была опубликована после смерти Л. Андреева в журнале «Современные записки» (Париж, 1922. № 10).

⁶ Осенью 1911 г. по собственным чертежам Л. Андреев заказывает моторно-парусную яхту, которой дает название «Далекий». На этой яхте он совершает плавания по Финскому заливу и в шхеры (см.: Шхеры // Андреев Л. Рассказы; Сатирические пьесы; Фельетоны / Сост. и коммент. В.Н.Чувакова. М., 1988). В своих воспоминаниях о Л. Андрееве А.А.Кипен рассказывает о плавании на «Далеком» (см.: Реквием: Сб. памяти Л. Андреева. М., 1930. С.179-182).

⁷ Л. Андреев был одним из пионеров цветной фотографии на стекле. Выполненные им фотопортреты (И.Е.Репина, И.А.Блоусова, И.И.Ясинского, К.И.Чуковский, родных) и пейзажные съемки (Финляндия, Италия) привлекают большим мастерством исполнения. Часть фотографических работ Л. Андреева опубликована Ричардом Дэвисом, см.: Photographs by a Russian Writer Leonid Andreyev: An undiscovered portrait of Pre-Revolutionary Russia / Ed. and Introd. by R.Davies; Foreword by O.Andreyev-Carlisle. London: Thames and Hudson Ltd, 1989).

⁸ Андреева (урожд. Пацковская) Анастасия Николаевна (1851-1920). Матери Л. Андреев посвятил свою пьесу «К звездам» (1905) и под именем Мацневой вывел ее в автобиографической повести в диалогах «Младость» (1916).

3

¹ *Игнатов* Илья Николаевич (1853-1921) — литературный и театральный критик газеты «Русские ведомости». Л. Андреев имеет в виду его рецензию на представление «Мысли» в Московском Художественном театре. ««Мысль» — пишет И.Н.Игнатов, — повторение истории Раскольникова. <...> Всякая копия несовершенна, многие копии дурны. Керженцев — дурная копия Раскольникова. Дурная потому, что характер общечеловеческих мучений, переживаемых Раскольниковым, здесь совершенно утрачен. <...> Керженцев целиком переносит в область душевного нездоровья, в области патологии, и это особенно хорошо осветила игра г. Леонидова» (Русские ведомости. 1914. 16 марта. № 63. С.3). О реакции критики на премьеру «Мысли» в Московском Художественном театре Л. Андреев узнал из присланных ему в Рим газетных вырезок (среди приславших был и Вс. Э. Мейерхольд). Л. Андреев отказывался неуспех постановки признать провалом: «Вызывали автора и пришел в восторг Игнатов — значит, достигнуто; нет — стало быть провал и дело кончено. Во втором случае, поскольку ново то, что делается, — совершенно меняются и мерки: уже одного Игнатова с компанией и аплодисментов недостаточно», — раздраженно писал Л. Андреев Вл.И.Немировичу-Данченко 26 марта 1914 г. (Ученые записки Тарт. гос. ун-та. Вып. 266. С.245). «Постановкой и судьбой «Мысли» я очень доволен: я оказался прав в моих мыслях о театре и в опыте новой драмы», — твердил он в письме К.И.Чуковскому от 1 апреля 1914 г. (Письма Л.Н.Андреева К.И.Чуковскому / Публ. А.П.Черникова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып.46. С.240).

² *Андреев-Бурлак* Василий Николаевич (1843-1888) — известный провинциальный актер. С организованным им и М.И.Писаревым Товариществом актеров в 1880-х гг. совершал гастрольные поездки по России. Особым успехом у публики пользовался его театрализованный монолог «Записки сумасшедшего» по повести Н.В.Гоголя. В.Н.Андреев-Бурлак в роли Попрщина — это сохранившиеся в памяти Л. Андреева его детские впечатления. «Очарованием театра я был захвачен с детских лет», — признался Л. Андреев в письме А.Р.Кугелю в 1916 г. (Кугель А.Р. (Homo Novus) // Русские драматурги: Очерки театрального критика. М., 1934. С.178).

³ В данном случае Л. Андреев имеет в виду включение в репертуар Московского Художественного театра комедий Ж.Б.Мольера «Брак поневоле» и «Мнимый больной» (преьера в один день 27 марта 1913 г., постановка А.Н.Бенуа) и трагедии В.Шекспира «Гамлет» (постановка Г.Крега совместно с К.С.Станиславским и Л.А.Сулержицким; премьеры — 23 декабря 1912 г.)

⁴ Андреев *Андрей* Николаевич (1885-1920) — младший брат Л. Андреева, журналист, репортер московской газеты «Утро России». Напечатал несколько рассказов, написанных под сильным влиянием Л. Андреева. В Первую мировую войну, осенью 1914 г., был призван в действующую армию (см. письмо 4). Л. Андреев с большим интересом относился к письмам брата с фронта как свидетельствам очевидца с театра военных действий. Эти письма Л. Андреев печатал в газетах и в редактировавшемся им журнале «Отечество» (1914. № 3, 5; 1915, № 1, 4; под заглавиями «С войны: Письма участников», «Дневник в письмах», «Письма с фронта» и «Из писем офицера»). Письма Л. Андреева к Андрею Николаевичу Андрееву частично опубликованы К.И.Чуковским в журнале «Русский современник» (1924. № 4) и Н.А.Любович (Залп. 1933. № 1). Андрею Андрееву принадлежат воспоминания о Л. Андрееве (Красная новь. 1926. № 9).

⁵ *Иванов Николай* — эсер. Уроженец Чудломского уезда Костромской губернии. Не позднее лета 1908 г. жил у Л. Андреева в Ваммельсу, выполнял столярные работы. Был назначен Л. Андреевым механиком и «матросом» на яхту «Далекий».

4

Датируется по содержанию. К этому письму ошибочно подложен конверт другого, предшествующего и нам не известного письма Л. Андреева. Почтовые штампы от 21 и 29 июля 1914 г. На конверте рукой Л. Андреева написан адрес: «Заказное, г. Мелитополь Таврической губернии, дача Я.Б.Зевина. Александру Абрамовичу Кипену». По этому адресу Л. Андреев, по-видимому, отправил и настоящее письмо.

¹ В связи с началом войны между Германией и Россией Санкт-Петербург 18 августа 1914 г. был переименован в Петроград.

² Кличка знаменитой собаки-ищейки московской полиции. Об этой собаке часто писали московские газеты в отделе уголовной хроники. См. также рассказ В.Гиляровского «Доморощенный Треф» (Гиляровский В. Сочинения. В 4 т. М., 1967. Т.2. С.287-293).

³ Эта автохарактеристика связана с отношением Л. Андреева к войне. Обильная военная публицистика писателя печаталась в газетах «День», «Биржевые ведомости», «Утро России», журнале «Отечество», «Книге короля Альберта» (М., 1915), литературно-художественных альманахах «В тылу» (Пг., 1915), «В эти дни» (М., 1915) и др. изданиях. Часть военной публицистики Л. Андреева вошла в книгу его статей «В сей грозный час» (Пг., 1915). С самого начала Первой

мировой войны Л.Андреев, приняв войну, противопоставил свою позицию пораженьству М.Горького. Он записывает в дневнике: «Это только пишется "война", а называется революцией. В своем логическом развитии эта "война" приведет нас к свержению Романовых и закончится не обычным путем всех ранее бывших войн, а европейской революцией» (цит. по: Андреев Л. Путь красных знамен // Русская воля. 1917. 8 марта. № 4). В письме И.С.Шмелеву от 29 сентября 1914 г. Л.Андреев заявляет: «Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен сверх всякой меры. Это борьба демократии всего мира с цезаризмом и деспотией, представителем каковой является Германия» (Из писем, автобиографий и интервью Андреева / Публ. А.И.Наумовой // Литературное наследство. Т.72. С.547).

⁴ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873-1955) — сотрудник и организатор большевистских газет и издательств.

⁵ Иорданский Николай Иванович (1876-1928) — участник революционного движения, меньшевик. В 1909-1911 и 1913-1918 гг. редактор журнала «Современный мир», в котором печатался Л.Андреев. Враждебное отношение Н.И.Иорданского к «Русской воле» и ее направлению повлекло за собой уход Л.Андреева из «Современного мира» (см.: Андреев Л. К моему отказу от сотрудничества в «Современном мире» // Русская воля. 1917. 12 февраля. № 42).

⁶ Румыния вступила в войну на стороне Антанты (Россия, Англия, Франция) только 27 августа 1916 г.

⁷ Эрез Гюстав (1871-1944) — один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. Публицист и адвокат.

⁸ Вписано рукой А.И.Андреевой.

5

¹ С 27 сентября 1914 г. Л.Андреев лечился в петроградской клинике доктора И.Л.Герзони (Рождественская, 5). «Уже три недели, как я в лечебнице, — писал он в октябре 1914 г. Л.С.Раменской, — жестокая невралгия правой руки и невроз сердца, и разные другие невро. И писать мне очень трудно, что хватает силы, все трачу на работу» (Девять писем Леонида Николаевича Андреева к Лидии Семеновне Раменской / Публ. Л.А.Иезуитовой // Русская литература. 1992. № 3. С.153). В клинике Л.Андреев продолжал писать статьи, принимал посетителей. В клинике И.Л.Герзони он пробыл до 20 ноября 1914 г.

² А.А.Кипен отправился на фронт в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» (см.: Кипен А.А. На Северо-западном фронте: Письмо первое // Русские ведомости. 1914. 31 октября. № 251).

³ «День» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1912-1917 гг. 29 октября 1914 г. А.С.Серафимович известил брата, В.С.Попова: «Виня, в "Дне", видимо, лопнуло — ничего не пишут. Жалко, очень бы хотелось поехать. Может быть, послали бы меня на Кавказ» (Серафимович А.С. Указ. соч. Т.7. С.139). На фронт А.С.Серафимович смог выехать только в 1915 г. в качестве санитара врачебно-продовольственного отряда Пироговского общества врачей для оказания помощи пострадавшему от войны населению. В июне, до 14-го, А.С.Серафимович возвратился в Москву. С 17 мая по 10 июля в «Русских ведомостях» публиковались его очерки об увиденном на войне — «Впечатления», включавшиеся позже в Собрания сочинений А.С.Серафимовича под заглавием «В Галиции».

⁴ Речь идет о Аркадии Георгиевиче Горнфельде (1867-1941) — критике, одном из редакторов журнала «Русское богатство».

⁵ 8 ноября 1914 г. на сцене Марининского театра состоялось представление в пользу населения Бельгии, пострадавшего от вторжения германских войск. Для торжественного спектакля Л.Андреевым был написан драматический монолог «Бельгия», прочитанный актрисой Е.Н.Рошиной-Инсаровой (опубликован: Биржевые ведомости. 1915. 11 марта. № 14720. Утр. вып.) Несомненный интерес представляют два письма Л.Андреева к директору Императорских театров В.А.Теляковскому (РГИА. Ф.497. Оп.10. Ед.хр.1255. Л.102-103):

«Многоуважаемый
Владимир Аркадьевич.

Не знаю, насколько окажутся соответствующими Вашему плану прилагаемые строки.

Я писал так, чтобы Рошина могла играть. Здесь широкое поле для артистки с гибким голосом и драматическим нутром. Вероятно, потребуются попуные, чисто сценические эффекты и превращения. Хорошо бы музыку, которая к концу перешла бы в гимн. Но можно и так.

Во всяком случае, буду очень рад, если написанное пригодится.

Искренне уважающий Вас Леонид Андреев.

«Многоуважаемый
Владимир Аркадьевич.

Один провинциальный композитор написал музыку на слова Беранже «Франция, прости». Сам я мало понимаю в этом деле, но люди знающие уверили меня, что вещь написана талантливо, и я решил представить ее Вашему вниманию: может быть она пригодится для вечера 8 ноября. Хотя речь идет о Франции, но на бельгийском вечере все равно без Франции совсем обойтись нельзя, а по настроению и музыка и слова весьма соответствуют моменту.

Если не подойдет, я буду очень благодарен Вам за обратный присыл вещи (5 Рождественская, больница Герзони).

Искренне уважающий Вас Леонид Андреев.

30 октября 1914 г.»

10 ноября 1914 г. В.А.Теляковский писал Л.Андрееву, что в исполнении Е.Н.Рошиной-Инсаровой монолог «Бельгия» имел «блестящий успех». «Бельгийский посол получил перевод французский, но пожелал иметь и русский текст. На него монолог произвел сильное впечатление, и он был сильно взволнован, когда кончился апофеоз. Искренне благодарю за содействие успеху спектакля, давшего 15000 р. "чистых"» (Там же. Л.104-105). Вместе с письмом В.А.Теляковский возвратил Л.Андрееву ноты арии В.Корсунского «Прости», включить которую в программу «не представилось возможным».

⁶ Турция провозгласила «священную войну» России, Англии и Франции 12 ноября 1914 г.

6

¹ Арабажин Константин Иванович (1866-1929) — историк литературы, журналист, критик. Часто писал о Л.Андрееве, автор книги «Леонид Андреев: Итоги творчества: (Литературно-критический этюд)» (СПб., 1910). Л.Андреев в письмах и разговорах называл К.И.Арабажина в качестве примера тупого, ограниченного критика и изобразил его в неопубликованной сатирической пьесе «Арабажин в Афинах: Полная невозможность в трех отдельных невозможностях» (рукопись хранится в РГАЛИ).

² Эфрос Николай Ефимович (1867-1923) — театральный критик, историк театра.

³ Статья Л.Андреева по еврейскому вопросу. Предназначалась для газеты «Биржевые ведомости», но была запрещена цензурой. Опубликована впервые: Утро России. 1914. 17 ноября. № 294. Статья переписана

чатывалась другими газетами и выходила отдельными брошюрами, см.: Первая ступень: О еврейском вопросе. М., 1915 (вышло два издания; вся выручка поступила в «Еврейский комитет для помощи жертвам войны»), а также: Леонид Андреев о евреях. Одесса, 1914.

⁴ Имеется в виду образованное Л. Андреевым, М. Горьким и Ф. К. Сологубом «Русское общество для изучения жизни евреев». Целью общества была борьба с антисемитизмом, усилившимся в годы войны. Инициаторы общества подготовили анкету по вопросу об антисемитизме (Биржевые ведомости. 1915. 3 февраля. № 14648) и «Воззвание к русскому народу», под которым, кроме Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба, поставили подписи более 200 общественных деятелей, ученых, писателей, художников (Биржевые ведомости. 1915. 1 марта. № 14648). Работа «Русского общества для изучения жизни евреев» оказалась малоэффективной. Мешало подозрительное отношение к обществу властей, а главное, формально объединившее в своих рядах весьма пестрый состав участников, оно не имело четкой программы действий. Губительным для общества стал острый конфликт, разыгравшийся между М. Горьким и Ф. Сологубом. Сологуб принял для сборника общества «Щит» статью Н. А. Бердяева, а Горький признал эту статью антисемитской и потребовал от секретаря сборника С. В. Познера статью снять, что тот и сделал. Оскорбленный Сологуб и его жена А. Н. Чеботаревская в знак протеста вышли из состава образованного при обществе комитета — см. письмо Ф. Сологуба в редакцию «Биржевых новостей» (1916. 18 апреля. № 15505). Л. Андреев в конфликте принял сторону Ф. К. Сологуба. Дело между М. Горьким и Ф. К. Сологубом разбиралось на третьей комнате суда 6 марта 1916 г. «Вчерашний день почти весь провел на квартире проф. Кареева в качестве свидетеля по делу Сологуба и Познера (за каковым стоит Горький), — писал Л. Андреев брату Андрею Николаевичу Андрееву 7 марта 1916 г. — Боже мой, что это было, чуть до мордобоя дело не дошло! Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями <...> Мне было очень жаль Сологуба» (Залп. 1933. № 1. С. 72).

⁵ 19 декабря 1914 г. в Александринском театре состоялась премьера пьесы Л. Андреева «Король, закон и свобода». Заглавием для пьесы Л. Андреев взял строки из национального гимна Бельгии, подвергшейся вторжению германских войск. В число действующих лиц Л. Андреев включил бельгийского короля Альберта I (под именем граф Клермон) и бельгийского писателя М. Метерлинка (в пьесе — Эмиль Грелье). На сцене пьеса имела официальный успех. Критика в подавляющем большинстве отнеслась к ней осуждающе. «Многое в этой пьесе рвет за душу, как кричащее напоминание о том, что происходит за стенами театра, — отмечала Л. Гуревич. — Вместе с тем — эта новая его вещь не только беспорядочна, отрывочна и внутренне бессильна, но просто банальна и бледна» (Русские ведомости. 1914. 21 декабря. № 345). Л. Андреев был на представлении пьесы в Александринском театре только 21 января и выходил на вызовы публики (см.: Обозрение театров. 1915. 21 января. № 2651; День. 1915. 22 января. № 21).

7

¹ Голоушев Сергей Сергеевич (1855-1920) — писатель, критик, художник, врач по образованию. Близкий друг Л. Андреева. Вместе с Л. Андреевым выпустил сборник театральных фельетонов, см.: Джем Линч и Сергей Глаголь (С. Сергеевич). Под впечатлением Художественного театра. М., 1902. С. Голоушеву Л. Андреев посвятил пьесу «Тот, кто получает поще-

чины». Поездка Л. Андреева с С. С. Голоушевым на Волгу оказалась неудачной. «Были уже мы с Л<еонидом> на Волге, — рассказывала А. И. Андреева в письме А. А. Кипену от 17 июля 1915 г. — Поехал он, как и предполагал, с Голоушевым из Москвы 10-го по реке Москве на казенном пароходике. 16-го я встретила их в Нижнем. И тут случилось с Л<еонидом> полное расстройство желудка. Пробыли 3 дня в Нижнем, оттуда на «Самолете» доехали до Рыбинска, и в тот же день по жел<езной> д<ороге> домой. Вот и все путешествие» (ИМЛИ. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 17).

² Андреев Павел Николаевич (1878-1923) — второй брат Л. Андреева. В 1903 г. окончил со званием ученого рисовальщика Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1913-1923 гг. преподавал рисование в гимназии. Оставил воспоминания преимущественно о детских и юношеских годах Л. Андреева в Орле и о начале его литературной деятельности, см.: Литературная мысль. Л., 1925. [Вып.] III. С. 140-207.

³ Речь идет о Марии Федоровне Андреевой (1868-1953) — актрисе, общественном деятеле. «С Горьким решительно расхожусь, — писал Л. Андреев 14 апреля 1915 г. С. С. Голоушеву. — Писать о причинах не стоит, длинно, при случае расскажу. Много там лжи и за показным демократизмом стоит очень неприятная суть: заело его честолюбие и М. Ф.» (Реквием. С. 112; цит. по: ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 57).

⁴ См. примеч. 4 к письму 1.

⁵ Имеется в виду пьеса Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины». 10 сентября 1915 г. он в письме С. С. Голоушеву называет ее в числе произведений, работа над которыми им уже закончена (см.: Реквием. С. 117). Эта пьеса завершала собой драматическую трилогию, начатую драмами Л. Андреева «Екатерина Ивановна» и «Профессор Сторицын» (обе — 1912). «Тот, кто получает пощечины» — трагедия в форме мелодрамы. В образе клоуна Тота, получающего на потеху публике пощечины на цирковой арене, отражено много сокровенных чувств и мыслей Л. Андреева.

8

¹ На обороте письма Л. Андреева письмо А. А. Кипену от А. И. Андреевой:

«Милый Александр Абрамович!

Какая досада — Вы не получили моего длинного письма, где было все: и о нас всех, и о новой квартире в городе, и о новой газете. Жаль потому, что могли подумать нехорошо обо мне. О Л<еониде> Н<иколаевиче> я не говорю — он так занят все время, пишет исключительно деловые письма, был два раза в Москве, несколько раз в городе, т<ак> ч<то> мы с ним и лета у себя не видали. И все это сделала газета, о которой Вы имеете такое превратное представление. Л<еонид> Н<иколаевич> состоит в ней членом редакции и полновластным хозяином трех отделов: литературы, критики и театра. И т<ак> к<ак> он намерен поставить впервые настоящим образом в особенности два послед<их> отдела, то Вы представляете, насколько такой труд основателен и сложен. Все то, что пишут газеты, ничего не стоит. Объяснять долго и трудно мне. Все выступления, в особенности Короленко, жалки и постыдны. Короленко в продолжение 2 лет молчал, ничто во всей мировой войне не смогло уязвить его, и только раскрыл рот, чтобы продемонстрировать еще раз свое свидетельство на основании, к<а>к говорит Л<еонид> Н<иколаевич>. Так постыдно молчать до сих пор мог человек только очень хитрый и с микроскопической совестью.

Членами редакции состоят:

проф. Гримм (ректор), Амфитеатров; дальше: Гредескул, проф. Адрианов, Боголепов (экономист), Тан,

Муратов (искусство) и другие не менее порядочные люди. Стембо никакого отношения к газете не имеет. Издается газета на деньги акционерного общества «Печать», состоящего из большой группы капиталистов. (Митьки Рубинштейна там нет, не приняла), несколько промышляющих банков. Отсюда и пошли писать о «банковской» газете и все прочее.

Вы понимаете, Александр Абрамович, что только вполне определенная физиономия и программа всей газеты позволяет Леониду Николаевичу и другим поименованным лицам принимать такое большое участие.

Для Вашего участия, в котором не можем сомневаться, Леонид Николаевич уже сам будет писать приглашающий билет.

Отсюда и квартира в городе, и пирамида бесконечных квартирно-телефонных дел. Вы человек таврический и понятия не имеете, что значит найти квартиру да еще на углу Мойки и Марсова поля. Это куда труднее, чем вид на жительство, право. И нехорошо, если Вы не приобретете последнего. Дома все здорово, дети выросли на аршин, Вадим сравнялся со мною. Сейчас у нас Андрюша, целый месяц отпуска у него. Остальные те же и в том же виде. Леонид Николаевич почувствовал было себя лучше здоровьем в июне, а теперь опять возится с головой и желудком.

Так вот как, милый Александр Абрамович, приезжайте, пожалуйста, уже имеется малярный эскиз. Крепко жму Вашу ручку. Леонид будет писать Вам немножко, уж Вы не стесняйтесь на него за это. Все Вам кланяются. До скорого свидания.

Ваша А. Андреева.

Жиботинский на днях приезжает к нам. Очень его люблю.

² А.А. Кипен в «Русской воле» не печатался.

9

¹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1918) — председатель Совета съездов металлообрабатывающей промышленности, член III и товарищ председателя IV Государственных дум, октябрист. С сентября 1916 г. управляющий министерством внутренних дел и главный начальник отдельного корпуса жандармов. Со 2 декабря 1916 г. министр внутренних дел. С июня 1916 г. А.Д. Протопопов начал активную подготовку большой петроградской газеты, на издание которой банки и промышленные фирмы выделили капитал в размере около пяти миллионов рублей. На совещании 15 июля 1916 г. А.Д. Протопопов утверждал, что свое согласие сотрудничать в новой газете уже дали «выдающиеся» писатели В.Г. Короленко, М. Горький и Л. Андреев (см.: День. 1916. 21 июля. № 198). Это было верно только лишь относительно Л. Андреева. В той же газете 1 августа 1916 г. было помещено письмо В.Г. Короленко, в котором он заявил, что не желает работать в газете, издающейся «на средства г.г. торговцев, промышленников и банкиров» (см. также: Короленко В.Г. Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 249-267). Письмом в редакцию «Дня» М. Горький также опроверг слух о своем сотрудничестве в органе А.Д. Протопопова (День. 1916. 6 августа. № 214).

² 20 ноября 1916 г. в письме к С.С. Голоушеву Л. Андреев так определяет «истинную физиономию» новой газеты (сначала предполагалось назвать ее «Заря», «Народная воля»; остановились на предложении А.В. Амфитеатровым заголовке «Русская воля»): «1. Война до победного конца. 2. Долгой Протопопова и всю эту теперешнюю внутреннюю политику. 3. Вешать спекулянтов и спекулирующих барышников, — и прочее, и прочее» (РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. б. Л. 12).

³ Муратов Митрофан Дмитриевич (1850-1917) — богослов, профессор Московской духовной академии по кафедре Нового Завета.

⁴ Муратов Павел Петрович (1881-1950) — писатель, искусствовед, литературный и художественный критик, переводчик. В Первую мировую войну П.П. Муратов как офицер-артиллерист был призван на фронт. Находился сначала в составе гаубичной батареи на австрийском фронте, а в 1915 г. был переведен в зенитную артиллерию заведовать воздушной обороной крепости Севастополь. В 1916 г. в «Русских ведомостях» под общим заглавием «Герои и героини» печатались беллетристические этюды П.П. Муратова, вышедшие впоследствии отдельным изданием (М., 1918). В июне — июле 1916 г. П.П. Муратов проводил отпуск в Петроградской губернии. По-видимому в это время П.П. Муратов получил предложение о сотрудничестве в новой газете. В «Русской воле» П.П. Муратов не печатался. Л. Андреев ошибается, называя его художником (см. о нем вступительную статью и комментарий И.В. Вагановой к переписке П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова: Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 3. С. 155-166).

⁵ Юшкевич Семен Соломонович (1868-1927) — писатель. Участник сборников «Знание» и позже — альманахов издательства «Шиповник».

⁶ Айзман Давид Яковлевич (1869-1922) — писатель. В «Русской воле» работал в качестве фельетониста.

⁷ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) — писатель. Единственный член Театрально-литературного комитета, выступивший на заседании комитета 24 октября 1916 г. против постановки «на императорской сцене» пьесы Л. Андреева «Собачий вальс». В приложенном к протоколу заседания Театрально-литературного комитета особом мнении Д.С. Мережковского, в частности, говорилось: «Быть может, пьеса, в которой уделено столько места вопросам жизни, пьеса, в которой полное отсутствие каких-либо положительных идеалов у действующих лиц приводит их или к ясно неблагоприятным поступкам или к окончательному разочарованию в жизни, — в настоящий момент, когда в тылу у нас царит такая неурядица, когда ослабел подъем патриотических чувств, вначале вызванных войною, и после призывов к «соборности» часть интеллигенции вернулась к темам одиночества на почве крайнего индивидуализма, — такая пьеса, в настоящий момент быть может достаточно современна, но постановка ее на «образцовой сцене» была бы все-таки едва ли своевременна...» Занимать такого рода произведением театральную публику теперь на «образцовой сцене» значило бы потворствовать нежелательным для блага России настроениям» (РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Ед. хр. 1329. Л. 59 об.) Л. Андреев, в свою очередь, в письме к Вл.И. Немировичу-Данченко от 23 ноября 1916 г. обрушился на пьесу Д.С. Мережковского «Романтики», поставленную 21 октября 1916 г. Вс. Мейерхольдом в Александринском театре (см.: Ученые записки Тарт. гос. ун-та. Вып. 266. С. 289).

⁸ Это письмо не разыскано.

10

¹ На обороте письма Л. Андреева машинописная копия отношения Л. Андрееву из департамента общих дел Министерства внутренних дел от 7 ноября 1916 г. следующего содержания: «По поручению г. Управляющего Министерством имею честь уведомить Вас, что литератору еврею Д.А. Айзмону разрешено пребывание в Петрограде на шесть месяцев. Что же касается А.А. Кипена, то по его делу не может быть сделано распоряжений, за неимением от него соответ-

ствующего прошения и сведений о месте его жительства».

² *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862-1938) — писатель, журналист. С 1906 г. жил в Италии. В конце 1916 г. вернулся в Россию. 22 января 1917 г., поместил в «Русской воле» (№ 21) шестой фельетон из цикла «Этюды» с включенной в текст криптограммой, дающей характеристику А.Д.Протопопова: «Более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он поведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана». Криптограмма была расшифрована, и А.В.Амфитеатров за свою дерзость поплатился ссылкой в Минусинск, куда, правда, не успел доехать: произошла Февральская революция 1917 г.

³ Первый номер «Русской воли» вышел 15 декабря 1916 г. В номере напечатана большая статья Л.Андреева «Горе побежденным!» и его «Открытое письмо г.г. членам Гос. Думы» по поводу выступлений в IV Государственной думе 19 ноября 1916 г. черносотенца В.М.Пуришкевича и 22 ноября 1916 г. товарища председателя фракции правых Н.Е.Маркова, заявивших, что «Русская воля» издается на «немецкие деньги», и обругавших сотрудников газеты «прохвостами».

⁴ «Речь» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1906-1917 гг. Центральный орган партии кадетов. После закрытия в 1917 г. большевиками, продолжала в 1918 г. выходить под другими названиями («Век», «Наша речь», «Свободная речь» и др.)

**Публикация, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии В.Н.Чувакова.**

С.Л.ФРАНК ИЗ ПИСЕМ М.О.ГЕРШЕНЗОНУ (1912-1919)

Отношения одного из крупнейших русских философов Семена Людвиговича Франка (1877-1950) с Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869-1925) нельзя признать особенно близкими и доверительными. При всем искушении, не найдем мы оснований и для истолкования их переписки в контексте культурных проблем русского еврейства. Подобно А.С.Изгоеву (Ланде)¹, в национальных аспектах общения с Гершензоном (если бы таковые артикулировались) Франк выступал бы именно в качестве русского. Существенно, что исходная дата избранного для публикации фрагмента (апрель 1912 г.) почти совпадает с тем временем, когда Франк принял православие. Это обстоятельство уже помещало Франка в иную систему литературных отношений. Об этом свидетельствует тот факт (и о нем идет речь в публикуемых письмах), что довольно свободная и индивидуалистическая религиозность Франка, при всей его профессиональной лояльности, сделала невозможным его сотрудничество с книгоиздательством «Путь» («недостаточно ортодоксален»), в то время как от своего активного автора Гершензона, считаясь с инновацией, «Путь» религиозной солидарности не требовал. Что, однако, вовсе не запрещает искать еврейских мотивов в мировоззрении Франка. В переписке же с Гершензоном преобладающей мировоззренческой темой для Франка стали их взаимные глубокие гносеологические различия, так или иначе связанные с их темпераментами и профессиональными ориентациями философа и историка литературы. Собственно, с вопроса Гершензона об историческом развитии философских идей — иначе говоря: историчности «чистой философии» — и начался весной 1912 г. новый этап переписки: на него и отвечал в первом из публикуемых здесь писем Франк.

24 июня 1910 г. Гершензон афористически сообщал брату свое кредо: «Сознание — самая бессильная вещь в нас, все дело — в воле»². А 2 декабря 1912 г., словно зная это признание (и, наверное, зная со слов самого Гершензона), Франк четко обозначал ему взаимные различия: «Я люблю научную обоснованность в философии, <...> я мало люблю мятущиеся, дисгармоничные души»³. И по получении от автора очередного книжного подарка хвалебно, но довольно жестко определял (единственно возможную, на его взгляд) сферу применения философских поисков Гершензона: «Ваше призвание — быть историком литературы и на конкретных живых обществах и литературных явлениях уяснять Ваше «эмоциональное познание»»⁴.

Философские разногласия, впрочем, легко уравновешивались солидарностью среды: другого, так ска-

зать, общекультурного или даже бытового порядка. Новый период в переписке Франка с Гершензоном, зафиксировавший их относительное сближение, поэтому следует отмеривать с 1912 г., что тогда между ними, петербуржцем и москвичом, пролегла связь совместного семейного отдыха в Силламяги (летом 1911 и летом 1912 гг.) в составе так называемой «силламяжской колонии». 17 сентября 1911 г. Гершензон писал брату: «Кстати о Вяч. Иванове. Он жил это лето в Силламягах, и я очень сблизился с ним (мы давно приятели, но редко видались). Он очень замечательный человек, по глубине мысли — мудрец, и великий художник, для немногих. Еще жил там с семьею Франк, а поблизости Сологуб, и приезжали Ремизовы. Со всеми с ними мы часто видались, и было много интересных разговоров и приятных часов»⁵. Из всех присутствовавших Франк выделял, правда, лишь Александру Н.Чеботаревскую и Е.Н.Орлову. 12 декабря 1911 г., по итогам первых совместных каникул, Франк сообщал Гершензону, что «с Вяч. Ив. с лета виделся всего один раз, да и то на деловом заседании. Среди работ и суеги городской жизни как-то растеряются личные связи. По крайней мере, так случается у нас в Петербурге с большинством людей в силу условий нашего городского существования»⁶. Вскоре, уже летом 1913 г., Франк выпал из «силламяжской колонии», отправившись в научную командировку в Германию. Но известная близость взаимных отношений от этого не исчезла. Небогатой, но все же не случайной иллюстрацией тому может служить то, что 4 сентября 1913 г. Д.Е.Жуковский (лично знавший Франка, по крайней мере, с 1903-1904 гг.) обратился именно к Гершензону с просьбой сообщить немецкий адрес С.Л.Франка.

Война, нужда, революция не позволили более корреспондентам повторить опыт совместных каникул.

В сентябре 1917 г. Франк уехал преподавать в только что образованный Саратовский университет (в Саратове жили родители его жены, Татьяны Сергеевны Барцевой). Пожалуй, именно географическая удаленность помогла Франку (в отличие от части его единомышленников, собравшихся в антиреволюционном сборнике «Из глубины» весной-летом 1918 г.) легко пережить знаменитое полевение Гершензона и продолжать поддерживать с ним дружескую переписку, вникая в его нужды, строя издательские проекты. Его письма к Гершензону — почти все, что мы можем узнать и о жизни Франка этого времени. Летом 1919 г., вместе с группой интеллигентов уходя от гражданской войны и голода, Франк переселяется в поволжское немецкое село Вольское (Куккус), осенью — еще дальше: в Ровное (Зеельман). Переписка пре-

крашается. Уже после было возвращение в Саратов (весной 1921 г.), в Москву, наверное, личная встреча. Без писем.

Письма Франка к Гершензону сохранились полностью: в фонде последнего в РГБ (Ф.746. К.42. Ед.хр.60 и 61). Их общее число 51, не считая двух визитных карточек. Их хронологические рамки: с 5 марта 1907 по 7 мая 1919 гг. Большая часть (29) была адресована М.О.Гершензону как редактору журнала/сборника «Критическое обозрение» (1907-1909) и как инициатору и редактору сборника «Вехи» (октябрь 1908 — март 1909 гг.) Письма, касающиеся предыстории «Вех» (в которой С.Л.Франку принадлежала вторая по значению после Гершензона роль организатора авторского коллектива⁷), общим числом 14, с незначительными пропусками опубликованы В.Ю.Проскуриной и В.Аллоем⁸. В остальном этот эпистолярный практически не введен в научный оборот, хотя именно он, в своей завершающей, «после-веховской» части является редчайшим источником по биографии Франка и истории литературно-философской среды 1910-х гг.⁹ Настоящая публикация не восстанавливает корпуса писем, имея целью восполнить лишь наиболее существенные источники-лакуны.

¹ Пользуюсь возможностью, чтобы исправить мою личную (в изданном в приложении к «Вопросам философии» сборнику «Вехи / Из глубины») и энциклопедическую ошибку (Чанцев А.В. Изгоев А.С. // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М., 1992. Т.2. С.401), восходящую к «Словарю псевдонимов» Масанова. Александр Соломонович Изгоев (Ланде) никогда не носил имени Арон, ибо был крещен при рождении (см.: ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Д.38).

² РГБ. Ф.746. К.20. Ед.хр.14. Л.6.

³ Там же. К.42. Ед.хр.61. Л.7. Цитируемое письмо не вошло в публикацию, но содержательные пассажи всех подобных исключенных чисто бытовых писем приводятся в примечаниях к публикации без особо оговоренных ссылок.

⁴ Там же. Ед.хр.60. Л.34.

⁵ Там же. К.20. Ед.хр.15. Л.14 об.

⁶ Там же. К.42. Ед.хр.60. Л.36.

⁷ Об этом подробнее см.: Колеров М.А. Архивная история сборника «Вехи» // Вестник Моск. ун-та. Сер.8: История. 1991. № 4.

⁸ К истории создания «Вех» / Публ. В.Проскуриной и В.Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11. Здесь тематически собраны письма всех участников сборника к Гершензону (кроме Б.А.Кистяковского, корпус переписки которого с Гершензоном, с привлечением материалов ОПИ ГИМ, как мне известно, подготовлен к печати В.В.Саповым). Но эта важная публикация нуждается в уточнениях, примеры коих приведены в моих «Текстологических заметках» (Вопросы философии. 1993. № 6).

⁹ Речь идет, в первую очередь, о «веховской» среде, чей эпистолярный вообще беспрецедентно полно представлен в фонде Гершензона. См. письма Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, А.С.Изгоева, П.Б.Струве в указанной выше публикации «К истории создания «Вех»»; а также: Бердяев Н.А. Письма к М.О.Гершензону. (1907-1917) / Публ. М.А.Колерова // Вопросы философии. 1992. № 5 (корпус); В ожидании Палестины: С.Н.Булгаков. 17 писем к М.О.Гершензону и его жене. 1897-1925 / Публ. М.А.Колерова // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Вып.2 (избранные).

1

СПб. 27 апреля 1912

Дорогой Михаил Осипович,

Вы меня очень обрадовали Вашим открытым письмом — во-первых, тем, что вообще дали весть о себе, и во-вторых тем, что обнаружили интерес к близкой мне теме. Я собираюсь писать целую книгу¹ на эту тему — о пределах отвлеченного знания — и Ваш интерес очень ободрил меня. Я не вполне удовлетворен своей статьей² — многое в ней выражено неудачно и плохо обосновано, и я надеюсь ту же мысль выразить с большей убедительностью. При сем посылаю Вам отпечаток статьи и прилагаю к стати отпечаток той «программы»³, которую Вы уже читали летом: в одном месте предисловия к ней Вы найдете учтенными Ваши замечания.

Что касается вопроса, который Вы ставите в Вашем письме, то я действительно убежден, что интуитивного *корня* философских мировоззрений не касается никакое историческое развитие. Я это всегда создал, непосредственно ощущая бесплодность и неинтересность вопросов о «происхождении» каких-либо систем. Историческое развитие касается логической схемы или *формы* философских мыслей, а не их металогического ядра. Так, вся *система* Спинозы выросла из картезианства, *сущность* же ее близка новоплатонической и еврейской мистике и не имеет ничего общего с духом философии Декарта. Так, Гегель и Гераклит имели *почти одну и ту же* мистическую идею, тогда как логическая форма гегельянства обусловлена кантианством. В отношении интуиции интересна не историческая, а органическая связь, как бы *Wahlverwandschaft*^{*}, которая связывает самых далеких по эпохам мыслителей. Я убежден, что существует очень немногих основных типов мироощущений, которые варьируют только в деталях, и над которыми в их *основе* не властно никакое историческое развитие (ср.<авни> также Шопенгауэр и буддизм!).

И тем не менее, в общем итоге Ваш вопрос должен быть решен *положительно* — вот на каком основании: само различие (Бергсоновское) основной интуиции от внешней логической формы системы, несмотря на его несомненную истинность и важность, *страдает односторонностью отвлеченных определений*. Как растение есть не один корень, а корень и

*Родство душ, избирательное родство (нем.).

цвет, так *сущность* философск<ого> мировоззрения есть не только его интуитивное ядро, но именно интуиция, вылившаяся в определенную отвлеченную форму. Форма эта не есть нечто только внешнее — она в свою очередь способна (в деталях и оттенках, которые однако же могут быть в итоге весьма существенными) воздействовать на интуитивную основу. Спиноза имел свой пантеизм, конечно, до всякого знакомства с Декартом — имел его просто в крови; и все же позднейшая рационалистическая форма его системы усложнила и уточнила и его интуицию, наложила на нее некоторый новый оттенок. Соотношение здесь такое же, как вообще между внутренним характером личности и влиянием внешней среды: было бы нелепо считать личность «продуктом среды», и, конечно, несомненно, что человек вырастает с определенной духовной физиономией *изнутри*, т<о> е<сть> из своеобразия своей энтелехии, своего семени; и все же личность, как целое, носит отпечаток времени и среды. Положительное и отрицательное отношение к внешним объектам постепенно входит в *состав* личности и модернизирует ее. А затем, помимо того, можно допустить и *внутреннее* развитие человеческой интуиции в истории — наподобие биологического развития и, я думаю, в связи с ним. С развитием нервной системы должна развиваться и человеческая интуиция, и я верю, напр<имер>, в возможность для человека в отдаленном будущем общаться с Богом или загробным миром так, как мы общаемся с цветами мира, недоступными слепым низшим организмам. Но *эта* история измеряется тысячелетиями, и ее Вы, очевидно, не имели в виду в Вашем вопросе.

Еще раз спасибо за письмоце.

Сердечный привет Вам и Мар<ии> Борис<овне> от жены и меня. Мы сняли дачу в Кануке, на границе Периана — следовательно, встретимся летом, будем даже на 10 минут ближе от Вас, чем в прошл<ом> году.

Ваш С.Франк.

2

СПб. 6 апреля 1913

Дорогой Михаил Осипович,

сердечное спасибо Вам за роскошный подарок — сочинения Чаадаева ¹. Издание превосходное, каких у нас мало; Ваша эрудиция внушает мне глубочайшее почтение и свидетельствует, что Ваша нелюбовь к чистому знанию не мешает Вам быть настоящим ученым, кое-что у Чаадаева оказалось мне прямо нужным для моей работы: отрывок о времени и вечности блестяще выражает одну из основных мыслей моей работы и, может быть, я возьму его эпиграфом к ней ². — О наших злоключениях этой зимой Вы, конечно, слышали от А.Н.Чеботаревской и Е.Н.Орловой ³. На Фоминой мы будем делать операцию Витюше ⁴ — до сих пор он был так слаб, что это было невозможно. Весной, как Вы, вероятно, уже слышали, мы уезжаем на целый год за границу — на лето в Марбург (маленький городок близ Франкфурта, куда меня привлекает не столько знаменитая «Марбургская школа» ⁵, сколько прекрасная природа и возможность жить по-дачному) — а зимой в Мюнхен. Силламяжская колония распадается — Вас уже, как мы слышали, там не будет. Что вы подделываете, как живете и над чем теперь работаете?

Привет Марию Борисовне. Тат<ьяна> Серг<еевна> шлет привет Вам обоим.

Ваш С.Франк.

3

Kufstein в Тироле. 9.1.14 / 27.XII.13

Милый Михаил Осипович,

спасибо за Ваше письмоце — при всей краткости его оно мне дало представление о Вас и моск<овских> знакомых. Я уехал на несколько дней в горы отдохнуть и освежиться, и из моего уединения шло Вам и Мар<ии> Бор<исовне> привет и поздравление к нашему русскому Новому году, наступление которого и мы здесь, на чужбине, справляем. Мы прожили больше полугода за границей в общем хорошо, дети здоровы. Лето мы провели в маленьком городке Марбурге, зиму живем в Мюнхене, который соединяет удобства большого культурного центра с покоем и благодушием тихой провинции. Я пишу головоломнейшую книгу, которая понемножку подвигается вперед. Источники для своей мысли черпаю не у современных немцев, а у древних индусов, греков, и думаю, что до некоторой степени заслужу одобрение в славянофильском лагере, и что во всяком случае возбуду величайшее негодование у русских немцев-кантианцев ¹.

Жму Вашу руку. Привет от нас обоих.

Ваш С.Франк.

Милый Михаил Осипович,

Ваша книжка ¹, сегодня мною полученная, напомнила мне, что уже давно пора написать Вам и извиниться за неучтивость. Т<о> е<сть> за то, что я до сих пор не поблагодарил Вас за присылку оттисков ². Мое молчание объясняется (хотя и не извиняется) хронической у меня причиной — трудностью, с которой я сажусь писать письма после того, как целый день просидел уже за письменным столом над работой. Благодарю Вас теперь за двукратную присылку Вашей работы: я рад был получить Вашу работу в виде книжки, т<ак> к<ак> оттиски всегда затериваются.

Мы живем однообразно и спокойно. Дети проводят зиму хорошо. Работа моя движется медленно вперед, печатание ее я откладываю если не на *postum annum*^{*}, то во всяком случае пока она не будет готова целиком. Увлекаюсь я здесь разными старыми мыслителями — древними, средневековыми и эпохи Возрождения; и полагаю, что в этом увлечении сказывается не только моя «дурная сложность», но и интерес к самому существенному в философии, что у старых писателей было более выражено, чем у современных.

Т<атьяна> С<ергеевна> шлет привет Вам и Мар<ии> Бор<исовне>. Она уже давно собирается писать Мар<ии> Бор<исовне>. Хотелось бы иметь еще весть от вас.

Ваш С. Франк.

Дорогой Михаил Осипович,

я виноват перед Вами: до сих пор не ответил Вам на Ваше дружеское письмо, которому я был очень рад. Но в этом году мне почти неизбежно приходится манкировать корреспонденцией — я перегружен работой, от которой просто не могу очнуться и прийти в себя. Помимо огромного количества лекций и литературных занятий, необходимых в связи с «вопросом о дороговизне», я еще занимаюсь общественными делами — призрением беженцев, так как чувствую для себя морально невозможным ограничивать свое отношение к «событиям» критикой чужих действий. Лучше уж не иметь ни минуты свободной для себя, чем оставаться праздным слушателем всеобщего брюзжания и всяких сплетен о том, как все у нас скверно. Пишу Вам отчасти по специальному поводу, Вы уже давно ничего не давали в «Русск<ую> Мысль». Забота о ней в этом году тоже лежит почти всецело на мне, и мне хотелось бы побудить Вас к более энергичному сотрудничеству в «Р<усской> М<ысли>» ¹. Нет ли у Вас чего-либо готового? И не склонны ли были бы Вы, помимо больших статей, давать заметки (для отдела «в России и за границей») и рецензии? Вообще, все, что Вы могли бы дать, найдет себе место в «Р<усской> М<ысли>», будет принято с благодарностью и не будет залеживаться. Подумайте об этом, пришлите что-нибудь и присылайте почаще.

Одолели ли Вы мою книгу? ² Я хорошо сознаю, как тяжеловесно и запутанно она написана, и мысль о всяком читателе-неспециалисте конфузит меня: мне неловко за тот труд, который я ему причиняю. Но я надеюсь, что несмотря на нелюбимую Вами ученость, Вы найдете в моей книге (хотя бы в последней главе — о живом знании) не одни отвлеченные рассуждения, а кое-что живое и ценное и для Вас.

Был у нас Бердяев и привез с собою к нам в «Петроград» ³ веяния московского духа. Тем не менее, я очень смутно представляю себе, чем, как Вы теперь живёте. У нас люди живут плохо во всех отношениях, или, вернее, вообще не живут, а только тискаются в битком набитых трамваях, дежурят в очередях за сахаром и мукой и сердятся на дороговизну, беспорядки, причем каждый обвиняет кого-нибудь другого.

Сердечный привет Вам и Мар<ии> Борисовне. Т<атьяна> С<ергеевна> также шлет привет.

Ваш С. Франк.

^{*}Новый год (лат.)

Петроград. 23.XI.1915

Милый Михаил Осипович,

я был очень рад получить Ваше ласковое письмо. Мое авторское самолюбие, конечно, очень польщено Вашей оценкой моей книги. Seriously говоря, я не ожидал, что живое внутреннее содержание моей книги, глубоко запрятанное под сложными рассуждениями, будет уловлено и оценено, именно в отношении Вас я опасался, что Вас отпугнет ученая внешность книги, и мне очень радостно, что это не случилось. Ваши возражения против моих рассуждений об идеальности настоящего я принимаю тоже, как психологический факт, но не их обоснование. Вы противопоставляете описание созерцаемого — доказательством; я считаю (и пытался это обосновать, напр<имер>, в гл. V), что т<ак> наз<ываемые> «доказательства» и суть не что иное, как выражение в понятиях описания непосредственно явного, т<о> е<сть> созерцаемого. Таково и мое доказательство идеальности настоящего. Моя вина, очевидно, лишь в том, что я плохо изложил его, т<о> е<сть> не дал почувствовать его созерцательной очевидности, что было бы, в сущности, нетрудно сделать. Можно было бы, напр<имер>, конкретно показать, что т. наз. «действительность» настоящего фактически, психологически, сводится к прошедшему и будущему, напр<имер>, что «злоба дня» суть мысли о ближайшем будущем и оценки и воспоминания о ближайшем прошлом и т.п. Словом, я хочу сказать, что Ваш упрек мне я приёму, поскольку это есть упрек в плохом выражении созерцаемого; т<о> е<сть> в неубедительности доказательства, как оно формулировано у меня, но что вина моя не может быть усмотрена в том, что я «описанию» предпочел «доказательство», т<ак> к<ак> то и другое есть для меня одно и то же.

В одном отношении Вы меня огорчили — в Вашем сообщении о невозможности дать что-нибудь для «Р<усской> М<ысли>». Я понимаю Ваши соображения, вынуждающие трудничать в «Биржевке», и все-таки это очень грустно не только с точки зрения моей личной, как члена редакции «Р<усской> М<ысли>», но и по существу. Не с моральной точки зрения, а с точки зрения объективной влияния слова меня коробит участие Ваше, Бердяева и др. в «Биржевке»¹. В «Биржевке» могут писать чистые политики, но призывы к самоуглублению, возвышению над злобой дня и уличными настроениями, раздающиеся со столбцов «Биржевки», суть *contradictio in adjecto*^{*}, которое возмущает мое эстетическое и логическое чувство и заставляет скорбеть о «метании бисера». Струве еще может надеяться перекричать в «Биржевке» Лукианов, Онегиных и комп<анию>², т<ак> к<ак> он — просто политик (да и то вряд ли), но голос Ваш и Бердяева обречен быть заглушенным развязной болтовней этих господ, и Ваши писания, опубликованные в «Биржевке», — все равно, что брошены в корзину!

Ваши соображения о глубоком внутреннем кризисе, переживаемом всеми под влиянием войны, вполне верны. Я сам чувствую относительно себя то же самое. Дай Бог, чтобы этот кризис был плодотворен!

Сердечный привет Мар<ии> Бор<исовне>. Т<атьяна> Серг<еевна> шлет привет Вам обоим. Спасибо за Ваше письмо.

Искренне Ваш С. Франк.

7

Почт. ст. Коптево. Тверск. губ.;
имение Быхово, 26.VII.1916

Дорогой Михаил Осипович!

Я предполагаю, что Вы так и остались в городе (к большому моему огорчению; Ваши сомнения, кстати сказать, при всей их естественности, были, в данном случае, в отношении предложенного мною помещения¹, неосновательны, но я не решался Вас разубеждать) и в этом предположении обращаюсь к Вам с просьбой.

Я написал книгу под названием «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию»². Я мог бы, собственно, издать ее сам, по примеру предыдущей книги, т<ак> к<ак> факультет даст мне 600 р., а остальные затраты можно делать в кредит. Но отчасти дороговизна печатания, требующая затраты очень большой суммы, отчасти нужда в заботке заставляют меня думать о том, нельзя ли было бы продать эту книгу издателю. Так как в Петрограде я не знаю ни одного идейного издательства, а «Русск<ая> Мысль» по разным причинам издать сейчас не может³, то мне пришло в голову: нельзя ли через

^{*}Противоречие в определении (лат.) — логическая ошибка.

Ваше посредство предложить книгу Сабашниковым, которые, кажется, не перестали издавать во время войны ⁴. Книга моя — размером листов в 15 (в 40 000 букв); написана гораздо популярнее моей предыдущей книги, почти без ссылок и цитат, местами апеллирует к непосредственному чувству. Я думаю, что и по теме, и по выполнению она может рассчитывать на сбыт. Предыдущая моя книга, несмотря на внешнюю и внутреннюю тяжеловесность, идет хорошо и уже давно себя окупила. При этих условиях я могу, по совести, не рискуя — в пределах доступного предвидения — ввести издательство в убыток, предложить ему мою книгу. Хотел бы получить гонорар не менее 50 р. с листа в 40 тыс. букв.

Будьте добры, ответьте мне, можете ли Вы вообще предложить книгу издательству Сабашниковых: если да, то передайте ему, пожалуйста, это предложение и сообщите ответ, хотя бы в принципе. Если бы издательство нашло для себя выгодным, я мог бы, кажется, и при этих условиях получить в возмещение его расходов 600 р. от факультета, с условием бесплатного предоставления факультету 400 экземпляров в обложке «Известий факультета». — Кроме того, мне нужно было бы во всяком случае иметь бесплатные 100 экз<емпляров> для себя. Книга готова полностью, вплоть до предисловия. Я хотел бы выпустить ее в октябре-ноябре. Задача книги — дать, на основании живого внутреннего опыта (а не внешнего наблюдения или эксперимента), описание существа душевной жизни и той центральной формирующей и творческой инстанции ее, которую по праву можно назвать «душой». На всякий случай сообщаю ее оглавление: Вступление. О задачах учения о душе. Ч. I. *Стихия душевной жизни*: гл. 1. Мир душевной жизни; гл. 2. Душевная жизнь и сознание. — Подсознательное; гл. 3. Основные черты душевной жизни; гл. 4. Состав душевной жизни. Ч. II. *Конкретная душевная жизнь и ее формирующие силы*: гл. 5. Душа, как формирующее единство; гл. 6. Душа, как носитель знания; гл. 7. Душа, как единство духовной жизни; гл. 8. Душа и тело.

Я надеюсь, что я Вас не затрудню этой просьбой. Возможно, конечно, что в течение месяца не с кем вообще вести переговоры — но я хотел попытаться, т<ак> к<ак> хотелось бы не отсрочивать выхода книги. — На тех же условиях я, конечно, уступил бы книгу и «Пути», но для них я, вероятно, буду недостаточно ортодоксален или, по крайней мере, они будут склонны подозревать это ⁵.

Простите, что беспокою Вас. Привет Мар<ии> Бор<исовне>. Тат<ьяна> Серг<еевна> шлет привет Вам обоим. Как Вы живете?

Ваш С. Франк.

8

Петроград. Съезжинская, 12
4.IX.1916

Дорогой Михаил Осипович.

Душевно благодарю Вас за Ваше письмо и хлопоты. Согласно Вашему совету, Лосский ¹ по моей просьбе написал — только не Сахарову, с которым он незнаком, а Леману ². Надеюсь, что дело уладится. Если бы мне не нужны были деньги, я бы сам напечатал книгу и почти не сомневаюсь, что получил бы больше дохода. Мой «Предмет знания» разошелся уже почти совершенно (правда, я напечатал его в слишком малом количестве — в продажу поступило всего 525 экз<емпляров>), Лосский советует печатать «Душу человека» сразу в 3000 экз<емпляров>.

Мы переехали в город третьего дня, с величайшими трудностями (имея билет и плацкарт 1-го класса и стоя в коридоре). Струве еще нет (он — в Англии) ³, и до его приезда я ничего не узнаю о судьбе предприятия, которое затевалось весной и о котором я Вам писал. Боюсь, что оно лопнуло ⁴.

Буду ждать дальнейших вестей от Вас или от Сахарова или Лемана. Еще раз большое спасибо за хлопоты. Сердечный привет М<арии> Бор<исовне>. Т<атьяна> С<ергеевна> шлет привет вам обоим.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Франк.

9

Саратов, 12 декабря 1917

Дорогой Михаил Осипович!

Хотел я тотчас же ответить Вам на Ваше дружеское письмо, которое меня чрезвычайно обрадовало, но стихия, в которой мы теперь живем, помешала мне: почта у нас бастует, и

я должен был дожидаться оказии в лице Юровского (нашего проф<ессора>)¹, который отвезет в Москву это письмо.

Живем мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы, как и всюду. При нормальных условиях здесь можно было бы ужиться, найти 2-3 человек, с которыми можно потолковать и плодотворно работать в университете, но теперь действительно тяжело в всех отношениях. Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни. Мысль по привычке работает — многое хотелось бы сказать, но кому — и для чего? Кроме того, все слова, на которые мы способны, кажутся ничтожными перед лицом пережитого. Не для того, чтобы помочь и спасти, — это уже поздно, — но чтобы осмыслить и оценить свершившееся, нужно иметь язык пророков. Мне кажется, что наши слабые интеллигентские души просто не приспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком *библейском* масштабе, и могут только впасть в обморочное оцепенение. И исхода нет, *п<отому> ч<то>* нет больше родины. Западу мы не нужны, России тоже, *п<отому> ч<то>* она сама не существует, оказалась ненужной выдумкой. Остается замкнуться в одиночестве стоического космополитизма, *т<о> е<сть>* пытаться жить и дышать в безвоздушном пространстве. Так когда-то жил Герцен. Невесело! *М<ожет> б<ыть>*, мои настроения не совпадают с Вашими, — я не знаю Ваших, мы давно не видались — но у меня потребность хоть в двух словах высказаться.

Я был бы очень рад перетянуть сюда Ю.Н.Верховского², которого ценю, и даже думал о нем летом, при формировании факультета. Но у нас кафедра русск<ой> лит<ературы> занята — именно Пиксановым³, и след<овательно> на профессуру для него рассчитывать нельзя. Можно было бы предложить ему приват-доценту<ру> с ассистентством (2 тыс. рубл. в год + 900 р. военн<ые> прибавки) — но боюсь, что факультет найдет это излишним для нас, тем более, что из-за ассистента (у нас две вакансии ассист<ентов> на весь факультет — в 2 и 1 1/2 тыс. рубл.) будет, вероятно, большая борьба, и Пиксанов, опасаясь, не поддержит кандидатуры Верховского. Во всяком случае, если эта идея его соблазняет, пусть он подаст официальное прошение в факультет о желании занять место ассистента и пусть напишет личное письмо Пиксанову. Я во всяком случае буду поддерживать его кандидатуру. У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил. Если Вы знаете молодежь, заслужив<ающую> в эт<ом> отнош<ении> внимания, то рекомендуйте нам, пожалуйста. У нас открылся конкурс на 5 кафедр (замещение с 1 июля 1918): 1) русск<ого> языка, 2) романск<ой> литерат<уры>, 3) латинск<ого> яз<ыка> и литер<атуры>, 4) всеобщ<ей> истории — средневеков<ой> или древней и 5) истории искусств. Факультет у нас в общем неплохой — есть живые и талантливые люди (Жирмунский⁴ по германистике, Фасмер⁵ по языкознанию и нек<оторые> др<угие>⁶), и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки.

Всего Вам лучшего. Рад буду как-нибудь получить весть от Вас. Не мог надписать Вам своей книги, *т<ак> к<ак>* не доверился почте и поручил рассылку Леману.

Привет Мар<ии> Бор<исовне>, Тат<ьяна> Сергеевна> шлет привет Вам обоим.

Ваш С. Франк.

10

Саратов, 5 октября 1918

Дорогой Михаил Осипович!

Отвечаю Мар<ии> Бор<исовне> и Вам и за себя, и за Тат<ьяну> Серг<еевну>. Мы сейчас находимся в состоянии разгрома, и Тат<ьяна> Сергеевна> не в состоянии выбраться ответить Мар<ии> Бор<исовне>. К сожалению, Ваша просьба в настоящий момент неосуществима. *Всякие* продов<ольственные> посылки отсюда запрещены, за исключ<ением> посылок с сухарями, которая невозможна по друг<ой> причине — потому что мы получаем 1/4 ф. хлеба в день. Прошлой зимой и еще летом мы многое посылали в Петрогр<ад> знакомым, теперь же сами внезапно оказались в положении голодающих среди богатого края — по причине строящейся социализации.

Разгром, которому мы подверглись, состоит в том, что власть здесь выселила чуть не полгорода из квартир и вселила их в другие. К нам перебрались выселенные родственники Тат<ьяны> Серг<еевны>¹ в количестве 10 чел<овек>, и кроме того семья Н.В.Болдырева² (5 чел<овек>), итого с нами³ и прислугами 23 чел<овека>. Квартира представляет собой соединение постоянного двора с мебельным магазином. К этому присоединяется возмож-

ность быть выселенными и из этой квартиры, из-за чего приходится жить на бивуаках, не раскладываясь.

В таком состоянии, не имея угла, чтобы уединиться, я растерял все мысли, которые имел когда-либо, в том числе и мысли о Вашей книге ⁴. Я действительно Вам писал; значит письмо пропало. Суждения своего повторить теперь не в состоянии, помню только, что Ваши рассуждения меня чрезвычайно заинтересовали и показались очень оригинальными, и что я все же с ними не согласен. Намечу только моих мыслей: не могу согласиться с Вашим (повторяю, совершенно оригинально обоснованным) руссоизмом, думаю, что развитие техники, материализация и механизация жизни, изгоняя лично-духовную жизнь из одной области, вместе с тем расширяет ее возможность в другой. Но убедить Вас в этом сейчас не берусь, ввиду полного своего поглупения по указанным причинам.

Может быть, на днях буду в Москве по университетским делам, тогда увидимся и поговорим ⁵. Всего хорошего. Жму Вашу руку. Сердечный привет Марии Борисовне и Вам от нас обоих. Кажется, Ал. Ник. Чеботаревская в Москве. Кланяйтесь ей также от нас.

Ваш С. Франк.

11

Саратов. 21 марта 1919
Аничковская, 14

Дорогой Михаил Осипович!

Обращаюсь к Вам с следующим предложением. При здешней организации кооперативов («Союз потребителей обществ Саратовского края») имеется большое и материально хорошо обеспеченное издательство, которое теперь приступает к изданию серии избранных произведений «Классиков политической мысли». Редакцией этого издания заведует профессор Юровский ¹ (экономист, бывший сотрудник «Русских Ведомостей») и я. Каждая книжка размером в 12-15 листов, должна содержать избранные произведения (одно или несколько) данного мыслителя и вступительную статью, листа в 2, характеризующую этого мыслителя. Не согласились ли бы Вы принять участие в этом предприятии, обработав для него Чаадаева? Вам было бы совсем нетрудно этого сделать: дать нам право перепечатать теперь, скажем, «Философические письма» и «Апологию сумасшедшего» и дать нам экстракт в 2 листа из вашей книги о Чаадаеве. Материальные условия следующие: 1000 руб. с листа оригинальной статьи, и 200 руб. за лист подготовленного к печати текста русского автора, значит за всю книжку 2000+2=2 1/2 т.=4=4 1/2 тыс. рублей. Гонорар уплачивается полностью немедленно по получении рукописи, совершенно независимо от срока напечатания книжки. У кооператоров денег много, и они считают выгодным превращать керенки в рукописи. Издание начинается немедленно, но главная часть книжек появится, вероятно, уже при лучших экономических условиях. — Издание совершенно беспартийное и имеет задачей ознакомить широкую публику (средне-интеллигентную) с классиками общественной мысли всех направлений, русскими и иностранными. В ближайшую очередь намечены и уже готовятся к печати: Роб. Оуэн, Кабэ, Токвиль, Бенж. Констан, Ренан, Шатобриан, сборник греческих политических мыслителей, Самарин (подготавливается Скалдиным ², который живет здесь), Бердяева я просил о Хомякове или К. Леонтьеве ³. К делу привлечены лучшие из наших здешних профессорских сил, а если не откажутся принять участие и столичные товарищи, то мы поставим предприятие в литературном отношении очень высоко ⁴.

Надеюсь, что Вы не откажетесь принять участие в этом деле. Если бы Вы захотели предложить какого-нибудь другого автора — напишите, сговоримся. Гонорар за перевод установлен в 400 р. с листа.

Жду ответа по моему адресу: Аничковская, 14. Привет Марии Борисовне. — Татьяна Сергеевна шлет привет Вам обоим.

Ваш С. Франк.

12

Саратов. 7 мая 1919

Дорогой Михаил Осипович!

Простите меня ради Бога, что я так непозволительно задержал ответ Вам. Мы прожили несколько очень тяжелых недель, без прислуги, все работали по хозяйству, продо-

вольственное наше положение уже близко к московскому, приходилось ходить за молоком для детей за 5 верст и проч. — Прежде всего, спасибо за деньги, которые я получил — как всегда теперь — очень кстати и сразу спустил — и свои, и чужие. — Затем, по поводу нашего здешнего издательства и в частности Чаадаева. Все мы здесь, и редактор, и издатель, скорбим о Вашем отказе и находим его основания недостаточными. Соображения наши следующие: 1) книжный голод так велик, что ни одна книга ни с какой другой не конкурирует, все имеет сбыт, 2) издания нашего «Крайсоюза» (Союза потребительских обществ Саратовского края) будут распространяться почти всецело все же лишь в волжском районе и по деревням — и потому уже не будут конкурировать с столичным изданием¹, 3) тип изданий — нашего и Ваших книг — настолько разнороден, что и поэтому они не конкурируются. Словом, Ваше решение нашим здешним экономистам — и теоретикам и практикам — кажется похожим на решение человека, который в настоящее время боялся бы продавать, например, молоко, на том основании, что оно будет конкурировать с имеющимся у него запасом масла. Если бы Вы выпустили Вашего Чаадаева не в двух, а в десяти разных изданиях в разных городах и государствах Р.С.Ф.С.Р., то и тогда бы они все разошлись, и во всяком случае не соперничали бы одно с другим. Не пересмотрите ли Вы еще Вашего решения?

Что касается других авторов, то из русских заказаны: Хомяков и Леонтьев — Бердяеву (окончательного ответа он еще не дал), Скалдин пишет о Самарине, сдан заказ на Карамзина, я сам хотел бы взяться за Герцена (но с ним есть трудность — он национализован)². Предложите любого русского интересного политического классика — он будет отдан в Ваше распоряжение. — Из иностранных политических классиков заняты: Токвиль, Б.Консан, Р.Оуэн, сборник политических идей романтиков (Жирмунский)³, Шатобриан, Ж. де Местр, Ренан. А сообщать список незанятых невозможно — потому что в конце концов это есть список всех вообще сколько-нибудь интересных писателей, преимущественно 19 века. Хотите взять Руссо? Вы ведь им занимались! Или предложите сами, кого хотите! Условия следующие: около 10 листов перевода избранных сочинений данного автора, по 400 р. за лист, и вступительная статья, не более 2 листов, по 1000 р. за лист.

Я.М.Букшпан⁴, который по моей просьбе ведет переговоры о 2-м издании моего «Предмета знания», писал мне, что Книгоиздательство Писателей, во главе которого стоите и Вы, склонно купить его. Если это верно, и если это издательство готово теперь же уплатить мне 10 тыс. (это — основное мое условие, необходимое, чтобы пережить тяжелое лето), то я охотно готов его передать на Ваше попечение⁵.

Всего доброго. Привет Марии Борисовне. Татьяне Сергеевна шлет привет Вам обоим.

Ваш С.Франк.

КОММЕНТАРИИ

1

¹ Имеется в виду книга С.Л.Франка «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (Пг, 1915. — Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Ч.СХХVI). В конце 1912 г. Франк писал Гершензону: «Я завален лекционной работой и могу только мысленно разрабатывать свою книгу, но не реально двигать ее вперед. Возможно, что мне удастся с весны уехать на целый год за границу». Действительно, с весны 1913 по весну 1914 г. Франк жил и работал в Германии. На состоявшейся 15 мая 1916 г. в Санкт-Петербургском университете защите «Предмета знания» в качестве магистерской диссертации официальными оппонентами стали Н.О.Лосский, И.И.Лапшин и А.И.Введенский. Только требование последнего представить для защиты еще одну книгу помешало присвоить Франку сразу две ученые степени: для докторской диссертации он подготовил книгу «Душа человека» (см. ниже).

² Видимо, речь идет о статье: Франк С. О философской интуиции: (О Бергсоне) // Русская мысль. 1912. Кн.3.

³ Имеется в виду издание: Лазурский А.Ф., Франк С.Л. Программа исследования личности в ее отноше-

ниях к среде. СПб., 1911; перепечатано: Философия как специальность в России. Сб. / Сост. Ю. Н. Сухарева. М., 1992. Вып.1. С.252-299.

2

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М.Гершензона. Т.1. М., 1913.

² Впоследствии Франк отказался от своего намерения, взяв все эпиграфы к своей кнчге «Предмет знания» из текстов Платона, Плотина и Николая Кузанского.

³ Чеботаревская Александра Николаевна — в начале 1910-х гг. секретарь Петербургского религиозно-философского общества. Гершензон был знаком с сестрами Ал.Н., Ан.Н. и Т.Н.Чеботаревскими с 1900 гг.: см. 76 писем Ал.Н.Чеботаревской к Гершензону: РГБ. Ф.746. Оп.1. К.43. Ед.хр.21, 23. Пять писем Франка к ней охватывают 1913-1918 гг.: ИРЛИ. Ф.189. Оп.1. № 167. Орлова Елизавета Николаевна — близкая знакомая, многолетний корреспондент и благотворительница Гершензона, издательница «Критического Обозрения», хранительница обширного архива по истории русского общества XIX века, служившего источниковой базой для исследований Гершензона.

⁴ Франк Виктор Семенович (1909-?) — сын Франка.

⁵ Тем не менее изучение Франком сочинений представителей *Марбургской школы* неокантианства (Г.Когена, П.Наторпа, Э.Кассирера) весьма ошутимо на страницах его «Предмета знания», см., напр.: Предмет знания... С.252 сл., 328-353. См. также более поздние его статьи, свидетельствующие о постоянном интересе Франка к этому направлению: Религиозная философия Г.Когена // Русская мысль. 1915. Кн.12; Неокантианская философия мифологии // Путь. 1926. № 4.

3

¹ См., напр.: Лапшин И.И. Мистический рационализм проф. С.Л.Франка // Мысль. 1922. № 3.

4

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М.Гершензона. Т.II. М., 1914.

² Речь идет о статье: Гершензон М.О. Грибоедовская Москва // Голос минувшего. 1913. № 11. С.11-64; № 12. С.5-41. 8 апреля 1915 г., получив книги, объединившие исследования Гершензона, Франк сообщил автору: «Сердечно благодарю Вас и за "Пропилеи", и за "Грибоедовскую Москву". Последняя мне кажется лучшим из всего, что Вами было написано, и безотносительно — истинным и первоклассным художественным произведением, и я очень рад и благодарен Вам, что в моей библиотеке опять есть эта книга».

5

¹ В руководимой П.Б.Струве редакции «Русской мысли» Франк заведовал приемом широкого спектра рукописей, от чисто художественных до критических и философских. Не подписанная Гершензоном заметка о школах появилась уже в майской книжке «Русской мысли» за 1915 г. По ее поводу Франк замечал: «Давно уже в Русской мысли не было Вашего имени, и я не теряю надежды, что Вы дадите нам что-нибудь фундаментальное и за подписью» (РГБ. Ф.746. К.42. Ед.хр.61. Л.19).

² См. примеч. 1 к письму 1.

³ В августе 1914 г., в русле антигерманской пропагандистской кампании начала войны, Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

6

¹ С предложением о сотрудничестве в организованном литературном отделе «Биржевых ведомостей» 4 июня 1915 г. к Гершензону обратился редактор отдела А.Л.Вольнский. Первая статья Гершензона была получена газетой уже 25 июня (РГБ. Ф.746. К.30. Ед.хр.44. Лл.1-2). 13 ноября 1915 г. Гершензон сообщил матери: «Мне Биржевые Ведомости все-таки много помогли, но противно там писать, и я по возможности воздерживаюсь» (Там же. К.17. Ед.хр.21. Л.16 об.) В газете также активно сотрудничали Н.А.Бердяев (его газетные статьи собраны в книге «Судьба России») и П.Б.Струве. 4 мая 1917 г. сестры Чеботаревские просили Гершензона передать Бердяеву полученное через Ф.К.Сологуба приглашение редакции «Биржевых ведомостей» продолжить сотрудничество (Там же. К.43. Ед.хр.23. Л.68 об.)

² Лукиан — псевдоним Семена Борисовича Любошица (1859-1926). Онегин — Отто Александр Федорович (?-1925).

7

¹ Франк приглашал Гершензона на дачу в Тверскую губернию и подробно описывал ее дачные характеристики в письмах от 3 и 6 июня 1916 г.

² Текст книги, в 1918 г. предложенный Франком к несостоявшейся защите в Московском университете в качестве докторской диссертации (М.: Леман и Сахаров, 1917; одновременно — Пг., 1917; Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. Часть СХХХХVIII).

³ Среди книжных изданий журнала «Русская мысль» книга его сотрудника А.С.Изгоева «Русское общество и революция» (М., 1910) и отдельные перепечатки опубликованных в журнале статей А.С.Изгоева и П.Б.Струве. Под маркой журнала, кроме того, был подготовлен к печати лишь сборник статей разных авторов «Из глубины» (М., 1918).

⁴ *Сабашников* Михаил Васильевич (1871-1943) — с 1900 г. знакомый Гершензона, вместе с братом Сергеем Васильевичем (1873-1909) основатель одноименного книгоиздательства, в 1915-1916 гг. выпускавшего под редакцией Гершензона документальные сборники «Русские Пропилеи». Франк писал Гершензону 12 августа 1916 г.: «Большое спасибо Вам за ответ и согласие принять участие в устройстве моей книги. <...> При изложенных Вами обстоятельствах мне кажется, что было бы целесообразнее вообще не обращаться к Сабашникову, а прямо обратиться к Сахарову (это — издательство под фирмой Лемана?). Знаете ли Вы этого Сахарова, и могли бы Вы сами написать ему? Если да, то я просил бы Вас сделать это, не дожидаясь отзыва от Сабашникова, который (отзыв) может ведь прийти Бог знает когда».

⁵ Религиозно-философская ориентация московского книгоиздательства М.К.Морозовой «Путь» (Е.Н.Трубецкой, С.Н.Булгаков, Г.А.Рачинский и др.) считалась «славянофильской» (подтверждавшаяся и скорым отходом от него Н.А.Бердяева), что делало принципиально невозможным сотрудничество Франка, как представителя петербургского «западничества».

8

¹ *Лосский* Николай Онуфриевич (1870-1960) — философ.

² *Сахаров* С.И. и *Леман* Герман Адольфович — издатели, в 1917-1918 гг. выпустившие в свет ряд философских сочинений С.Н.Булгакова, П.П.Блонского, И.А.Ильина и др. См. письмо Г.А.Лемана к Гершензону от 25 октября 1918 г.: РГБ. Ф.746. Оп.1. К.36. Ед.хр.16.

³ По сообщению Р.Пайпса, П.Б.Струве летом и в сентябре 1916 г. вместе с А.С.Лаппо-Данилевским находился в Англии для получения степени почетного доктора права Кембриджского университета, чтения лекций и встреч со славянскими политическими деятелями (Pipes R. Struve: Liberal in the Right. 1905-1944. Cambridge (Mass.); London, 1980. P.227-228).

⁴ См. письмо Франка к Гершензону от 6 июня 1916: «О литературном предприятии, о котором мы вели переговоры, я здесь не имею новых вестей. Если оно, как я твердо надеюсь, осуществится, то я немедленно уведомляю всех участников и осенью непременно заеду в Москву, чтобы передать все сведения и рассеять недоумения». О чем идет речь, неясно.

9

¹ *Юровский* Леонид Наумович (1884-?) — экономист, профессор Саратовского университета; в издании «Союза потребительских обществ Саратовского края» в Саратове в 1919 г. вышла его книга «Очерки по теории цены».

² *Верховский* Юрий Никандрович (1878-1956) — поэт, историк русской литературы. 27 сентября 1910 г. Гершензон писал о нем А.М.Ремизову: «Его стихи

прелестны» (РНБ. Ф.634. Оп.1. № 87. Л.7). С 1913-го — корреспондент Гершензона. Как следует из их переписки, в ноябре 1917 г. Верховский сдал в Санкт-Петербургском университете магистерские экзамены и подал прошение об утверждении его в должности приват-доцента по русской литературе, однако рассчитывал на успех лишь в новом учебном году и в одном из провинциальных университетов (РГБ. Ф.746. Оп.1. К.30. Ед.хр.15. Л.22 об.) В итоге осенью 1918 г. ему удалось устроиться с чтением лекций в Пермском университете. Ср. сведения об этом: Гельперин Ю.М. Верховский Ю. Н. // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С.432.

³ Пиксанов Николай Кирьякович (1878-1969) — в 1917-1921 гг. профессор кафедры русского языка и литературы, секретарь историко-филологического факультета и заведующий кабинетом русской философии Саратовского университета. С 1909 г. — корреспондент Гершензона (Там же. К.40. Ед.хр.19).

⁴ Жирмунский Виктор Максимович (1891-1971) — в Саратовском университете в 1917/1918 учебном году читал общий курс истории западноевропейских литератур XVII-XIX веков, вел семинарий по средневерхненемецкому языку и литературный семинарий «Байрон и его современники». В 1918/1919 гг. — общий курс истории эпоса, семинарии по лирике Гете и древневерхненемецкому языку.

⁵ Фасмер Максим Романович (1886-1962) — первый (в 1917/1918 гг.) заведующий кафедрой русского языка и литературы Саратовского университета, читал курсы введения в языкознание, старославянского и польского языков.

⁶ Среди них, безусловно, известный впоследствии философ профессор Н.С.Арсеньев, читавший курс истории итальянской литературы XIII-XVI веков и руководивший семинариями по творчеству Данте и истории старофранцузского языка.

10

¹ Речь идет о родительской семье Т.С.Франк во главе с Сергеем Ивановичем Барцевым, жившей в Саратове в доме Восточного общества.

² Болдырев Николай Васильевич (1885-1920) — философ и правовед. Семья его сестры А.В.Болдыревой входила в круг ближайшего общения семьи Франка в Саратове.

³ К марту 1922 г. семья Франка, согласно его ответам на анкету ГАХН, состояла из, помимо его самого и его жены Т.С.Франк, их детей Виктора, Алексея, Натальи, Василия и тетки жены М.А.Тимашевой: РГАЛИ. Ф.941. Оп.10. Ед.хр.655.

⁴ Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства. М., 1918. Переизд.: Томск, 1994.

⁵ Весной 1921 г. Франк вернулся в Саратов и летом — в Москву (Медвежий пер., д.3, кв.5). Во всяком случае, с сентября 1921 г. он состоял действительным членом философского факультета Московского университета и ГАХН.

11

¹ См. примеч. 1 к письму 9.

² Скалдин Алексей Дмитриевич (1885-1943) — поэт; согласно его переписке с Вяч. И. Ивановым (ОР РГБ), жил в Саратове с 1918 по 1922 гг.

³ См. книги Н.А.Бердяева: А.С.Хомяков. М., 1912; Константин Леонтьев. Париж, 1926.

⁴ Замысел серии «Классики политической мысли» с участием Франка и Гершензона не был реализован.

12

¹ Такое издание не состоялось.

² Сочинения Франка о Герцене неизвестны.

³ Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории романтизма: Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М.: С.И.Сахаров, 1918.

⁴ Букшпан Яков Маркович (1887-?) — экономист.

⁵ Прижизненных русских переизданий «Предмета знания» не было.

Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарий М.А.Колерова.

ПИСЬМА БУНИНЫХ СТРУВЕ

Идейно-политическая близость Ивана Алексеевича Бунина с Петром Бернгардовичем Струве, подкрепленная личной и семейной дружбой, — факт, либо проигнорированный, либо не вполне оцененный отечественными исследователями творческой биографии писателя. Эти отношения, сложившиеся и окрепшие в годы эмиграции, представляют немалый историко-литературный интерес и демонстрируют редкое постоянство, неизменную доброжелательность и абсолютную взаимную доверительность сторон¹. Нечастые личные встречи Буниных и Струве компенсировались перепиской, с неравномерной интенсивностью продолжавшейся более тридцати лет. История публикации этого эпистолярия достаточно драматична.

Основной корпус переписки, сосредоточенной в семейном архиве Струве, был опубликован в преддверии столетней годовщины рождения ее участников². При этом комментатор отмечал: «...» Письма И.А. к П.Б. сохранились далеко не все. С 1922 по 1925 год П.Б. жил в Праге. Уезжая в мае 1925 г. в Париж, чтобы редактировать новооснованную ежедневную газету «Возрождение», он передал свой архив на хранение в учрежденный при содействии чехословацкого правительства Русский Заграничный Исторический Архив. После Второй мировой войны все рукописные материалы этого архива были преподнесены Чехословакией, в нарушение устава Архива, советскому правительству. Они находятся сейчас в Москве. По-видимому, в составе этого архива обнаружены и письма И.А. Бунина к П.Б. Струве за период 1922-1924 гг. О нахождении этих писем и о предполагаемом напечатании их в посвященном Бунину томе «Литературного Наследства» мне сообщил советский библиограф Бунина А.К. Бабореко, но сообщить самые тексты писем он не имел возможности»³.

Этот комментарий нуждается в коррективах и дополнениях. Задуманный как часть широкомасштабной операции по ликвидации остатков антисоветской эмиграции, вывоз материалов «Пражского» архива (РЗИА) в СССР менее всего диктовался доброй волей правительства Чехословакии. Уместнее было бы квалифицировать эту акцию как реквизицию, при том, что в спешке незаконной эвакуации сотрудники МГБ оставили без внимания весь справочный аппарат архива (описи, картотеки и пр.), большую часть его ценнейшей библиотеки и другие вспомогательные материалы. При отсутствии прямых свидетельств можно предположить, что официально передача собраний архива в дар Академии наук СССР была декларирована много позже его фактического вывоза из страны и должна была легализовать их использование в следственных и судебных мероприятиях против захваченных в европейских странах активных борцов с большевиками (В.В. Шульгин, П.Н. Краснов и др.)

Нетрудно понять, кем и как велась в Москве новая археографическая обработка материалов архива, поражающая своим убогим качеством и малопонятной произвольностью: фонды были перегруппированы, частично расклассифицированы по другим архивным собраниям и хранилищам (ЦГАЛИ, республиканские архивы, без сомнений, архив КГБ и др.), при этом полнота существующих персональных собраний также вызывает сомнения.

Эта детективная пресамбула имеет прямое отношение к материалам архива Струве и к их датировке. В составе этого фонда хранятся 11 писем Бунина к П.Б. Струве, открытка, обращенная писателем к А.П. Струве (Ф.5912. Оп.1. Ед.хр.41), три бунинских письма к Н.А. Струве и 3 письма к ней В.Н. Муромцевой-Буниной (ед.хр.21), в большинстве своем недатированные и отнесенные археографом к 1922-1925 гг. Наше изучение этих материалов показало произвольность установленных датировок и констатировало иную хронологию: 1921-1925 гг. При этом наиболее интригующим является присутствие письма, датированного нами августом 1925 г. (см. письмо 18) и примыкающего к опубликованному эпистолярному⁴. Наряду с другими материалами более позднего происхождения, находящимися в составе фонда, этот документ, по-видимому, удостоверяет, что архив Струве поступил в РЗИА позже названной Г.П. Струве даты, вероятно, в 1926-1927 гг.

В 1963 г. к письмам Буниных получил доступ А.К. Бабореко. Задуманная им публикация этих материалов в бунинских выпусках «Литературного наследства», к сожалению, не состоялась ввиду очевидной политической однозности бунинского адресата для советской идеологической цензуры. Однако ему все же удалось опубликовать фрагмент одного из посланий Бунина (см. письмо 7) без указания адресата в заметке «Неопубликованное письмо Романа Роллана»⁵, а затем включить его в свод биографических материалов⁶.

Таким образом, нашу публикацию можно было бы считать не более чем комплиментарной по отношению к работам предшественников, если бы не присутствие в ней важной темы, введенной в переписку корреспондентом Струве в 1922 г., в самом начале сложной многолетней игры за номинацию «русской национальной кандидатуры» на Нобелевскую премию по литературе (см. письма 6 и 7).

Прежде всего, оказалось, что текстология вышеуказанных разысканий А.Бабореко опиралась не на цитату из архивного эпистолярия, а на неоговоренную зарубежную публикацию письма М.А. Адланова⁷, без учета бунинской купоры в отзыве Роллана, опустившей весьма важную оговорку рецензента. Мотивированная, надо думать, этическими соображениями, эта внешне невинная оплошность скрыла из виду один из важнейших сюжетных узлов, завязавшихся в этом закулисном

эпизоде истории русской зарубежной литературы. В другом месте мы предложили версию этой сложной многоходовой интриги⁸, однако письма Бунина из архива Струве проливают новый свет на ее завязку и на последующее поведение участников, обнаруживая при этом изобретательную режиссуру будущего Нобелевского лауреата. Тщательность, с которой писатель дозировал информацию корреспондентам, вовлеченным в его комбинации, свидетельствует о том, что, пожалуй, никто из вольных и невольных участников не располагал на этот счет полной информацией и действовал в режиме, гарантировавшем достижение нужного Бунину результата. Организуя свое выдвижение на премию, он внимательно следил за действиями всех возможных конкурентов и планомерно расчищал поле для новых маневров. Самым весомым и общепотребимым аргументом в его пользу в то время был отзыв Ромена Роллана, но и с ним все обстояло не так просто.

10 июня 1922 г. Роллан написал частное письмо Бунину, высоко оценив рассказ «Господин из Сан-Франциско», незадолго до этого изданный во французском переводе⁹. Оповещенный об этом, бунинский конфиденгент Алданов немедленно обратился к романисту за новым отзывом и с осторожным вопросом о шансах Бунина на Нобелевскую премию на следующий, 1923-й год (аналогичная просьба была направлена помимо Роллана и к Т. Манну). 18 июня 1922 г. он переслал Бунину полученный отзыв, присовокупив к нему свой комментарий (кушоры в цитате принадлежат публикатору): «<...> Согласитесь, что ответ его ставит нас в довольно щекотливое положение. С одной стороны, для Вас :я имеет огромное благоприятное значение — Р. Роллан чрезвычайно влиятельный человек. С другой стороны — его условия. <...> Я писал Вам в последнем письме, что, по слухам, Горький выставляет свою кандидатуру. Вы, к сожалению, до сих пор не известили меня, заявлена ли официально (Акад<емической> Группой) Ваша или Ваши кандидатуры. <...> Напишите, пожалуйста, в каком положении все это дело у Вас, у Мережковского, у Куприна. Я стою за fair play* <...>. При этом осведомленный публикатор отмечает: «Бунина, видимо, серьезно раздражали планы тройной кандидатуры»¹⁰.

На самом же деле, на первом этапе писателя более всего тревожило появление фигуры Горького, которого он решил нейтрализовать первым, прибегнув для этого к средствам политической дискредитации. Мы не располагаем данными, доказывающими обоснованность слухов о номинационных намерениях Горького¹¹. Эта информация исходила от Алданова; можно предположить, что он сам и был ее единственным источником¹². На то были свои резоны: этот контрагент Бунина более всего был озабочен групповыми интересами эмиграции и, по-видимому, таким способом пытался влиять на не склонного к компромиссам адресата своих писем.

Тем не менее, не стоит совершенно исключать того, что Горький, ощутив дискомфорт и двусмысленность положения полуэмигранта в период серьезного кризиса своих отношений с метрополией, в самом деле мог иметь какие-то виды на столь весомый аргумент в конфликте с Москвой, как Нобелевская премия¹³. Будь так, он имел бы несравненно большие шансы на номинацию, нежели Бунин. Однако довольно скоро выяснилось, что этот мнимый или реальный соперник устранился от участия в соревновании кандидатов, и, удостоверившись в этом (со слов того же Алданова), Роллан официально выдвинул кандидатуру Бунина¹⁴. Не приходится сомневаться в том, что бунинские интриги и маневры того года не могли не дойти до

Горького и в конечном счете сыграли свою роль в резком охлаждении его отношений с Буниным, а впоследствии привели к открытому разрыву, сопровождавшемуся взаимными, откровенно враждебными публичными акциями¹⁵.

Несмотря на то, что «первый раунд» остался за Буниным, впереди его ждала долгая и изнурительная борьба за номинацию с не менее влиятельным Д. Мережковским, эпизодически осложнявшаяся включением в нее А. Куприна и И. Шмелева. К середине 1920-х гг., когда актуальность Нобелевской номинации для русских кандидатов отошла на дальний план из-за явственной скандальности, получившей достаточно широкую огласку, эта деликатная тема вышла на поверхность и стала пищей для парижских остроумцев. В марте 1926 г., например, номер сатирического еженедельника «Ухват» завершился колонкой пародийных объявлений, среди которых, между прочим, присутствовали прозрачные выпады в адрес соперников: «Нобел. премию желаю получить. Ред. «Ухвата» для И. Б. Нобел. премию приобрел бы дешево. Ред. «Ухвата» для Д. М.»¹⁶.

В заключение отметим, что «Нобелевская» эпопея стала несомненным водоразделом в судьбе Бунина, самым серьезным образом повлияв на его характер¹⁷. Борьба за премию выработала новые черты поведения писателя в литературном быту и предопределила эволюцию его иерархических приоритетов в русской и мировой литературе, сформировавшихся исключительно под «Нобелевским» углом зрения. При этом они сохраняли свою актуальность во все последующие годы жизни Бунина¹⁸.

Победа в долгом Нобелевском «марафоне» далась Бунину нелегко, а цена ее обретения оставила в душе тяжелый осадок, сохраняющийся до последних дней жизни. В стихотворении «Венки», написанном почти 20 лет спустя после стохольмских торжеств и за 3 месяца до кончины, писатель достаточно трезво и откровенно подвел итоги былым амбициям:

Был праздник в честь мою и был увенчан я
Венком лавровым, остролистым.
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге знойном, золотистом.
Жду нового венка — и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет,
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит¹⁹.

Публика бунинские материалы из «пражской части» архива П. Б. Струве, мы исходили из опыта зарубежных публикаций, убедительно продемонстрировавших, что общими «устаами Буниных» ярче и стереоскопичнее воссоздается не только внутренняя и внешняя канва биографии этой семьи, но и картина ее взаимоотношений с внешним миром.

Письма Буниных печатаются по автографам с сохранением особенностей письменной речи авторов, за исключением норм старой орфографии, при минимальной орфографической и синтаксической правке. Публикатор выражает искреннюю признательность Т. Осокиной за помощь в подготовке текста к печати.

В примечаниях к вступительной статье и публикации приняты следующие сокращения:

Записки-I — Струве Г. Историко-литературные заметки: К истории получения И. А. Буниным Нобелевской премии // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. [Вып.] I.

Записки-III — Струве Г. Из истории русской зарубежной литературы: Переписка И. А. Бунина и П. Б. Струве // Там же. Нью-Йорк, 1968. Вып. III.

* честная игра (англ.)

Материалы — Бабореко А. И. А. Бунин: Материалы для биографии. М., 1967.

Новый журнал-80 — Письма М.А.Алданова к И.А. и В.Н.Бунинным / Публ. М.Э.Грин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 80.

Устами Буниных — Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. и другие архивные материалы / Под ред. М.Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т.2.

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York).

¹ По свидетельству В.Н.Буниной, впервые Бунин увидел Струве в середине 1890-х гг. на одном из публичных диспутов в петербургском Вольно-Экономическом Обществе (Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. 1870-1906; Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К.Бабореко. М., 1989. С.154), однако их личные отношения в предреволюционную эпоху еще не сложились. Известно лишь одно письмо Струве (1912), вероятно, в связи с 25-летием литературной деятельности писателя (см.: [Афонин Л.Н.] Государственный музей И.С.Тургенева в Орле: [Обзор материалов И.А.Бунина] // Литературное наследство. М., 1973. Т.84. Кн.2. С.475). После знакомства летом 1920 г. в Париже связи Бунина и Струве стали быстро развиваться. Ср. частоту и тональность отзывов о Струве в записях В.Н.Буниной, отражавших семейный взгляд, лишь за один год (1920): «Мне кажется, что П.Б. относится к Яну любовно и хочет сохранить его для будущего» (запись от 15 июня); «<...> больше всех он нравится мне <...>» (запись от 19 июня); «<...> все такой же очаровательный благородный человек» (запись 16 декабря) (Устами Буниных. С.14-18).

Неизменно благожелательными были и чувства П.Б.Струве, обнаруживаемые не только в переписке, но и в его публичных выступлениях. См., напр.: Речь, произнесенная в Белграде 20 ноября и оглашенная в Париже на чествовании И.А.Бунина 29 ноября 1933 г. (впервые — в газете «Россия и славянство»; вошло в кн.: Струве П. Дух и слово: Статьи о русской и западноевропейской литературе. Париж, 1981).

² См.: Записки-I; Записки-III.

³ Записки-III. С.62.

⁴ Там же. С.73-81.

⁵ Вопросы литературы. 1965. № 6. С.255.

⁶ Материалы. С.216.

⁷ Французский вариант текста опубликован: Новый журнал-80. С.267. Разночтения в текстах публикации

и письма Бунина оговорены нами особо (см. примеч. 6 к письму 7).

⁸ См. нашу публикацию писем И.А.Бунина А.В.Тырковой-Вильямс: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб, 1994. [Вып.] 15.

⁹ В августе это письмо Роллана было опубликовано берлинским критико-библиографическим журналом «Новости литературы» (1922. № 1. С.48), как можно думать, не без помощи одного из участников этого издания — М.А.Алданова.

¹⁰ Новый журнал-80. С.267-268.

¹¹ Опубликованная переписка Горького с Ролланом не содержит даже намеков на это, см.: Переписка Горького с зарубежными писателями. М., 1960 (Архив А.М.Горького. Т.VIII).

¹² Новый журнал-80. С.268-273. Особенно показательно в этом отношении письмо Алданова к Бунину от 10 апреля 1923 г.

¹³ Об этом см.: Из переписки Максима Горького // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921-1923. Paris, 1983.

¹⁴ Новый журнал-80. С.271.

¹⁵ Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. М., 1973. Ценные наблюдения об бунинской рефлексии на Горького см. в кн.: Бахрах А. Бунин в халате. Bayville, 1979. С.127-131, 140-143.

¹⁶ Ухват. Париж, 1926. № 1 (31 марта). С.15.

¹⁷ Вспоминая о событии, пришедшем в семью Буниных 9 ноября 1933 г., вдова писателя, ревниво охранявшая его общественно-литературную репутацию, деликатно маркировала этот водораздел: «Кончилась часть нашей жизни, очень тихой, бедной, но чистой и незаметной» (То, что я запомнила о Нобелевской премии // Муромцева-Бунина В. Указ. соч. С.484).

¹⁸ См.: Бахрах А. Указ. соч. Косвенным, но весьма красноречивым подтверждением может служить и свидетельство Н.Тэффи: «<...> Попросила Бунина придумать мне название для книги. Для его «Воспоминаний» я ему предложила «Осиновый кол». Одобрил, но не воспользовался» (из письма к редактору литературного отдела нью-йоркского Издательства имени Чехова В.А.Александровой от 8 сентября 1951 г. // ВА. Chekhov Publishing House. Box 3.

¹⁹ Цит. по неопубликованному автографу: ВА. Shpolyanskii Collection. Box 2.

1. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Фонтене-о-Роз, 30-31 января 1921 г.]¹

Дорогой Петр Бернгардович,

Весьма рад сотрудничать в «Русск<ой> Мысли»². Но необходимо нам с Вами *поговорить*³ по этому делу — необходимо *повидаться*.

То же самое, т<о> е<сть> свидание, а не переписка, потребно и по другому делу — по делу о переезде в Чехию⁴. Я должен Вам сказать кое-что и о себе и о Мережковских с Куприными, которые, я думаю, с радостью поехали бы тоже. Куприны в нужде *особенно* тяжелой.

Итак, навестите меня на минутку, предварительное известив, *когда* Вы можете это сделать. От 7 до 8 вечера я всегда дома.

Ваш *Ив. Бунин*.

Мережковский согласен *буквально за гроши* дать Вам листа 2 из его новой работы о Египте⁵. Я с ним говорил. Пользуйтесь случаем!!!

В среду вечером (после 8 1/2) я занят — буду у Бернацкого⁶.

2. И.А.БУНИН — А.П.СТРУВЕ

[Париж, 10 февраля 1921 г.]¹

Дорогой Букинист².

Итак, мы ждем Вас с Папашей во вторник к обеду, к 7 часам. Пожалуйста, не перерешайте: мы уже сделали страшные траты на этот обед. Целую Вас — и *mettez poi aux pieds de Madame**.

Ив. Бунин.

3. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага, апрель 1922 г.]¹
1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI

Дорогой Петр Бернгардович,

Мережковский говорил с Вами, как трудно положение некоторых из писателей, живущих в Париже, и отправил Вам письмо на имя К.П.Крамаржа² с просьбой передать это письмо и снабдить его Вашим ходатайством.

Помогите, дорогой, помогите, пожалуйста! Некоторым из нас сносно: напр<имер>, Курприн и Бальмонт, помимо заработка, имеют по 1000 фр<анков> ежемесячно от Розенталя³, дает Розенталь некоторую сумму и Тэффи, Юшкевичу⁴, Ремизову. Но другим, повторыю, весьма плохо, а, главное, совершенно безнадежно в самом ближайшем будущем. И это как раз тем, кои наиболее непримиримы и идейны, а не просто беженцы.

Еще раз очень прошу похлопотать за нас и сердечно обнимаю Вас.

Наш привет всему Вашему дому!

Ваш Ив. Бунин.

4. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Амбуаз — Прага]

Дорогой Петр Бернгардович,

мы переселились (надеюсь, до ноября) в Амбуаз¹: 91, rue de Tours, Amboise (Indre et Loire) France.

Выходит ли «Рус<ская> мысль»? Будьте добры, направляйте мне ее сюда.

Думаю, что наконец-то, в тишине, начну писать для Вас.

Приветствую Вас, наши поклоны супруге и всему Вашему дому!

Ваш Ив. Бунин.

3/16 июля 1922.

5. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага]¹ 1-XI-22

Дорогой Петр Бернгардович,

если хотите *немедленно* взять мой рассказ (меньше листа, но вполне гениальный), *немедленно* — пока кроны не упали — вышлите мне ровно тысячу крон —

1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI, Ivan Boupine².

Наш поклон всему Вашему дому!

Ваш Ив. Бунин.

6. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага]
1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI
[декабрь 1922 г.]¹

Дорогой Петр Бернгардович,

я все пишу Вам, а Вы все молчите! Пусть судит Вас Бог, а я все буду писать. На этот раз обращаюсь к Вам по делу общерусского значения. В сентябре, в августе во французских газетах была маленькая кампания о том, что надо Нобелевскую премию 1923 г. присудить представителю русской литературы — Бунину или Мережковскому. А с другой стороны, есть твердый слух, что уже выставлена кандидатура Горького. Дорогой, какая пощечина всей порядочной России! Горькому, бывшему *официально* товарищем председателя Петербургск<ого> Исполкома!²

*Здесь: склоняюсь к ножкам мадам (фр.)

Кандидатуры могут выставлять члены академий, профессора литературы и истории, и вообще знаменитые люди. Точно процедуры не знаю, но знаю, что надо это сделать по адресу Шведской Академии наук через шведск<ого> посланника (или прямо?). Вот я и моллю Вас — поговорите с Крамаржем — *может быть, хоть он защитит Россию, выставит наши кандидатуры* — Вас лично не прошу, ибо *Вы слишком ярки политически, слишком правы и можете даже, м<ожет> б<ыть>, повредить делу.*

Если бы нам дали премию, это бы спасло нас *материально* и не было бы Российского позора. Не было бы *крупного* позора даже, если бы премия разделилась между Горьким и нами, — все было бы приличнее. Вы скажете, что я не завоевал еще себе в Европе имени. Нет, в литературных кругах меня уже очень превозносят и во Франции, и в Германии, и даже отчасти в Англии (есть уже мои книги по-немецки, по-английски, и были книги по-французски) ³.

Так вот. Очень прошу Вас не забыть об этом деле.

Ваш *Ив. Бунин.*

7. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага]
21. XII. 22 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI

Дорогой Петр Бернгардович,

устава о Нобелевских премиях у меня нет. Посему *уставных* указаний, т<о> е<сть> выписок из устава не могу дать. Начну нынче поиски и, если найду, немедля вышло ¹. *Но думаю, что устав ничего нового мне не скажет*, ибо я имел сведения из двух, совершенно различных, источников и весьма солидных. Первый источник — письмо шведского посланника в Париже к одному французскому депутату, а второй — то, что узнал один оч<ень> известный французский писатель, желающий, чтобы премию дали *мне* и наводивший справки. Вот эти сведения.

· 1) *Коллективу премия не дается. Дается одному или же только двум.*

2) Выставлять кандидатов могут: а) Академии, б) профессора истории и профессора литературы и в) Нобелевские лауреаты.

3) Посылать заявления, т<о> е<сть> бумагу с предложением кандидата надо или непосредственно в Шведскую Академию, или через шведского посланника.

<...> ²

Теперь о моих личных шансах на премию. Имею ли я их? Думаю, что некоторые имею. Международной толпе я не известен, но ведь не известен ей и испанец Беньвето ³, получивший премию за 1922 г. Это раз. А во-вторых, есть знаменитые люди, которые за меня. Укажу на одного хотя бы, особенно важного потому, что он — Нобелевский лауреат. Это Ромэн Роллан. Один господин ⁴ написал ему обо мне в связи с Ноб<елевской> премией. И вот что он ему ответил:

«Certes, j'admire Ivan Bounine. Je le regarde comme un de plus grands artistes de notre temps.

Je serais tout disposé a'appuyer la candidature de M.Bounine au Prix Nobel, mais non pas de M.Bounine avec Merejkovsky <...> ⁵.

J'ajoute que je subordonnerais mon intervention pour M.Bounine a'la certitude que Gorki ne désirerait pas que sa candidature fut posée. Car si le nom de Gorki entrait en ligne c'est pour lui avant tout que je voterai.

Et rien ne me plairait tant que de voir, en une même candidature associés les deux noms de Bounine et [de] Gorki: ce serait vraiment la preuve que la politique n'est pas ici en jeu <...> ⁶.

Je sais, d'ailleurs, en quelle [estime] Gorki tient Bounine il me l'a récemment écrit, en le jugeant le plus grand talent des lettres russes à l'heure actuelle» ⁷.

Конечно, дорогой Петр Бернгардович, *это между нами.*

Итак, нужно, чтобы кто-нибудь совершил эту проформу — выставил меня. Тут нет такого человека. Проф<ессор> П.Виноградов ⁸ в Оксфорде отказался: *я, говорит, профессор не истории, а права.*

Пражская русская Академическая организация не годится — Вы правы ⁹.

^{*} Конечно, я восхищаюсь Иваном Буниным. С моей точки зрения, это один из крупнейших художников нашего времени.

Я готов предложить кандидатуру г. Бунина на Нобелевскую премию, но не совместную Бунина и Мережковского <...>
К этому я должен прибавить, что я выступлю за г. Бунина, только если у меня будет уверенность, что Горький не хочет, чтобы была выдвинута его кандидатура. Если был бы выдвинут Горький, то я прежде всего голосовал бы за него.

Я был бы чрезвычайно рад, если бы были выдвинуты кандидатуры Бунина и Горького одновременно: это явилось бы непреложным доказательством того, что в данном случае политика не играла никакой роли <...>

Я знаю, впрочем, с каким уважением относится Горький к Бунину, недавно он мне об этом писал: он считает его самым талантливым из всех современных русских писателей (франц.). — (Все подчеркивания и разделения на абзацы принадлежат автору письма. — Р.Я.)

И. А. Бунин. 1928 г.
(ГЛМ)

Не найдете ли чешского профессора с именем, а еще лучше — трех, четырех сразу, которые выставили бы мою кандидатуру?

К. П. Крамарж, может быть, не имеет официального права на это. *Но все равно — это не может помешать делу, а произвести впечатление на Шведскую Академию все же очень может. Посему было бы очень хорошо, если бы Крамарж в качестве друга России все-таки написал туда лично обо мне*¹⁰.

<...>

Помогите, дорогой! Обнимаю Вас, наш поклон всему Вашему дому.

Ваш *Ив. Бунин*.

P.S. Я получил письмо от лектора русского языка в Лундском университете Михаила Фридоновича Хандамирова (Mr. Michael Handamirov, Gyllenkroksgatan, Lund, Suede)¹¹ — он обращается ко мне с просьбой, чтобы я дал всю свою прозу для перевода на шведский язык) — от имени шведских славистов: проф<ессора> Агрелль¹² в Лунде, проф<ессора> Экблум в Упсале, проф<ессора> Шельд в Лунде и др.¹³

Может быть, это можно исполнить в числе прочего?

<...>

8. В. Н. БУНИНА — П. Б. СТРУВЕ

[Париж — Прага, 15 апреля 1923 г.]¹

Дорогой Петр Бернгардович,

Ваши строки были для меня необыкновенно приятны и ценны. Большое спасибо за них².

Ваш сын³, который стал очень серьезным, довольно часто заглядывает к нам. Он здоров и энергичен.

Ваше предложение насчет Праги имеет много за, но мы утратили легкость подъема. Есть и дела, которые задерживают нас здесь⁴.

Ваша *В. Бунина*.

9. В. Н. БУНИНА — Н. А. СТРУВЕ

[Париж — Прага] 15 апреля [1923 г.]¹

Милая и дорогая Нина Александровна²,

большое Вам спасибо за Ваше милое письмо, которое доставило мне истинное облегчение, — не часто чувствуешь настоящее сочувствие и понимание, ибо характерная черта людей: равнодушие. Впрочем, может быть, иначе жить было бы невыносимо. Вы очень верно написали о том, что как тяжело терять людей, которые «знали Вас с детства и звали уменьшительным именем»! Ведь это потому, что в Вашем представлении они сохранились сильными, здоровыми, как бы вечными, а кроме того, и, может быть, это главным образом потому, что они любили Вас бескорыстно, за Вас самих.

Смерть мамы³ я восприняла так: мне показалось, что сзади разрушилась стена и образовалась пустота. А что впереди никогда уже не будет никакой радости. Умом я понимаю, что это не так, а чувством — нет. Кроме того, мешает примириться со смертью то, что мама еще была очень молода душой, живо всем интересовалась и жила духовной жизнью до самой своей кончины. Я получила от нее последнее письмо за четыре дня до этого. Оно было даже веселое, как всегда с юмором и только кончалось фразой: все пустяки, «лишь бы не разбить своего мятежного сердца». И вот оно разбилось от волнений, связанных с уплотнением, у нее отнимали комнату... отбилась. Но и сердце отбилось. Теперь папа живет один среди чужих людей.

Пишет в спокойном тоне о возможно близком конце своем и просит относиться к этому спокойно, так как на свете ничего не бывает вечного. Он может умереть каждую минуту, так как у него давно склероз сердца. Но своим ровным, размеренным характером он успешно боролся до сих пор и, Бог даст, еще поборется, но все же страшно за него. А у мамы пять лет назад и намека не было на грудную жабу — это от большевиков, ей особенно было тяжело в 18-19 гг.

Нас с Ив<аном> Ал<ексеевичем> очень огорчила болезнь Вашего сына ⁴, хотя мы и не знакомы с ним, но очень много хорошего слышали о нем от разных лиц. Передайте ему от меня (я видела много подобных ему больных), что главным образом он должен беречься и *строго выполнять все предписания*, тогда он быстро и хорошо поправится.

У Ляли ⁵ вид хороший, настроен он серьезно. Много занимается. Он за последний год очень возмужал, стал совсем большой. Сегодня прочла стихи Вашего Глеба в «Медном всаднике» ⁶. Они мне понравились. Ив<ану> Ал<ексеевичу> я не успела о них поговорить. Но думаю, что он их одобрит.

Да, за всеми моими сначала тревогами, а затем горем, я не поздравила Вас с внучкой, с первой девочкой в Вашей семье. От души желаю, чтобы она была такая же хорошая, как Ваши дети.

Целую Вас крепко и еще раз благодарю.

Ваша душой В.Бунина.

P.S. В конце апреля думаем уехать на юг — я очень плохо себя чувствую: целую неделю, не переставая, болит голова...

10. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага] 16 апр<еля> [1923 г.] ¹

Дорогой Петр Бернгардович,

из Праги ни слуху ни духу. И даже не ответили — ни Крамарж, ни Министр-Президент — на наши столь нежные письма ².

Все же сообщая Вам на всякий случай, что *дней через десять* мы с Верой Николаевной (и, вероятно, и Шмелевы) ³ уезжаем на лето в Грасс (возле Cannes). Если дело, паче всякого чаяния, провалилось, будет весьма скверно! Обнадеженные Прагой, мы не предприняли никаких мер для изыскания хоть каких-нибудь средств (напр<имер>, в виде устройства литературн<ого> вечера) на летнее существование, сняли дачу, отказались в Париже от квартиры и т.д. Мережковские тоже сняли дачу в Грассе, но остаются в Париже до 1-го июня. Их молчание Праги тоже держит в ужасном напряжении. Простите, ради Бога, дорогой, в последний раз решаюсь беспокоить Вас, но если можете, помогите тому, чтобы хоть что-нибудь сказать нам определенное!

Сердечно приветствуем весь Ваш дом, желаем всем доброго здоровья. Ляля исчез, говорят, на Корелке (? — Р.Я.) Глеб немного поправился, даже чуть-чуть пополнил и стал живей.

Ваш Ив. Бунин.

11. И.А. И В.Н.БУНИНЫ — П.Б. И Н.А.СТРУВЕ

[Грасс — Прага] 20-V-1923

Дорогие друзья, сердечный привет!

Мы на лето в Грассе. Надеемся, что у нас погостит Лялик. О «Русской Мысли» помню — на днях непременно пошлю что-нибудь.

Ваши Бунины.

Villa Mont Fleury, Grasse (A.-M.) France

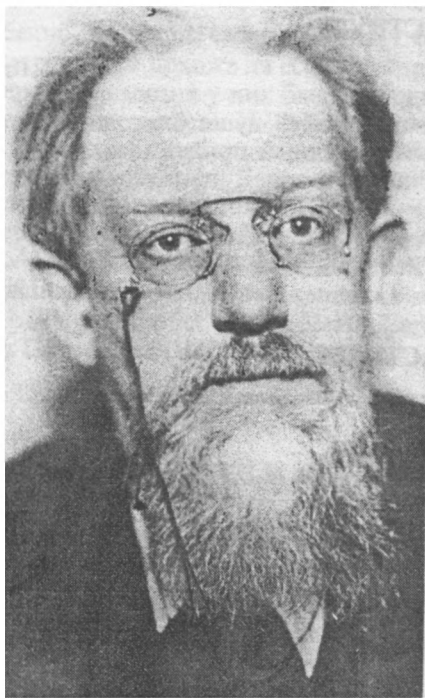
12. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Париж — Прага]

Дорогой Петр Бернгардович,

не могу выразить, как я благодарен Вам и как я счастлив — Вы не можете себе представить, в каком безысходном положении были мои денежные дела! Обнимаю Вас от всей души, простите за краткость, спешу послать это письмо ¹.

Вместе с этим посылаю сейчас два наших коллективных письма — к Крамаржу и к Министру-Президенту ².

П. Б. Струве. 1920-е гг. (РГАЛИ)

Еще раз великое спасибо, наш привет дорогой Нине Александровне.

Поздравляю Вас с будущим семейным торжеством — с свадьбой Ляли. Он пригласил меня быть свидетелем при венчании.

Ваш *Ив. Бунин*.

1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI
13-II-1924

13. В.Н.БУНИНА — Н.А.СТРУВЕ

[Париж — Прага]
25 февраля [1924 г.] 7 ч<асов>

Милая и дорогая Нина Александровна, только что вернулась со свадьбы¹ и тотчас же села писать Вам, чтобы сообщить Вам побольше мелочей, — ведь Вам, конечно, всякий штрих интересен. Прежде всего поздравляем Вас, Петра Бернгардовича и Адю² с новобрачными и посылаем им такого же счастья, какое они испытывают в настоящий момент!

Начну все по порядку. В церковь приехали, когда жених уже был там, и поэтому, к сожалению, не видали, как он вошел,¹ и не слышали концерта, который ему пели. Народу уже было порядочно. На нашей стороне: Кульман³, Кар-

ташевы⁴, Алекс<андра> Васильевна⁵, Оболенские⁶, Оля Бернацкая⁷, Савич⁸ и еще кто-то. Ляля стоял впереди, очень подтянутый, серьезный и красивый. Мы подошли и поздоровались с ним. Ян пошел расписываться как свидетель. Я указала Ляле на розовый ковер, на который важно, кто вступил первый, он сказал: «Я решил уступить и дать вступить на него ей». Я похвалила, сказав, что так поступают настоящие мужчины с характером. Невеста опаздывала, за ней поехал Котя, Глеб⁹ был и Оболенский в церкви с флерд'оранжем в петличках. Пока все ждали невесту, я стала рассматривать ее провожатых. Они отличались от наших более нарядными шляпами, меховыми манто и белыми перчатками на левой руке... Наконец я увидела в дверях невесту. Она была очень интересна, вся какая-то воздушная от вуали, спадавшей с головы и как-то необыкновенно изящно окутывавшей ее со всех сторон. Хор пропел ей концерт. И началось венчание. Было очень приятно и радостно смотреть на них, оба молодые, сдержанно сияющие, особенно невеста, жениху, вероятно, было очень грустно, а вместе с ним и всем нам, что Вас всех не было с ним. Во время обряда оба были серьезны. Ляля молился, что особенно трогало. После венчания — поздравления, затем молодые в отличном автомобиле укатили к фотографу, а оттуда в дом матери невесты, где были *gouber* (? — *Р.Я.*). Здесь молодые были почти такими же, как в церкви. Ваша *belle fille** только еще более сияла, еще более казалась воздушной, Ляля же был очень ласков, тактичен и сдержан. Я все время думала о Вас и все представляла, что Вы чувствуете? Мне кажется, и Ляля думал часто о Вас, и поговорила с ним о всех Вас. Я сказала, что напишу Вам, он очень обрадовался. Со стороны невесты были только родственники, и со стороны жениха братья, Алекс<андра> Васильевна да мы с Яном. Перед отъездом молодая переделалась в дорожный костюм бежевого цвета, а сверх него меховая кофта. Да забыла: в церковь она приехала в очень красивом кап гри перлового** цвета из бархата с белым воротником.

Я проводила их до автомобиля. По дороге на вокзал они заехали к брату Ек<атерины> Андр<еевны>¹⁰, кот<орому> делали операцию.

Нужно уходить и потому кончаю. Привет Вашим.

Душевно Ваша *В. Бунина*.

А теперь они катят на юг к Океану... 7 ч. 47 м.

* сноха, невестка (*франц.*)

** накидка (*франц.*) жемчужного (цвета).

14. И.А.БУНИН — Н.А.СТРУВЕ

[Грасс — Прага]

Дорогая Нина Александровна,
Д.С.Мережковский переслал мне Ваше письмо к нему. От всей души благодарю Вас за Вашу заботу о нас. Вера просит передать Вам самый сердечный привет. Да хранит Вас всех Господь ¹.

Ваш *Ив. Бунин*.

Villa Mont Fleury Grasse (A.M.)

16 мая 1924 г.

15. И.А.БУНИН — Н.А.СТРУВЕ

Villa Mont Fleury Grasse (A.M.) France

7/20-V-1924 ¹

Дорогая Нина Александровна,
позвольте просить Вас оказать мне большую услугу: мне (для И.В.Гессена) ² *чрезвычайно* необходим мой рассказ «Исход», напечатанный в «Русской мысли» в ее *первой* книге, вышедшей за границу. Может быть, у Вас или у Ваших знакомых эта книга есть, и, может быть, Вы или Ваши знакомые согласятся вырвать этот рассказ? Если да, горячо прошу Вас — вырвите и пошлите (*заказным* письмом) Иосифу Владимировичу (Herrn Hessen, «Rul», Ullsteinhaus, Kochstrasse, 22-26, Berlin, SW68).

Простите за беспокойство, заранее благодарю сердечно.

Ваш *Ив. Бунин*.

16. И.А.БУНИН — Н.А.СТРУВЕ

[Грасс — Прага, 25 мая 1924 г.] ¹

Дорогая Нина Александровна,
простите, что беспокою Вас, рассказ мой («Исход») удалось найти, так что не трудитесь искать его.

Сердечно Ваш *Ив. Бунин*.

Где же, наконец, Алеша?

17. В.Н.БУНИНА — Н.А.СТРУВЕ

[Грасс — Прага] 1924. 18 июня

Дорогая Нина Александровна,
мне просто стыдно, как долго я не отвечала на Ваше милое письмо. Но в Париже голова шла кругом от всех вечеров, гостей, выступлений писателей, приезжих, что у меня положительно ни на что не хватало времени кроме «текущих дел». Теперь тут, в Грассе, немного пришла в себя, хотя еще не чувствую себя вполне здоровой: очень сильное малокровие. Но, к счастью, с нами живут две наши знакомые, очень интересные люди, они сестры милосердия, стоявшие во главе московской Никольской общины. И одна из них, О.Л.Еремеева ¹, взяла на себя все хозяйство и посадила меня на санаторный режим. Надеюсь, что к осени поправлюсь.

О Ваших «молодых» ничего не знаем, — ни разу не подали нам голоса. Надеюсь, что это от счастья. Зато Глеб П<етрович> со своей женой нас не забывали. Она нам понравилась. В ней есть что-то необыкновенно трогательное. О Вас она говорит с необыкновенной нежностью. Но, конечно, она жизни совсем не знает, как и мы все не знали в ее возрасте. Я подразумеваю жизнь мелочную, кухонную, а светскую она знает. Она умеет хорошо вести разговор. Жаль их обоих, очень трудно в физическом отношении им обоим — устают очень. Оба надеялись на лето. Не знаю, сбываются ли их мечты — уехать Ю.Ю. ² с ребенком на Океан. Внучки Вашей, к сожалению, не видала. Так и не собрались к ним. У нас в этом году столько бывало народу и днем и вечером, что я почти ни у кого сама не бывала, за что на меня много людей обиделось.

В мае ездили на автомобиле по Провансу. Проезжали мимо имения Эльяшевичей ³. Мне оно не понравилось. Куча строений каменных, высокие кипарисы, несколько лиственных деревьев и виноградники, а напротив, по косягу, лес. Хорошо только, что глухомань настоящая, но без автомобиля или лошадей жизнь там должна быть очень скучной, в зной

особенно. Впрочем, сами они живут там немного, но бедная Полина Львовна ⁴ живет там с января — это похоже на ссылку. Впрочем, может быть, она и довольна.

Перед отъездом я у них была на первый день Пасхи. У них, как до революции, окорок, индейка, гуся и посты (? — Р.Я.), куличи и т.д. Много народу, но большинство не нашего круга, актеры, певцы, танцовщицы, богатые купцы, из ученых — Кузьмин-Караваев ⁵, из писателей — Куприн. Были приглашены и Зайцевы ⁶. И так к<а>к хозяевам нет возможности заниматься гостями, а объединять их они не умеют, то мы втроем, то есть я и Зайцевы просидели все время почти в передней на диване. В салоне молодежь танцевала, в одной комнате играли в карты, в другой разговаривали... В столовой ели...

Слышали новость? Оля Бернацкая выходит замуж за Савича! Свадьба в июле.

Сердечный привет от нас Петру Бернгардовичу и Адику. Где молодые? Как здоровье Льва Петровича? Вас крепко целую.

Душевно Ваша В.Бунина.

18. И.А.БУНИН — П.Б.СТРУВЕ

[Грасс — Париж, конец августа 1925 г.] ¹

Дорогой Петр Бернгардович,

посылаю Вам еще один фельетон для *Поля* (? — Р.Я.) Это опять кусок «Окаянные дни» — последний или предпоследний кусок ².

Ваш Ив. Бунин.

КОММЕНТАРИИ

1

¹ Ответ на письмо П.Б.Струве от 29 января 1921 г. (Записки-III. С.65). Вверху листа приписка рукой адресата: «Написано Бунину, Крамаржу и Мережковским».

² Журнал «Русская мысль» был основан в Москве в 1880 г. С 1907 г. Струве редактировал его совместно с А.А.Кизветтером, а с 1911 по 1918 гг. — единолично. В бытность В.Я.Брюсова редактором литературного отдела журнала, Бунин состоял с ним в оживленной переписке, обсуждая возможности печатания своих сочинений. Его имя регулярно анонсировалось в числе других авторов, однако единственным выступлением на страницах журнала стала публикация стихотворения «Белый олень» (Русская мысль. 1912. Кн.12). Подробнее об этом см.: Переписка с В.Я.Брюсовым / Публ. А.Нинова // Иван Бунин. М., 1973 (Литературное наследство. Т.84. Кн.1).

В 1921 г. Струве возобновил издание журнала в Софии, а с 1922 до начала 1924 гг. — в Праге. Переехав в Париж, в 1927 г. он еще раз попытался реанимировать издание, но сумел выпустить лишь один номер, см.: Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С.57-63; Он же. Из истории русской зарубежной печати: Издания П.Б.Струве // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Н.Полторацкого. Питтсбург, 1972; а также: Записки-III. С.65.

Сотрудничество писателя в возобновленном журнале свелось к перепечатке рассказа «Исход» (1921. Кн.1; первопубликация под названием «Конец» — альманах «Скрижаль», Пг, 1918) и публикации семи стихотворений, три из которых были написаны летом 1922 г. в Амбуазе (1923. Кн.III-IV). Первая реакция Буниных на предложение о сотрудничестве в журнале (см. письмо Струве от 17 января 1921 г. // Записки-III. С.64-65) была скептической: «Струве с требованием рассказа для «Русской мысли». Едва ли выйдет что-либо из этой затеи, особенно слабо будет в беллетристическом отношении» (запись В.Н.Буниной от 22 января 1921 г. // Устами Буниных. С.26).

³ Здесь и далее все подчеркивания сделаны авторами писем.

⁴ Вопрос о переезде в Прагу на постоянное жительство около трех лет обсуждался Буниными в переписке со Струве. Весьма заинтересованным этим проектом, писатель фиксировал в дневнике отдельные детали предприятия и отмечал: Струве «тянет меня в Прагу неистово» (записи от 19, 27 и 28 января 1922 г.) В.Н.Бунина оставила на этот счет свои комментарии: «<...> Мы опять на распутье: Чехия, Германия, оккупированная местность или юг Франции. Или, наконец, Париж в 100-фр.<анковой> квартире? Не знаем, не знаем. Я на все согласилась бы, лишь бы Ян писал <...>» (запись от 8 февраля 1922 г. // Устами Буниных. С.74, 76, 77, 79). В конце концов дело свелось к варианту временного приезда Буниных в Чехословакию (письмо Струве от 18 марта 1923 г. // Записки-III. С.67), но к тому времени они совершенно остыли к проекту. См. также письмо 8.

⁵ Речь идет о книге «Тайна трех оккультных мудростей Востока», первая часть которой была посвящена культуре Озириса. Сам автор предлагал этот фрагмент для перевода английским издателем (см. его письмо к А.Тырковой-Вильямс от 14 июля 1922 г. // British Museum. Manuscript Department. Add. 54441. P.133), а позднее под названием «Тайна трех» опубликовал в парижском альманахе «Окно» (1923. № 1, 2). Реакция Струве на предложение была положительной, но, как отмечает публикатор, «сотрудничество Мережковского в зарубежной «Русской мысли» не состоялось» (Записки-III. С.66).

⁶ Бернацкий Михаил Владимирович (1876 — до 1947) — ученый-экономист и общественный деятель, член Русской Академической группы в Париже.

2

¹ Датировано по содержанию письма и комментарием: «10 февраля П.Б. посылает И.А. pneumatique, чтобы переменить час назначенного на следующий день свидания, так как ожидает к себе Г.Д.Гребенщикова» (Записки-III. С.66).

² Обращение к Алексею Струве, мотивированное его активным библиофильским увлечением (см.: Записки-III. С.108). Подробнее о нем см. примеч. 3 к письму 8.

3

¹ Датировано по содержанию письма.

² *Крамарж* Карел («Петрович») (1860-1937) — видный политический деятель Чехословакии межвоенного времени, первый премьер-министр республики. Был известен своим русофильством и активно участвовал в «Русской акции» чешского правительства, оказывая поддержку эмигрантам и в других странах. См. также его письма 1921-1924 гг. к П.Б.Струве (ГА РФ. Ф.5912. Оп. 1. Ед.хр. 69) и к Н.А.Струве (Там же. Оп.2. Ед.хр.49).

³ *Розенталь* Лазарь — выходец из России, крупный французский коммерсант и финансист; одно время интересовался русскими писателями-эмигрантами и оказывал им финансовую помощь. Бунин не упоминает о том, что также входил в круг опекаемых Розенталем лиц и получил от него 1000 франков, на которые и была снята «дача» в Амбуазе. Ср. запись из дневника Бунина от 11 апреля 1922 г.: «В 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предлагает нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр.<анков> в месяц <...>» (Устами Буниных. С.85). Отзывы Буниных о Розентале см.: Там же. С.44,46.

⁴ *Юшкевич* Семен Соломонович (1868-1927) — известный русско-еврейский писатель, эмигрант.

4

¹ Бунины переехали в Chateau Noire в Амбуазе 7 июля 1922 г.

5

¹ Почтовая карточка, посланная на адрес редакции журнала «Русская мысль»: Karlovo nam., 34, Praha II, Tchechoslovaquie, mr. Pierre Struve.

² О каком рассказе идет речь, не установлено, но предложение писателя было отклонено. 18 декабря 1922 г. Струве писал Бунину: «Воспользоваться Вашим произведением для «Русской Мысли» я не могу по недоступности для журнала указываемого Вами гонорара» (Записки-III. С.67).

6

¹ Датировано по содержанию письма.

² В действительности А.М.Горький возглавлял Комиссию по делам искусств при Исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, одновременно являясь главой Особого совещания по делам искусств при Временном правительстве («Комиссия Горького»).

³ О зарубежных изданиях сочинений Бунина см. в комментариях к нашей публикации его писем к А.В.Тырковой-Вильямс: Минувшее. [Вып.] 15.

7

¹ 19 декабря 1922 г. Струве писал Бунину: «Пожалуйста, пришлите немедленно точные указания (уставные) о том, как, кому и кто может указать Нобелевских кандидатов. Через здешние академические организации, на мой взгляд, нерационально действовать, ибо они как-то, с одной стороны, для иностранцев недостаточно авторитетны, с другой стороны, могут провоцировать сопротивление в пользу нежелательного кандидата» (Записки-I. С.141). Попросив ответить ему «экспрессом», он в том же письме сооб-

шил Бунину, что уже разговаривал на сей счет с Крамаржем, но оба остались неуверенными в своем праве на выдвижение кандидата. Формально сам Струве обладал правом номинации, будучи одним из пяти действительных членов Российской Академии Наук, оказавшихся в эмиграции (кроме него ими были П.Г.Виноградов, Н.П.Кондаков, М.И.Ростовцев и В.А.Францев). Об этом см. письмо 6.

² Отточиями отмечены фрагменты письма, отрезанные адресатом от нижнего края листов.

³ Хасинто *Бенавенте-и-Мартинес* (1866-1954) — испанский драматург, лауреат Нобелевской премии 1922 г.

⁴ Этим «господином» был М.Алданов, обратившийся за этим к Р.Роллану, см.: Новый журнал-80. С.267.

⁵ Далее во французском оригинале следует пассаж, опущенный Буниным в письме к Струве и не восстановленный в публикациях А.Бабореко: «qui a fait de son art un instrument de la haine politique — ce qui n'est pas la cas de I.Bouine (a moins que n'ignore certains de ces écrits)» — «чье искусство превратилось в инструмент политической ненависти, в отличие от бунинского (по крайней мере, если не принимать во внимание некоторые его работы».

⁶ Далее во французском оригинале следуют слова, опущенные Буниным в письме к Струве и восстановленные в публикации А.Бабореко: «ce qui n'est pas absolument le cas, permettez-moi de vous le dire, pour la trinite: Bouine, Kouprine, Merejkovsky» — «но это вовсе не повод, позвольте мне это сказать, для такой троицы: Бунин, Куприн, Мережковский».

⁷ Ср. другой отзыв о творчестве Бунина, более жестко акцентировавший общественно-политическую позицию писателя, в письме Р.Роллана к Луизе Круппи от 20 мая 1922 г.: Литературное наследство. Т.84. Кн.2. С.375-376 (сообщение А.К.Бабореко). См. также: Бабореко А. Материалы. С.215-217.

⁸ *Виноградов* Павел Гаврилович (сэр Paul Vinogradoff, 1854-1925) — англо-русский правовед и медиевист, профессор Оксфордского университета, крупнейший специалист в области английского средневекового права.

⁹ Объединение русской профессуры, аналогичное Парижской Академической группе; осуществляло координацию научной работы эмиграции в славянских странах и выполняло общественно-представительские функции. Обсуждение правомочности Пражской Академической группы на выдвижение своего кандидата на Нобелевскую премию см. в письмах М.Алданова к Бунину за август-декабрь 1922 г.: Новый журнал-80. С.268-273.

¹⁰ Фраза о Крамарже помечена автором письма знаком NB.

¹¹ *Хандамиров* Михаил Фридонович (Федорович) (1883-1960) — преподаватель русского языка в Лундском университете, переводчик, корреспондент Бунина.

¹² *Агрелл* Сигурд («Васильевич») (1881-1937) — шведский ученый-славист, консультант Нобелевского комитета, корреспондент Бунина, см.: Письма И.А.Бунина к профессору С.Агреллу // Мосты. Мюнхен, 1970. Вып. 15.

¹³ Сборник рассказов Бунина («Господин из Сан-Франциско») был издан в Швеции в 1925 г. Собрание сочинений на шведском языке вышло в свет лишь в 1934-1936 гг.

8

¹ Датировано по письму 9; вероятно, оба письма были вложены в один конверт.

² Речь идет о соболезнованиях, выраженных Струве В.Н. Буниной по случаю смерти ее матери (см. письмо 9).

³ Струве Алексей (1899-1977) — студент университета в Гренобле, впоследствии — библиограф. Бунины познакомились с ним во время встречи с П.Б. Струве в парижском кафе 15 июня 1920 г. (Устами Буниных. С.14). «Как вспоминала позднее В.Н. Бунина, она, И.А. и П.Б. с сыном часто в те дни завтракали или обедали вместе в ресторанах. П.Б. называл это "предаваться эксцессам"» (Записки-Ш. С.64). Рассказывая о своих парижских знакомых, А. Струве, между прочим, сообщал брату Константину 23 ноября 1922 г.: «...» Из них только у Буниных мне приятно и интересно бывать, и Ив<ан> Алекс<еевич> и Вера Николаевна милы и приятны» (ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Ед.хр.282. Л.21 об).

⁴ Этот вежливый отказ, по-видимому, положил конец обсуждению темы переезда Буниных в Прагу.

9

¹ Датировано по содержанию письма.

² Струве *Нина Александровна* — дочь директора петербургской гимназии Оболенской А.Я. Герда, гимназическая подруга Н.Крупской, Л.Туган-Барановской и А.Тырковой-Вильямс; с 1898 г. — жена П.Б. Струве.

³ В.Н. Бунина узнала о смерти матери 26 февраля 1923 г., см.: Устами Буниных. С.109.

⁴ Лев — четвертый из братьев Струве, экономист, учившийся в то время в Германии; корреспондент Р.М. Рильке (см. публикацию его письма к поэту: Русская мысль. 1927. Кн.1). Осенью 1922 г. заболел туберкулезом; скончался в 1929 г.

⁵ Домашнее прозвище А.П. Струве.

⁶ Речь идет о первом выпуске литературного альманаха «Медный всадник», изданном одноименным берлинским издательством в начале 1923 г. В него были включены бунинский рассказ «Косцы» и «Стихи о смерти» Г.Струве. О предыстории альманаха см.: Русский Берлин. С.86-87.

10

¹ Датировано по содержанию письма.

² Речь идет об ответной реакции чешских властей на просьбы о назначении благотворительных стипендий, о которых за писателем хлопотал П.Б. Струве. См. об этом письмо 12.

³ Шмелевы гостили у Буниных летом 1923 г. См. отзывы о них: Устами Буниных. С.114-115.

12

¹ Ответ на письмо Струве от 10 февраля 1924 г., в котором тот обнадежил Бунина и Мережковского в отношении перспектив получения специальной стипендии чешского правительства, см.: Записки-Ш. С.67-68.

² Министр-президент Чехословакии Швегле.

13

¹ Венчание А.Струве состоялось 25 февраля 1924 г. См. его письма матери, посвященные приготовлениям к этой церемонии: ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Ед.хр.103. Л.45-49.

² Аркадий (*Ада*) — младший из братьев Струве, живший в то время с родителями в Праге.

³ *Кульман* Николай Карлович (1871-1940) — филолог, литературовед, профессор Женского педагогического института и Высших женских курсов в С.-Петербурге. В эмиграции — декан русского отделения историко-филологического факультета Парижского университета, лектор Франко-Русского института, близкий знакомый Буниных, пропагандист творчества писателя. См. о нем: [Б.п.] Н.К.Кульман // Новый журнал. Нью-Йорк, 1942. № 1.

⁴ Семья Антона Владимировича *Карташева* (1875-1960) — председателя петербургского Религиозно-философского общества, последнего Обер-прокурора Синода и первого министра вероисповеданий Временного правительства; близкого друга Мережковских. С 1919 г. А.В.Карташев в эмиграции; видный религиозный и общественный деятель русского Парижа, автор монументального двухтомного исследования «Очерки по истории русской церкви» (Париж, 1959-1960). См. о нем: Херасков И. А.В.Карташев // Возрождение. Париж, 1951. № 14; Князев А. Памяти А.В.Карташева // Вестник СРХД. Париж, 1960. № 58/59; Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С.141.

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Речь идет о семье Владимира Андреевича *Оболенского* — видного члена кадетской партии. См. его воспоминания: Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988; а также: Херасков И. Памяти В.А.Оболенского // Возрождение. 1951. № 16; Тыркова-Вильямс А. Кн. В.А.Оболенский // Там же. 1951. № 17; Политические деятели России. 1917. С.239-240. Письма членов семьи Оболенских к семье Струве 1921-1925 гг. см.: ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Ед.хр.70, 71, 72.

⁷ Дочь М.В.Бернацкого. См. письма к ней Н.А.Струве 1922-1923 гг.: Там же. Ед.хр.15.

⁸ Имеется в виду И.Я. *Савич* — видный общественный деятель русского Парижа. См. его письма к Л.П.Струве 1921-1922 гг.: Там же. Ед.хр.217а.

⁹ Братья Алексея Струве: Константин (*Котя*) — студент университета в Германии, впоследствии иеромонах Савва; *Глеб* — студент Кембриджского университета, впоследствии поэт, переводчик, профессор русской литературы Калифорнийского университета и публикатор материалов семейного архива. Ему принадлежит статья о творчестве писателя: Struve G. The Art of Ivan Bunin // Slavonic and East European Review. 1932. Vol.XI. № 32 (написана по материалам лекции, прочитанной в Оксфорде 6 октября 1932 г.). Ссылки на нее — в речи П.Б.Струве по случаю награждения И.А.Бунина Нобелевской премией (Дух и слово. Париж, 1981). В начале 1930-х гг. Г.Струве содействовал изданию английского перевода романа «Жизнь Арсеньева».

¹⁰ Невеста А.Струве.

14

¹ Ответ на письмо Струве от 16 марта 1924 г., в котором тот уведомлял о благоприятном разрешении вопроса о стипендиях Бунину, Мережковскому и Шмелеву, см.: Записки-Ш. С.68.

15

¹ Дата отправления почтовой карточки из Парижа в Прагу — 25 мая 1924 г.

² *Гессен* Иосиф Владимирович (1865-1943) — видный деятель кадетской партии, депутат Государственной думы, редактор журнала «Право» и газеты «Речь». В эмиграции — редактор газеты «Руль» (1920-1931) и основатель «Архива русской революции», издававшихся в Берлине, автор воспоминаний: В двух

веках. Стэнфорд, 1937; Годы изгнания: Жизненный отчет. Paris, 1979.

16

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

17

¹ О *Еремеевой* см. записи В.Н.Буниной от 1 и 2 марта 1925 г.: Устами Буниных. С.137.

² Жена Г.Струве Юлия. См. ее письма к К.Струве (1922) см.: ГА РФ. Ф. 5912. Оп.2. Ед.хр.281,

³ *Эльяшевич* Василий Борисович (1875-1957) — экономист, профессор петербургского Политехнического института, давний знакомый Бунина. В эмиграции — преподаватель Русского отделения Парижского университета.

⁴ Жена В.Б.Эльяшевича (?).

⁵ *Кузьмин-Караваев* Владимир Дмитриевич (1859-1927) — ученый-юрист, профессор уголовного права, член Государственной думы, политический деятель Белого движения. В эмиграции — преподаватель Русского отделения Парижского университета; видный общественный деятель.

⁶ Имеются в виду Б.К. и В.Н. Зайцевы.

18

¹ Датируется по содержанию письма, см.: Записки-III. С.73-81.

² Книга «Окаянные дни» печаталась в газете «Возрождение» с июня по сентябрь 1925 г.

Публикация, подготовка текста, вступительная статья и примечания Р.М.Янгирова.

Е.М.ЮХИМЕНКО

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО «ПЕТР И АЛЕКСЕЙ»

Общий замысел и историко-философская проблематика трилогии Д.С.Мережковского «Христос и Антихрист» сложились уже в ходе работы над первым романом — «Юлиан Отступник» (1893-1896). В заключительной части трилогии — романе «Петр и Алексей» (1902-1904) — разработка идеи будущего снятия противоречия христианства и язычества, примирения их в некоем высшем философско-религиозном единстве¹ была перенесена на русскую почву. Выбранный Мережковским исторический период был столь сложным и многогранным, что давал писателю прекрасную возможность облечь в «плоть и кровь» свою отвлеченную и схематичную (что отмечали еще его современники)² историко-философскую и религиозную концепцию. «Историческое христианство», на смену которому, по мысли Мережковского, должна была прийти религия «Третьего Завета», не представляло собой в Петровскую эпоху единой церкви. Официальное православие входило в синодальный период своей истории, кардинальным образом менялась организация внутренней жизни церкви: полное подчинение светской государственной власти сопровождалось коренным изменением системы духовного руководства³. Значительная часть населения, не приняв церковную реформу патриарха Никона, оставалась старообрядческой. Но уже к первой четверти XVIII в. старообрядчество распалось на целый ряд согласий. Появились в России и раннесектантские движения, стремившиеся познать Бога вне рамок православной церкви.

По замыслу Мережковского, поиски истинной церкви приводят одного из героев романа — Тихона и к православному духовенству, и к старообрядцам на Керженец, и на хлыстовские радения. Мережковский подробно описывает эти три формы рели-

гиозной жизни русского общества, однако старообрядческая тема была особенно созвучна общей концепции трилогии. Следует сразу сделать оговорку, что данная статья не имеет своей целью подробный анализ историко-философско-религиозного замысла романа в соотношении со старообрядческой идеологией (возможно, в настоящий момент это было бы и преждевременно, и слишком поверхностно). Наша задача гораздо скромнее: выявление конкретных исторических источников романа и характеристика их использования.

По свидетельству З.Н.Гиппиус, Мережковский всегда очень тщательно работал над своими романами, внимательно изучая почти всю литературу по избранной теме. «...Занятый какой-нибудь серьезной, большой работой, — вспоминала Гиппиус, — он только ею и занимался и вне писания, днем, читал почти всегда то, что ее касалось»⁴. В 1902 г. «подготовка к новой работе (к роману “Петр и Алексей”) брала у Д<митрия> С<ергеевича> много времени»⁵.

К 1902-1903 гг. историография старообрядчества насчитывала около полувека и была представлена работами как светских (А.П.Щапов, В.В.Андреев, И.И.Юзов), так и церковных историков (Макарий (Булгаков), П.С.Смирнов). Наряду с двумя фундаментальными трудами по общей истории старообрядчества, выдержавшими к началу XX в. несколько изданий⁶, существовал целый ряд серьезных работ о внутреннем состоянии старообрядчества⁷, в том числе рассматривающих старообрядческое учение об Антихристе⁸ и отношении старообрядчества к церкви и государству⁹. К началу XX в. была опубликована основная часть полемиического и литературного наследия русского старообрядчества. Сочинения первых поборников древнего бла-

гочестия составили большинство томов «Материалов для истории раскола за первое время его существования», вышедших под редакцией Н.И.Субботина (в 9 т. М., 1875-1894; ниже указания на тома и страницы этого издания даются в сокращенном виде: «Материалы»). В изданиях Д.Е.Кожанчикова увидели свет полностью или в подробных пересказах многие памятники старообрядческой литературы¹⁰.

Помимо изучения литературы и опубликованных источников Мережковский в ходе работы над романом «Петр и Алексей» решил обратиться и к архивным материалам. В письме К.К.Случевскому он писал: «Я в большом горе, что не могу придти в субботу: дело в том, что у меня как раз в этот день А.В.Половцев — начальник архивов — лицо теперь (Петр и царевич Алексей!) для меня очень важное»¹¹.

Работая над историческими романами, Мережковский старался побывать в тех местах, в которых происходило действие¹². Летом 1902 г., «готовясь к “Петру”, — как пишет Мережковский в своей автобиографической заметке, — ездил для изучения быта сектантов и староверов за Волгу, на Керженец, в г. Семенов и на Светлое озеро, где находится, по преданию, невидимый Китеж-град»¹³. По воспоминаниям З.Н.Гиппиус, это путешествие было «одним из самых интересных из множества совершенных нами с Дм<итрием> Серг<еевичем>»¹⁴. Впечатления от этой поездки нашли отражение на страницах романа «Петр и Алексей»¹⁵.

Для Мережковского, разрабатывавшего тему «Христос и Антихрист», обращение к старообрядческой литературе с ее преобладающей эсхатологической тематикой было глубоко закономерным. Идея о пришествии в мир Антихриста высказывалась уже первыми старообрядческими учителями. Теория чувственного Антихриста предполагала, что Антихрист уже явился в лице определенного человека; первоначально указывали на царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. После смерти царя Алексея Михайловича возобладали теория духовного Антихриста: Антихрист — не конкретная личность; его можно познать только «умом», «мысленно». Так, протопоп Аввакум называет царя Алексея Михайловича и патриарха Никона «двумя рогами антихристовыми»: «Два же рога у зверя — две власти знаменует: един победитель, а другой пособитель; Никита, по Алфавиту, или Никон, а другой пособитель — Алексей»¹⁶. Стремление уйти из мира Антихриста, сохранить в чистоте веру и

душу толкало последователей древнего благочестия на самоожжения, которые в 80—90-х гг. XVII в. приняли массовый характер. Особенно сильной была волна «гарей» в Поморье, где проповедовали такие известные учителя старообрядчества, как Игнатий и Герман Соловецкие, Иосиф Сухой, Емельян Повенецкий. Здесь произошли два крупнейших в истории Палеостровских самоожжения в 1687 и 1688 гг., в которых, по старообрядческим преданиям, погибло более четырех тысяч человек. Волна самоубийственных смертей приняла такой размах, что в 1691 г. с резкой проповедью против учения «зажигателей» выступил инок Евфросин, написавший обширный обличительный трактат. Другим способом ухода из мира Антихриста явилась организация старообрядческих общежитий и скитов. Крупнейшие старообрядческие поселения возникли на реке Выг (в Поморье), на Керженце и на Ветке.

В Петровскую эпоху, несмотря на более лояльное отношение государства к поборникам древнего благочестия, эсхатологические идеи раннего старообрядчества вновь приобрели актуальность: возникло и получило широкое распространение учение о Петре I — Антихристе¹⁷. Эта идея была положена Мережковским в основу третьей части трилогии¹⁸. Поскольку коллизия романа «Петр и Алексей» имела конкретные исторические корни, то это произведение в гораздо меньшей степени, нежели две предыдущие части трилогии, страдает схематизмом¹⁹.

Мережковский вплетает старообрядческое учение о Петре I — Антихристе в художественную ткань романа. Основные положения этого учения излагаются в речи старца Корнилия (с.362-363). Одним из центральных доказательств антихристовой сущности царя было то, что он «восхитил» на себя не только власть царскую, но и святительскую (ликвидировав патриаршество), тем самым выказав свои претензии на верховную власть.

...Царь Петр, — проповедовал Корнилий своим слушателям, — благочестие до конца искоренил, патриарху быть не велел и всю церковную и Божью власть восхитил на себя и возвысился против Господа нашего, Иисуса Христа, сам единою безглавою главою церкви учинился, самовластным пастырем (с.362).

Приняв на себя императорский титул, Петр, по мнению старообрядцев, подчеркивал преемственность государственной власти от католического Рима. Аналогичную мысль высказывает у Мережковского старец Корнилий:

По предреченному: *во имя Симона Петра имеет в Риме быть гордый князь мира сего, Антихрист*, в России, сиречь в Третьем Риме, и явился оный Петр, сын погибели, хульник и противник Божий, еже есть Антихрист (с.362).

Особо обращали старообрядцы внимание на то, что Петр стал именовать себя Первым, как объяснял Корнилий, «первенству Христа ревнуя, о коем сказано: *Аз есмь первый и последний*» (с.362). Наряду с титулом, доказательством антихристовой сущности Петра служили календарные изменения, в чем старообрядцы видели разрушение отеческих преданий. Эта идея также включена Мережковским в речь Корнилия:

И в 1700 году, Января в первый день, новолетие ветхоримского бога Януса в огненной потехе на щите объявил: *се, ныне время мое пришло* (с.362).

В проведении переписи населения, введении подушного оклада и воинской повинности видели старообрядцы стремление Антихриста «взыскать» всех, «дабы ни один мог скрыться от руки его»²⁰. Поэтому и рекрутское клеймо воспринималось как печать антихристовая. Ужас вызвал у всех сидевших на плоту вид клейма на руке Петьки Жизлы и его слова о том, что «как припечатали, рука сохнуть стала» (с.361). «Она самая и есть, — решил старец Корнилий, — печать антихристовая!» (с.361). Данный эпизод романа восходит к одному из фактов, обнаруженных в ходе расследования по делу Варлаама Левина, который публично называл Петра Антихристом:

...И весь народ мужеска и женска пола будет он печатать, а у помещиков всякой хлеб описывать, и помещикам будут давать хлеба самое малое число, а из остального отписного хлеба будут давать только тем людям, которые будут запечатаны, а на которых печатей нет, тем хлеба давать не станут... Бойтесь этих печатей, православные!..²¹

Мережковский воплощает идею о Петре — Антихристе в зримый образ:

Образ отца двоился: как бы в мгновенном превращении оборотня, царевич видел два лица — одно доброе, милое, лицо родимого батюшки, другое — чуждое, страшное, как мертвая маска, — лицо зверя. И всего страшнее было то, что не знал он, какое из этих двух лиц настоящее — отца или зверя? Отец ли становится зверем или зверь отцом? И такой ужас овладел им, что ему казалось, он сходит с ума (с.631).

Чрезвычайно значимыми в общем идейном замысле и структуре романа «Петр и Алексей» являются события и персонажи старообрядческой истории: с одной стороны, на этом материале открыто формулируется и подробно излагается идея о царе — Антихристе, а с другой — само старообрядчество является одним из этапов на пу-

ти разрешения противостояния Христа и Антихриста, здесь пытается Тихон обрести истинную церковь. В этой связи представляется весьма важным установить, какими конкретными старообрядческими источниками пользовался Мережковский при написании соответствующих глав романа. Путем текстологического анализа нам удалось выявить целый ряд таких источников.

Прежде всего следует отметить, что Мережковский обратился к первоисточникам. В подлинных текстах памятников он не только черпал фактический материал, но также изучал язык и характер мышления людей описываемой эпохи.

Не вызывает сомнения, что первыми в этом ряду были сочинения гениального писателя и одного из первых вождей старообрядчества протопопа Аввакума²². С творчеством «огнеопального протопопа», как видно из текста романа, Мережковский познакомился довольно полно, скорее всего по 5-му тому «Материалов» Н.И.Субботина²³.

Из «Жития» протопопа Аввакума Мережковский воспроизвел лишь одно, но очень образное выражение:

«Житие»:

А власти, яко козлы, пырскать стали на меня (Материалы. Т.5. С.67).

Мережковский:

Но отцы приставали к нему все яростнее — «яко козлы, на него пырסקали» (с.662).

Изучал Мережковский и послания протопопа Аввакума. Так, одна из реплик в споре, происходившем в келье матери Голендухи, восходит к тексту послания протопопа Аввакума к боярыне Морозовой, княгине Урусовой и Марии Даниловой:

Послание боярыне Морозовой:

Женской быт одно говори: как в старопечатных книгах напечатано, так я держю и верую, с тем и умираю. Да молитву Исусову грызи, да и все тут (Материалы. Т.5. С.176).

Мережковский:

Тверди, как в старых книгах писано, да молитву Исусову грызи — и все тут! (с.665).

Более основательно использовал Мережковский письма протопопа Аввакума к Симеону, в которых поощряются самоожожения старообрядцев:

*Послание (1) Симеону*²⁴:

Оне миленкие ради пресветлыя... Троица несътно пуши в глаза лезут, слово в слово яко комары, или мушницы. Елико их болши подавляют, тогда болши пищат и в глаза лезут: так и русаки бедныя, пускай глупы, рады мучителя дождались, — полками в огонь дерзают... Русачки же миленкие не так, — в огонь лезет, а благоверия не предаст! (Материалы. Т.5. С.203).

Мережковский:

Он молчал и, глядя на ночных мотыльков, круживших над пламенем, падавших в него и сгоравших, вспоминал слова старца Корнилия: «яко комары или мошки, чем больше их давят, тем больше пищат и в глаза лезут, так и русачки миленькие рады мучиться — полками держат в огонь!» (с.652).

Послание (II) Симеону²⁵:

Боишься печи той? Дерзай, плонь на нея, небось! До печи страх-от; а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельския силы с ним, емлют души-те от телес, да и приносят ко Христу, а Он-надежа и благословляет и силу ей подают божественную, не уже к тому бывает тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попархивает, — рада ис темницы той вылетела! Вот пела до того плачуще: Изведи ис темницы душу мою исповедатися имени твоему. Мене ждуть праведницы дондеже воздаси ми. Ну а то выплакала! Темница горит в печи; а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выпсрь в славу Богу и Отцу (Материалы. Т.5. С.207-208).

Мережковский:

— Что думаешь, братец? — опять заговорила девушка. — Аль боишься печи той? Дерзай, плонь на нее, небось! В огне здесь мало потерпеть — аки оком мигнуть — так душа из тела и выступит! До печи страх-от, а как в нее вошел, то и забыл все. Загорится, а ты и видишь Христа и ангельские лики с Ним — вынимают душу из тела, а Христос-надежда Сам благословляет и силу ей дает божественную. И не тяжка тогда уже бывает, но яко восперенна, туды же летает со ангелами, равно птичка попархивает — рада, из темницы той, из тела вылетела. Вот пела до того, плакала: изведи ис темницы душу мою исповедатися имени Твоему. Ну, а то выплакала. Темница та горит в печи, а душа, яко бисер и яко злато чисто, возносится к Господу!.. (с.652).

Из письма протоппа Аввакума тому же лицу, в постриге Сергию, Мережковский заимствовал ответ Иерофея о. Мисаилу:

Послание игумену Сергию:

А я кто, умерый пес, и как могу выше вашего священного собору разуметь? Ты говоришь: огненный во мне ум. И я сопровтив молбы, прости, — облазился... И ты, игуменушко, не ковырай впредь таких речей. Которая тебе прибыль? Наводишь душе моей тщету... А я ничего человек, — равен роду, живущему в тинах калных, их же лягушками зовут. Погубил в себе властный сан и разсудительну силу, без разсуду земных прилежю, и яко свинья от рожец наполню чрево свое... Аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя... Еле-еле отдыхаю от похотей, задавляющих мя... Ох, мне грешнику! (Материалы. Т.8. С.108-110).

Мережковский:

Я — кто? Мертвый пес. И как могу разуметь выше собора вашего священного? Ты говоришь, огненный во мне ум. Ей, тщету наводишь душе моей! Я — человек, равный роду, живущему в тинах калных, их же лягушками зовут. Яко свинья от рожец, наполню чрево свое. Аще бы не Господь помогал мне, в мале не во ад вселилася бы душа моя... Ох, мне, грешнику! (с.663-664).

Внимательно читал Мережковский и те сочинения протоппа Аввакума («Книга на крестоборную ересь», «Беседа о Аврааме», «О иконном писании»), которые в современном литературоведении объединяются в «Книгу бесед и толкований»:

Книга на крестоборную ересь²⁶:

А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третие лапти на ногах... Само царство небесное валится в рот; а ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется! А тово не видишь, какую честь-ту бросили боярыне-те! Да еще жены суть. А ты мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума. Ну дети-те пережениш, и жену-ту утетиши; а затем что? не гроб ли? (Материалы. Т.5. С.267-268).

Рабом Божиим побиенным вечная память 3-жды. Почивайте, миленькие, до общаго воскресения и о нас молитесь, да же и мы ту же чашу испием о Господе, которую вы испили и уснули вечным сном (Материалы. Т.5. С.265).

Мережковский:

Мужик говорил мужику:

— Само царство небесное в рот валится, а ты откладываешь: ребятки-де малые, жена молода, разориться не хочется. А ты, душа, много ли имеешь при них? Разве мешок да горшок, а третье — лапти на ногах. Баба, и та в огонь просится. А ты — мужик, да глупее бабы. Ну, детей переженишь и жену утетишь. А потом что? Не гроб ли? (с. 668).

...[Корнилий] перекрестился с умиленною радостью:

— Рабам Божиим, самовольно сгоревшим, вечная память! Почивайте, миленькие, до общаго воскресения и о нас молитесь, да и мы ту же чашу испием о Господе, егда час наш придет (с.687).

Беседа о Аврааме²⁷:

Того ради вам, братие, посоветовал о Святей Троице потонку, да разумеите. Есть обретаются некоторые гады, из чрева своего гадят по чело-векообразию быти Бога... (Материалы. Т.5. С.346).

Много гадят уста те и инья душепагубная безделицы. О зачатии Христове глаголет: ухом де Христос вниде в Деву и неизреченно боком изыде (Материалы. Т.5. С.349).

Мережковский:

Обретаются некоторые гады, из чрева своего гадят, будто бы св. Троица... (с.665).

О. Спиридон объявил, что «ухом-де Христос вниде в Деву и неизреченно боком изыде» (с.666).

О иконном писании²⁸:

...пишут Спасов образ Емануила, лице одуловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен... А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя... Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и бычачев! (Материалы. Т.5. С.292-293).

Мережковский:

Зри Спасов образ Емануила — весь, яко немчин, брюхат и толст, учинен по плотскому умыслу

лу. Возлюбили толстоту плотскую, опровергли долу горнее... Ох, ох, бедная Русь! Что-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев? (с.450).

Примечательно, что в последнем из вышеприведенных примеров обличение нового иконописания, восходящее к тексту протопопа Аввакума, Мережковский включает в дневник царевича Алексея.

Целая глава романа посвящена сходу на Керженце по поводу спорных писем протопопа Аввакума, которые касались расхождений по догматическим вопросам между Аввакумом и его соузником — дьяконом Федором. Хотя основным источником этой главы явилось «Сказание о распрях, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем», в котором цитировались многие высказывания протопопа Аввакума, Мережковский не ограничился данной подборкой, а обратился также к выдержкам из «Евангелия Вечного» и, по всей видимости, к работам П. С. Смирнова и А. К. Бороздина, подробно рассматривавшим существо спора.

Статьи ложных писем Аввакума:

Седит Бог и человек о десную Бога на престоле своем царском. Да и ладно так, дитятко бешеное, не замай Его: на престоле том своем седит. Не пихай поганым своим языком с престола тово царьскова к ногам Отца²⁹.

Мережковский:

А старцы опять закричали, заспорили, пуще прежнего.

— Спирка, а, Спирка, поганец, слушай: Сын одесную Отца на престоле сидит. Да и ладно так, дитятко бешеное, не замай Его, не пихай поганым своим языком с престола того царского к ногам Отца!.. (с.664).

Возможно, из того же источника попала в роман и следующая фраза, вложенная в уста старца Спиридона: «А по-вашему кучею надобно, едино Лицо?» (с.662). Так обращался в пылу спора протопоп Аввакум к дьякону Федору: «Федка, а Федка, по твоему кучею надобе, едино лице и един состав и образ!» 30.

В гораздо меньшей степени использовал Мережковский сочинения самого дьякона Федора. С уверенностью можно назвать лишь «Послание ко всем православным о Антихристе»:

Послание:

И самого еще антихриста ныне несть, не видим и не слышим, — не ужасайтесь: предотечи же его быша мнози, и ныне есть, и по сих еще инни будут до сына погибельного³¹.

Мережковский:

Чего испугались? Самого-то нет еще, не видим и не слышим. Предтечи были многие, и ныне есть, и по сих еще будут (с.659).

В текст романа «Петр и Алексей» вошли цитаты из послания дьякона Федора сыну

Максиму и «прочим сродникам и братьям по вере», но, поскольку те же фрагменты попали и в «Сказание о распрях», точный источник цитат установить трудно:

Послание сыну Максиму:

А он, Лазарь поп, часто пряся со мною, вопит, глаголя: Троица рядком седит, — Сын одесную, а Дух Святыи ошуюю Отца на небеси на разных престолах, — яко царь з детми седит. Бог Отец, — а Христос на четвертом престоле особном седит пред Отцем небесным! И Аввакум от него приял той злый толк, еже четверити Троицу трисвятую³².

...как придет существом, так сожжет и опалит всех на земли... Аще бы самое существо-де сошло в Девуцу-ту Христову мать, так бы и сожгло ея чрево-то!³³

И аще они уведают в вас, братие, таковое христоненавистное новое злочестие и подобную мудрость, и за то вас начнут паки мучити и убивати: неповинны уже будут пред Богом и святыми его, и вам те муки их начало болезнем будут вечных мук³⁴.

Мережковский:

...Брат Спиридон... крикнул во весь голос:

— Троица рядком сидит, Сын одесную, а Дух ошуюю Отца. На разных престолах, не спрятав, сидят три Царя Небесные, а Христос на четвертом престоле особном!

— Четверить Троицу! — закричали отцы в ужасе (с.662)³⁵.

Аще бы существом сошел на землю, всю бы вселенную попалило, и пречистой Богоматери чрево не возмогло бы понести всего Божества — так бы и сожгло ей чрево-то! (с.662).

И ежели они про то уведают и начнут нас паки мучить и убивать, то уж неповинны будут пред Богом, и нам те муки начало болезням будут вечных мук (с.663).

Особо следует остановиться на двух памятниках раннего старообрядчества, которые Мережковский использовал наиболее полно. Это уже упоминавшееся «Сказание о распрях, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем» и «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» Евфросина.

Составленный современником по следам событий и написанный живым, образным языком, трактат Евфросина послужил для Мережковского незаменимым источником по проблеме самосожжений и самоуморений в старообрядчестве. Из «Отразительного писания» Евфросина Мережковский прежде всего почерпнул описания самосожжений:

Евфросин:

...и се тии насмертницы опалени, кииждо где же лежаше вразнь от себе, кождо плоти с телесы прежахусы в том многом пламени, совлечени же бяху и скорчени: глава бо с ногами, аки вервью, съкрутиса и в прудках лежаше... крови врящиса и горе клокочущи и яко пена возбывашеся ключем, яко же и в горшке житкое по обычаю кипит и пену врящую горе посылает...³⁶

Пришед на пожар, Феодора видит позор ужастен: телеса згоревших лежат, в толстоту велику раздулись, а огнем упеклись, жареным мясом пахнут; иные же лежат целы, а за что потянешь, то и оторвется; пси же ту ходят, рыла зачерневши, печеных тех мяс ядуше, окаяннии (с.23-24).

Мережковский:

Мать Голендуха... устрасала всех рассказами о том, как тела в огне пряжятся и корчатся, голова с ногами аки вервью скручиваются, а кровь кипит и пенится, точно в горшке варево. Как, после гари, тела лежат, в толстоту велику раздувшись и огнем упекшись, мясом жареным пахнут, иные же целы, а за что ни потянешь, то и оторвется. Псы ходят, рыла зачернивши, печеных тех мяс жрут, окаянные (с.669-670).

Из этого же источника Мережковский берет слова старообрядцев, идущих на самосожжение:

Евфросин:

Младенцы вищаху, болшия кричаху: беги, беги в поломя, зажигайся! не медли! уходи от мучителей! (с.59)

Тебе ради, Господи, и за веру Твою и за любовь Сына Божия едиnorodного умираем... не щадим себе сами... души за Тя полагаем с любовью и да не нарушим своего крещения, сожигаем себе огнем и да в той вере умрем, в коей родились... точию мы антихриста ненавидяще, умираем за любовь Твою пречистую (с.106; «рыдательное вопиение» сожигающихся).

Мережковский:

Бабы и дети громче мужиков кричали: — Беги, беги в полямя! Зажигайся! Уходи от мучителей! (с.667).

Старец осенил насмертников крестным знаменем и... произнес торжественно:

— Тебя ради, Господи, и за веру Твою, и за любовь Сына Божия Единородного умираем. Не щадим себя сами, души за Тя полагаем, да не нарушим своего крещения, принимаем второе крещение огненное, сожигаемся, Антихриста ненавидя. Умираем за любовь Твою пречистую! (с.670).

Дословно и в пересказе вошло в текст романа видение мужику в Поморье, которое описано у Евфросина:

Евфросин:

В Поморьи же мужик подобие виде: огневою боляше и ум ему отступаше; виде же згоревших во светлем месте и венцах, а на другом месте колесо вертячее страшно, в том человек мучет обращающа и глас оглашая: се место не хотевших самозгорети, но во ослабе живущих и антихристу работающих; иди и проповеждь во всю землю, да вси погорят! Укану ж мужику капля от вертячего колеса, мужик от сна возбнул, а губа згнила; и проповедал людем: добро де гореть, а се де мне знамение покойники сделали, кои не хотели гореть (с.71).

Мережковский:

А мужику в Поморье было иное видение. Огневицей лежал он без памяти и увидел колесо вертящееся, огненное, и в том колесе человек мучимых и вопиющих: се место не хотевших самозгореть, но во ослабе живущих и Антихристу

работающих; иди и проповеждь во всю землю, да все погорят! — Уканула же ему капля на губу от колеса. Мужик проснулся, а губа сгнила. И проповедал людем: добро-де гореть, а се-де мне знамение на губе покойники сделали, кои не хотели гореть (с.669).

Также пересказан в романе эпизод мучения отрока Григория, взятого живым из Дорской «гари»:

Евфросин:

Григорья отрока, сострадалца Ондроникова, везущи на пути, воины много бияху: привезше же его на Колмогоры, влечаху в соборную церковь, два под руки, а третей созади рея; и привлечен паде на лавку. Поп со дьяконом приидоша с причастием, а дьяки, растягше и развергши уста, нуждею вляяша во уста, неволею. Исплева же отрок. Дьякон же разгневася, толико его поразил за ланиту сверху рука и доле низу лежащую скрань отскочити от своих состав сотвори; отстала щека прочь и кость вся со зубами. От той бо язвы страдалец и умре (с.90).

Мережковский:

Одного отрока приволокли солдаты в церковь, положили на лавку, поп да дьякон пришли с чашею, а дьячки растянули его, раскрыли рот и на сильно влили причастие. Он выплюнул. Тогда дьякон ударил его кулаком по скулам так, что отскочила нижняя челюсть. От этой раны страдалец умер (с.656).

К «Отразительному писанию» Евфросина восходит и ряд фактов, которые Мережковский включает в описание самосожжения в 9-й книге романа.

Так, Евфросин в обличение проповедников самосожигательства — «плотых зажигаемых» — приводит следующий случай:

Некая же жена неспрадна тут пришла. Уже во дворе все загорелось. К воротам прибежала и от великаго ужаса младенца породила. А Кирил тот, псаломщик, подхватя отрока, по нужи его крестил да тут же в огонь к матери немедля и бросил; а то и крещение во имя Отца и Сына и Святаго Духа трижды погрузил (с.25).

Этот факт Мережковский разбивает на два эпизода. До того, как в срубе зажглись, «одна беременная баба только что родила девочку. Ее положили тут же на лавке, чтобы крестить крещением огненным» (с.684). Когда же вспыхнул огонь, «старец схватил новорожденную, перекрестил: “Во имя Отца, Сына и Духа Святаго!” — и бросил в огонь — первую жертву» (с.685).

Из сочинения Евфросина Мережковский берет целый ряд деталей. Пригоровившиеся к самосожжению выбрасывают из окна гонителям свою одежду — «порты, сарафаны, тулупы, рубахи и чуйки» (с.683). Повидимому, этот малоизвестный в истории самосожжений факт восходит к фразе Евфросина: «зажигатель изверже из огня портище овчин» (с.76). Описывая ужас, охвативший людей в загоревшемся срубе, Мережковский рассказывает о деде Михее, который «ухватился обеими руками за

край отверстия, чтобы выскочить, но семнадцатилетний внук ударил его бердышом по рукам, и дед упал в огонь» (с.685). В этом рассказе воспроизведен конкретный факт, описанный Евфросином: «Некто де старик уже пламенем затлел, скочил на забор, через хотел, и сынове де его роднии руце обсекоша бердышем, и он пребедной и упал так в огонь» (с.25).

Широко использовал Мережковский в своем романе также «Сказание о распрях, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем», написанное противником онуфриан (признававших письма) Тимофеем Лысениным около 1710 г.³⁷ В этом памятнике описание полемике предварялось изложением точек зрения протопопы Аввакума и дьякона Федора. Отсюда Мережковский в дополнение к фрагментам, взятым из сочинений того и другого писателя, заимствует некоторые аргументы в споре, в частности, о форме креста:

Сказание:

А Федка прелагатай со единомысленники проклят да есть!.. Собака, блядин сын, адов пес!.. И ты слышателю разумей Христов и Петров крест: у Христова над титлом чыбышок, а у Петрова над колодкою чыбышка нет (Материалы. Т.8. С.222-223).

Мережковский:

— Разумей, Федька, враг Божий, собака, блядин сын, адов пес — Христов* и Петров крест: у Христова чебышок над колодкою, а у Петрова нет чебышка, — доказывал осипшим голосом брат Ульян... (с.665).

Из «Сказания» берет Мережковский материал для богатых диалогов, которые составляют основное содержание рассматриваемой главы:

Сказание:

Кто ему сказал, или когда видел — не спрятався сидят три Цари небесныя?.. И како не опалися язык написавшаго таковая? Его же бо архангели и вся воинства небесная не могут зрети, но токмо славят и поют, а не испытуют... (Материалы. Т.8. С.283).

...он (старец Арсений. — Е.Ю.) изрек о трех равных существах: я-де за три равныя существа умру, у мене-де и огнем из души не выжжеш (Материалы. Т.8. С.276).

У Федора же прилучися в то время вязовая дубина в руках своих, и потрясый ею пред старцем и рече: безумие, безумие калугере, обетшале денми! Как такою дубиною судия градский да станет ты по бокам похаживать, так ты скажеш едину у себя веру: либо трисушную, или единосушную! А то стало тебе на воле, так ты и бредиш, что хош! А нам Феодор изрече: мир вам, братие о Христе! (Материалы. Т.8. С.276-277).

Мережковский:

...увещевали старцы. — Кто тебе сказал, или когда видел: особно и не спрятався, сидят три

Царя Небесные? Его же бо ангелы и архангелы не могут зрети, а ты сказал: не спрятався, сидят! И как не опалися язык сказавшаго таково?.. (с.662).

Но Спиридон продолжал вопить, надседаясь:

— Три, три, три! Умру за три! У меня-де и огнем из души не выжжеш!.. (с.662)

О.Пров, седой, как лунь, но еще крепкий и кряжистый старик, махал перед самым носом о.Иерофея вязовою дубиною.

— Ерстичище безумный! Как такою дубиною судия градской да станет ты по бокам похаживать, так ты скажеш едину у себя веру, трисушную, либо единосушную. А то стало тебе на воле, так и бредиш, что хошь...

— Мир вам, братья о Христе! — раздался голос тихий... (с.663).

В качестве монолога Мережковский использует фрагмент из письма старца Онуфрия Тимофею Лысенину:

Сказание:

Тимофей Матфевич! Спаси Бог на поученье твоём, что нас неразумных поучаеш и наказуеш. А хорошо бы, друг, нам мера своя знать. Высоко ты летаешь, да лише бы с высоты тое не свалится низу. От ково ты учительское-ть сан восприял и кто тебе во 'учители-те поставил? Все учителя стали, а послушать некому! Горе нам и времени сему и живущим в нем! Дитя ты молоденькое, а дерзаеш высоко. А нам, право, и слушать не хочется учительства твоего. Учи себе кто твоему разуму последует; а от нас, пожалуй, поотступи. Хороши вы учителя! Иной пришол грозит: палками-де прибьем! Добро, увидим, как станите бить (с.286-287).

Мережковский:

— Спаси Бог на поучении твоём, — продолжал он вдруг изменившимся, дрожащим от ярости голосом, — что нас, неразумных, поучаеш и наказуеш! А хорошо бы, друг, и меру свою знать! Высоко летаешь, да лишь бы с высоты той не свалиться вниз! От кого ты учительской-от сан восприял, и кто тебя в учителя поставил? Все ныне учителя стали, а послушать некому! Горе нам и времени сему, и живущим в нем! Дитя ты молоденькое, а дерзаеш высоко. Нам, право, и слушать-то тебя не хочется. Учи себе, кто твоему разуму последует, а от нас поотступи, пожалуй. Хороши учителя! Иной дубиной грозит, а иной любовью льстит (с.664).

В тексте романа «Петр и Алексей» обнаруживаются следы знакомства Мережковского с памятниками выговской литературной школы XVIII в. — «Историей о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова и «Историей Выговской пустыни» Ивана Филиппова. Из сочинения Семена Денисова, описывавшего события осады Соловецкого монастыря в 1668-1676 гг., Мережковский цитирует несколько фраз:

«История» Семена Денисова:

...Игнатий, мудрости воду яко губа почерпе...³⁸

Иоанн нарицасмый *Похабный*, иже блаженным похабством, благодати предзрети будущая сподобися³⁹.

*В данном издании опечатка: вместо Христос надо Христов.

Мережковский:

О.Иерофей был муж ученый; «книжную мудрость и разум, яко губа воду, в себя почерпал» (с.661).

О.Иларий рассказывал Тихону о... о.Трифоне, нарицаемом Похабный, «иже блаженным похабством прозревать будущее сподобился» (с.750).

Видимо, из «Истории о отцах и страдальцах соловецких» взял Мережковский число погибших в Палеостровскую «гарь» (1687 г.) — 2700 человек (с.668)⁴⁰. Сравнение «яко сладковещательная ластовица» (с.661) заимствовано из «Истории Выговской пустыни», где так был поименован писатель Семен Денисов⁴¹. К скиту Долгие Мхи отнес Мережковский факт из истории Выговской пустыни. В романе изложено предание, согласно которому на Керженец пришли три поморских старца:

Братия сходилась к ним. Старцы завещали ей, умирая, все трое в тот же день и в тот же час: «Живите тут, где мы благословили, детушки, хотя и много ходите да нищете, такого места не найдете — тут сорока-ворона кашу варила, и быть скиту большому» (с.651).

Здесь цитируются (не совсем точно) слова, которые говорил Андрею Денисову, одному из основателей Выговской пустыни, его отец — Дионисий Евстафьев, когда в начале XVIII в. выговцами предпринимались попытки переселения на новое место жительства:

...Оный Дионисий запрещаше сыну мест искасти и глагола им простою речью: хотя и много ходиш да ищеш да тут сорока кашу варила, таковское сие место по времени, и бысть тако по его проречению⁴².

В «Историю Выговской пустыни» вошел целый ряд глав о самосожжениях в Поморье в конце XVII в. Отсюда Мережковский заимствует факт, имевший место в одну из Дорских «гарей»:

История Выговской пустыни:

...онные гонители между окном бревном проломиша, два или три бревна выбиша вон и дым ис часовни весь хлынул в полое место, и онные гонители из огня начаша людей кокотами волочити вон и коих выволочат, водой отливаху... (с.65-66).

Мережковский:

Осаждавшие выбили два, три бревна. Дым хлынул в полое место. Солдаты, просунув кокоты, стали выводакивать горевших и отливать водой (с.685).

Из этого же источника берет Мережковский описание видений, происходивших во время Палеостровской и Пудожской «гарей»:

История Выговской пустыни:

Егда загореша церковь... и после большаго дыму из самые церковныя главы... изыде отец Игнатий

с крестом в великой славе и светлости, и поднявша пойдя в высоту и за ним прочии старцы и народа множество безчисленное, вен в белых ризах, в великой светлости и славе рядами идяху за оным отцем Игнатием горе к небеси и прошедше небесныя двери, к тому невидимы быша (с.43-44).

И бысть ночь темна, в ню же смотря караул на огнище, виде с небеси спустившееся подобие столпа вельми светлаго и разными цветущаго цветы, все огнище окруживше. Они же прилежно смотряху и зряху сошедшыя с высоты столпа три мужа в белых ризах в великой славе святащися... и хождаху онии мужие около огнища на посолонь, един в руках имея крест, благословящий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и с фимианом и кадяше огнище... и вен купно тихим пояху гласом и обшедше три краты, и вшедше в столп и столп взят бысть с ними на аер... И последи того многие видяще на том месте против вселенских субот в нощи горящии свечи и дивившася сему (с.64).

Мережковский:

В скиту Палеостровском... было видение: когда загорелась церковь — после большаго дыму, из самой главы церковной, изшел о.Игнатий со крестом, а за ним прочии старцы и народа множество, все в белых одеждах, в великой славе и светлости, рядами шли на небо и, прошедши небесные двери, сокрылись (с.668).

А на Пудожском погосте... ночью караульные солдаты видели спустившийся с неба столп светлый, цветами разными цветущий, подобно радуге; и с высоты столпа сошли три мужа в ризах, сиявших как солнце, и ходили около огнища посолонь; один благословлял крестом, другой кропил водой, третий кадил фимианом, и все трое пели тихим гласом; и так обойдя трикраты, опять вошли в столп и поднялись на небо. После того многие видели в кануны Вселенских суббот в ноци на том же месте горящие свечи и слышали пение неизреченное (с.668-669).

В своей работе над романом «Петр и Алексей» Мережковский обратился к антистарообрядческим полемическим сочинениям — «Розыску о раскольнической брынской вере» (1708 — 1709 гг.) Димитрия Ростовского и «Полному историческому известию о древних стригольниках и новых раскольниках» Андрея Иоаннова Журавлева. Из этих памятников Мережковский выбирал в основном факты, отличающие самосожигателей. Так, из «Розыска» заимствованы рассказы матери Голендухи с устрашающими описаниями пожара:

Розыск:

На месте же том, идеже сожгошася, смрад велий исхождаше долгое время, яко невозможно быше кому то место минушу пройти, не заткнувшу ноздрей своих. Многии же, им же случися в раннюю или в вечернюю зорю миновати место оное, слыша плачевныя на том месте гласы, аки под землею вопиющия: ох, погибли! ох, погибли! И свидетельствовашу мнози о таковых плачевных гласех...⁴³

[Два человека] узреша веру пламене в дыму двух бесов черных, по подобию ефиопов, по воз-

духу летающих, криле имеющих яко нетопыри (мышы летающия), радующихся и плещущих руками и вопиющих гласно: *наши, наши есте* (с.573).

И многия годы в том месте, где они сгорели, по вся ноци слышашася гласы плачевныя кричащия: *ох, погибли! ох, погибли!* (с.585).

Мережковский:

На пожарище смяд тяжкий исходит долгое время, так что невозможно никому пройти, не заткнувши носа. А во время самой гари, вверху пламени, видели однажды двух бесов черных, наподобие эфиопов, с нетопырьими крыльями, ликующих и плещущих руками, и вопиющих: *наши, наши есте!* И многие годы на месте том каждую ночь слышались гласы плачевные: *ох, погибли! ох, погибли!* (с.670).

К «Розыску» восходят некоторые слова самосожженцев, обращенные к воинской команде:

Розыск:

И егда тин к прельщенным доидоша, Васька... глаголаше к пришедшим: *мы горим здешним огнем, вы же огнем вечным и ныне горите, и тамо горети будете: отъидите отсюду; егда бо начнет селитра и порох рвати хоромы, тогда и вас бревнами побьет* (с.582).

Мережковский:

Вдруг окошко открылось и старец крикнул: — *Отойдите! Как начнет селитра и порох рвать, тогда и вас побьем бревнами!* ...старец... закричал с неистовой яростью: — *...Мы горим здешним огнем, вы же огнем вечным и ныне горите и там гореть будете!* (с.683)

Из «Розыска» Димитрия Ростовского, по-видимому, взята цифра 1920 сгоревших в Пудожской «гари» (с.668) ⁴⁴.

Из «Полного исторического известия» протоиерея Андрея Иоаннова Журавлева Мережковский заимствует несколько фактов. Один из них передан почти дословно:

Полное историческое известие:

В 1781-м году на Светлой неделе Пасхи, Киевской губернии, в олободе Злынке, один из сих злодеев перекрестил жену свою беременную и трюх детей, которых всех в ту же ночь сонных убил, для того, чтобы новокрещенных мучеников удобнее отправить в рай. По утру же сам пришел в тамошнее правление и, дерзновенно объявляя о себе, говорил: «Я мучитель был своим, а вы будете мне; и так они от меня, а я от вас пострадаю, и будем вкупе за старую веру в царстве небесном мученики» ⁴⁵.

Мережковский:

Некий муж благочестивый перекрестил жену беременную с тремя детьми и в ту же ночь сонных зарезал. А поутру пришел в приказ и объявил: «Я мучитель был своим, а вы будете мне; и так, они — от меня, а я от вас пострадаю; и будем вкупе за старую веру в царстве небесном мученики» (с.656).

Вошедший в роман рассказ о попытке самоуморения двадцати человек, посаженных в ригу, а затем по приказу старца

сожженных (см. с. 674), является пересказом «Повести Ксенофонта о морельщиках», опубликованной Андреем Иоанновым Журавлевым ⁴⁶.

Помимо литературных памятников, Мережковский при работе над романом «Петр и Алексей» пользовался, как удалось установить, документальными источниками, вошедшими в «Раскольничьи дела» Г. Есипова. Отсюда заимствованы целые сюжетные линии и эпизоды романа, в частности связанные с Ларионом Докукиным (с.319-324, 356, 639-640, 643) ⁴⁷, Григорием Талицким (с.369) ⁴⁸, Аленой Ефимовой (с.360, 366-367) ⁴⁹. В романе находим точные цитаты из пересказа Есипова и фрагменты из опубликованных им дел ⁵⁰.

Выявление старообрядческих источников романа «Петр и Алексей» позволяет проанализировать методы работы Мережковского над историческим романом.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что как писатель Мережковский остро чувствовал язык изучаемых источников. Образные фрагменты и цитаты выбраны из сочинений протопопа Аввакума. Ряд выражений афористического характера позаимствован из трактата Евфросина, например: «в огонь да в воду только и уходу» (с.656. Ср.: Евфросин. С.38), «я старик крижик, а вы детки подгнедки» (с.673. Ср.: Евфросин. С.27), «сатана за кожу тебе залез» (с.665. Ср.: Евфросин. С15), «заблудящий скот» (с.665. Ср.: Евфросин. С.82). Не мог Мережковский пройти мимо и чрезвычайно выразительного описания спора «плотых зажигателей»:

На поддачу же Андрей, яко ерш из воды, выя колом, а глава копылом, весь дрожа и трясыясь от великия ревности, кости сожимахуся, члены щепетаху, брада убо плясаше, а зубы щелкаху, глас же его бьяше яко верблюда в мести, непростим и неукротим и ужастив от страны (Евфросин. С.52).

Это описание Мережковский использовал в главе о сходе в Долгих Мхах, отнеся его к о. Трифилию (с.665).

О том, что Мережковский хорошо владел текстами источников, свидетельствуют примеры, когда из цитат, взятых из различных памятников, слагается единый текст:

Аввакум. Беседа о Аврааме:

Всяк верный не развешивай ушей тех и не задумывайся: гряди со дерзновением во огонь и с радостию Господа ради постражи... (Материалы. Т.5. С.355).

Аввакум. Послание Симону:

Держайте всенадежным упованием. Таки размахав, да и в пламя! На осьь (вот), дявол, еже мое тело; до души моей дела тебе нет! (Материалы. Т.5. С.213).

Авакум. Беседа о Аврааме:

Ныне нам от никоньян огонь и дрова, земля и топор, нож и виселицы: тамо же ангельския песни, и славословие, и хвала и радование (Материалы. Т.5. С.354-355).

Авакум. Книга на крестоборную ересь:

Тогда, егда оживотворит мертвенная телеса наша Духом Святым, что робенок из брюха, вылезем паки из земли, матери нашея (Там же. С.269).

Евфросин:

Давно бешь ты, Иван, ...учеником своим вестить: пророцы де со апостоли не уйдут искуса, всех же святых лики пройдут ту реку, толко де свободни одне наши саможенцы, то де им искус, что ныне згорели, огненная же им река есть, что сами в огонь (с.64).

Мережковский:

— Всяк верный не развешивай ушей и не задумывайся, — проповедал старец, — гряди в огонь с дерзновением, Господа ради, пострадади! Так размахав, да и в пламя! На вось, диавол, еже мое тело; до души моей дела тебе нет! Ныне нам от мучителей — огонь и дрова, земля и топор, нож и виселица; там же — ангельские песни и славословие, и хвала, и радование. Когда оживотворятся мертвые тела наши Духом Святым — что ребенок из брюха, вылезем паки из земли-матери. Пророки и праотцы не уйдут от искуса, всех святых лики пройдут реку огненную — только мы свободны: то-де нам искус, что ныне сгорели; то нам река огненная, что сами — в огонь (с.667).

Другой пример:

Евфросин:

Набрав бо той чернец по сту и боле и всажал в ту свою морилню... и спущал их, бедных, потолком, а дверей и окон нет в той морилне, толко полати есть... спуща и потолк закрепит, чтоб хто не выдрался, а около приставлено спилухаторов пять-шесть... стерегут с дреколием и дубинами... О беды! по дни и по двою осужденницы... пищи вкусить прошают... Еще же два дня прождав, зелнее кричат... дай нам ясти. И тако мнози по трех и по четырех и по шести днеш умирают... в толикое доходит неистовство, яко превхвалное имя Господне похуляют и благословенную славу Господню проклинати начинают (Евфросин. С.11-12).

Полное исторические известие:

[Уговоренных «запоститься»] посхимив, сажают в пустую избу; а чтоб прежде времени не умертвили себя, снимают с них всю одежду, пояс и крест... они бедные тоскуют, тысящекратно раскаиваются, проклинают день рождения своего и прельстивших их, сами себя кусают и терзают (Ч.2. С.31-32).

Мережковский:

Запошевцев, посхимив, сажали в пустую избу, без дверей, без окон, только с полатями. Чтоб не умертвили себя, снимали с них всю одежду, пояс и крест. Спускали в избу потолком и потолок закрепляли, чтоб кто не «выдрался». Ставили караульных с дубинами. Насмертники мучились по три, по четыре, по шести дней. Плакали, молили: «дайте нам есть!» Собственное тело грызли и проклинали Бога (с.674).

Искусное соединение двух разных источников являет собой еще один пример:

Розыск:

[Два раскольнических учителя] таже начаша к попаде глаголати: сотвори, сестро, с нами Христову любовь. Она же вопроси их: какову любовь Христову с вами имам творити? Они же реша ей: буди с нами совокуплением плотским, то бо есть любовь Христова; она же ужасшия, рече: того ли ради вы мене от мужа моего подговорили есте?... и не соизволяше им на грех (с.595-596).

Евфросин:

Пошла с ним («иноком проповедником». — Е.Ю.) девица в лес, верст з двадцать; посередь лесу учитель нача нудить дщерь духовную. Плачет девица, Бога бойся, — утешает проповедник: огонь де нас очистит. Еще бедная упрямится, — запрещает учитель: аще не послушаеш, венца не получишь (с.37).

Мережковский:

Тихону вспомнился рассказ о том, как два старца увели одну девушку в лес, верст за двадцать, и среди леса начали нудить: «Сотвори с нами, сестра, Христову любовь». — «Какую, говорит, любовь Христову имею с вами творить?» — «Буди, говорят, с нами совокуплением плотским — то есть любовь Христова». Плачет девица: «Бога побойтесь!» А старцы утешают: «Огонь-де нас очистит». Еще бедная упрямится, а они запрещают: «Аще не послушаеш, венца не получишь!» (с.676).

Иногда источник подсказывал Мережковскому структуру текста. Следующий фрагмент из сочинения Евфросина, по видимому, подал писателю идею разбить обсуждение предстоящего самосожжения на разговоры в отдельных группах людей:

И старцы и младенцы весели и светли, в огонь и в воду готовы; младенцы играюще, друг друга учаше: поидем в огонь, на том нам свете рубахи будут золотныя, сапоги красныя, меду и орехов и яблук довольно (Евфросин. С.22).

Такой принцип позволил Мережковскому нанизать одну на другую целый ряд цитат:

Мережковский:

Инок убеждал инока:

— Какое-де покаянье — десять лет епитимья! Где-то поститься да молиться? А то, как в огонь, так и покаяние все — ни трудись, ни постись, да часом в рай вселись: все-то грехи очистит огонь. Как уж сгорел, ото всего ушел!

Дед звал деда:

— Полно уже, голубок, жить. Репа-де брюхо проела. Пора на тот свет, хоть бы в малые мученики!

Парнишки играли с девчонками:

— Пойдем в огонь! На том свете рубахи будут золотые, сапоги красные, орехов и меду, и яблук довольно.

— Добро и младенцы сгорят, — благословляли старцы, — да не согрешат, выросши, да не брачатся и не рождаются, но лучше чистота да не растлится! (с.668).

Евфросин:

Какое де покаяние — десять лет епитимия! где то-то потится и кланяется и молится, а то как в огонь, так и покаяние все; ни трудися, ни потися, да часом в рай вселися: все то грехи очистит огонь (с.48).

Как и се не прелесть? Лутчей Игнатей: полно де уже, голубок, жить; репа де брюхо проела, пора на тот свет, хоть бы попасть в малые мученички (с.69).

А zde многое число страдалец, а вси без ущербу, а сеи того ради да сожгутся... да не брачатся и рождаются, но лучши чистота да не растлится; добро ж да и младенцы згорят, да не возрастши согрешат и во всякую погибель уклонятся (с.17-18).

Часто писатель вводил в свой текст факты, сообщаемые источниками, и не прибегая к точной цитации. Это относится к сообщению о караульных, поставленных на крышу для дозора (с.672. См.: Евфросин. С.27-28); о «катышах, в роде ягод, из пахучего темного теста», съев которые, человек «переставал бояться огня и бредил им, как райским блаженством» (с.674. См.: Розыск. С.586-587); о холостых выстрелах по воинской команде (с.683. См.: Евфросин. С.81); об устройстве желобов с порохом (с.683. См.: История Выговской пустыни. С.41).

Мережковский вывел в романе парня Кирюху, «лютого зажигателя» (с.670, 677), о котором именно с такой характеристикой упоминает Евфросин (с.89). Из источников черпал Мережковский материал для описания персонажей своего романа. В «Отрастительном писании» сообщается о Капитоне:

...воздержен в посте, вериги на себе носил каменные: плита сзади, а другая спереди, по полтора пуда в обех, и всего весу три пуда, петля ему бе пояс, а крюк в потолке, и обе железны, и то ему постеля; процепя крюк в петлю, повисаше спати (с.10).

Мережковский использует эти сведения для характеристики старика-странника, пришедшего в Долгие Мхи:

Под заскорузылым овчинным тулупом, видимо, никогда не снимавшимся, висели каменные вериги на железных цепях, одна плита спереди, другая сзади; на голове — железный колпак; на поясе — железный пояс, вроде обруча с петлею. Тихон вспомнил про житие древнего подвижника Муромского Капитона Великого: петля была ему пояс, в крюк — в потолке, и то постеля; процепя крюк в петлю, да так повиснув, спал (с.658).

Мережковский разработал в романе применительно к о.Иерофею содержащийся в «Сказании о распрях» намек на двуличность старца Онуфрия (Материалы. Т.8. С.309, 311). Возможно, следующая фраза из «Сказания» («По Зиноне царства Анастасий Диккорс, еже есть разноок». — Материалы. Т.8. С.321) подсказала Мережковскому описание внешнего вида о.Иерофея:

У него был вид степенный, лицо белое, как просвирка, сытое, глаза голубые, немного раскосые и с разным выражением: в одном — христианское смирение, в другом — «философское кичение» (с.661).

В тексте романа находим случаи, когда отдельные эпизоды и даже фразы, восходящие к историческим источникам, разветвляются в целые образы и картины:

Розыск:

...детей малых, чтоб не убежали, сажают на лавках, и одежду их гвоздками около их крепко прибивают (с.605).

Мережковский:

Ребят-подростков усадили на лавки; одежду их прибили гвоздями так, чтобы они не могли оторваться; скрутили им руки и ноги веревками, чтобы не металась; рты завязали платками, чтоб не кричали (с.684).

Евфросин:

Чин же бе у них таков: егда уже загореся огонь, тогда елико их есть, зажгоша всяк кождо свою свещу (с.74).

Мережковский:

Потом, раздевшись донага, надели новые белые рубахи-саваны, а на головы — бумажные венцы с писанными красным чернилом, осьмиконечными крестами и стали на колени рядами, держа в руках свечи, дабы встретить Жениха с горящими светильниками (с.684).

Старообрядческой тематике полностью посвящена 9-я книга романа «Красная смерть», объединяющая в себе два самостоятельных сюжета, приуроченных к одному месту действия — скиту Долгие Мхи: братский сход для совещания о спорных письмах Аввакумовых и самосожжение. Проанализировав работу писателя с источниками, нельзя не прийти к выводу, что автору романа «Петр и Алексей» на основании разных, а порой и разноречивых источников удается нарисовать общую картину события и составить (в буквальном смысле — соткать) целостное о нем повествование.

Прекрасным примером в этом отношении может служить 2-я глава 9-й книги, посвященная братскому сходу. Основным источником этой главы послужило «Сказание о распрях» Тимофея Лысенина, на основании которого Мережковский описал один — как бы типичный — сход в скиту Долгие Мхи. Взяв за основу события, происходившие 16 июня 1708 г. в келье матери Голендухи, Мережковский сделал дискуссию более пространной и оживленной за счет цитат из протопопа Аввакума и дьякона Федора, из писем, адресованных Тимофею Лысенину, из высказываний участников других подобных сходов. Многие эпизоды этой главы имеют историческую подоснову: на одном из сходов размахивал дубиной Федор Турка (Мате-

риалы. Т.8. С.276) — у Мережковского о.Пров (с.663); эпизод, аналогичный происшедшему между о.Мисаилом и о.Иерофеем (с.663-664), имел место после схода 27 апреля 1708 г., когда Тимофей Лысенин столь же безуспешно пытался убедить Онуфрия отложить спорные письма (Материалы. Т.8. С.268-273); упоминаемые Мережковским случаи рукоприкладства участников спора (с.666. Ср.: Материалы. Т.8. С.294) и даже вооруженного нападения (с.666) действительно однажды случались (последний, в частности, 6 октября 1708 г., когда подкупленные Онуфрием трудники и бортники напали на противников писем)⁵¹.

Помимо «Сказания о распрях», Мережковский обратился к «Раскольничьим делам» Г.Есипова, который в главе «Керженцы в царствование Петра Великого» дополнил сведения «Сказания» по некоторым более поздним источникам, в частности, здесь говорится, что окончательное утверждение отречения онуфриан от спорных писем протопопа Аввакума произошло в 1717 г., после смерти самого Онуфрия⁵², поэтому Мережковскому, отнесшему

сход в Долгих Мхах к 1718 г., пришлось заменить главного героя «Сказания» о.Онуфрия на другое историческое лицо — Иерофея, ученика старца Онуфрия⁵³.

В главе о братском сходе Мережковский не только опирался на различные письменные источники; обрисовывая место действия, писатель использовал свои личные впечатления, полученные во время путешествия к Светлояру, и прежде всего от посещения Чернухинского и Комаровского скитов, где удалось осмотреть кельи и молельные. Дневник З.Н.Гиппиус подтверждает фактографическую точность описания Мережковского⁵⁴.

Анализ текста романа «Петр и Алексей» показывает, сколь основательной была опора его автора на старообрядческие источники, которые он внимательно изучал (по всей видимости, прибегая к выпискам) и текстами которых владел достаточно свободно. Такой метод работы дал Мережковскому возможность не только развить и углубить идеи, лежащие в основе трилогии «Христос и Антихрист», но также обогатить стилистику и язык романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О влиянии на формирование концепции трилогии идей Г.Ибсена, переосмысленных Мережковским и введенных им в русло русской религиозно-философской традиции, см.: Фридлиндер Г.М. Д.С.Мережковский и Генрик Ибсен: (У истоков религиозно-философских идей Мережковского) // Русская литература. 1992. № 1. С.43-57.

² См.: Долинин А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века. (1890-1910) / Под ред. С.А.Венгерова. М., 1915. Т.1. С.295-356; Лундберг Е. Мережковский и его новое христианство. СПб., 1914.

³ См.: Панченко А.М. Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С.8-9.

⁴ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Мережковский Д.С. 14 декабря; Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский / Сост. и вступ. ст. О.Н.Михайлова. М., 1990. С.323.

⁵ Там же. С.369.

⁶ Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. М., 1855; 3-е изд.: СПб., 1889; Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. Рязань, 1893; 2-е изд., испр., доп.: СПб., 1895.

⁷ См., напр.: Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и первой половине XVIII. Казань, 1859; Юзов И. Русские диссиденты: Староверы и духовные христиане. СПб., 1881; Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.

⁸ Сахаров Ф. Учение об Антихристе у первых расколуучителей // Тамбовские епархиальные ведомости. 1878. № 20-24; Левицкий Н. Учение раскола об Антихристе и последних днях мира по челобитным, поданным царю Алексею Михайловичу // Странник.

1880. Август. С.526-567; Нильский И.Ф. Об Антихристе. СПб., 1899; Баснин П.П. Раскольничьи легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. Т.92. № 5. С.513-548.

⁹ Добротворский И. Русский раскол в его отношении к церкви и правительству // Православное обозрение. 1862. Ч.1. С.364-392; Формаковский В. О противогосударственном элементе в расколе // Отечественные записки. 1866. Т.169. С.487-518, 629-659.

¹⁰ А.Б.<ровкович>. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Т.1-2; Максимов С.В. Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям. СПб., 1861; Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря (Три памятника из первоначальной истории старообрядства). СПб., 1862; Филиппов И. История Выгской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т.2.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф.359. Ед.хр.93. Л.4.

¹² Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. С.328-329.

¹³ Мережковский Д. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. (1890-1910). Т.1. С.293.

¹⁴ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. С.369.

¹⁵ См.: Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: III. Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д.С. Собр. соч. В 4 т. М., 1990. С.370. Далее указание на страницы данного издания романа приводится в тексте в скобках после цитаты.

¹⁶ Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвращение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1981. Т.36. С.149-150.

¹⁷ Подробнее см.: Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эска-

тологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С.38-60. Здесь же дана библиография вопроса.

¹⁸ Идея о Петре I — Антихристе, по-видимому, вообще занимала Мережковского-мыслителя. Во вступлении к роману «Л. Толстой и Достоевский» он писал: «...Мы принадлежим к народу, который дал миру, может быть, единственное, величайшее во всей новой европейской истории воплощение сверхчеловеческой воли — в Петре. Религиозная часть русского народа сложила странную и доныне мало исследованную легенду о Петре как об Антихристе, об апокалиптическом "Звере, вышедшем из бездны"» (Мережковский Д. С. Поли. собр. соч. СПб.; М., 1912. Т.7. С.7).

¹⁹ «Лучшим, местами безукоризненным» произведением Мережковского-художника называл роман «Петр и Алексей» даже такой далекий от доброжелательности критик, как Е. Лундберг (Лундберг Е. Мережковский и его новое христианство. С.32).

²⁰ См.: Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест... С.42.

²¹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т.1. С.24. Ср. слова Петьки Жизлы: «Кого припечатает, тому и хлеба дадут, а на ком печатей нет, тому хлеба давать не будут, помирай с голоду. Ох, братики, братики, страшное дело!..» (с.361).

²² К началу XX в. сочинения протопопа Аввакума несколько раз издавались (Н. И. Субботиним, Братством св. Петра Митрополита, А. К. Бороздиным). Библиография литературы об Аввакуме на 1900 г. дана в книге: Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. 2-е изд. СПб., 1900. С. X-XI.

²³ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1879. Т.5: Сочинения бывшего юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова.

²⁴ В современном литературоведении это послание считается третьим (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С.172).

²⁵ См. также: Житие протопопа Аввакума. С.166-167.

²⁶ В современном литературоведении Беседа первая из «Книги бесед» (см.: Житие протопопа Аввакума. С.82-83).

²⁷ В современном литературоведении Беседа восьмая из «Книги бесед».

²⁸ В современном литературоведении Беседа четвертая.

²⁹ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум... Приложения. С.122. До публикации А. К. Бороздина этот фрагмент цитировался по рукописи в работах П. С. Смирнова, см.: Смирнов П. С. Споры в расколе по догматическим вопросам в XVII в. // Христианское чтение. 1897. Июль. С.72; Он же. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. С.221.

³⁰ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум... Приложения. С.119. Это высказывание протопопа Аввакума цитировали также Дмитрий Ростовский в «Розыске о раскольничьей брынской вере» (М., 1847. С.78) и Тимофей Лысенин в «Сказании о распрях на Керженце» (Материалы... М., 1887. Т.8. С.220). Оба эти сочинения использовались Мережковским в качестве источников. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в работах П. С. Смирнова эта цитата из Аввакума приведена в таком же урезанном виде: «Федька! По твоему кучю надебе, едино лицо» (Смирнов П. С. Споры в расколе... С.71; Он же. Внутренние вопросы... С.220).

³¹ Материалы... М., 1881. Т.6. С.264.

³² Там же. С.107-108. См. также: «Сказание о распрях на Керженце»: Материалы... Т.8. С.228.

³³ Материалы... Т.6. С.114. См. также: «Сказание»: Материалы... Т.8. С.231.

³⁴ Материалы... Т.6. С.135. См. также: «Сказание»: Материалы... Т.8. С.238.

³⁵ Здесь Мережковский процитировал также «Сказание о распрях»: «Не спрятався сидят три Цари небесныя» (Материалы... Т.8. С.219).

³⁶ Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против саможжения 1691 г. / Сообщ. Хр. Лопарев. СПб., 1895. С.77 (ПДП. Т.108). Далее страницы указываются в скобках после цитаты.

³⁷ «Сказание» было опубликовано в т. 8 «Материалов» Н. И. Субботина (Материалы... Т.8. С.204-353). В пересказе «Сказание» вошло в «Раскольничьи дела» Г. Есипова (Есипов Г. Раскольничьи дела. Т.2. С.203-277). Работу Мережковского именно с 8-м томом «Материалов» подтверждает хотя бы такой мелкий факт. Цитируя «Сказание», Мережковский пишет: «О. Иерофей все увиливал — "глаголат семо и вамо"» (с.662). Эта цитата содержит ошибку, восходящую к опечатке, допущенной в «Материалах»: «Зря по людех, семо и о вамо глаголет» (Материалы. Т.8. С.258) — древнерусское наречие «овамо» («туда») ошибочно напечатано раздельно.

³⁸ Есипов Г. Раскольничьи дела. Т.2: Материалы и Приложения. С.11.

³⁹ Там же. С.9.

⁴⁰ Там же. С.48.

⁴¹ Филиппов И. История... С.87.

⁴² Там же. С.106. Далее страницы указываются в тексте.

⁴³ Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольничьей брынской вере. М., 1847. С.581-582. Далее страницы по этому изданию указываются в тексте после цитаты.

⁴⁴ См.: Розыск. С.585. Сведения о числе сгоревших в самосожжении в Пошехонском уезде даны Дмитрием Ростовским со слов бывшего приходского попа.

⁴⁵ Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. Изд. 5-е. СПб., 1855. Ч.2. С.33.

⁴⁶ Там же. Ч.4. С.137.

⁴⁷ См.: Есипов Г. Раскольничьи дела. Т.1. С.157-184.

⁴⁸ Там же. С.59-84.

⁴⁹ Там же. Т.2. С.192-194, 198-202.

⁵⁰ См.: Мережковский. С.321. Ср.: Есипов Г. Раскольничьи дела. Т.1. С.183-184.

⁵¹ См.: Материалы. Т.8. С.308.

⁵² Есипов Г. Раскольничьи дела. Т.2. С.259.

⁵³ Однако подписи Иерофея (как и подписи Онуфрия) не было на «Мировом свитке» 9 июня 1717 г. (текст его опубликован Андреем Иоанновым Журавлевым. См.: Журавлев А. И. Полное историческое известие... Ч.3. С.3-5).

⁵⁴ См.: Гиппиус З. Н. Светлое озеро. Дневник // Новый путь. 1904. Янв. С.160-161; Февр. С.20. В Чернухинском женском скиту Мережковским показали моленную: «Вся стена против входа занята образами, сплошь. Образа идут и по боковым стенам... Лежат кожаные книги... Моленная высока, прохладна; чуть пахнет ладаном, деревом и воском» (Гиппиус З. Н. Светлое озеро. С.160-161). Ср. описание Мережковского: «Кругом, вдоль бревенчатых стен, стояли на полках образа... По стенам лавки. На них толстые книги в кожаных и деревянных переплетках... Пахло воском, кожей, потом и ладаном» (с.661).

С.Н.ДОЦЕНКО

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ А.М.РЕМИЗОВА

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь...

И. Анненский. Петербург (1910).

Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А. Ахматова. Петроград (1919).

А. Ремизов как один из «соавторов» «петербургского текста» (в первую очередь — символистского его «извода») уже привлекал внимание исследователей¹. Но общая черта большинства работ — попытка рассмотреть преимущественно какой-либо один фрагмент ремизовского «петербургского текста»: «сна» «Обезьяны» (1905), повести «Крестовые сестры» (1909-1910), романа «Пруд» (1911), мемуарной книги «Взвихренная Русь» (1917-1923). При этом не учитывается динамика становления ремизовской редакции мифа о Петербурге — соотношение различных трансформаций ремизовской трактовки Петербурга (и всего комплекса идей, тем, мотивов, связанных с «петербургским мифом»). Только в недавней статье М.В. Безродного делается попытка показать различия в осмыслении Петербурга Ремизовым на разных этапах его писательской эволюции². Кроме того, отчетливо заметна тенденция увидеть в ремизовской интерпретации петербургского мифа черты сходства с трактовками других писателей-современников и, соответственно, включить Ремизова в один ряд с писателями, увидевшими в Петербурге «проклятый» город, которому уготована неизбежная гибель апокалиптического масштаба, напророченная, согласно легенде, Евдокией Лопухиной: «Петербургу быть пусто»³. В результате ремизовский вариант петербургского мифа предстает как созвучный — в главных своих чертах — общесимволистской концепции, нашедшей отражение в творчестве Д. Мережковского, З. Гиппиус, И. Коневского, Е. Иванова, М. Волошина, Вяч. Иванова, И. Анненского, А. Белого и др. Такая точка зрения отчасти подтверж-

дается ранним ремизовским обращением к теме — «сном» «Обезьяны» (из цикла «Бедовая доля»), где Медный всадник действительно понят как апокалиптический «всадник, которому имя смерть» (Откр. св. Иоанна Богослова VI, 8)⁴.

Восходящий к славянофилам и почвенникам взгляд на Петербург как «чужой», «нерусский» город, не имеющий корней в русской истории и культуре, поначалу близок и Ремизову, коренному москвичу, не раз подчеркивавшему свое «московское» происхождение⁵. В Петербург Ремизов перебирается 1 февраля 1905 г., после нескольких лет странствий по России (с 1897 г. он жил в Пензе, Усть-Сысольске, Вологде, Херсоне, Одессе, Киеве). Но еще в 1904 г., оказавшись ненадолго в Петербурге, он высказывает свое первое впечатление о городе: «А мне Петербург не нравится, хотя он и лучше других»⁶. Некоторый «антипетербургский» настрой Ремизова не вызывает сомнений. Правда, отношение к Петербургу соседствует одновременно со сложным, неоднозначным отношением к Москве. 26 июня 1904 г. он пишет жене из Киева:

Мечтаю о Петербурге. Там я не буду на «родине», а буду у «чужих», т.е. и сам буду другим. Хожу своим шагом и говорю «какая» только в Москве. Но и ненавижу я эту Москву, кровно люблю⁷.

Несколько отчужденное восприятие Петербурга своеобразно отразилось в рассказе «Святой вечер» (1905), в котором вненациональная («нерусская») природа Петербурга подчеркнута недвусмысленно: герой рассказа, петербургский чиновник Скороходов, уезжает из Петербурга, чтобы справиться рождественский сочельник с обязательной по традиции кутьей: «Нет, если уж где справлять канун Рождества — Святой вечер, то, само собой, конечно, не в Петербурге»⁸. Предметом размышлений героя становится даже сама возможность появле-

ния деда Корочуна в Петербурге под Рождество: «Ой, что-то очень уж сомнительно, чтобы приятно было старому по Невскому путешествовать или где на Островах сидеть»⁹. Потому и «решил, наконец, Скорыходов <...> уехать вон из Петербурга, чтобы хоть один раз-единственный в своей стесненной жизни, да Святой вечер полюдски отпраздновать»¹⁰. Иными словами, Петербург предстает городом, чуждым русским народным обычаям и традициям, городом, в котором народный христианский праздник полюдски справить невозможно. Эта главная сюжетная коллизия рассказа заставляет вспомнить традиционное противопоставление Петербурга всей остальной России. И в «Крестовых сестрах» (1909-1910) «бунт» чиновника Маракулина против Медного всадника также отсылает к общесимволистской концепции Петра I и Петербурга. При этом, по справедливому замечанию В.Н.Топорова, в маракулинском монологе, обращенном к статуе Петра I, можно почувствовать «глубокий автобиографический подтекст»¹¹. Этот важный для идейной структуры повести эпизод не остался незамеченным и оказался столь памятным для критиков, что Иванов-Разумник и в 1917 г., рассуждая об отношении Ремизова к личности Петра I, продолжал опираться на этот эпизод повести, полагая, что именно здесь-то ключ к истинному пониманию писателем роли Петра в русской истории:

Как ненавидит Ремизов петровскую революцию! Как ненавидит Петра! — хотя чаще всего и таит это <...> И когда теперь, в своем «Слове», говорит он о Медном Всаднике, — прежнее проклятие и отчаяние звучат в новых словах...¹²

Иванов-Разумник в новых словах Ремизова увидел только «прежнее проклятие» — старую идею...

Но еще в начале 1910-х г. в сознании и творчестве Ремизова возникает новая концепция Петербурга. Показателен рассказ «Спасов огонек» (1913), в котором актуализируется и своеобразно решается вопрос *святости* Петербурга. Официальная («апологетическая») точка зрения на Петербург как «святой» город опровергалась вначале старообрядческой, а затем — славянофильской и «почвеннической» публицистикой и литературой. Отрицание «святости» Петербурга стало доминантой литературного сознания начала XX века¹³. В ремизовском рассказе эта точка зрения заявлена в самом начале: «В Петербурге Бога нет!»¹⁴ Что, собственно, и отличает Петербург от Ярославля или Костромы — как считает

безымянная героиня, простая русская женщина:

И как начала она в Петербурге эту временную свою службу, вся согнулась и Бога-то уж и не находит, — там, в Ярославле, где свой домишко был, Бог есть, остался, и в Костроме, где жила она у родственников, тоже есть, а в Петербурге нет!¹⁵

Мысль эта становится предметом авторских рассуждений.

«В Петербурге Бога нет!» — признаюсь, и я так думал, только совсем по-другому. Я книжному гадал: Петербург на болоте стоит, всем известно, в Петербурге туманы, почитай, круглый год, и сам Петербург, что туман, — придет час, нежданый и негаданный, и, как сон, все рассеется, одни болотные кочки останутся, какой уж там Бог! В Москве есть, в Киеве есть, в Ярославле и Костроме есть, а в Петербурге нет, и вместо Бога туман. Неужто только и есть, что туман?¹⁶

Источник «книжного» гадания Ремизова легко угадывается — это роман Достоевского «Подросток», реминисценция из которого очевидна:

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась страшная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подымеется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото <...>»¹⁷.

Утверждение об отсутствии Бога в Петербурге (и, соответственно, об отсутствии в нем «святости») подвергается Ремизовым сомнению:

Стал я доискиваться да докапываться, смотрю, а у нас в Зимнем дворце, в церкви мощи — Ивана Предтечи рука, государю Павлу Петровичу рыцари в дар прислали <...> Как же так, туман, болото, туман, а такая святыня — самого Христа крестила рука!¹⁸

Наличие в Петербурге великой святыни делает тезис о его безбожии более чем спорным. Но примечательней другой аргумент, приводимый Ремизовым в опровержение тезиса о безбожии Петербурга. Для этого писатель обращается к народной, фольклорной традиции восприятия и осмысления образа Петербурга — к традиции духовных стихов:

Стал я прислушиваться и среди народа нашего, того слоя его, и, может быть, самого глубинного, голубиного услышал я совсем другой стих и другая слава о Петербурге шла:

Свет ты наш, преславный Питер-град,
Ты прибежище Христу был вертоград!

Как же так? Народ русский голубиный всеми словами выговаривает, а мы туманы, болото, туманы видим, твердим о запустении, о пропаде нашем, одну гниль разглядели, огоньки болотные!¹⁹

Святость Петербурга утверждается устами «голубинового народа» — калек переходящих, странников-певцов — главных носителей идеи «Святой Руси». В повести «Крестовые сестры» Ремизов назовет их: «Бродячая *Святая Русь*»²⁰. Последний аргумент в пользу святости Петербурга тем более примечателен, что созвучен официальному мифу о Петербурге, сложившемуся в литературе и публицистике XVIII века²¹, т.е. «книжному» мифу. И наоборот, мотив «запустения», «пропада» Петербурга, генетически восходя к устной городской легенде (пророчеству Евдокии Лопухиной), становится главным и непререкаемым атрибутом «книжного», «литературного», «интеллигентского» мифа XIX — начала XX веков (от Гоголя и Достоевского до Мережковского и Белого). В рассказе Ремизова мы видим перераспределение мифологических констант: народный миф, ассимилированный литературой, к началу XX века воспринимается как порождение русской интеллектуальной традиции, а собственно «книжный» (плод интеллектуальных усилий идеологов петровских реформ) уходит в толщу народного сознания и творчества, чтобы актуализироваться в традиции духовного стиха — стать авторитетным выражением народной идеологии. Но все-таки главным доводом в пользу святости Петербурга у Ремизова оказывается описание всенощной в Великий четверг в Казанском соборе, после которой народ «тихо, степенно шел <...> разносил по домам спасов святой огонек»²². Этот эпизод наполняется символическим смыслом — как свидетельство того, что и Петербург — *святое место*:

Россия горит! Там по простору звездному над просторной русской землей огненной Волгой протекло уж шумящее грозное зарево, Россия горит! Спасов страстной огонек сохранит ее, не погибнет русский народ <...> И пусть мы разбиты, пусть мы потеряны, спасов страстной огонек сохранит душу и родимое имя России²³.

Примечательно, что Петербург не только не противопоставлен остальной России (Святой Руси), но является ее частью в той же мере, что и другие города, воплощающие национальную историю и отмеченные особой святостью в культурном сознании (Москва, Киев, Ярославль и др.). Об этом же свидетельствует символический образ, который находим в «Огненной России» (1917):

Распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле во тьме кромешной, на земле родной. Тело мое было огромно, грузно, неподвижно; руки мои — как от Москвы до Петербурга. <...> И были ноги мои, как от гремучей Онеги до тихого Дона²⁴.

В ремизовской поэтической «топографии» русской земли отмечены основные географические ориентиры: Москва — Восток, Петербург — Запад, Онега — Север, Дон — Юг. Характерно, что и здесь Петербург оказывается значимой точкой национального топоса. А в определенном смысле Петербург есть само средоточие святости, ибо в нем есть и великие святые (Ксения Петербургская, Иоанн Кронштадтский²⁵), и великие святые — есть вера в Святую Русь. А значит, есть и Бог. Именно изначальная святость Петербурга делает особенно значимым сам факт переименования его в *Петроград*. Что в контексте ремизовской концепции означает утрату святости, профанацию святого имени города. Тема эта появляется в рассказе «Китаец» (1916), в котором речь вновь заходит о «святости» и «благочестии» города, но теперь уже — Петрограда:

Я жаловался на наши порядки — кому же, как не Москве, матери городов, и пожаловаться на *Петроград!* — нынешнюю Пасху мне не пришлось постоять на Пасхальной вечерне: собрался я нарочно загодя, торопился и около трех был уж в церкви и два часа ждал — на колокольне без толку звонили! — да так и ушел и не один, нас ушло немало. Оказывается, батюшки-то ло приходу *стреляли*.

— Да что говорить, «Христос воскрес», как следует, не умеют пропеть!²⁶

Причина оскудения благочестия кроется в факте переименования города:

...из города *святого Петра* — петухом-Петроградом сделали. Вот почему отступили силы небесные, и загнездилась на вышках твоих черная сила²⁷.

Святость оставила город, и наглядным примером этого, толкуемым Ремизовым обобщенно-символически, становится эпизод, когда в Петрограде, на Невском, солдаты-новобранцы затянули песню: «Сорок девок, один я...» Этот нелепый и безобразный эпизод наталкивает автора на горестные раздумья:

Я вспомнил в несчастиях наших, я всякий раз вспоминаю, когда на голову измученной, бесталанной родины нашей недоля, словно в насмешку над святостью нашей, над Кремлем московским, над распевом знаменным и над всем, чем жива душа русская, валит беду за бедой — предательства, измена, происки, погромы, хищение, Господи, с великого-то ума чего-чего только ни натворили мы за это страшное время, — ведь стыдно в глаза посмотреть! Или это допекает свою песенку *Петроград?*²⁸

В Петрограде вместо древнего *знаменного распева* осталась одна похабная *песенка*, и поэтому ремизовский фразеологизм («допекает свою песенку Петроград») надо понимать и буквально и в переносном смысле:

святой град выродился в Петроград, и время последнего уже сочтено. Но сомнение в окончательном «пропаде» города не оставляет Ремизова: есть еще и в Петрограде, «петинной деревне», остатки святости:

Нет, — говорю, — у нас тоже... у нас, у Спаса Колтовского лежит иеросхимонах Иоанн, уставщик Валаамовский, основатель Саровской пустыни, замучен Бироном, и цепи его в церкви хранятся в притворе ²⁹.

Вера в петербургские святыни, коими спасается город во время революционной смуты, — главная тема рассказа «Рука Крестителя» (1917) — рассказа о чуде, произведенном святыней, хранившейся в Зимнем дворце ³⁰. Утрата Петроградом святости мыслится как состояние временное, преходящее, должное в будущем смениться иным состоянием. В этой ситуации знаменитый памятник Петру I приобретает новый идейный смысл. Для Ремизова он становится образом, в котором воплощено историческое единство Москвы и Петербурга, России «московской» и «петербургской», святости старой и новой. Мысль о единственности двух столиц отчетливо звучит в книге «Взвихренная Русь» (глава «Красный звон»), в ремизовском обращении к городу:

Город святого Петра — Санктпетербург!
 Полюбил я дворцы твои и площади,
 Тракты, линии, острова, каналы, мосты,
 твою суровую полноводную Неву
 и одинокий заветный памятник
 огненной скорби —
 Достоевского <...>
 Полюбил я страстные огни —
 огоньки четверговые
 на Казанской площади
 и в стальные крещенские ночи
 медный гул колокольный
 Медного всадника ³¹.

Таким образом Ремизов обозначает коренное родство Москвы и Петербурга, снимая историческую антиномию, заданную в момент основания новой столицы. В качестве мотива, нейтрализующего оппозицию Москва — Петербург, выступает мотив: «медный гул колокольный Медного всадника». Образ тем более неожиданный и парадоксальный, ибо звон колоколов («красный звон») был для Ремизова прежде всего символом Москвы:

Москва красна Пасхой! Полуночный звон — сама чернота безлунной ночи клубится в светлую ночь не облаками, а колокольным гулом, и искроу прорезав чугунный гул, серебро колоколов, кладя небесные грани и теша потесы, летяса ³².

Тот же мотив — в книге «Взвихренная Русь»:

Широка раздольная Русь, вижу твой краснозвонный Кремль, твой белоснежный <...> златокровельный собор Благовещенья, а не вестит мне

серебряный ясак, не звонит красный звон (курсив мой. — С.Д.) ³³

Не только Москва, но и вся Россия ассоциировалась у Ремизова с «церковью и древним собором, с колоколами, с знаменитым распевом, с красной Пасхой, с песней, со словом» ³⁴. Герою «Пятой язвы» следователю Боброву Россия видится именно таковой:

А перед глазами его из глубы веков вставала строящаяся Россия, когда клались соборы, срубались церкви, ставились колокола. <...> И чем крепче церковь, чем выше храм, чем больше звонит колоколов, тем сильнее город, смелее речь — русская речь ³⁵.

Как Москва немислима без «красного звона» колоколов, так и Петербург немислим без Медного всадника, без его «медного гула». И одно звучит в другом. Трагическое разделение России на «московскую» и «петербургскую» («петровскую») оказывается при ближайшем рассмотрении внешним, мнимым, кажущимся. Единство двух столиц демонстративно подчеркнуто в названии главы, в которой Ремизов признается в любви к Петербургу: «Красный звон».

Существенно и другое — автобиографический подтекст ремизовского мифа о Петербурге как главный принцип его «историсофской» концепции. Ремизов становится не только одним из продолжателей («соавторов») петербургского мифа, но и его действующим лицом, в судьбе которого фокусируется проблематика и Петербурга, и всей России. В «Автобиографии», написанной в 1913 г. и посвященной главным образом предкам, писатель вспоминает два «родительских завета». Первый завет принадлежал отцу:

В духовной своей, — пишет Ремизов, — завещал отец на колокол в село на свою родину (Веневский уезд Тульской губернии. — С.Д.), и такой наказал колокол отлить гулкий и звонкий: как ударят на селе ко всенощной, чтобы до Москвы хватило за Москва-реку до самых Толмачей. Этот колокол заветный, невылитый, волшебный, благовестными звонами в вечерний час гулко-колко катящийся с дедовских просторных полей по России, — это первый мне родительский завет ³⁶.

Второй «родительский завет» — «найденковский», данный Н.А.Найденковым:

Нрава «задорного» <...> с огромными знаниями не только в чисто экономических и юридических науках, но и по истории и археологии и с большим творческим полетом, весь одаренный, непохожий ни на кого, превратил он свою жизнь, свои дни в какую-то бесменную работу, без передышки, без праздников, без прогулов для крепкой и деятельной, крепко выкованной, гордой России. Отказавшись при жизни от высокой привилегии — от дворянства, наказал он похо-

ронить себя, как простого человека, последнего рабочего, и этой последней волей своей завершил дело своей жизни. Рабочая — нешалопающая, трудовая Россия ради России умной, крепкой и гордой — русской России, это мне второй родительский завет ³⁷.

В Н.А.Найденове, промышленнике и реформаторе, Ремизов увидел «петровское» начало, и не случайно сравнил его с другим деятельным реформатором, преобразователем и строителем «умной, крепкой и гордой» России — Петром I:

Деятельность его (Н.А.Найденова. — С.Д.) в торгово-промышленном мире <...> поистине была *петровская* ³⁸.

Работая над третьей редакцией своего романа «Пруд» (1911), Ремизов образ промышленника Арсения Огорельшева списал именно со своего дяди, Н.А.Найденова, подчеркнув те черты его характера, которые роднили последнего с Петром I ³⁹. Стоит заметить, что хронологически это совпадает с началом нового осмысления Ремизовым личности Петра и его роли в истории России. В конечном счете Петр из фигуры демонической, из страшного и злого «гения» города и всей России превращается в труженика, неутомимого строителя — *созидателя* новой России. Сама по себе эта тема не нова, но знаменует поворот ремизовской мысли в сторону реабилитации образа основателя Петербурга. Как строитель новой России предстает Петр I в главе «Петербург. Петрова память» книги «Взвихренная Русь»:

Сквозь туман петербургский видится — валят леса, крутят мельницы — взгорыхнуло! — неугомная — новая Россия ⁴⁰.

Даже в незначительной, казалось бы, фразе «сквозь туман петербургский видится...» должно заметить полемический выпад против тех, кто в Петербурге увидел лишь *туман* (как в свое время и сам Ремизов — см. выше о рассказе «Спасов огонек») и не разглядел титаническую «строительную» работу Петра и его сподвижников:

Петровские мастера — люди такой страсти, отчасти и зараженные или, вернее, замороженные Петром, его необычайным упором и кипью работы: страсть к работе заразительна, как и противоположность ее — праздная тля ⁴¹.

Собственно, в главе «Петербург. Петрова память» речь и идет главным образом не о Петре, а о малоизвестных или вовсе неизвестных мастерах — строителях Петербурга. Этот аспект ремизовской концепции также имеет скрытый полемический смысл: Петр вовсе не одинок в своей реформаторской деятельности и вовсе не противостоит

остальной России своей индивидуальной и деспотичной волей ⁴² к ее переустройству, а, наоборот, олицетворяет внутренние возможности и стремления русского народа — таившееся в нем созидательное начало. К «петровской» породе людей принадлежит и герой «Пруда» Арсений Огорельшев, и его прототип — Н.А.Найденов. Для Ремизова два завета родительских символизируют два начала: собственно русское, «московское», и — «европейское», «петербургское» («петровское»). А сам Ремизов, как продолжатель рода и Ремизовых и Найденовых, воплощает идею единства этих двух начал, двух исторических аспектов России. В нем сливаются, конденсируются элементы двух национальных мифов — о Москве и Петербурге — в виде актуализации «родовой памяти». По-видимому, этим объясняется то таинственное и многозначительное *родство*, которое связывает в повести «Крестовые сестры» императора *Петра Алексеевича* (Медного всадника) и героя — *Петра Алексеевича Маракулина* (прототипом последнего, несомненно, был сам Ремизов) ⁴³. А в 1917 г. в «Слове о гибели русской земли» Ремизов прямо обратится к Медному всаднику: «брат мой безумный». Медный всадник в свете ремизовской концепции становится символом онтологического единства России, олицетворяет неразрывность, органическую связь до-петровской и петровской Руси. Он сам выполняет функцию национальной *святыхи*, на которой зиждется и которой будет спасен Санкт-Петербург, следовательно, вся Россия — Святая Русь. Именно Медному всаднику, символу Петербурга и петровской России, олицетворявшему, казалось бы, гибель, разорение, крушение Руси, суждено стать символом возрождения новой России:

Брат мой безумный — несчастлив час! — твоя Россия погибла. <...> Русский народ, настанет Светлый день. Слышишь храп коня? Безумный ездок! хочет прыгнуть за море из желтых туманов, — он сокрушил старую Русь, он подымет и новую из пропада ⁴⁴.

Потайной смысл ремизовского обращения к Медному всаднику еще и в том, что он, наследуя и продолжая сохранять историческую память России, остался единственной уцелевшей святыхи, ибо московские святыхи оказались поруганы:

«Приехал из Москвы скопец Иван Дмитриевич, — говорит сосед матрос Микитов, — на Москве украли царь-колокол!» «Украли царь-колокол? — повторяю, и обида жжет. — Когда зазвонит царь-колокол, восстанут живые и мертвые!» Вот тебе и восстанут! <...> Погубили Россию! Последние головни горят. И осталось

русское сердце — сапогом его! — и слово — да черт с этим словом, пиши и говори по-тарабарски! Кара? Нет, это суд Божий. Царь-колокол воры украли!⁴⁵

Воровство московской реликвии — свидетельство разорения и пропада России, наступления конца мира. Ремизов, трагически переживая эпоху войны и революции — эпоху гибели и разрушения России — противопоставляет ей эпоху иную: созидания, «строительства» России, в культурно-исторической перспективе связанную с об-

разом Петра I, о котором в 1919 г. он скажет: «прозорливец, гигант, чудотворец»⁴⁶.

Изучение эволюции ремизовского «мифа о Петербурге» лишний раз свидетельствует о принципиальной «открытости», незавершенности как «петербургского текста» в целом, так и отдельных его фрагментов. Что обуславливает, в свою очередь, принципиальную неоднозначность его возможных интерпретаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А. «Петербургский текст» и русский символизм // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 664. С.78-92; Данилевский А.А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А.М.Ремизова «Пруд» // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С.139-157; Топоров В.Н. О «Крестовых сестрах» А.М.Ремизова: Поэзия и правда. [Ст. первая] // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С.138-158; Тырышкина Е.В. Поэтика романа А.М.Ремизова «Крестовые сестры»: мифологический аспект. Автореф. дис. Томск, 1991; Slobin G. Remizov's Fictions. 1900-1921. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1991. P.96-107, 140-146; Безродный М. Об одном приеме художественного имяупотребления: (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С.213-217.

² См.: Безродный М. Указ. соч. С.213-214.

³ См.: Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М.Б.Вербловская; Вступ. ст. и примеч. А.М.Конечного и К.А.Кумпан. СПб., 1991. С.302 (примеч.).

⁴ Более подробно см.: Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А. «Петербургский текст» и русский символизм. С.89-91.

⁵ Ср.: «Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье...» (Ремизов А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951. С.6); «Москва моя колыбель. Москва — училище, университет. И от заставы до заставы, нет улицы нехоженной» (Ремизов А. Иверены: Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и коммент. О.Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С.224).

⁶ На вечерней заре: Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Eurora Orientalis. 1987. [Vol.] VI. С.250 (письмо от 5 июня 1904 г.)

⁷ Там же. С.271.

⁸ Ремизов А. Рассказы. СПб., 1910. С.94.

⁹ Там же. С.95.

¹⁰ Там же. С.95.

¹¹ Топоров В.Н. О «Крестовых сестрах» А.М.Ремизова. С.156.

¹² Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб.2. С.213.

¹³ Ср. афористичную формулу А.Ахматовой: «И царицей Авдотьей заклятый, // Достоевский и бесноватый...» (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С.376).

¹⁴ Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С.90.

¹⁵ Там же. С.90. Город Кострома как олицетворение России, истинно русской жизни со всеми ее противоречиями, прочно вошел в сознание и творчество Ремизова, особенно после знакомства в 1907 г. с уроженцем Костромы И.А.Рязановским. По рассказам последнего Ремизов написал две повести о русской провинциальной жизни: «Неуемный бубен» (1909) и «Пятая язва» (1912). Как средоточие и воплощение русского национального бытия Кострома поминается и в письме Ремизова И.А.Рязановскому от 3 июля 1912 г.: «Хочу в Костроме воздухом — духом русским подышать» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 31). Аналогичное восприятие Костромы находим в письме Ремизова А. Блоку от 12 августа 1912 г.: «Насмотрелся я старины, надыхался русскою речью <...>» (см.: Переписка с А.М.Ремизовым. (1905-1920) / Вступ. ст. З.Г.Минц; Публ. и коммент. А.П.Юловой // Литературное наследство. М., 1981. Т.92. Кн.2. С.110).

¹⁶ Там же. С.91.

¹⁷ Достоевский Ф. Собр. соч. В 15 т. Л., 1990. Т.8. С.270. Ср. также: «Петербург видом своим, столь непохожим на Москву, поразил Тихона <...> все было плоско, пошло, буднично и в то же время похоже на сон. Порою, в пасмурные утра, в дымке грязно-желтого тумана, чудилось ему, что весь этот город подымется вместе с туманом и разлетится как сон» (Мережковский Д. Собр. соч. В 4 т. М., 1990. Т.2. С.379). Мережковский, конечно же, цитирует Достоевского. В этой связи Ремизов заметил: «В те времена "мракобесия" (1905-1907 г. — С.Д.) — корифеем был Мережковский, облепленный сверху донизу Достоевским, — выражались туманно» (Пляшущий демон // Ремизов А. Огонь вещей / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А.Чалмаева. М., 1989. С.254).

¹⁸ Ремизов А. Весеннее порошье. С.91.

¹⁹ Там же. С.91.

²⁰ Ремизов А. Крестовые сестры. М., 1989. С.38.

²¹ См.: Анциферов Н.П. Душа Петербурга // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». С.49-52; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Художественный язык средневековья: [Сб. статей]. М., 1982. С.239-242.

²² Ремизов А. Весеннее порошье. С.94.

²³ Там же. С.94-95. В письме от 19 марта 1912 г. Ремизов приглашал Блока с женой идти «к двенадцати евангелиям» в Смольный монастырь, т.е. ко всенощной в Великий четверг, и заключал письмо следующим: «Со свечками пойдем с горящими. До Хренова дома донести можно» (Литературное наследство. Т.92. Кн.2. С.100). Ремизов, прекрасно знавший и любивший обрядовую сторону православия, наверняка бывал и в Казанском соборе.

²⁴ Ремизов А. Огненная Россия. Ревель. 1921. С.27.

²⁵ В воспоминаниях Ремизова есть рассказ о том, как в детские годы он видел Иоанна Кронштадтского в Москве, во время молебна, а тот его «не благословил» (Ремизов А. Подстриженными глазами. С.182-187). Для Ремизова о. Иоанн Кронштадтский «был несомненный Аввакум “огненный пророк!”» (Там же. С.185).

²⁶ Ремизов А. Среди мурья: Рассказы. М., 1917. С.104.

²⁷ Ремизов А. На красном поле // Аргус. 1917. № 7. С.75. Переименование Петербурга в Петроград нередко приводило к кардинальным идеологическим трансформациям в сознании современников. В качестве примера отметим резкий сдвиг во взглядах З.Гиппиус. Еще в 1909 г. она писала в стихотворении «Петербург»:

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!

А 14 декабря 1914 г., в стихотворении «Петроград», она дает совершенно иную интерпретацию и образа Петра, и его творения:

На помощь, Медный вождь, скорей, скорей!
Встанет он, все тот же бледный, юный,
Все тот же — в ризе девственных ночей,
Во влажном визге ветренных раздолий
И в белоперистости вешних пург, —
Созданье революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!

²⁸ Ремизов А. Среди мурья. С.105.

²⁹ Там же. С.105.

³⁰ См.: Ремизов А. Шумы города. Ревель, 1921. С.15-16 (рассказ «Рука Крестителя») вошел также в книгу «Взвихренная Русь»). Мотив сакральности Петербурга есть и в рассказе «Рождество» (1919), в котором эпизод рождения ребенка в Петербурге спроецирован на евангельское событие: «И когда в сочельник за толстым слоем ваточных отепельных облаков зажглась звезда и в боковой комнатке раздался писк новорожденного, Агафья склонилась перед младенцем, как волхвы, как пастухи, как вол и конь, и из ее вспугнутых глаз полились слезы, что опять — на земле опять родился Спаситель мира» (Там же. С.36). Оба эти рассказа входят в число так называемых «современных апокрифов» Ремизова (см. об этом: Доценко С.Н. Современный апокриф А.Ремизова // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1991. Вып. 881. С.82-91).

³¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С.242.

³² Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. С.221.

³³ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.319.

³⁴ Там же. С.222. Звон московских колоколов для Ремизова — мотив автобиографический: «Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье у Каменного “Каинова” моста <...> красный звон Ивановской колокольни — первый оклик, на который я встрепенулся. <...> И я знаю, этот звон — с него начинается моя странная странническая жизнь — я унесу с собой» (Ремизов А. Подстриженными глазами. С.6-7); «<...> Год засыпал я и пробуждался под Кремлевский красный звон, этот первый звон, неизгладимо оставшийся

в моей памяти своим особенным ладом, и откуда, должно быть, идет все мое различие подлинно русского от подделки!» (Там же. С.50). Эпитет «красный» применительно к звону кремлевских колоколов объясняется синестетическим восприятием Ремизова: «Я различал колокола московских монастырей не только по звуку, а каждый колокол окрашивался для меня своим цветом...» (Там же. С.50).

³⁵ Ремизов М. Подорожие. СПб., 1913. С.88-89.

³⁶ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л.4.

³⁷ Там же. Л. 5-6.

³⁸ Там же. Л.5.

³⁹ См.: Данилевский А.А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А.М.Ремизова «Пруд». С.140-144; Он же. О дореволюционных «романах» А.М.Ремизова // Ремизов А. Избранное / Сост., примеч. и послес. А.А.Данилевского. Л., 1991. С.598-600. В целом интересные и убедительные наблюдения исследователя, основанные на сопоставлении образов Арсения Огорельшева из «Пруда» Ремизова и Петра I из романа Мережковского «Петр и Алексей», не позволяют однозначно видеть в Огорельшеве носителя «антихристового» начала либо буквально Антихриста. Оставляя на будущее специальное рассмотрение этого вопроса, заметим, что позиция Ремизова относительно концепции Мережковского имеет скорее характер полемики (зачастую — имплицитной), нежели согласия.

⁴⁰ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.507. С середины XIX в. (особенно — после Достоевского) мотив петербургского тумана становится ключевым элементом петербургского мифа, превратившись из метеорологической приметы в устойчивую идеологему (см.: Минц З.Г., Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе: (Пушкин — Достоевский — Блок) // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1983. Вып. 620. С.39). Ср. полемическую реплику Ремизова по поводу «туманного» Петербурга: «Вот говорят, Петербург гнилой и туманный, нет, в Петербурге бывают дни ослепительные» (Ремизов А. Взвихренная Русь. С.360).

⁴¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.514.

⁴² Ср. ставшее общим местом представление о том, что реформирование России Петром осуществлялось путем насилия, опирающегося на деспотию: «Великий, говорят, великий государь! А в чем его величество? Тиранским обычаем царствует. Топором да кнутом просвещает» (Мережковский Д. Собр. соч. Т.2. С.480).

⁴³ Об автобиографичности образа Маракулина см.: Данилевский А.А. A realioribus ad realia // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 781. С.100-103.

⁴⁴ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.319, 323. На то, что Медный всадник у Ремизова в «Слове о погибели русской земли» ассоциируется не только с новой «петербургской» Россией, но и старой, «московской», указала американская исследовательница Г.Слобин (Slobin G. Remizov's Fictions. 1900-1921. P.143).

⁴⁵ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.337.

⁴⁶ Из отрыва А.Ремизова на трагедию Н.Г.Виноградова «Царь Петр Великий» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л.1; цит. по: Парнис А.Е. Пометы Блока на пьесе Н.Г.Виноградова «Царь Петр Великий» // Литературное наследство. Т.92. Кн.4. С.669).

В.А. ЧЕРНЫХ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА А.С. ПУШКИНА И А.А. АХМАТОВОЙ

Пушкинским традициям в творчестве Анны Ахматовой посвящена уже значительная литература — от давних, ставших классическими работ Н.В. Недоброво и В.М. Жирмунского до статей и диссертационных исследований Р.Д. Тименчика, Л.Л. Сауленко, Н.В. Вьялициной, И. Чечельницкой, Н.С. Корхмазян¹. Однако все, кто так или иначе касался этой темы, исследовал пушкинские традиции почти исключительно в поэтическом творчестве Ахматовой. Сравнительное изучение автобиографической прозы Пушкина и Ахматовой, насколько нам известно, еще не предпринималось.

Автобиографическая проза поэтов часто остается на периферии внимания текстологов и литературоведов. И если в отношении Пушкина после выхода трудов И.Л. Фейнберга и Я.Л. Левкович² можно сказать, что эта работа в общих чертах завершена, то в исследовании автобиографической прозы Ахматовой делаются лишь первые шаги. Причины этого коренятся и в особенностях творческого пути Ахматовой и в посмертной судьбе ее литературного наследия.

В конце 1950-х гг. на страницах ее записных книжек и на отдельных листах появляются подробные, тщательно разработанные планы мемуарной и автобиографической книги, которая в разных вариантах планов называлась по-разному: «Мои полвека», «Пестрые заметки», «Листки из дневника»³. Неотступно рефлектируя над трудной ей дающейся автобиографической книгой, Ахматова записывала в рабочей тетради:

Опять проза... Ее приходы и уходы... Невозможность беллетристики (роман, повесть, рассказ и в особ<енности> стих<отворение> в прозе). Нечто среднее между записными книжками, дневниками, мемуарами,... т<о> е<сть> то, что так изящно делали мои милые современники («Шум времени», «Охранная грамота»)⁴.

Разработанная Ахматовой к началу 1960-х гг. программа мемуарного труда оказалась грандиозной. 18 апреля 1965 г., менее чем за год до смерти, она записывает в рабочей тетради: «Много думаю о прозе. Досадно, что я так поздно спохватилась, но одну книгу я еще успею сделать»⁵. Значительная часть ее мемуарной прозы еще ждет своей публикации⁶.

Конечно, в этих условиях любое исследование ахматовской прозы может иметь лишь предварительный характер. Тем не менее, собранная и опубликованная часть незавершенной книги позволяет все же высказать некоторые соображения о жанровых особенностях ахматовской мемуарной прозы и ее поэтике, о воплотившихся в ней традициях русской мемуаристики.

Размышляя над планами своей автобиографической книги, Ахматова в качестве ближайших примеров и образцов называла мемуары Мандельштама и Пастернака:

Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. Однако книжка — двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» — должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т.д.⁷

Если мы сравним мемуарную прозу Ахматовой даже в ее наиболее завершенных образцах, как, например, ее воспоминания о Блоке, о Модильяни, о Лозинском, с «Шумом времени» и «Охранной грамотой», то обнаружим между ними очень мало общего. Можно, наверное, сказать, что Ахматова в своей мемуарной прозе скорее *отталкивается* от книг Пастернака и Мандельштама, чем следует за ними.

Значительно большее сходство обнаруживается на разных уровнях между автобиографической прозой Пушкина и Ахматовой. Начнем с некоторых текстуальных соответствий.

Ахматова:

Биографию я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом. Последний раз это было в 1946 году. Ее единственным читателем оказался следователь, который пришел арестовывать моего сына, а заодно сделал обыск и в моей комнате. <...> На другой день я сожгла рукопись вместе со всем моим архивом...⁸

Ср. начало поздней (1834 г.) редакции пушкинских записок:

Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лениности. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои записки...

Текстуальные совпадения здесь несомненны и, можно сказать, демонстративны. Однако важны здесь даже не столько эти совпадения, сколько параллелизм в судьбе ранних редакций автобиографических записок Пушкина и Ахматовой: авторы были вынуждены сжечь их. Другой пример.

Ахматова:

Если я в течение пятидесятилетней литературной деятельности ни разу ни против чего не возражала, это все же что-то значит, и на мое возражение можно бы обратить внимание...⁹

Пушкин:

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уже о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения...

Очевидно, мы имеем здесь дело со скрытым цитированием, которое Ахматова применяла в своей поздней лирике и особенно в «Поэме без героя».

Примеры подобных текстуальных соответствий можно было бы продолжить, но важнее указать на близость ахматовских автобиографических заметок к пушкинской прозе на других, более глубоких уровнях: структуры, стиля, поэтики, авторской позиции.

В ахматовской и в пушкинской мемуарной прозе структура обнажена. Мы видим детально разработанные планы постройки, реализованные лишь частично. Бок о бок с собственно прозой и подчас переплетаясь с ней идет как бы *метапроза*, в которой излагается история замысла, формулируются взгляды автора на жанр мемуаров, на особенности человеческой памяти. Если в центре мемуарных повествований Пастернака и Мандельштама стоит личность их автора, история его духовного становления, то Ахматова (как и Пушкин) в своих автобиографических заметках старается держаться в тени и пишет больше о своих современниках, о приметах времени и о событиях литературной жизни, чем о себе самой.

Который-то день воюсь с биографической книгой. Замечаю, что очень скучно писать о себе и очень интересно о людях и вещах (Петербург, запах Павловского Вокзала, парусники в Гунгербурге, Одесский порт в конце сорокадневной забастовки). Себя надо давать как можно меньше¹⁰.

Близки взгляды Пушкина и Ахматовой на проблему исповедальности мемуаров. «Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая» — писал по этому поводу Пушкин П.А.Вяземскому в ноябре 1825 г. Из очерков Ахматовой о Блоке, Модильяни, Гумилеве можно составить представление об отношении героев очерков к их автору, но не о чувствах Ахматовой к своим героям. Ахматова жестко разделяла личность автора и образ лирического героя. Судя по планам ее прозы, Ахматова собиралась написать специальный очерк о том,

почему в лирическом стихотворении автор надежно скрыт, а в прозе на каждом шагу рискует обнажить, выдать себя¹¹.

Важно отметить, что Ахматова — также вслед за Пушкиным — категорически отвергала допустимость художественного вымысла в автобиографической и мемуарной прозе. Она не прощала его не только Г.Иванову, С.Маковскому, но и А.Белому и М.Цветаевой. Вообще, подход Ахматовой к мемуарной литературе напоминал порой скорее подход историка и даже источниковеда, нежели поэта¹².

Характерной особенностью многих автобиографических заметок Пушкина и Ахматовой является их полемичность. Одной из важных побудительных причин к написанию мемуаров и для Пушкина, и для Ахматовой являлась необходимость ответа на неприемлемые для них высказывания в печати, задевавшие их честь и честь близких им людей. Так, Пушкину приходилось отвечать на нападки Ф.Булгарина, Ахматовой — оспаривать мемуары Г.Иванова и С.Маковского.

Интересно отметить и такую общую черту в работе Пушкина и Ахматовой над мемуарами: они побуждали друзей писать воспоминания, руководили их работой и даже порой писали за них и от их имени. Известны, например, отрывки записок М.С.Щепкина, А.О.Смирновой, написанные рукой Пушкина¹³, и большие куски воспоминаний В.С.Срезневской, написанные Ахматовой¹⁴.

Думается, что все эти черты, сближающие автобиографическую прозу Ахматовой и Пушкина, являются не случайными, а определены сознательным выбором Ахматовой. Восхищаясь автобиографическими книгами Пастернака и Мандельштама, она сознавала, что не должна и не может следовать по проложенному ими пути. Нельзя не согласиться с мнением Э.Г.Герштейн о том, что «большая повествовательная форма, вероятно, была противопоказана творческой манере Ахматовой»¹⁵.

На текстологическое и источниковедческое изучение пушкинских мемуарных и автобиографических заметок ушло целое столетие. Сейчас мы стоим перед громадой ахматовских мемуарных и автобиографических заметок и набросков, перебеленных и черновых, разбросанных по страницам ее записных книжек вперемешку со стихами, библиографическими выписками, бытовыми записями. Работа, аналогичная той, которая в свое время была проведена П.В.Анненковым по вычленению из всего объема пушкинского архива его автобиографических заметок и набросков, в отношении ахматовского архива до сих пор не завершена.

Здесь встает проблема учета и использования богатейших традиций пушкиноведческой текстологии для изучения и издания ахматовских

автобиографических и мемуарных текстов. Но это, конечно, — особая тема, требующая специального рассмотрения.

¹ См.: Тименчик Р.Д. Ахматова и Пушкин: Заметки к теме // Пушкинский сборник. Рига, 1974. Вып.2. С.32-55; Сауленко Л.Л. Пушкинская традиция в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Вопросы русской литературы. Львов, 1980. Вып.2. С.42-50; Вялицина Н.В. Традиции русской классической поэзии в дореволюционном творчестве Анны Ахматовой. Автореф. дисс. Л., 1982; Тименчик Р.Д. Художественные принципы предреволюционной поэзии А.А.Ахматовой. Автореф. дисс. Тарту, 1982; Корхмазян Н.С. «Поэма без героя» Анны Ахматовой: (Проблема героя. К вопросу о пушкинских традициях). Ереван, 1990; Chechelnitsky I. Akhmatova and Pushkin: Apologia Pro Vita Sua // Anna Akhmatova: Papers from the Akhmatova Centennial Conference. [Oakland, 1993]. P.29-42.

² Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979; Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.

³ См.: Мандрыкина Л.А. Ненаписанная книга: «Листки из дневника» А.А.Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С.57-76; Лямкина Е.И. Вдохновение, мастерство, труд. (Записные книжки А.А.Ахматовой) // Встречи с прошлым. 3-е изд. М., 1987. Вып.3. С.353-392.

⁴ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр. 114. Л.149.

⁵ Там же. Л.26.

⁶ Наиболее полная из существующих публикаций мемуарной прозы Ахматовой осуществлена в кн.: Хейт А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие; Дневники, воспоминания, письма А.Ахматовой. М.,

1991. Здесь ряд текстов печатается впервые, восстановлены цензурные купюры. Однако и это издание сохранило, пожалуй, немногим более половины сохранившейся автобиографической, мемуарной, дневниковой, эпистолярной прозы Ахматовой.

⁷ Ахматова А.А. Сочинения. В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Вступ. ст. М.Дудина; Сост., подгот. текста и коммент. В.А.Черных. М., 1990. Т.2. С.283.

⁸ Хейт А. Указ. соч. С.250.

⁹ Хейт А. Указ. соч. С.238.

¹⁰ Ахматова А.А. Указ. соч. С.282.

¹¹ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.103. Л.13.

¹² См.: Хейт А. Указ. соч. С.244; Ахматова А.А. Указ. соч. С.284.

Из указанных цитат можно увидеть, что Ахматова пользуется источниковедческой терминологией с уверенностью и точностью профессионала. Однако это не значит, что в воспоминаниях Ахматовой все и всегда исторически точно. Порою она пересказывает стойкие семейные легенды, в достоверности которых она, по-видимому, не сомневалась и не испытывала потребности их проверять. Это касается, например, неоднократно повторяемого утверждения о том, что ее прабабка по матери была татарской княжной, чингизидой, по прямой линии происходящей от хана Ахмета, или будго бы ее крестный отец Степан Романенко участвовал в убийстве по приговору «Народной Воли» военного прокурора Стрельникова (см. подробнее: Черных В.А. Родословная Анны Андреевны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия. 1992. М., 1993. С.71-84).

¹³ См.: Левкович Я.Л. Указ.соч. С.30.

¹⁴ Ахматова А.А. Указ.соч. С.274, 275, 464.

¹⁵ Ахматова А.А. Указ.соч. С.10.

А.Л.ДМИТРЕНКО

О ВОСПОМИНАНИЯХ С.Е.НЕЛЬДИХЕНА

Среди участников третьего «Цеха поэтов» Сергей Евгеньевич Нельдихен (Ауслендер, 1891-1942) — фигура довольно экзотичная. Образ «поэта-дурака», сознательно избранный поэтом и быстро за ним закрепившийся, запомнился современникам и запечатлелся в мемуаристике¹. Стоит напомнить рассуждение Гумилева о Нельдихене: «Сам я не хотел бы быть дураком, но я не вправе требовать ума от Нельдихена. Свою глупость он выражает с таким умением, какое не дается и многим умным. А ведь поэзия и есть умение. Значит, Нельдихен — поэт...»². Однако, образ простодушного обывателя, от имени которого написаны почти все произведения Нельдихена, — только маска, которую современники часто относили к самому поэту.

В начале своей литературной деятельности Нельдихен выработал своеобразный поэтический стиль — «синтетическую форму» — свободный «уитменовский» стих, сближающийся с разговорной речью. Он пытался обосновать такую форму теоретически, утверждая, что современная литература «стремится к одному общему виду, соединяющему прозу с поэзией. По всей вероятности, к подобно библейской про-

зы!»³. Стремясь соединить в своем творчестве прозу и поэзию, Нельдихен оставался поэтом — попытки писать «чистую» прозу, как правило, заканчивались для него неудачей. Однако, своеобразии поэтического стиля Нельдихена в значительной степени осталось заслонено оригинальностью его лирического героя. Это отмечают Т.Л.Никольская и Л.Н.Чертков в своей работе — единственной на сегодняшний день попытке осмысления роли Сергея Нельдихена в литературном процессе⁴. Поскольку их статья посвящена в большей степени анализу творчества поэта, в этой заметке мы ограничимся освещением его биографии.

«С.Е.<Нельдихен> родился в Таганроге в сентябре 1891 года, но, вероятно, провел детство и юность в Ростове-на-Дону, так как там умерла его мать в 1938 году, жила там и его сестра, с ней он был в переписке. <...> Окончил С.Е. университет в Харькове, какой факультет, не знаю», — пишет в своих «Беглых заметках о поэте-друге Сергее Евгеньевиче Нельдихене» библиограф Георгий Федорович Сукованченко (1900-?)⁵. Т.Л.Никольская и Л.Н.Чертков отмечают (со слов Л.И.Борисова), что Нельдихен

окончил военное училище, попал на фронт и встретил революцию моряком Балтийского флота⁶. Как указывает сам Нельдихен в публикуемых ниже воспоминаниях, литературная жизнь Петрограда известна ему с сентября 1919 г. (в Петрограде он появился все же, вероятно, несколько раньше). Уже в конце 1919 г. выходит его первая книга «Ось». В 1919-1920 гг. он посещает студию «Всемирной литературы». Осенью 1920 г. Нельдихена принимают в Петроградское отделение Всероссийского Союза поэтов. На рубеже 1920-1921 гг. он вступает и в «Цех поэтов». Его стихи публикуются во всех трех альманахах «Цеха». Живет в Доме искусств, участвует в поэтических вечерах. В первые месяцы 1922 г. выходит из печати вторая книга Нельдихена «Органное многоголосье». В нее включены первые синтетические стихи — «поэмороман» «Праздник», начатый в августе 1920 г. В октябре 1923 — январе 1924 г. совершает путешествие по Украине, в Таганроге выпускает книгу стихов «Праздник» — продолжение одноименного «поэморомана». По возвращении обосновывается в Москве, где с присущей ему активностью включается в литературную жизнь. Зарабатывает только литературным трудом. Издает несколько детских книжек в конце 1920-х гг. В декабре 1929 г. демонстративно выходит из Всероссийского Союза поэтов⁷. В этом же году он выпускает книгу «С девятнадцатой страницы» — первые 18 страниц Главлит не пропустил в печать. В 1930 г. выходят книги стихов «Он пришел и сказал» и «Он пошел дальше», где, кроме стихов, помещена подробнейшая библиография, составленная самим автором. Однако следует отметить, что Нельдихен, вообще склонный ко всякого рода мистификациям⁸, включил в нее несколько не только непубликовавшихся, но и ненаписанных произведений, как, например, роман «Дети Николая II».

В 1931 г. Нельдихен был арестован и выслан из Москвы. Об этом он писал Л.И.Борисову из Алма-Аты 9 октября 1931 г.: «В ночь 20-21 апреля в 11 вечера меня посадили. 9 мая выпустили и предложили на 3 года уехать в Казахстан, в Алма-Ату. Вот что случилось! Конечно, ни при каких других обстоятельствах я бы не очутился в азиатчине. Выхал из Москвы 18 мая, безо всяких конвоев, даже по казенному литеру, самостоятельно». Судя по письмам, в ссылке он продолжал литературную деятельность в местной печати. По возвращении из ссылки сперва был прописан в Калинин, затем в Малом Ярославце. Московскую же прописку Нельдихен оформил незадолго до ареста, что, по мнению Г.Ф.Сукованченко, и повлияло на его судьбу. В последние годы жизни Нельдихен работал консультантом в «Пионерской правде» и в Доме художественного воспитания детей, женился; его жена Антонина Григорьевна Шихова (1900-?) работала чертежницей.

В ночь на 30 июня 1941 г. Нельдихен был арестован вторично. При обыске весь его архив был конфискован. Т.Л.Никольская и Л.Н.Чертков сообщают, что Нельдихен «вскоре погиб в концлагере где-то на Севере»⁹.

Отмечу, что образ Нельдихена послужил прототипом для героев нескольких «романов с ключом»: Эльхен в «Сумасшедшем корабле» О.Форш, Радалетов в «Ремонте» и «Работе» Л.Борисова, Евгений Ней в «Записках поэта» И.Сельвинского.

О работе Нельдихена над воспоминаниями сообщает Г.Ф.Сукованченко: «В последнее время он стал писать мемуары, кое-что я читал. Например, про его жизнь в начале мировой войны 1914 года. <...> Написал про Маяковского очерк-воспоминание. Носил для печати в музей Маяковского, не приняли. К сожалению, разыскать эти тексты не удалось.

Воспоминания Нельдихена не закончены; сохранилось всего три отрывка в архиве близкого друга Нельдихена — писателя Л.И.Борисова (1897-1972).

Наибольший интерес безусловно представляет второй — о встрече Нельдихена с Гумилевым. Необычайно емко и лаконичен «словесный портрет» Гумилева, вызывающий в памяти известную фотографию М.Наппельбаума. Этот отрывок — редкое мемуарное свидетельство об объединении «Арион» и о пока что не известной нам пьесе Гумилева, Оцуца и Лозинского. Обращает на себя внимание описание роли Гумилева в кругу молодых поэтов: перед нами будущий мэтр «Звучащей Раковины»:

Зимой 1918 г. Е.М.Браудо¹⁰, преподававший историю музыки в Институте Истории Искусств, однажды посоветовал мне поинтересоваться «обществом Арион»¹¹, обещав познакомиться с Гумилевым. Браудо повел меня на Невский, в издательство «Всемирная Литература», подвел к человеку с остриженной, вытянутой, узкой головой, моргающему бесцветными глазами, бритому, худому, в коричневом пиджаке, с длинным желтым ногтем на мизинце, разговаривавшему гордо, но с пришепетыванием. Это был — Гумилев. Вблизи я увидел, что выражение гумилевского лица было всегда насмешливое. Через несколько дней я был в «Арионе», на обычном собрании. Народу было мало; сначала играли на бильярде, слонялись по пустым богатым большим комнатам, ели пирожные, затем все уселось и начали читать «загробным голосом» каждый свои стихи. Из читавших запомнились ноющий голос Рождественского, старая студенческая фуражка Майзельса¹², читавшего стихи «Комната — куб, окно — квадрат», Верин¹³, читавший «изысканные» стихи про Париж, сюсюкающий лепет Г.Иванова, визитка и холеная внешность Н.Оцуца. Разговорился с Майзельсом, — ибо все остальные смотрели на меня или слишком участливо, или свысока. Майзельс подарил мне свою только что отпечатанную книжку «Трюм». Я спросил его наивно, почему книга называется «Трюм». Майзельс удивленно промолчал. Гумилев назначал очередь чтений, одобрял все прочитанные стихи, в особенности Рождественского. Мне было предложено прочесть свои стихи. Не

помню, что я застенчиво прочел, хотя теперь было бы любопытно вспомнить. Знаю только, что стихи те я теперь бы определил словом «надсоновские». Окончил я под откровенные усмешки слушавших. Потом потушили свет и из-за ширмы показывали театр марионеток, разыгрывали пьесу о каком-то «белом слоне». На рояле аккомпанировал Абрам Каменский¹⁴. «Белый слон» — коллективное произведение Гумилева, Оцуа и [Лозинского]¹⁵. Вечер показался скучным. Теперь я знаю, что так бывает почти на всех собраниях поэтов. Ушел в 1 ночи. По дороге потерял книгу Майзельса.

Приведенный фрагмент хронологически продолжается третьим отрывком, где Нельдихен дает краткую характеристику литературной жизни Петрограда времени «военного коммунизма»:

Литературная жизнь Петрограда известна мне с сентября 1919 года. [До этого времени петербургских поэтов слышал я несколько раз. Помню один из вечеров поэтов в Институте Истории Искусств. Гумилев читал в своей рыжке с узор]¹⁶.

Большинство литераторов сотрудничали в издательстве «Всемирная Литература», покровительствуемом Ком<итетом> Нар<одного> Просв<ещения>, — переводили иностранных авторов, ибо печатать собственные произведения не было возможности ввиду гонения в то время на т<ак> н<азываемую> «буржуазную» литературу. Этой кличке подверглись литераторы, не примыкавшие к Пролеткульту, и главным образом литераторы, живущие в России. Умерших и иностранных авторов участь эта почти не коснулась; показатель — хотя бы сам факт существования издат<ельства> «Всем<ирной> Литературы», печатавшего книги без непременно агитационной цели.

Наряду с этим большинство литераторов служили где-нибудь в Культотделах и раб<очих> клубах, читали красноармейцам и матросам общеобразовательные лекции (в особенности отличался приспособляемостью в этом отношении К.Чуковский).

Главными руководителями Всем<ирной> Литературы были М.Горький, А.Н.Тихонов, Замятин, Чуковский, Гумилев, Блок. Можно было встретить в приемной издательства даже уединившихся Сологуба и Ахматову.

Самым популярным литературным деятелем был М.Горький, покровительства и заступничества которого искали многие организации (напр<имер>, Д<ом> Ученых, Д<ом> Искусств, издат<ельство> Гржебина и мн<огие> др<угие>), обиженные интеллигенты, и этим злоупотребляли. Дошло до того, что ходатайствам Горького перестали доверять.

Определенный интерес представляет и история создания самого известного, пожалуй, произведения Нельдихена, изложенная автором в первом отрывке:

Август 1920 года. Солнечный, голубонебный подвечер. Пахло смолой, соснами, — горящим за городом лесом. Всю тогдашнюю осень пахнул Петроград горящими соснами. Изредка тарактели внизу, по Вознесенскому проспекту, автомобили, — дрожали стекла в окне; покачивалась этажерка в углу, в моей комнате; шаркали по вывороченным торцам человеческие ноги; смеялись женщины; напротив, в окне дома, старикашка

мыл и чесал на подоконнике серую собаку, сбрасывал вычесанное за окно.

В этот вечер я чувствовал себя как-то необычно спокойно. Пришел домой, взглянул с четвертого этажа вниз, на улицу, закурил, сел у еще распахнутого окна; потом захотелось писать, — сказать очень большое, значительное, искреннее, свободное.

И я написал сразу, в один присест, начав словами «Лаборатория для медицинских исследований»¹⁷. Проходя по улице, я часто встречал такую вывеску, назойливо лезшую в глаза мне... Перед этим, с начала года, я не мог написать ни одной строки, прежние стихи мне нравиться перестали и, вообще, стихи всякие мне стали казаться ненужными. Форма стихов, названных мной поэмой-эпосей, а затем «поэмороманом» ПРАЗДНИК, для меня, писавшего «акмеистические» стихи, была неожиданностью. Я начал искать ей оправдание и без всякого труда и напряжения вскоре нашел это оправдание, анализируя современные литературные течения. Но об этом — потом.

Выражаю сердечную благодарность В.Л.Борисовой, предоставившей текст воспоминаний С.Е.Нельдихена и другие материалы из своего архива для настоящей публикации, а также М.Д.Эльзону и В.И.Эрло, охотно оказавшим мне содействие в работе.

¹ См., напр.: Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С.38-39; Оцуп Н.А. Вокруг имени Н.С.Гумилева // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост. и коммент. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского, А.К.Станюковича. Л., 1991. С.199-203.

² Ходасевич В. Гумилев и Блок // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост., авт. предисл. и коммент. В.Крейд. М., 1990. С.208.

³ Нельдихен С. Мысли о современной русской литературе // Книга и революция. 1922. № 7. С.21.

⁴ Чертков Л., Никольская Т. Стихи Сергея Нельдихена // Neue Russische Literatur Almanach. Wienn, 1978. S.51, 99-100. Там же опубликованы стихотворения из рукописного сборника С.Нельдихена «Гражданское мужество» (1923-1928). По сообщению Т.Л.Никольской, биографические данные о Нельдихене, использованные в статье, были переданы ей Л.И.Борисовым устно.

⁵ Г.Ф.Сукованченко познакомился с Нельдихеном летом 1935 г. С 1936 г. Нельдихен поселился в той же квартире, где жил Сукованченко (ул. Герцена, д.9/2, кв.10). Цитируемые воспоминания написаны Сукованченко в 1957 г. Рукопись хранится в архиве Л.И.Борисова.

⁶ Чертков Л., Никольская Т. Указ. соч. S.99.

⁷ См.: Литературная газета. 1929. 9 декабря. По этому поводу С.Нельдихен писал Л.И.Борисову 21 декабря 1929 г.: «Из Союза поэтов ушел и болтаться с заведомо отсталыми не намерен».

⁸ Об одной из шуток Нельдихена пишет Сукованченко: «Прочел я в его архиве вырезку из газеты, где сообщалось, что просят вернуть поэту С.Е.Нельдихену утерянный чемодан с рукописями. “Это я сообщил для рекламы, чтобы запомнилось имя поэта Нельдихена”, — говорил он мне».

⁹ Чертков Л., Никольская Т. Указ. соч. S.100.

¹⁰ Браудо Евгений Максимович (1882-1940) — профессор, критик и музыковед.

¹¹ Кружок искусства «Арион» образовался из бывших участников университетского «Кружка поэтов»

(см.: Рождественский В.А. Страницы жизни. М., 1974. С.111-114) и объединил поэтов В.А.Рождественского, Н.А.Оцупа, Е.М.Тагер, Д.Л.Майзельса, Г.В.Адамовича и др. Музыкальной стороной кружка руководил пианист А.М.Дубянский. 15 июня 1918 г. в зале Тешиевского училища «Арион» устроил «Вечер поэзии и музыки», в котором участвовали, среди прочих, Н.Гумилев и М.Кузмин. К ноябрю 1918 г. был выпущен альманах «Арион», отрецензированный Н.Гумилевым в газете «Жизнь искусства» (1918. 1 ноября); републикацию и комментарий Р.Д.Тименчика см.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С.206-210, 336-338. В январе 1919 г. В.А.Рождественский, Н.А.Оцуп, Д.Л.Майзельс и А.М.Дубянский учредили «общество искусств "Арион"» (см. подробнее о нем в комментариях Р.Д.Тименчика к публикации «Блок и литераторы» // Александр Блок: Новые материалы и исследование. Кн. 4. М., 1987. (Литературное наследство. Т.92). С.560-562).

¹² Майзельс Дмитрий Львович — поэт (см. биографическую справку И.С.Эвентов в кн.: Русская стихотворная сатира 1908-1917-х годов. Л., 1974. С.657). Единственная его книга «Трюм» (Пг., 1918), упоминающаяся Нельдишеном ниже, вышла под маркой того же издательства «Сиринга», что и альманах «Арион».

¹³ Верин Борис (Башкиров Б.Н.) — поэт. Участвовал в вечере «Ариона» 15 июня 1918 г., в вечере «Цеха

поэтов» 20 апреля 1921 г. Фигурировал в протоколах допроса Гумилева 1921 г. См. о нем подробнее: Тименчик Р. По делу № 214224 // Даугава. 1990. № 8. С.118, 121.

¹⁴ В 1918-1919 г. Абрам Каменский вел классы игры на фортепиано в Институте Живого слова. Вскоре музыкант изменил имя (сообщено дочерью, В.А.Каменской) и получил известность уже как Александр Данилович Каменский (1900-1952) — профессор Ленинградской консерватории, концертирующий пианист, см. о нем.: Бушен А. Александр Данилович Каменский: Очерк жизни и творчества. Л., 1982.

¹⁵ На месте третьей фамилии оставлен пропуск. Единственное обнаруженное нами указание на эту пьесу содержится в списке произведений Н.Гумилева, составленном П.Лукницким: «Зимой 1918/19 года Гумилев написал шутливую пьесу "Благовонный слон" совместно с М.Лозинским и Н.Оцупом. Написана в форме пантума» (цит. по: Лукницкая В. Николай Гумилев. С.220). Текст пьесы отсутствует в архиве Н.Гумилева, не обнаружен пока и в архиве М.Лозинского (сообщено И.В.Платоновой-Лозинской).

¹⁶ Здесь и ниже в квадратные скобки заключены фрагменты, зачеркнутые в автографе.

¹⁷ Этим стихотворением открывается «поэмоман» «Праздник»; вошло в книгу «Органное многоголосье» (Пг., 1922. С.9-12).

Е.Д.ГРИНЬКО

ПИСЬМО В.П.ПОЛОНСКОГО Л.Д.ТРОЦКОМУ

В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Управления делами Совнаркома СССР, хранятся документы о назначении пенсии Федору Сологубу. Особый интерес представляет письмо В.П.Полонского Л.Д.Троцкому, датированное июнем 1924 г. Этот год был трудным в жизни писателя — как, впрочем, и все пореволюционные годы. 11 февраля 1924 г. в ленинградском Государственном Академическом драматическом театре торжественно отмечалось 40-летие литературной деятельности Сологуба. Однако, писатель в то время фактически жил в бедности, зарабатывая себе на жизнь переводами.

Автор письма — Вячеслав Павлович Полонский (Гусин; 1886-1932), известный советский критик, журналист, издательский деятель. В 1924 г. — главный редактор одного из авторитетнейших критико-библиографических журналов «Печать и революция» и одновременно военнослужащий Красной Армии, Председатель Высшего Военного редакционного совета (ВВРС); с Троцким, очевидно, Полонский был знаком со времен Гражданской войны, когда руководил Литературно-издательским отделом Политуправления Красной Армии¹. Письмо В.П.Полонского возымело действие — 2 июля 1924 г. Сологубу была назначена «персональная пенсия в сумме 75 рублей в месяц»².

Письмо печатается по оригиналу (ГА РФ. Ф.5446. Оп.55. Д.798. Л.6-6об.)

10 июня 1924 г.

Лев Давыдович!

Мне сообщили, что Федор Сологуб в настоящее время крайне бедствует. Он очень стар. Средства, какие у него были, им прожиты, существовать же на литературный заработок он, разумеется, не может. Я не большой поклонник всех произведений Сологуба, но им написан

«Мелкий бес», произведение, по-моему, замечательное, которое останется надолго в литературе и которое с большим наслаждением будет читать и наш молодой читатель. Если бы, кроме этого произведения, Сологуб не написал ничего больше (а у него есть несколько прекрасных стихотворений, собранных в книжке «Великий Благовест»³), то этого одного романа, ярко отразившего быт русского провинциального дореволюционного мещанства, было бы достаточно, чтобы избавить его от ужаса и позора голодной нищеты.

Но ведь, кроме литературной деятельности, у Сологуба большой педагогический стаж. Он 25 лет непрерывно проучительствовал в низшей школе, не пропустив ни одного урока, и революция лишила его заработанной пенсии.

Сологуб нам чужд идеологически, несмотря на его стихи последних дней («Звезда», № 2), где он называет большевистскую Россию «спасенной Россией»⁴. Но его нельзя назвать также человеком враждебным революции, не имеющим при этом никаких решительно заслуг ни литературных, ни педагогических. Поэтому мне кажется, что не имеется серьезных препятствий для того, чтобы оказать ему поддержку в последние годы его жизни. Он, говорят, очень плох. Положение его тем более тяжело, что, как Вам известно, не так давно погибла его жена⁵. Сейчас он одинок, беспомощен и серьезно болен⁶.

Вопрос идет о назначении ему пенсии. Будучи убежден, что Вы не пройдете безучастно мимо судьбы этого писателя, обращаюсь к Вам с просьбой о содействии⁷.

Прилагаю биографическую справку о Сологубе, сообщенную мне П.Е.Щеголевым⁸.

С коммунистическим приветом,
председатель ВВРС В.Полонский.

¹ См. об этом в его «Автобиографии», цитируемой в статье: Эйдинова В.В. О Вячеславе Полонском // Полонский Вяч. О литературе: Избранные работы / Вступит. ст., сост. и примеч. В.В.Эйдиновой. М., 1988. С.5.

² См.: ГА РФ. Ф.5446. Оп.55. Д.798. Л.16.

³ Книга стихов Сологуба (М.; Л., 1923), вышедшая в Госиздате в серии «Библиотека современных русских писателей».

⁴ Речь идет о стихотворении «Памятник Николаю I».

⁵ Анастасия Николаевна Чеботаревская утопилась в р. Ждановке 23 сентября 1921 г. Об обстоятельствах ее самоубийства вспоминала Л.Д.Рындина: «С Сологубами я больше не встречалась. Знаю, что при советской власти им жилось тяжело и они хлопотали о выезде. После долгих хлопот разрешение они наконец получили. Анастасия Николаевна была все время в нервном состоянии. Как-то она ушла из дому по предвездным делам и не вернулась. Федор Кузьмич ждал ее, стоял накрытый на двоих стол. Она не

пришла ни в этот день, ни на другой» (Рындина Л. Ушедшее // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Крейд. М., 1993. С.426-427).

⁶ В биографической справке, приложенной к письму Полонского, говорится: «С 1920 г., вот уже пятый год Ф.Сологуб страдает припадками грудной жабы на почве склероза сердечных сосудов и склеротического перерождения мышцы сердца (миокардит). За последние месяцы обнаружались признаки декомпенсации — отеки, увеличение печени, одышка, застойные явления со стороны легких. Это противопоказывает всякую напряженную работу, всякое физическое утомление, всякое моральное волнение и заботу. Между тем, материальное положение писателя является крайне тяжелым» (см.: ГА РФ. Ф.5446. Оп.55. Д.798. Л.3-4).

⁷ К публикуемому документу приложено письмо Троцкого А.И.Рыкову от 11 июня 1924 г.: «Алексей Иванович! Думаю, что для Сологуба необходимо что-либо сделать» (Там же. Л.7).

⁸ В биографической справке, подготовленной известным историком и литературоведом, близким знакомым Сологуба Павлом Елисеевичем Щеголевым (1877-1931), освещены литературная и педагогическая деятельность писателя (Там же. Л.3-5).

Ж.ШЕРОН

К СУДЬБЕ ЗАРУБЕЖНОГО АРХИВА Е.И.ЗАМЯТИНА

Представляемая ниже подборка писем состоит из переписки между историком и архивным коллекционером Борисом Ивановичем Николаевским (1887-1966) и вдовой Замятина, Людмилой Николаевной Замятиной (урожд. Усова, 1883-1965). Как хорошо известно, Замятин прожил последние шесть лет своей жизни в Париже — после того, как Сталин разрешил ему покинуть Советский Союз. В письмах речь идет о судьбе архива Замятина, который был отдан Николаевскому на хранение, когда немцы заняли Париж. Кроме замятинского архива Николаевский сберег много других архивов русских эмигрантов, в том числе архив Мережковских. После войны архив был наконец-то возвращен Замятиной после долгих хлопот. Многие из этого архива были впервые опубликованы на страницах «Нового журнала» (Нью-Йорк).

Сейчас эмигрантский архив Замятина разделен между Нью-Йорком (в Бахметевском архиве при Колумбийском университете) и Парижем (частное собрание).

Письма печатаются с любезного разрешения Гуверовского института при Стэнфордском университете (Стэнфорд, США).

Б.И.Николаевский — Л.Н.Замятиной

12 авг <уста> <19>46

Многоуважаемая Людмила Николаевна, простите, но мое молчание объяснялось тем, что я до сих пор не имею точных сведений. Ваш чемодан был доставлен мне в самый последний момент, когда основные материалы уже были вывезены, и я не вполне точно помню, что с ним сделал. Из Парижа я его увез, — это несомненно; далее несомненно, что все без исключения

чемоданы я спрятал в одном подземелье и вся эта группа материалов уцелела: ее недавно откопали и вывезли в безопасное место. Единственная опасность состоит в том, не заложил ли я в суматохе последних сборов Ваш чемоданчик в один из ящиков с книгами: такие спасыены не все. В настоящее время я сношусь с теми лицами, у кот<орых> на хранении находятся спасенные и откопанные вещи, и выясняю, нет ли там Вашего чемоданчика. Положение осложняется тем, что я не помню точно его примет. Не могли ли бы Вы мне дать его точное внешнее описание? Затем: нет ли у Вас ключа от него? Если да, это сильно облегчило бы дело, т.к. по ключу можно было бы установить принадлежность чемодана?

Если чемодан попал в ящик, кот<орый> увезен немцами, то положение много хуже. Но и в этом случае надежды не потеряны: американцы ведут розыск всей библиотеки...

Что касается до меня, то я почти на 100% убежден, что Ваш чемодан скоро будет в Ваших руках. Еще скорее и еще вернее в Ваших руках будет еще одна, четвертая посылка.

Лучшие приветы!

Б.Николаевский.

Б.И.Николаевский — Л.Н.Замятиной

25 ноября <19>47

Дорогая Людмила Николаевна, архив в целости и сохранности, я его сам упаковал, вынув оттуда, как мы сговорились, только одну копию пьесы «Атилла»¹. Но разрешение

на пересылку получить по голландским правилам не легко, и Вам придется вооружиться терпением. Но пропасть он не может, — будьте покойны.

Редакция «Нового Журнала», куда я передал «Атилла», в восторге и ждет обещанного Вами предисловия. Срок не больше 2 месяцев». Пишите скорее!

Удастся ли мне вскоре побывать еще в Париже, не знаю. Не так это легко. Но впечатлений из него я вынес так много, что, если бы имел возможность, поехал бы теперь же, без колебаний. И обещаю, опять привез бы шоколад!

Лучшие приветы!

Б. Николаевский.

Б.И.Николаевский — Л.Н.Замятиной

15 апр<еля> <19>49

Дорогая Людмила Николаевна, только что пришла Ваша открытка от 2 апр<еля>, а как раз вчера Литфонд² решил отправить Вам продуктовую посылку. К сожалению, у Фонда очень трудные дела. Вы едва ли и представляете, как много горя теперь среди дпп и какие вопли приходят оттуда. А средств у Фонда очень мало. Мы достали много вещей и отправили уже главным образом туда свыше 100 больших пакетов.

«Атилла» пойдет в 22 т<оме> «Нового Журнала». Карпович³ перегружен материалом. Он говорил со мною и о «Мы». Хочет печатать⁴.

Я все же думаю, что Вы должны написать о жизни Евгения Ивановича, особенно о гонениях, кот<орым> он подвергался. Ведь кроме Вас об этом никто не может рассказать. Относительно архива я снесусь еще раз.

Лучшие приветы и пожелания.

Б. Николаевский.

Л.Н.Замятина — Б.И.Николаевскому

21X/50

Дорогой Борис Николаевич, очень досадно, что во время Вашего пребывания в Париже я не была в нем — проводила ва-

кансы у своих друзей под Парижем — очень жалею.

Спешу Вам сообщить, что трудно разобраться (рукописи). Не хватает даже книг в переплетках, например, английско-го перевода «Мы»⁵, сборника «Как мы пишем»⁶, очень ценного для меня, etc., etc. Но все же я очень довольна, что, наконец-то, архив у меня.

Р.Б.⁷ писал, что он хочет говорить в Лит<ературном> Фонде о возможностях помочь мне (денежно). Пришлось ремонтировать памятник Евгения Ивановича⁸, платить за доставку архива. Прошу Вас тоже об этом, а также выяснить, наконец, относительно «Мы». Будет ли Карпович его печатать или нет. Поведение его с «Атилой» меня обезнадееживает и я перестала надеяться, что пьеса будет напечатана когда-нибудь.

Надеюсь, что Вы остались довольны своим путешествием в Европу. Еще раз выражаю свое сожаление, что не видела Вас.

Искренний привет.

Всего лучшего.

Л. Замятина.

¹ Пьеса «Атилла» (написана в 1925 г.) опубликована впервые в «Новом журнале» (1950. № 24. С. 7-70).

² Возможно, имеется в виду созданный в 1939 г. в США по инициативе С.В.Паниной, С.В.Рахманинова и др. «Комитет помощи всем русским, нуждающимся в ней» («Толстовский фонд»), оказывавший благотворительную помощь русским эмигрантам.

³ Карпович Михаил Михайлович (1888-1959) — историк, редактор «Нового журнала».

⁴ Роман «Мы» на русском языке впервые появился не в «Новом журнале», а отдельным изданием в нью-йоркском Издательстве имени Чехова в 1952 г.

⁵ Речь идет об издании: We / Tr. by G.Zilboorg. New York, 1924.

⁶ Речь идет о коллективном сборнике: Как мы пишем. Л., 1930. Е.Замятин являлся одним из его авторов.

⁷ Гуль Роман Борисович (1896-1986) — журналист, писатель, редактор «Нового журнала».

⁸ Е.Замятин похоронен в пригороде Парижа Тисе.

А.Б.РОГАЧЕВСКИЙ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «МАГДАЛИНЕ. I» Б.Л.ПАСТЕРНАКА

...Осталось несколько минут,
И тишь наступит гробовая.
Но раньше, чем они пройдут,
Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед тобою разбиваю...

Эти слова Магдалины, адресованные Христу, являются второй строфой стихотворения «Магдалина I» из поэтического цикла «Доктора Живаго». Прозаическое соответствие интересующим нас строкам находим в гл. 17 ч. 13 ро-

мана, в беседе Симы Тунцевой и Ларисы Федоровны. Сима Тунцева говорит о молитвах на Страстной неделе:

Меня всегда занимало, отчего упоминание о Магдалине помещают в самый канун Пасхи, на пороге Христовой кончины и его воскресения. Я не знаю причины, но напоминание о том, что такое есть жизнь, так своевременно в миг прощания с нею и в преддверии ее возвращения. Теперь послушайте, с какой действительной страстью, с какой ни с чем не считающейся прямотой делается это упоминание.

Существует спор, Магдалина ли это, или Мария Египетская, или какая-нибудь другая Мария. Как бы то ни было, она просит Господа: «Разреши долг, яко же и аз влась». То есть: «Отпусти мою вину, как я распускаю волосы». Как вещественно выражена жажда прощения, раскаяния! Можно руками дотронуться¹.

По-видимому, сравнение разбитой жизни с алавастровым сосудом возникает в сознании Пастернака по аналогии со сравнением прощенной вины и распущенных волос. Уподобление человеческой судьбы сосуду в данном случае восходит к Св. Писанию: «Я — как сосуд разбитый» (Пс. 30, 13); «Рыдайте, пастыри... ибо...падете, как дорогой сосуд» (Иерем. 25, 34); «[Савл] есть Мой избранный сосуд» (Деян. 9, 15). Но исконную «вещественность», осязаемую конкретностью образу придает слово «алавастровый».

Алавастр, или алебастр (греч. αλαβαστρος) — это род мрамора, твердого известняка, из которого в древности изготавливали сосуды для хранения масел, мазей и других горючих и ароматических веществ. С течением времени сами сосуды — как узко-, так и широкогорлые, не только алебастровые, но и стеклянные, и металлические — стали называться «алавастр»². Ср.: «Алавастр — сосуд стеклянный без рукояти»³; «Потреблю Иерусалим яко же потребляется алавастр» (4 Царств 21, 13).

В Евангелии алавастровый сосуд упоминается трижды, каждый раз в сходной ситуации:

Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня; ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возливши миро сие на Тело Мое, она пригостила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала (Матф. 26, 6-13).

Евангелист Марк добавляет к аналогичному эпизоду важную деталь: «Пришла женщина... и, разбивши сосуд, возлила Ему на голову» (Мк. 14, 3). В обоих случаях значение поступка женщины Иисус видит, в частности, в том, что она не пожалела для Него того, что было ей дорого. Третий пересказ происшедшего (Лук. 7, 37) дает дополнительные сведения о том, кто была эта женщина. Она оказывается блудницей. Эпизод обогащается мотивом отпущения грехов: «Вера твоя спасла тебя», — говорит Иисус грешнице (Лук. 7, 50).

Таким образом, в трех стихотворных строках Пастернака осуществляется синтез всех трех версий евангельского эпизода с миропомазанием: блудница Магдалина отдает свою жизнь во имя Господне, подобно грешнице, разбивающей у ног Иисуса сосуд с драгоценным миром. На-

помним, что сосуд традиционно символизирует женские гениталии⁴ (ср. в «Докторе Живаго»: «Как называлась эта страшная картина с толстым римлянином в том первом отдельном кабинете, с которого все началось? “Женщина или ваза”» (с.60) — вспоминает Лара обстоятельства потери своей невинности), а разбивание сосуда (точнее, крынки с простоквашей) представляет собой элемент русского свадебного обряда, свидетельствующий об утрате невестой девственности до свадьбы. (Кстати говоря, распускание волос — тоже часть обряда бракосочетания; семантика русской свадьбы ощутимо присутствует в романе — ср. стихотворение «Свадьба» из тетради Юрия Живаго.)

Более подробное описание алавастрового сосуда позволяет соотнести этот многосоставный образ с некоторыми общими свойствами поэтики Пастернака. Алебастровый сосуд — «гладкий наружностью, но иссеченный внутри: зажгите в нем огонь, сосуд сей заблестает, и все лица, все изображения, иссеченные резцом ваятеля во внутренности его, явятся вам во всей своей прелести»⁵. Эти слова некогда были применены к характеристике облика Байрона одним из соперников английского поэта. Но их можно отнести и к творческой манере Пастернака, сравнившего суггестивность собственной лирики с губкой, вбирающей в себя действительность (стихотворение «Весна», 1914; ср. также: «Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно — губка. Они решили, что искусство должно бить, тогда как оно должно всасываться и насыщаться», — «Несколько положений», 1918).

Ассоциативный ряд «сосуд — светильник — дар слова» является одним из «общих мест» церковного красноречия (ср. молитву русского проповедника XII века Кирилла, епископа Туровского: «Святой Иоанне Богослове, наперстниче Христов, девственный сосуде, душевная святая Церкви, медоточный язык,... церковный светильниче, надежда моя и прибежище, услыши молитву мою»⁶). Широко распространено в религиозно-поэтической традиции и сравнение сосуда с художественной формой, а его содержимого — с содержанием (ср.: «Золотые яблоки в серебряных сосудах — слово, сказанное прилично», — Притч. 25, 11). Своеобразная интровертность творчества Пастернака порождала особые отношения между внутренним и внешним в его художественном мире:

Перегородок тонкоробрость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.

«Волны» (1931)

Неопределенность и зыбкость границ, взаимопроникновение пространств, преодоление расстояний между временами и культурами отмечаются исследователями как характерные особенности поэзии Пастернака⁷. Таинственное

просвечивание сокровенного, труднодостижимого смысла сквозь внешнюю оболочку — один из лейтмотивов «Доктора Живаго». Вот что видит Ларе, направляющейся к Свентичким с намерением застрелить Комаровского:

Покрытые толстым слоем льда и снега окна домов точно были замазаны мелом, и по их непрозрачной поверхности двигались цветные отсветы зажженных елок и тени веселящихся, словно людям на улице показывали из домов туманные картины на белых, развешанных перед волшебным фонарем простынях (с.88-89).

Едущий по тем же улицам Юрий Живаго видит нечто похожее:

Светящиеся изнутри и заиндевевшие окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза. Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурчащиеся ряженные. <...> Юра обратил внимание на черную протявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи... (с.92).

Пламя свечи, позволяющее проникнуть в глубинную суть процессов, происходящих в недосягнутом для взоров пространстве, возвращает нас к мерцанию огня в алавастровом сосуде и одновременно — к евангельской притче: «И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечник?» (Мк. 4, 21; Матф. 5, 15; Лук. 8, 16). У Пастернака это противопоставление ограниченного объема и открытого пространства снимается: свеча в одно и то же время горит и в овне, и изнутри — на столе, но в комнате. Образ свечи возникает и в беседе Живаго и Антипова-Стрельникова в 14 части романа, — «неизгладимо огромный образ России, на глазах у всего мира вдруг запылавшей свечой искупления за все бездолье и невзгоды человечества» (с.538). И здесь свет виден всем, но сияет он в замкнутом на себя пространстве авторитарного государства.

Так проявляется одна из особенностей пастернаковского творчества, обозначенная в названии второго стихотворного сборника — «Поверх барьеров» (1916). О том, что и через тридцать лет эта «стилевая постоянная» не утратила своей актуальности, свидетельствует надпись Пастернака, сделанная 9 декабря 1946 г.:

С течением лет самое, так сказать, понятие «Поверх барьеров» у меня изменялось. Из назва-

ния книги оно стало названием периода или манеры, и под этим заголовком я впоследствии объединял вещи, позднее написанные, если они подходили по характеру к этой первой книге, т.е. если в них преобладали объективный тематизм и мгновенная, рисующая движение живописность¹.

Смысловая насыщенность сравнения разбитой жизни с алавастровым сосудом удивительна. Как писал по другому поводу А.К.Жолковский, «ценность воплощения подобного тематического комплекса зависит не только от совершенства поэтической техники, но, главным образом, от оригинальности и убедительности связей, устанавливаемых между его компонентами»². В каких-нибудь трех строках, воспроизводящих обращение Магдалины к Христу, содержится — при предельной конкретности образов и на фоне общих закономерностей поэтического мира Пастернака — ядро «единственной темы романа — трагедии личности; истинной трагедии перед лицом действительной, а не призрачной Истины»¹⁰.

¹ Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С.482-483. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

² См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т.1. Стлб.14; Еврейская энциклопедия. СПб., [1908] Т.1. Стлб.731; Симфония, или Словарь-указатель к Священному писанию Ветхого и Нового Завета. М., 1988. Т.1. С.40.

³ Алфавит сказующий толкование иностранных речей, обретаемых во святых книгах русского языка имущий начало от аза (XVII в.). — Рукопись в БАН (33.4.7).

⁴ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С.97.

⁵ Сын Отечества. 1821. Ч.72. № 35. С.60. Ср.: «Кто погружен в отделку / кленового листа / И с дней Эклезиаста / Не покидал поста / За теской алебаstra?» («Давай ронять слова...»).

⁶ РГБ. Ф.310. Ед.хр.56. Л.431-431об. Благодарим Е.Б.Рогачевскую за указание на этот источник.

⁷ См., напр.: Нива Ж. «И не было ошибкою родиться» // Синтаксис. Париж, 1985. № 14. С.67-76.

⁸ Пастернак Б. Собр. соч. В 5 т. М., 1989. Т.1. С.642.

⁹ Жолковский А.К. Механизмы второго рождения // Литературное обозрение. 1990. № 2. С.38.

¹⁰ Архимандрит Константин (Зайцев). Несколько мыслей по поводу романа Пастернака // Православная Русь. 1959. № 5. Цит. по: Страницы русской зарубежной печати / Сост. М.В.Назаров. Мюнхен; М., 1988. С.414.

А.И.РЕЙТБЛАТ

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕТЕКТИВА

Среди библиографических указателей русской художественной литературы преобладают персональные, реже можно встретить тематические (о том или ином регионе, историческом событии и т.п.), а жанровые принадлежат к числу редчайших исключений; их можно пересчитать буквально по пальцам¹. Нет нужды объяснять, насколько это затрудняет изучение закономерностей возникновения и эволюции литературных жанров. Предлагаемый читательскому вниманию указатель посвящен русскому дореволюционному детективу, который остается белым пятном на картах существующих историй русской литературы. По этой теме нет библиографических указателей и специальных исследований, и в результате многие считают, что «жанр детектива не получил развития в русской литературе XIX в. и предреволюционной поры»².

Подготовка «жанровых» библиографий чрезвычайно трудна, поскольку составитель не может опереться на весьма нечеткие дефиниции жанров, существующие в литературоведении, и, кроме того, обязан прочесть или, по крайней мере, внимательно просмотреть обширный массив различных произведений, чтобы выделить те, которые соответствуют заранее выделенным жанровым признакам.

В подготовке данного указателя я не мог исходить и из жанровых обозначений самих авторов, поскольку на раннем этапе (в 1860-1870-х гг.), когда жанр только складывался, использовались самые разные наименования («рассказ судебного следователя», «юридическая повесть», «роман из уголовной хроники»). Примерно с 1880-х гг. получил распространение и использовался вплоть до революции термин «уголовный роман», применяемый к любым произведениям, в которых шла речь о преступлении (т.е. он по сути дела имел тематический, а не жанровый характер)³. В данной работе детектив трактуется как литературный жанр, в котором речь идет не только о преступлении, но и о его раскрытии, причем процессу следствия, даже если он не стоит в центре повествования, в произведении должна принадлежать важная роль. Конечно, и «прокидывание» этой жанровой формулы в прошлое во многом условно, так как писатели и читатели второй половины XIX в. не вычленили подобных произведений из общего массива уголовных романов, повестей и рассказов. Однако попытки просто учитывать все произведения, в которых идет речь о преступлении, была бы мало плодотвор-

ной и с точки зрения теории (поскольку в этом случае все жанровые границы были бы размыты и в один указатель попали бы нравоописательные и психологические романы, собственно детективы, бытовые очерки и т.д.), и с точки зрения практики (так как существенно выросли бы масштабы как подлежащего просмотру исходного материала, так и итогового списка).

В ходе работы был обследован *de visu* обширный массив книг, выделенных (на основе «подозрительных» названий, включающих слова «преступление», «убийство», «смерть», «следователь» и т.п.) при чтении общих библиографических указателей русской литературы⁴, печатных каталогов ряда дореволюционных библиотек и указателей дореволюционных журналов, а также хранящегося в Центральной справочной библиотеке РГБ машинописного указателя А.С.Тарасова⁵.

Были также просмотрены две популярные газеты, регулярно печатавшие произведения этого жанра («Московский листок» за 1881-1917 гг., т.е. за все время его существования, а также «Петербургский листок» за эти же годы, в тексте, соответственно, МЛ и ПЛ). Полученный список был дополнен на основе рабочей картотеки, сложившейся у автора в ходе различных работ по истории русской литературы второй половины XIX — начала XX вв.

Итоговый список не может, вне всякого сомнения, претендовать на высокую степень полноты. Чтобы подготовить достаточно полный список, необходимо было бы просмотреть комплекты десятков журналов и газет (где преимущественно печатались произведения этого жанра), а также еще несколько тысяч книг с менее «подозрительными» названиями, которые могут, тем не менее, оказаться детективами. Для выполнения столь объемной работы необходим труд целого коллектива библиографов в течение нескольких лет.

Помимо отмеченных, есть еще две специфические проблемы, с которыми сталкивается библиограф данного и ряда других низовых жанров. Первая из них связана с популярностью подобных книг у читателей своего и нашего времени (многие издания выкрадены из библиотек) и пренебрежительным отношением к ним работников библиотек, не прилагавших особых усилий по их сохранению и докомплектации. В результате на многих каталожных карточках стоят пометы «утрачено», «списано по акту» и, как выяснилось, целый ряд детективных книг от-

существует в наиболее полных наших книжных собраниях — РГБ в Москве и РНБ в Санкт-Петербурге⁶. Не исключено, что они вообще не сохранились и, тем самым, вычеркнуты из истории отечественной культуры.

Вторая проблема носит этический характер. Я боюсь, что подобная библиография может оказаться подспорьем для библиотечных воров и в итоге увеличит список библиотечных дезидерат.

С другой стороны, правда, можно надеяться, что библиотекари будут бережнее относиться к подобным книгам и, может быть, переведут часть их в фонды отделов редких книг. Кроме того, не исключено, что появление списка стимулирует переиздание русских дореволюционных детективов, дав потенциальным похитителям тексты интересующих их книг⁷.

Хотя указатель, как сказано выше, явно неполон, тем не менее в нем, по нашему мнению, представлены все основные авторы, более или менее регулярно обращавшиеся к этому жанру и, следовательно, он дает достаточно репрезентативное представление об общей картине. Поэтому данный опыт, являющийся первой попыткой библиографии русского детектива, окажется, как мне представляется, небесполезным для любителей, исследователей и издателей книг этого жанра. Я надеюсь, что он послужит основой для более обширных и полных аналогичных перечней, и прошу всех, кто может дополнить этот список или располагает сведениями о местонахождении изданий, отсутствующих в фондах РГБ и РНБ, сообщить об этом автору по адресу редакции.

В списке указывается первая (или самая ранняя из известных составителю) публикация. Для небольших произведений (рассказы и повести) указываются не их публикации в периодике, а сборники, в которых они объединены. Детективные пьесы не учитывались.

Библиографическое описание дается в упрощенном виде. Если в описании публикаций в периодике стоит не тире, а многоточие между номерами, указывающими начало и конец публикации, это означает, что материал шел не в каждом номере. Анонимные произведения даны отдельным списком после алфавитного списка авторов.

¹ См., напр.: Мезиер А.В. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. СПб., 1902. 119 с.; Берг Э.П. Русская комедия до появления А.Н.Островского // Русский филологический вестник. Варшава, 1911. № 1. С.1-31; Островский А.Г. Библиография ли-

тературной сатиры. (1845-1880) // Эпиграмма и сатира. М.; Л. 1932. Т.2. С.457-497; Зубков М.Н. Русская поэма середины XIX века. М., 1967. С.208-214; Ляпунов Б. Библиография [русской дореволюционной и советской научной фантастики] // Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С.363-436; Бугров В., Халымбаджа И. Фантастика в дореволюционной русской литературе: Опыт библиографии // Поиск-83. Свердловск, 1983. С.328-352.

² Адамов А. Мой любимый жанр — детектив. М., 1980. С.181.

³ Об истории русского дореволюционного детектива см. в наших статьях: Уголовный роман: Между преступлением и наказанием // Уголовный роман. М., 1992. С.3-11; Детективная литература и русский читатель: (Вторая половина XIX — начало XX вв.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. трудов. Вып. 7 (в печати).

⁴ Мезиер А.В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. СПб., 1902. Ч.2. 652 с.; Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801-1975. М., 1985-1992. Т.1-5.

Многие были использованы и остальные, пока не вышедшие из печати тома этого издания; за предоставление этой возможности выражаю благодарность А.А.Колгановой.

⁵ Тарасов А.С. Подробная аннотированная библиография приключенческой, детективной и научно-фантастической литературы (Т.1-2. М., 1958).

⁶ Напр.: Бройтман Г.Н. Уголовные рассказы. Киев, 1908; Орловец П. [Дудоров П.П.] Воскресший Каин: Похождения Шерлока Холмса против Золотой Ручки: Роман. М., 1910; Он же. Скапированный [так!] труп. М., 1909; Он же. Похождения Шерлока Холмса в России: Роман. М., 1908; Соколова А.И. Мафия — царство зла. СПб., 1911. Вып. 1-9 (Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение всего мира». 1911. № 6-14), и др.

⁷ См. появившиеся в последние годы переиздания: Старый русский детектив / Сост. О.Краснолистов, Е.Машкиров. Житомир: Олеся, 1991-1993. Т.1-5; Русский детектив / Сост. М.Д.Сергеев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т.1. 570 с.; Русский уголовный роман / Сост. Б.Герцензон. СПб.: ЛИРА, 1992-1993. Т.1-3; Уголовный роман / Сост. А.И.Рейтблат. М.: ИРДАШ, 1992 (Из литературных запасников). 319 с.; Шклярский А. Что побудило к убийству?: (Рассказы следователя) / Сост. А.И.Рейтблат. М.: Худ. лит., 1993 (Забывтая книга). 303 с., и др.

Александров В. Без исхода: Роман. — СПб., 1896. — 316 с.

Он же. Медуза: Роман из уголовной хроники. — СПб., 1890. — Ч.1-2. — 158, 180 с.

Алексеев Н.Н. Преступный путь: Роман. — СПб., 1897. — 248 с.

Апраксин А.Д. 325000 рублей: Роман. — М., 1898. — 224 с.

Арлекин [Эвальд А.В.]. Из-за наследства: Уголовный роман // ПЛ. — 1887. — № 218...272.

Ахшарумов Н.Д. Концы в воду // Отечественные записки. — 1872. — № 10-12.

Б-ва О. [Бебутова О.М.]. Хищники: Роман из петербургской жизни // ПЛ. — 1908. — № 165...234.

Бебутова О.М. — см.: Б-ва О.

Б-зе Влад. [Блезе В.И.]. Гордиев узел: Рассказ из уголовной хроники // Мирской толк. — 1879. — № 32-50.

Он же. Масляничное чучело: (Из записок судебного следователя) // Мирской толк. — 1879. — № 1-11.

Блезе В.И. — см. Б-зе Влад.

- Будищев А.Н. Пробужденная совесть: Роман. — СПб., 1900. — 251 с.
- Бутков А.И. Уголовные рассказы и повести. — М., 1897. — 268 с.
- Былов М.Н. — см.: Рудниковский М.
- В.П. Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком: [Рассказ]. — СПб., 1907. — 31 с.
- Васкель Я. Темное дело: (Из рассказов сибирского стряпчего): Повесть. — Томск, 1890. — 85 с.
- Вашков И.А. Кровь за кровь: (Роман) // МЛ. — 1888. — № 307...364.
- Он же. Среди зла и преступлений: (Рассказ) // МЛ. — 1890. — № 274...363.
- Он же. Убийца: (Повесть) // МЛ. — 1887. — № 130...210.
- Волжин В.А. Присяжные оправдали: Повесть // Наблюдатель. — 1896. — № 11. — С.129-175; № 12. — С.261-301.
- Воронин Д. Убийство в Царском саду: Роман из киевской жизни. — Киев, 1912. — Вып. 1. — 64 с. (Издание не завершено).
- Гейнце Н.Э. Тайна высокого дома: Роман из сибирской жизни. — Изд. 3-е. — СПб., 1897. — 518 с.
- Граф Сапристи. Наследство трупы: Похождения московского сыщика // Новости дня. — 1885. — № 247...324.
- Деянов А.И. — см.: Янов А.Д.
- Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Русский вестник. — 1866. — № 1-12.
- Дудоров П.П. — см.: Орловец П.
- Е — [Телепнев П.И.]. Убийство в Пузыревских банях: Рассказ из уголовной летописи. — Саратов, 1879. — 187 с.
- Е.В.Л. [Львова Е.В.]. Темное дело: Рассказ // Вестник Европы. — 1873. — № 6. — С.601-680.
- Елизаров Г. Столичные драмы // ПЛ. — 1886. — № 204...356.
- Он же. Травленный волк // ПЛ. — 1887. — № 128...159.
- Железная маска [Н.А.Хлопов]. Над бездной: Роман // Новости дня. — 1888. — № 1615...1789.
- Животов Н.Н. — см.: Розовое домино.
- Зарин А.Е. В поисках убийцы: Роман. — Пг., 1915. — 240 с.
- Он же. Казнь: Роман. — СПб., 1902. — 310 с.
- Он же. Ложный след. — СПб., 1896. — 204 с. (Собрание романов, повестей и рассказов. Ежемесячное приложение иллюстрированного журнала «Родина». 1896. № 9).
- Он же. Потеря чести // Биржевые ведомости. Утр. вып. — 1908. — № 10314...10340.
- Он же. Пропавший артельщик: Рассказ // Там же. — 1908. — № 10536...10544.
- Он же. Четвертый: История одного сыска // Там же. — 1908. — № 10392...10408.
- Злой дух [Прохоров В.А.]. Людоеды: Роман // Новости дня. — 1883. — № 10...176.
- Иванов Ил. Медальон: Роман // Новости дня. — 1893. — № 3428...3570.
- Иванов Ф.К. — см.: Синяя борода.
- Колтовской Е.Е. Рассказы следователя. — Кишинев, 1903. — 357 с.
- Кочановский Н. Дело Докса: Из воспоминаний следователя // Русский вестник. — 1880. — № 7. — С.72-128.
- Красницкий А.И. — см.: Лавров А.И.
- Лавров А.И. [Красницкий А.И.]. Дочь Рагуила: Роман // Всеобщая библиотека. Бесплатн. прилож. к журн. «Всемирная новь». — 1913. — Кн.7. — С.3-32; Кн.8. — С.33-96.
- Он же. Змея в кольце: Роман. — СПб., 1904. — 192 с.
- Он же. Манчжурское золото: Роман. — СПб., 1903. — 208 с. (Книги журнала «Родина». 1903. № 14).
- Он же. Петербургские бандиты: Роман // Родина. — 1894. — № 12-32.
- Он же. Под волнами Иматры: Роман. — СПб., 1902. — 208 с. (Книги журнала «Родина». 1902. № 11).
- Он же. Царица хунзузов: Роман. — СПб., 1905. — 160 с. (Книги журнала «Родина». 1905. № 12).
- Максимовский Н. Измена графини, или Самоубийство из мести: Уголовный роман. — М., 1887. — 216 с.
- Назарьева К.В. Рыцарь тьмы: Роман. — СПб., 1890. — 278 с.
- Нестеров С.М. Под ярмом миллионов: Роман из уголовных хроник // Новости дня. — 1888. — № 1614...1747.
- Никитин П. Новейшие приключения Шерлока Холмса в России. — Вып. 1-16. — М., 1908.
- Он же. Сверхсыщик: Из последних приключений Шерлока Холмса в России. — М., б.г. — 287 с.
- Орловец П. [Дудоров П.П.]. От каторги к миллионам. М., [1908]. — 256 с.
- Он же. Похождения Шерлока Холмса в Сибири. — М., 1909. — 288 с.
- Он же. Приключения Карла Фрейберга, короля русских сыщиков. — М., 1908. — 205 с.
- Он же. Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России. — М., 1909. — 288 с.
- Пазухин А.М. На обрывах Поволжья: [Повести]. — М., 1896. — 269 с.
- Он же. Путем преступления: Роман // МЛ. — 1911. — № 3...97.
- Он же. Тайна шоффера: (Роман) // МЛ. — 1917. — № 3...72.

- Панов С.А. Убийство в Мухтоловой роще: Рассказ судебного следователя // ПЛ. — 1876. — № 60...67.
- Он же. Убийство в деревне Медведице: Юридическая повесть. — СПб., 1872. — 356 с.
- Он же. Три суда, или Убийство во время бала: Рассказ судебного следователя. — СПб., 1876. — 350 с.
- Пастухов Н.И. — см.: Старый знакомый.
- Пономарев И.Н. Любовь злодея // ПЛ. — 1888. — № 41...132.
- Он же. Живой товар: (Из бердичевских тайн): Роман. — СПб., 1888. — 160 с.
- Он же. По кровавым следам: Уголовный роман. — СПб., 1892. — 227 с. (Собрание романов, повестей и рассказов. Ежемесячное приложение иллюстрированного журнала «Родина». 1892. № 8).
- Попов К. Виноватые и правые: Рассказы судебного следователя. — М., 1871. — 188 с.
- Попов Н.Е. — см.: Энпе.
- Прохоров В.А. — см.: Злой дух; Риваль В.П.
- [Путилин И.Д.]. Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскальной полиции И.Д.Путилиным. — СПб., 1904. — 494 с.
- Путилин И.Д. Сорок лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскальной полиции. — Пг.; М., 1916. — Т.1-2. — 198, 205 с.
- Ракшанин Н.О. Страшное дело: Роман // ПЛ. — 1892. — № 222...257.
- Риваль В.А. [Прохоров В.А.]. В предсмертный час: Роман // Развлечение. — 1889. — № 35-50.
- Он же. За сто тысяч: Роман. — М., 1897. — 340 с.
- Розовое домино [Животов Н.Н.]. Макарка душегуб // ПЛ. — 1895. — № 90...187.
- Рудниковский М. [Былов М.Н.]. Ужасное наследство: (Рассказ) // МЛ. — 1891. — № 3...121.
- Салманов П.А. Дитя: Повесть из оконченного дела // Юридический журнал. — 1860. — Кн.1-4; 1861. — Кн.5-6.
- Он же. Убийца: Роман из русского оконченного дела. — СПб., 1877. — 327 с.
- Седельников Н.М. Жизнь — что морская пучина: (Уголовный роман) // Новости дня. — 1886. — № 213...337.
- Синее домино [Соколова А.И.]. Последний визит: (Из хроники забытых дел) // МЛ. — 1882. — № 98...129.
- Синья борода [Иванов Ф.К.]. В погоню за миллионами: (Из уголовной хроники) // МЛ. — 1885. — № 308...361.
- Он же. Темное дело: Рассказ: (Из уголовной хроники) // МЛ. — 1889. — № 9...77.
- Он же. Убийство в Зарядье: (Роман из уголовной хроники) // МЛ. — 1888. — № 141...246.
- Соколов А.А. Два мужа: Уголовный роман // ПЛ. — 1883. — № 255... 1884. — № 132.
- Соколова А.И. Гордиев узел: Уголовный роман из современной жизни // Свет. — 1906. — № 193...283.
- Она же. Спетая песня: (Из записок старого следователя). — М., 1892. — 154 с.
- Соколова А.И. — см. также: Синее домино.
- Старый знакомый [Пастухов Н.И.]. Разбойник Чуркин // МЛ. — 1882. — № 29... 1885. — № 68.
- Степанов П.И. Правые и виноватые: Записки следователя сороковых годов. — Т.1-2. — СПб., 1869. — 465, 455 с. (Печаталось в журнале «Библиотека для чтения» в 1862-1863 гг.)
- Телепнев П.И. — см.: — Е —
- Терновский Н.М. Исповедь старого судебного следователя. — Житомир, 1901. — 77 с.
- Тимофеев Н.П. В погоне на поисках за похищенным ребенком: Рассказ из следственно-розыскной практики. — М., 1880. — 84 с.
- Он же. Записки следователя. — СПб., 1872. — 379 с.
- Он же. Из воспоминаний судебного следователя: Очерки и рассказы. — М., 1878. — 445 с.
- Он же. Из уголовной хроники: [Повести] — М., 1879. — 176 с.
- Трефолов Л.Н. Кто убил?: Повесть. — Ярославль, 1900. — 421 с.
- Хлопов Н.А. — См.: Железная маска.
- Х.-С. [Хрущов-Сокольников Г.А.]. Кто?: Повесть // Свет. — 1882. — № 29-37.
- Хрущов-Сокольников Г.А. Кто убийца?: (Рассказ из уголовной хроники) // Свет и тени. — 1886. — № 127-137.
- Он же. Москва без маски. — СПб., 1896. — 266 с.
- Он же. Фараоны: Большой роман из уголовной хроники // Свет. — 1889. — № 1...90.
- Цеханович А.Н. Тайна угрюмого дома // Цеханович А.Н. Темный Петербург. — СПб., 1901. — С.178-269.
- Чехов А.П. — см.: Чехонте А.
- Чехонте А. [Чехов А.П.]. Драма на охоте: (Истинное происшествие) // Новости дня. — 1884. — № 212... 1885. — № 111.
- Шкляревский А.А. Князь Амалат-Бек: Роман из уголовной хроники. — СПб., 1882. — 277 с.
- Он же. Новая метла: Уголовный роман. — СПб., 1886. — 303 с.
- Он же. Новые рассказы. — М., 1880. — 235 с.
- Он же. Повести и рассказы. — М., 1872. — 266 с.
- Он же. Рассказы из уголовной хроники. Изд. 2. — СПб., 1903. — 303 с.
- Он же. Рассказы судебного следователя. — М., 1878. — 170 с.

Он же. Собрание сочинений. — СПб., 1881. — 396 с.

Он же. Сочинения: Рассказы следователя. — Т.1. — СПб., 1872. — 241 с.

Он же. Убийство без следов: Рассказ из уголовной хроники. — СПб., 1878. — 166 с. (Книга включает и рассказ «Убийство мирового судьи»).

Он же. Утро после бала: (Рассказ присяжного поверенного) // Московское обозрение. — 1877. — № 17-20, 32/33.

Он же. Что побудило к убийству?: Рассказ следователя. — СПб., 1879. — 174 с.

Шлиппенбах Г. Наследник Субботина: Роман // Всеобщая библиотека. Бесплатн. прилож. к

журн. «Всемирная новь». — 1910. — Кн. 18. — С.93-160.

Эвальд А.В. Завещание: Роман из петербургской жизни // ПЛ. — 1892. — № 76...119.

Эвальд А.В. — см.: Арлекин.

Энне [Попов Н.Е.]. История одного преступления: (Власть сердца): Из воспоминаний судебного следователя: Роман. — М., 1903. — 372 с.

Он же. Отмщение: (Из мира погибших): Роман. — М., 1904. — 320 с.

Янов А.Д. [Деянов А.И.]. Горюны: Роман из современной петербургской жизни // ПЛ. — 1901. — № 202...295.

Он же. Золотые мухи: Роман-хроника // ПЛ. — 1902. — № 324...359.

АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Без пощады: (Из записок старого судебного следователя) // ПЛ. — 1888. — № 195...208.

В сетях преступлений: (Убийство княжны Зарецкой): Уголовный роман. — М., 1907. — Вып. 1-19. — 298 с.

Дело журнала «Огонек» и Шерлока Холмса // Биржевые ведомости. — Утр. вып. — 1908. — № 10574...10624.

Казанский Шерлок Холмс: Повесть из приключений знаменитого детектива Бориса Николаевича Ордынского. — Казань, 1908. — Вып. 1: Казанские притоны. — 16 с. (Издание не завершено).

На скамье подсудимых, или Тайна Замоскворечья: Повесть. — М., 1899. — 180 с.

С быстротой молнии: (Из записок полицейского сыщика): [О Шерлоке Холмсе] // Биржевые ведомости. — Утр. вып. — 1908. — № 10459...10469.

Страшное дело: Роман // ПЛ. — 1894. — № 259...285.

Уголовная быль по рассказам и воспоминаниям уездного следователя. — Ковров, 1912. — 96 с.

Шерлок Холмс. — СПб., 1908-1910. — Вып. 1-98.

Шерлок Холмс в Баку // Биржевые ведомости. — Утр. вып. — 1908. — № 10523...10533.

Шерлок Холмс в Москве // Там же. — 1908. — № 10433...10483.

Шерлок Холмс в Одессе // Там же. — 1908. — № 10495...10503.

Шерлок Холмс в Петербурге: (Из записок всемирного полицейского сыщика) // Там же. — 1908. — № 10308...10340.

Шерлок Холмс в Симбирске. — Симбирск, 1908. — 24 с.

В.П.КУПЧЕНКО

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФЕОДОСИЯ В 1920 ГОДУ

ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ МЫСЛЬ»

Благодаря Максимилиану Волошину и его гостям в Феодосии в 1910-х гг. создалась насыщенная литературно-художественная атмосфера: поэтические вечера, театральные постановки, концерты устраивались на дачах и на открытом воздухе¹, местные газеты оповещали о прибытии каждого литератора, художника, артиста². В октябре 1916 г. по инициативе А.А.Новинского³ в Феодосии возникло Литературно-художественное общество (в декабре получившее имя «Киммерика»), целью которого ставилось «содействовать распространению литературного и художественного образования в населении и среди своих членов»⁴. Сам Волошин до конца года 7 раз выступил с докладами⁵; из числа феодосийцев в деятельности Общества участвовали педагоги Ю.А.Галабутский⁶, В.Э.Дембовецкий⁷, поэтесса Г.В.Полужтова⁸, писательница С.Н.Шиль⁹, актриса Ф.Г.Раневская¹⁰.

С началом Гражданской войны в Крым хлынули толпы спасавшейся от большевиков интеллигенции — и заглошшая было литературная жизнь вновь забила ключом. Осенью 1919 г. по инициативе артиста А.М.Самарина-Волжского¹¹ возник Феодосийский литературно-художественный кружок — ФЛАК (иногда пишут Флак)¹². Волошин, дискредитировавший себя перед «белыми» защитой генерала Н.А.Маркса¹³, сотрудничавшего с большевиками, практически не участвовал в деятельности кружка — так же, как В.В.Вересаев, в 1918 г. застреленный в Коктебеле и также «провинившийся» работой весной 1919 г. в советском Наробразе¹⁴. Тем активнее была молодежь — в основном, заезжая — и «неисменитые» из местных: Вадим Баян¹⁵, Дмитрий Благой¹⁶, Федор Гиз¹⁷, Василий Дембовецкий, Мария Кудашева¹⁸, Михаил Мабо¹⁹, Эмиль Миндлин²⁰, Галина Полужтова, Александр Соколовский²¹, Григорий Томилин²², Яков Цвибак²³, Александр Цыгальский²⁴. В Феодосии появился также еврейский литературный кружок «Унзер винкль» («Наш угол»), — в котором участвовали Осип Мандельштам²⁵, Элиша Родин²⁶, Андрей Соболев²⁷, однажды выступил М.Волошин²⁸.

ФЛАК выпустил два номера журнальчика «К искусству!». Первый номер, вышедший, по-видимому, в августе 1919 г., обнаружить не удалось²⁹, а № 2 сохранился в архиве Волошина. Вышел он 10 ноября 1919 г., издателем названо «Правление Лит.-арт. кружка», в редколлегию вошли В.Д.Гейман³⁰, М.Плоткин (Крамов)³¹, А.Ровицкий (Ардатов)³², Ал.Цыгальский. На шестнадцати страницах журнала разместились: рассказ В.В.Вересаева «Состязание»

(с.2-6), стихотворения М.Волошина «Плавань» (с.6-7), О.Мандельштама «Меганон» (с.7; правильно: Меганом — мыс между Коктебелем и Судаком) и «Образ твой мучительный и зыбкий...» (с.11), М.Цветаевой «Любви старинные туманы» (с.7-8) и «А всему предпочла...» (с.12)³³, П.Соловьевой³⁴ «Не они», М.Кудашевой «Снова сердце в твоём бреду...», А.Цыгальского «Не верю!», С.Парнок «Вдвойне прекрасен цветик на стебле...»³⁵ (с.9) и Э.Миндлина «Я полубил созвучия ваханок...» (с.12). Далее — «Несколько слов о творчестве Максимилиана Волошина» А.Цыгальского (с.9-10), обзор первой книги альманаха «Отчизна» С.Крамова (с.10-11), заметка «Мане-Кац»³⁶ (подписана: П.П.-ов; с.12). В разделе «Театр и музыка» — «К юбилею А.М.Самарина-Волжского» Ю.Юмова (с.12-13), «Новое о музыке» (о А.А.Спендиарове, находившемся тогда в Судаке) без подписи (с.13), «В труппе Кожевникова»³⁷ и «Гастроли еврейской опереточно-драматической труппы» — обе за подписью «К» (Крамов (?), с.13-14), хроника «В кружке» (с.14), объявления и реклама (с.14-16).

Общую атмосферу Феодосии 1919-1920 гг. ярко запечатлел О.Мандельштам в мемуарных очерках «Начальник порта», «Старухина птица», «Бармы закона», «Мазеса да Винчи». Интересные дополнения (в частности, о ФЛАКе) дал в «Необыкновенных собеседниках» Э.Миндлин. Весьма ценным источником — наиболее «документальным» и хронологическим — является и газета «Крымская мысль», выходившая в Феодосии с 1 января 1920 г. К сожалению, сохранилась она — как почти все крымские газеты белогвардейского периода — крайне плохо: в 1920-1930-е гг. они уничтожались по идеологическим соображениям, в 1941-1944 гг. свою долю внесли война и немецкая оккупация. В самой Феодосии «Крымской мысли» нет ни в Краеведческом музее, ни в фондах Галереи И.К.Айвазовского. В Государственном архиве Крымской области в Симферополе в 1975 г. оказалось лишь два номера (60 и 67). Зато в библиотеке «Таврика» областного Краеведческого музея сохранилось 70 номеров, с 1 января по 23 октября 1920 г.: № 1, 2, 4, 5, 7, 9-12, 14, 16-24, 30, 32-37, 40-43, 45, 49, 50, 52-68, 70, 104, 113-116, 124, 126, 175, 178, 182, 183, 185, 207, 211, 215, 235, 237. Хранились эти газеты в тайнике за обшивкой стены и были мне выданы под строжайшим секретом. Возможно, «Крымская мысль» имелась в Крымском партархиве — но туда мне доступа не было.

В крымоведаческой литературе «Крымская мысль» почти не упоминается. В самой ранней по времени (1921) публикации — статье П.И.Новицкого «Из истории крымской печати в 1919-1920 гг.» — о ней нет ни слова; вообще этот будущий большевистский функционер считает «всевозможные ялтинские, евпаторийские и симферопольские «Голоса» «ничтожными, никому не нужными листками»³⁸. Также не упоминает «Крымскую мысль» Д.Маслов в статье «Печать при Врангеле» 1923 г.³⁹ В неплохой документированной книге М.Ф.Бунегина «Революция и гражданская война в Крыму. (1917-1920)» цитируется № 166 и «Крымская мысль» названа в списке источников⁴⁰. А вот насквозь пропагандистская книжка кандидата исторических наук Б.Вольфсона «Конец авантюры барона Врангеля» дает целых две ссылки на «Крымскую мысль»: № 181 и 241!⁴¹ Правда, с явной путаницей в датах: № 181 должен был выйти не 28, а 17 августа (№ 182 вышел 18 августа), а № 241 — не 18, а 27 октября 1920 г. (№ 237 вышел 23 октября). Этим (если «кандидат» не переврал и номера газеты) дается нам последняя — из известных — дата выхода «Крымской мысли»: 7 ноября 1920 г. войска Фрунзе уже пошли на штурм через Сиваш...

В январе редакция газеты «временно» располагалась в доме наследников Крыма⁴² на Итальянской улице (против Художественного театра), издателем был назван крупный крымский землевладелец А.В.Давыдов⁴³. (Впрочем, уже с № 5 (8 января) издателем стало общество «За единую Россию»). Подписная цена на месяц объявлялась в 100 руб., розничная — 5 руб. Затем «ввиду вздорожания бумаги» цена эта непрерывно росла: № 55 стоил 10 руб., № 70 — 20 руб., № 113 — 60 руб., № 124 — 75 руб., № 175 — 150 руб., наконец № 176 — 200 руб. Это — при очень среднем качестве бумаги и обилии опечаток (инициалы одних и тех же лиц, например, не раз давались различные).

«За редактора» сначала был Георгий Антонович Козловский, журналист, 10 апреля 1920 г. отметивший 30-летие литературной деятельности⁴⁴. Э.Миндлин в 1924 г. назвал Козловского «авантюристом и эсером»⁴⁵. Козловский явно тяготел к «язвочной словесности» и широко предоставлял полосы своей газеты литераторам и сведениям о литературно-художественной жизни. Некоторые из участников «Крымской мысли» приобрели впоследствии известность — в СССР или в эмиграции, другие же не оставили заметного следа. Но и последние вносили свой вклад в тогдашнюю литературную жизнь, составляли культурную среду Крыма — и были по своему необходимы...

22 марта 1920 г. генерала А.И.Деникина на посту главнокомандующего вооруженными силами на юге России сменил П.Н.Врангель. Естественно, начались перемены в местной администрации, «новые веяния» коснулись и печати. Полное отсутствие номеров «Крымской мысли» за апрель и июль мешает точному суждению, но в сохранившихся номерах за май и июнь литературные материалы практически отсутствуют. С 8 августа (может, и раньше) редактором становится Е.А.Фидлер⁴⁶, при которой — в сохранившихся номерах — литературный материал появился лишь однажды...

За отдельные справки приношу благодарность Е.Н.Будаговой, А.В.Лаврову, Б.Я.Фрезинскому (все — С.-Петербург) и С.З.Лушки (Одесса).

¹ См. воспоминания о Коктебеле и Феодосии в 1907-1916 гг. Е.К.Герцык, С.И.Дымшиш-Толстой, Е.П.Кривошапкиной, Ю.Л.Оболенской, Л.Е.Фейнберга, М.И.Цветаевой в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В.Купченко и З.Давыдов. М., 1990.

² В частности: «Феодосийская газета», «Феодосийские новости», «Керчь-Феодосийский курьер», «Крымский курортный листок» и «Южные ведомости» (две последние — Симферополь).

³ Новинский Александр Александрович (ок. 1880-1950-е) — капитан 2 ранга, начальник Феодосийского порта в 1916-1920 гг. Ему посвящен очерк О.Мандельштама «Начальник порта». Андрей Седых в мемуарах «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962) свидетельствовал, что Новинский «умер несколько лет назад в Голливуде, где стал киноактером». 10 писем Новинского к Волошину сохранились в архиве последнего (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.891).

⁴ Феодосийское литературно-художественное общество «Киммерика»: Очерк возникновения, организации и задач общества. Феодосия, 1916. С.9.

⁵ Об этом 5 ноября 1916 г. Волошин писал художнице Ю.Л.Оболенской: «Читаю феодосийцам лекции и стихи. <...> Тамешнее лит-ратурно-худ-ожественное общество, основанное Новинским, устраивает вечер памяти Сурикова» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.82). См. подробнее: Купченко В. Феодосийское общество «Киммерика» // Победа. Феодосия, 1976. 11 и 12 августа.

⁶ Галабутский Юрий Андреевич (1863-1928) — преподаватель словесности (любимый педагог Волошина), автор статей в «Русской школе» (1890-1900), «Киевской старине» (1902), «Историческом вестнике» (1905).

⁷ Дембовецкий Василий Эдуардович (1855 — не ранее 1926) — преподаватель русского языка (на службе с 1908 г.), поэт. Выпустил в Феодосии книги стихов «Волокна и ткани» (1914) и «Тридцать столетий назад» (1916). В 1926 г. опубликовал стихотворение «Максимилиан Волошин» в журнале «Артемовец» (г. Сталин, № 1(9), 20 ноября, с.19-20).

⁸ Полузкова Галина Владимировна (ок. 1898 — после 1923) — дочь художника-феодосийца, двоюродная сестра поэта Александра Викторовича Маслова (Миниха). Ее портрет Волошин набросал в 1911 г. (ИРЛИ. Ф.562. Оп.2. Ед.хр.107), упомянул ее в письме к Т.Д.Цемах от 1 марта 1923 г.; тем же летом Полузкова бывала у него в Коктебеле (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.478). Перевела стихотворение Э.Верхарна «4 святых» для доклада Волошина в «Киммерике» (8 декабря 1916 г.)

⁹ Шиль Софья Николаевна (1863-1928) — переводчица и литературовед (псевдоним «Сергей Орловский»), сотрудница толстовского издательства «Посредник», автор книг для народа. Встречалась с Р.-М.Рильке в 1899-1900 гг.

¹⁰ Раневская Фаина Григорьевна (наст. фамилия Фельдман, 1896-1984). Участвовала в волошинском вечере в честь Верхарна.

¹¹ Самарин-Волжский Арнольд Маркович (наст. фамилия Левинский, 1880-1949) — драматический артист. Зимой 1920-1921 гг., при «красных», стал председателем профсоюза работников искусств и заведующим Отделом народного образования в Феодосии.

¹² См. о нем: Купченко В. Феодосийский литературно-художественный кружок // Вопросы литературы. 1976. № 4. С.311-314.

- ¹³ Маркс Никандр Александрович (1860-1921) — генерал-лейтенант, профессор-палеограф, фольклорист (издал «Легенды Крыма» в трех выпусках: М., 1914; 1915; Одесса, 1917. Второе издание: Симферополь, 1990). «Дело» Н.А.Маркса описал сам Волошин (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.378-409).
- ¹⁴ Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С.475-480.
- ¹⁵ Вадим Баян (наст. имя Владимир Иванович Сидоров, 1880-1966) — поэт-футурист; сборник его стихов «Лирический поток» (СПб.; М.: М.О.Вольф, 1914) вышел с предисловием И.Северянина. Вместе с последним и В.В.Маяковским выступал в январе 1913 г. на вечерах футуристов в Симферополе (где В.Баян жил), Севастополе и Керчи.
- ¹⁶ Благый Дмитрий Дмитриевич (1893-1984) — филолог, литературовед. В мае 1926 г. подарил Волошину свою книжку «Мураново» (М., 1925) как «память 1919-1921 годов».
- ¹⁷ Гиз Федор — поэт и художник (сведения Э.Миндлина, изложенные в письме ко мне 6 июня 1975 г.).
- ¹⁸ Кудашева Мария Павловна (урожд. Кювилье, 1895-1985, во втором браке Роллан) — переводчица, поэтесса. См. о ней: Волошин М. Путник по вселенным. М., 1990. С.297-303; Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т.1. С.303, 304.
- ¹⁹ Мабо Михаил Моисеевич (1878-1961, псевдоним «Азовский») — минский журналист и драматург, директор Азовского банка в Феодосии в 1913-1920 гг. Эмигрант, автор воспоминаний «О Максимилиане Волошине, Мандельштаме и других» (Новое русское слово. 1949. 14 января).
- ²⁰ Миндлин Эмилий Львович (1900-1981) — поэт, прозаик, уроженец Александровска, в Феодосии жил в 1919-1921 гг. Автор мемуаров «Необыкновенные собеседники» (М., 1968. Второе издание — М., 1979).
- ²¹ Соколовский Александр Саулович (ок. 1897-?) — поэт-одессит, приятель Э.Миндлина. В 1919 г. приехал в Феодосию с родителями. На своем творческом вечере во ФЛАКе 5 февраля 1920 г. Соколовский читал стихи из книги «Роман», поэму «Мадлена» и сделал сообщение «Средневековая лирика mademoiselle d'Orlean» (афиша вечера — РГАЛИ. Ф.2552. Оп.1. Ед.хр.137). Автор сборников стихотворений «Зеленые глаза» (Одесса, 1916) и «Покойник с гитарой» (Симферополь, 1920). В 1921 г., уже в эмиграции, издал повесть в стихах «Роман благословенный», в 1922 г. печатался в «Сполохах» и в «Русской мысли» (Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968 / Сост. Л.А.Фостер. Бостон, 1970. Т.2. С.1009).
- ²² Томилин Григорий Стефанович — помощник секретаря земства, журналист и поэт. В 1916 г. был секретарем литературного отдела «Киммерики». В 1917 г. издал в Феодосии книгу стихов «Зигзаги». В августе 1921 г. уехал из Феодосии вместе с М.П.Кудашевой и Э.Л.Миндлиным. В 1926 г. в Липецке издал 16-страничный сборник «Сатиры». Републикацию его стихотворения «Коктебель» из одесского журнала «Огонек» (1919. №1) см. в феодосийской газете «Победа» (1980. 11 марта).
- ²³ Цвибак Яков Моисеевич (1902-1994) — писатель и журналист, феодосиец. Эмигрировал в Париж, где издал книги очерков «Монмартр» (1927), «Париж ночью» (1928), «Люди за бортом» (1933). Переехал в США, взял псевдоним «Андрей Седых», под которым издал еще несколько книг рассказов и мемуары «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962).
- ²⁴ Цыгальский Александр Викторович (1880-1941) — военный инженер, полковник. Выведен в очерке О.Мандельштама «Бармы закона». В 1910-х гг. сотрудничал в журнале «Кавказские курорты», в 1920 г. издал в Феодосии книжку стихов «Душа русского гражданина: Избранные стихи. 1911-1920» (отзыв: Ив. Гоев // Таврический голос. 1920. 7(20) июля). Эвакуировавшись с «белыми», Цыгальский печатал стихи в софийской газете «Русская жизнь», позже редактировал бостонское издание «Вестника русского духовного воскресения». См. о нем также: Тименчик Р. Заметки на полях именных указателей // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С.157.
- ²⁵ Свидетельство бывшего феодосийца Исаака Борисовича Абельсона (1897-?), записано мной 26 июля 1975 г.
- ²⁶ Родин Элиша Моисеевич (1888-1946) — поэт, в 1918 г. издал в Харькове сборничек «Стихи и поэмы». В 1924 г. вышла книжка «Из двух источников» на идиш (Л., 1924).
- ²⁷ Андрей Соболев (наст. имя Юлий Маркович, 1888-1926) — писатель, бывший политкаторжанин. Крымским впечатлениям 1919 г. посвящен его рассказ «Обломки» (см.: Купченко В. Андрей Соболев в Коктебеле // Победа. 1976. 27 апреля). О встречах с А.Соболем в Феодосии написал Э.Родин в очерке «Мои воспоминания об Андрее Соболе» (Еврейский вестник. Л., 1928. С.69-71).
- ²⁸ См.: Волошин М. Путник по вселенным. С.294-295.
- ²⁹ Э.Л.Миндлин утверждал, что у него сохранился 1-й номер «К искусству!» — однако в его архиве в РГАЛИ такового нет.
- ³⁰ Гейман Вениамин Давидович (ок. 1873 — после 1948) — помощник присяжного поверенного, краевед и журналист. Редактор-издатель газеты «Феодосийская жизнь» (1912-1913, 1914-1916), зав. феодосийским отделением симферопольской газеты «Южные ведомости». Автор книжки «Спутник приезжего: Путеводитель по Феодосии и окрестностям» (Феодосия, 1911). Упомянут Андреем Седых как В.Д.Крымский; умер в Нью-Йорке.
- ³¹ О М.Плоткине сведений не обнаружено.
- ³² Ровицкий А.С. (псевдоним «Ардатов») был редактором «К искусству!».
- ³³ Ранее считалось, что цикл «Любви старинные туманы» впервые был опубликован в 1923 г. (см.: Цветаева М. Стихотворения и поэмы / Сост. А.Сумеркин и В.Швейцер. Нью-Йорк, 1982. Т.2. С.384). Второе из стихотворений, опубликованных в «К искусству!», сопровождалось примечанием: «Ввиду обилия корректурных ошибок редакция вновь печатает стих-отворение» М.Цветаевой, помещенное в №1».
- ³⁴ Соловьева Поликсена Сергеевна (1867-1924) — поэтесса, художница (псевдоним «Allegro»). Имела в Коктебеле дачу (с 1904 г.)
- ³⁵ Стихотворение вошло в сборник С.Парнок «Музыка» (М., 1926) и ранее датировалось приблизительно: «до октября 1922 г.» (см.: Парнок С. Собрание стихотворений / Сост. С.В.Поляковой. Ann Arbor, 1979. С.340).
- ³⁶ Мане-Кац (наст. имя Мане Лазаревич Кац, 1894-1962, Тель-Авив) — художник из Харькова, участник «Союза искусств» и группы «7 + 3».
- ³⁷ Кожевников Митрофан Семенович — артист петроградского Малого театра. В Феодосии жил в 1919-1921 гг.

³⁸ Печать и революция. 1921. № 1. С.54-63. Цитата — со с.57.

³⁹ Антанта и Врангель: Сб. ст. М.; Л., 1923. Вып.1. С.172-208.

⁴⁰ Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму. (1917-1920). Симферополь, 1927. С.306, 334.

⁴¹ Вольфсон Б. Конец авантюры барона Врангеля. [Симферополь], 1940. С.36, 17.

⁴² Крымы — караимское семейство, включавшее ряд банкиров. На Итальянской улице находился банкирский дом «Братья Крым».

⁴³ А.В.Давыдов издавал также газету «Гаврический голос» (Симферополь, 1917-1920) и «Ялтинский курьер» (1912-1920). Видимо, он же автор публикации «Каменка: Из семейных воспоминаний» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1950. № 23. С.238-258).

⁴⁴ См. нашу библиографию «Крымской мысли», № 70. Судя по этой публикации, Г.А.Козловский работал в Чехии, Польше, Болгарии, сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Утро России», «Раннее утро», «Киевские отклики», «Приазовский край», «Екатеринославский вестник». В анонсе исторического журнала «Пережитое» (феодосийская однодневная газета «День журналиста» от 24 мая 1920 г.) после его фамилии в скобках стоит «Г.Антонович» (псевдоним?).

⁴⁵ Миндлин Э. Крым 1920: Из воспоминаний и впечатлений // РГАЛИ. Ф.2552. Оп.1. Ед.хр.6. Л.82.

⁴⁶ Фидлер Елизавета Алексеевна — журналистка (псевдоним «Евгений Южный»). 4 февраля 1920 г. Волошин упоминает ее в письме к Л.А.Недоброво как только что вернувшуюся из Ялты. В упомянутой выше газете «День журналиста» ей принадлежит переводная статья.

КРЫМСКАЯ МЫСЛЬ

№ 2. 3 января. Пятница.

Периклов. [«Ревизор» Н.В.Гоголя]. — С.4. — (Вокруг искусства).

Отчет о постановке 1 января местными артистическими силами при участии членов ФЛАКа спектакля для детей.

№ 7. 10 января. Пятница.

[Б.п. Анонс]. — С.4. — (Вокруг искусства).

Первый литературный вечер в помещении ФЛАКа¹ «во вторник» (14 января) с участием местных и столичных журналистов.

№ 10. 14 января. Вторник.

Периклов. [Анонс]. — С.4. — (Вокруг искусства).

Первый литературно-критический вечер во ФЛАКе 16 января. Выступит с докладами Г.Козловский («Русская журналистика за последние 25 лет»), Ал. Соколовский² («Южно-русская школа поэтов»), А.Цыгальский³ («Нечто из последнего периода творчества М.Волошина»), А.Анин⁴ («С.Фонвизин. «Смутное время»»⁵).

№ 12. 16 января. Четверг.

[Б.п.]. «Флак». — С.4.

Выход из Правления ФЛАКа «по принципиальным соображениям» А.Цыгальского и его отказ от редактирования журнала «К искусству».

№ 14. 18 января. Суббота.

Г.Е.Оргий [Г.А.Козловский]. Во «Флак'е». — С.4. — (Вокруг искусства).

Отчет о литературном вечере 16 января. Выступления заявленных в программе докладчиков (см. выше № 10), а также М.Волошина «со своими последними стихами» («На вокзале», «Китеж», «Заключение о России», «Гражданская война»⁶ и др.). А.Анин «вместо доклада о «Смутном времени»» Фон-Визина выступил с кратким разбором последнего романа П.Бурже⁷.

№ 16. 21 января. Вторник.

[Б.п. От литературной секции ФЛАКа, — С.4. — (Вокруг искусства).

Избрание временным председателем Литературной секции ФЛАКа Г.Козловского и А.Соколовского — мстителем. Созыв 22 января организационного собрания литераторов и журналистов. М.Волошин на собрании прочтет «часть поэмы «Серафим Саровский», ныне им канчиваемой»⁸.

Периклов. Исполнительный вечер «Флак'а». — С.4.

Отчет о вечере 19 января. «Шумные овации» вызвал М.Волошин, прочитавший «Заключение Руси», «Матрос»⁹ и др.

№ 17. 22 января. Среда.

[Б.п.]. Народный университет. — С.4. — (Хроника).

К открытию его Городской управой при финансовом участии Кооперативного союза. Программа будущих курсов, выработанная в комиссии по открытию: Ю.Галабуцкий¹⁰, «Чехов»; Ф.Патловский¹¹, «Гаршин и Короленко»; Звонарь¹², «Анатолий Франс»; «Кнут Гамсун и театр»; В.Дембовецкий¹³, «История западной литературы в XVI-XVIII вв. (Франция, Германия и Англия)»; А.Цыгальский. «Антихрист Ницше», «Бальмонт».

[Б.п.]. «Флак». — С.4. — (Вокруг искусства).

Анонс лекции М.Волошина «Война и демоны машин» 22 января¹⁴. В прениях выступят Г.Козловский и А.Соколовский.

[Б.п.]. Вечер поэта О.Мандельштама. — С.4.

Анонс вечера «в пятницу» (24 января). Выступят Л.Н.Лидина (стихи А.Ахматовой), Б.Скуратов (стихи Н.Гумилева), А.Соколовский (слово об О.Мандельштаме).

Цыгальский А. Письмо в редакцию. — С.4. — Датировано: 18 января 1920 г.

Протест против оценки его доклада о М.Волошине в № 14 (ставил своей целью «дать возможность М.А.Волошину выступить» — каковой возможности пост «до того вечера не имел»).

От редакции. — С.4.

По поводу «Письма в редакцию» А.Цыгальского («вряд ли Волошину требуются посредники», т.к. приглашение выступить он получил от Правления ФЛАКа).

№ 18. 23 января. Четверг.

Г.Е.О-й [Г.А.Козловский]. Литературная секция «Флак'а». — С.4.

Организована на общем собрании журналистов 21 января. Избрание председателем Президиума Секции А.Цыгальского, Г.Козловского — товарищем председателя, Г.Томилина¹⁵ — секретарем. «Объединение всех работников пера» и «устройство литературных вечеров, лекций, докладов, диспутов, литературных судов» как задачи нового объединения (поскольку «дороговизна печатного станка, отсутствие бумаги и т.п.» препятствуют выходу литературы к «читающей публике», литературные вечера ФЛАКа — по типу «устных газет» или «устного журнала» — могут стать решением проблемы). План вечеров и лекций: вечер поэзии О.Мандельштама (23 января), «устная газета» (25 января), лекция М.Волошина («в ближайшие дни»), лекция А.Цыгальского о М.Волошине («в недалеком будущем»).

№ 20. 25 января. Суббота.

[Б.п.]. Лекция М.А.Волошина. — С.4.

Краткий пересказ лекции «Война и демоны машин», прочитанной во ФЛАКе 22 января. Выступления в прениях А.Цыгальского, А.Соколовского, Г.Козловского и др. (утверждавших, в частности, что лектор «отрицает войну») и заключительное слово М.Волошина (пояснившего, что ничего не отрицает и не утверждает, «он не учит, а — изучает»).

[Б.п. Анонсы]. — С.4. — (Вокруг искусства).

Второй литературно-критический вечер в помещении ФЛАКа. Выступят А.Самарин-Волжский¹⁶ (с чтением поэмы А.Блока «Двенадцать») и М.Волошин — (доклад о поэме). Поэтический вечер А.Соколовского 28 января здесь

же. Выступят А.Цыгальский (доклад о творчестве А.Соколовского), А.Самарин-Волжский и Ю.Юмов¹⁸ (с чтением стихов Г.Державина, В.Бросова, П.Ронсара и др.)

№ 22. 28 января. Вторник.

[Б.п.]. «Двенадцать». — С.4. — (Вокруг искусства).

Отчет о вечере 25 января во ФЛАКе, посвященном «Двенадцати» А.Блока. Выступление А.Самарина-Волжского с чтением поэмы и М.Волошина, сделавшего ее критический разбор. По его мнению, поэма — «одно из прекрасных творений революционной действительности. Блок отнюдь не большевик; вдохновение ведет его помимо его воли и намерений. Христос отнюдь не ведет за собой 12 красногвардейцев, а преследуется ими, красный флаг в его руках — «символ его теперешних социальных распятий». Волошин прочел также «Скифы» Блока и, поскольку желающих выступить в прениях не нашлось, — свои произведения».

[Б.п.]. Во «Флак'е». — С.4.

Программа вечеров на неделю: вечер А.Соколовского во вторник, вечер камерной музыки в среду, исполнительный вечер в четверг, вечер скрипача А.Г.Дубенского в четверг (пятницу?), общее собрание действительных членов ФЛАКа в субботу 1 февраля. Информация о поэтическом вечере О.Мандельштама 24 января. Выступили А.Соколовский (вступительное слово) и О.Мандельштам, прочитавший «свои новые и лучшие произведения», а также артисты Л.Лидина, Б.Скуратов (декламация) и Кугель (виолончель).

№ 23. 29 января. Среда.

Соколовский Ал. «Серафим Саровский». — С.4. — (Библиография).

Краткий пересказ поэмы М.Волошина, прочитанной «в тесном кружке друзей». Характеристика поэмы как нового и неожиданного поворота в творчестве М.Волошина. Составление ее с произведениями Франциска Ассизского¹⁹ («в некоторых местах ритм «Серафима» явственно ритму хоралов средневековых созвучен»).

№ 24. 30 января. Четверг.

Г<алабут>ский Ю. Литературные заметки. — С.2.

О рассказе С.Сергеева-Ценского «Небо»²⁰.

Периклов. «Флак». — С.4. — (Вокруг искусства).

Извещение об отмене вечера А.Соколовского «ввиду сильного холода» (отложен на следующую среду) и предполагаемому на следующей неделе вечеру художников (суд общественного мнения над Онегиным; тема — дуэль Онегина с Ленским).

№ 30. 6 февраля. Четверг.

[Б.п.]. Вечер Э.Миндлина²¹. — С.4.

Отчет о вечере, состоявшемся 4 февраля в помещении ФЛАКа (отсутствие публики отразилось на исполнителях, программа была сильно сокращена).

[Б.п.]. «Флак». — С.4.

Анонс литературных докладов на первой неделе Велико-го поста (ввиду запрещения музыкальных вечеров). Выступят Ю.Галабутский, И.Карвацкий²², Г.Козловский, А.Цыгальский, Г.Томилиня.

Як.К.²³ [Рецензия]. — С.4. — (Библиография). — Рец. на кн.: Рильке Р.М. Собрание стихов / Пер. и предисл. Ал.Биска. — Одесса: Омфалос, 1919. — 92 с. — Цена 15 руб.

№ 32. 8 февраля. Суббота.

[Б.п. Анонс]. — С.4. — (Вокруг искусства).

Выступление 11 февраля в помещении ФЛАКа И.Карвацкого с чтением одного из своих рассказов.

№ 33. 11 февраля. Вторник.

Гр. Т<омилин>. Во «Флак'е». — С.4. — (Вокруг искусства).

Отчет о вечерах поэтов Эм. Миндлина и Ал. Соколовского («вышли неудачными» ввиду отсутствия публики и, возможно, потому, что «сами поэты вряд ли вправе рассчитывать на широко к себе внимание»).

№ 34. 12 февраля. Среда.

[Б.п. Рецензия]. — С.4. — (Библиография). — Рец. на кн.: Крымские мотивы / Под ред. К.Тренева и П.А.Кузьмина. — Симферополь: Южное Кооперативное изд-во, 1920. — 70 с. — Цена 25 р.

В сборник вошли стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Надсона, произведения М.Горького, В.Дорошевича, С.Елпатьевского, В.Короленко, А.Куприна, А.Серафимовича, С.Сергеева-Ценского, А.Толстого, И.Шмелева и др.

№ 35. 13 февраля. Четверг.

[Б.п.]. Во «Флак'е». — С.4. — (Вокруг искусства).

Анонс выступления Ю.Галабутского 13 февраля с чтением рассказа С.Сергеева-Ценского «Небо» и критическим разбором рассказа.

№ 37. 15 февраля. Суббота.

Г<алабут>ский Ю. Литературные заметки. — С.2.

О рассказе И.Шмелева «Неупиваемая чаша», опубликованном в альманахе «Отчизна»²⁴.

Ц<вибак> Як.²⁵ [Рецензия]. — С.4. — (Библиография). — Рец. на кн.: Верхарн Э. Стихотворения / Пер. и предисл. М.Волошина. — Одесса: Омфалос, 1919. — 102 с. — Цена 15 р.²⁶

№ 43. 22 февраля. Суббота.

Г<алабут>ский Ю. Литературные заметки: Театр будущего. — С.2.

Миндлин Эм. Выставка картин Мильмана²⁷. — С.4.

Ц<вибак> Як. [Рецензия]. — С.4. — (Библиография). — Рец. на кн.: Гозиасон Ф. Жизнь и творчество Эль Греко. — Одесса: Омфалос, 1919.

№ 45. 25 февраля. Вторник.

Эм. М<индли>н. «Флак»: Исполнительный вечер. — С.4. — (Вокруг искусства).

Критический отзыв о вечере 20 февраля, устроенном Профсоюзом сценических деятелей (в частности, о выступлении «со своими стихами талантливого интересного поэта Вениамина Бабаджана»²⁸).

[Б.п.]. Лекция. — С.4.

Анонс лекции В.Бабаджана о творчестве П.Сезанна²⁹ («в непродолжительное время»).

№ 49. 1 марта. Воскресенье.

[Б.п.]. Вечер памяти Т.Г.Шевченко. — С.4. — (Вокруг искусства).

Отчет о вечере, состоявшемся во ФЛАКе. Выступления с докладами Ю.Галабутского и Г.Козловского.

М<индли>н Э. Во «Флак'е». — С.4.

Отчет об исполнительном вечере 27 февраля в четверг (в частности, о выступлении О.Мандельштама, который «в своем новом стихотворении явился художником с неожиданными для него роскошными красками»).

№ 52. 5 марта. Четверг.

Миндлин Эмиль. Уот Уитмэн: (К столетию со дня рождения). — С.2. — Начало. Окончание см. в № 54.

[Б.п.]. Вечер поэта Вадима Баяна³⁰. — С.4. — (Вокруг искусства).

Анонс вечера во ФЛАКе («в непродолжительное время»). В программе: вступительное слово Э.Миндлина, лирические произведения и некая поэма В.Баяна «Эльвира».

№ 53. 6 марта. Пятница.

[Б.п.]. Наш понедельник. — С.4. — (Вокруг искусства).

Анонс исполнительного вечера во ФЛАКе 9 марта. Выступят с чтением стихов Г.Полуэктова³¹, Г.Томилини, Э.Миндлин (также с отрывками из своего нового произведения «Иисус») и Ф.Гиз³² (с отрывками из своей новой книги «Ложь слов»).

[Б.п.]. Литературная секция. — С.4.

Анонс общего собрания 7 марта (среди вопросов для обсуждения — «вопрос о журнале "К искусству!"»).

№ 54. 7 марта. Суббота.

Миндлин Эмиль. Уот Уитмэн. — С.2. — Окончание. Начало в № 53.

[Б.п.]. Литературные дела: (Сборник стихов). — С.4.

Анонс поэтического сборника «Пьяные вишни»³³, готовящегося к выпуску временно обосновавшимся в Феодосии книгоиздательством «Гаран» (Харьков; Одесса). Участвуют М.Волошин, В.Баян, И.Эренбург, А.Соколовский, И.Северянин, М.Кудашева³⁴, М.Цветаева. Намечено издание и «ряда других сборников».

[Б.п.]. Альманах. — С.4.

Анонс нового литературного альманаха, выходящего под маркой издательства «Киммерика». Участвуют В.Вересаев, И.Эренбург, В.Баян, П.Соловьёва³⁵, О.Мандельштам, Ф.Гиз, Г.Шенгели, Э.Миндлин, Г.Полуэктова, А.Соколовский, М.Волошин, М.Цветаева, Г.Козловский, Г.Томилини, В.Бабаджан, С.Парнок, А.Гатов³⁶, М.Кудашева и др.

[Б.п.]. Вечер «Богема». — С.4.

Анонс вечера в подвале ФЛАКа 14 марта с участием артистов, музыкантов, поэтов, устраиваемого «для изыскания средств на издание большого литературного альманаха».

№ 57. 11 марта. Среда.

[Б.п. Рецензия]. — С.2. — (Библиография). — Рец. на кн.: Федоров С.И.³⁷ Настроения. — Феодосия: Магазин Берлина, [1919?].

[Б.п.]. В литературной секции. — С.2. — (Вокруг искусства).

Информация об общем собрании секции 8 марта.

№ 58. 12 марта. Четверг.

[Б.п. Лекция об А.Ф.Писемском]. — С.2. — (Вокруг искусства).

Отчет о выступлении Ю.Галабутского в Народном университете с лекцией к 100-летию со дня рождения писателя.

№ 59. 13 марта. Пятница.

[Б.п.]. Вечер Богема. — С.2. — (Вокруг искусства).

Анонс вечера. Выступят Э.Миндлин, В.Баян, В.Бабаджан, Ф.Гиз, А.Соколовский, О.Мандельштам, Г.Полуэктова.

№ 60. 14 марта. Суббота.

[Б.п.]. Подвал «Флак»: (Вечер Богемы). — С.1.

Анонс вечера (см. выше). Выступят также Г.Томилини, А.Цыгальский. «Конкурс остроумия. Фейерверк экспромтов. Водопад импровизаций»³⁸.

№ 61. 15 марта. Воскресенье.

Г.Е.Оргий [Г.А.Козловский]. Искусство в наши дни. — С.2.

Характеристика ФЛАКа как единственного места, где «еще возможность выступить и певцу, и поэту, и беллетристу»; ФЛАК предоставил помещение и для Народного университета. Упоминание о написанной В.Вересаевым «большой сильной драме», которую тот не может обнародовать³⁹.

№ 63. 18 марта. Среда.

[Б.п.]. Народный университет. — С.2.

Перечень лекторов (в частности — Н.Звонарев, В.Дембовецкий, Ю.Г.Алабуцкий).

№ 66. 21 марта. Суббота.

[Б.п.]. Вечер поэта И.Эренбурга. — С.2. — (Вокруг искусства).

Анонс вечера во ФЛАКе («на следующей неделе»). Содержание лекции И.Эренбурга «Новая эра и искусство»: «Великие кануны. Золото и смерть. Пьяный корабль. Скрипка Пикассо. Убогий крест. Преодоление вещи. Личное и соборное. Старые межи. Варварство угара. Разрыв и звено. Величие нашего века». Выступление поэта с чтением стихов из книги «Огонь»⁴⁰ и других произведений.

№ 70. 27 марта. Пятница.

[Б.п.]. Альманах поэтов «Ковчег». — С.1.

Анонс сборника. В продажу поступит 50 нумерованных экз., цена по подписке 135 руб., по выходе 150 руб. Альманах выходит 6 апреля. Редакционно-издательская коллегия: В.Бабаджан, Э.Миндлин, А.Соколовский. Участвуют: Э.Багрицкий⁴¹, А.Биск, В.Бабаджан, М.Волошин, А.Гатов, А.Герцык, Ф.Гиз, Е.Кранцфельд, М.Кудашева, О.Мандельштам, Э.Миндлин, С.Парнок, Г.Полуэктова, А.Соколовский, Г.Томилини, А.Филолов, М.Цветаева, А.Цыгальский, Г.Шенгели, И.Эренбург.

Волошин М. К лекции поэта Ильи Эренбурга⁴². — С.1.

Характеристика творчества поэта в связи с состоявшимся вечером (см. выше в № 66). «Из русских поэтов поколения десятых годов Илья Эренбург является самой крупной и своеобразной фигурой, плохо укладывающейся в рамки старых литературных делений. Он несколько раз менял свои поэтические лица. Даже больше: можно сказать, что каждая его новая книга является отрицанием всего его предыдущего творчества». Краткие характеристики сборников стихов «Будни» (1913), «Детское» (1914), «Стихи о канунах» (1916), «Молитва о России» (1918). «Казалось, дальше некуда идти по пути отчаяния. Но тут в творчестве Эренбурга наступает неожиданное углубление и просветление» (мистерия «Золотое сердце», драма «Ветер», роман «В звездах» и в особенности — стихотворения сборника «Огонь», 1919 г.)

[Б.п.]. Юбилей Г.А.Козловского. — С.2. — (Хроника).

К 30-летию литературно-общественной деятельности, исполняющемуся 9 апреля.

№ 114. 27 мая. Среда.

[Б.п.]. Лекция о Ростане. — С.2. — (Хроника).

Анонс выступления И.Звонарева 27 мая в Народном университете.

№ 183. 19 августа. Среда.

Т<омилини> Гр. Коктебель: (От собств<енного> корреспондента). — С.2.

Литературные вечера на даче Г.Петрова⁴³: лекция о душе русского народа⁴⁴, о личности в литературе и государстве (17 и 18 августа). Несостоявшееся выступление М.Волошина с лекцией «о театре» («по некоторым соображениям пришлось отложить»). Характеристика жизни В.Вересаева («живет замкнуто: он пишет, ведет свое дачное хозяйство, практикует как врач и принимает участие в работах культурно-просветительной комиссии»). Состав комиссии: Н.Манасеина⁴⁵ (председатель), П.Соловьёва, Е.Волошина⁴⁶ и др.

№ 215. 26 сентября. Суббота.

А.Т.М. Пушкин в Тавриде. (1820-1920). — С.2.

№ 235. 21 октября. Среда.

[Б.п. Анонс]. — С.1.

Доклад Г.Петрова «Болезни народного духа: (Достоевщина)» 21 октября в Художественном театре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Помещение ФЛАКа находилось в доме Рогольского, на углу Земской и Новой улиц. Здание не сохранилось.

² См. о нем примеч. 21 к вступит. ст.

³ См. о нем примеч. 24 к вступит. ст.

⁴ Анин Анатолий — соредaktor газеты «Вечерний курьер» (Симферополь).

⁵ Сведений о С.Фонвизине не обнаружено.

⁶ Стихотворения написаны соответственно 29 сентября, 18 августа, 23 июля (правильно: «Заключение о Русской земле») и 22 ноября 1919 г.

⁷ Бурже Поль Шарль Жозеф (1852-1935) — французский писатель. Возможно, речь идет о его романе «Лазарина» (1917).

⁸ Окончательное название — «Святой Серафим», закончено 30 декабря 1919 г. Позднее (весной 1929 г.) добавлена главка «Тварь».

⁹ Стихотворение «Матрос» из цикла «Личины» датировано 14 июня 1919 г.

¹⁰ См. о нем примеч. 6 к вступит. ст.

¹¹ Правильно: Ф.Е.Пактовский, бывший директор харьковской 2-й мужской гимназии, см.: Справочная книга «Весь Харьков» на 1917 г. Харьков, 1917. С.236.

¹² Звонарев И.Н. (возможно, Н.Н.) — преподаватель, поэт. После падения «белых» был, по воспоминаниям Э.Миндлина, членом Феодосийского ревкома, а в 1921 г. уехал «к семье в Орел» (Миндлин Э. Указ. соч. С.31, 35).

¹³ См. о нем примеч. 7 к вступит. ст.

¹⁴ Еще в 1908 г. Волошин опубликовал статью «Демоны разрушения и закона» (Золотое руно. 1908. № 6. С.59-68), вошедшую затем в сборник его статей «Лики творчества» (СПб., 1914. То же: Л., 1988. С.164-178). В архиве Волошина сохранились также незаконченные рукописи «Демоны машин. Часть 1» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.339) и «Демонизм машин» (Там же. Ед.хр.222). Эти же идеи были высказаны Волошиным в лекции «Скрытый смысл войны», которую он подготовил зимой 1918-1919 гг. и текст которой сохранился (см. публикацию В.В.Базанова в кн.: Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С.32-64).

¹⁵ См. о нем примеч. 22 к вступит. ст.

¹⁶ См. о нем примеч. 11 к вступит. ст.

¹⁷ Анализ блоковской поэмы был сделан Волошиным в статье «Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург», опубликованной в журнале «Камена» (Харьков, 1919. Кн.2. С.10-28. То же: Волошин М. Россия распятая. М., 1992. С.124-146).

¹⁸ Юмов Ю.А. — феодосиец, театральный администратор. 4 февраля 1920 г. на «поззо-вечере» Э.Миндлина во ФЛАКе делал сообщения о «Вселенной на плахе» В.Баяна и о персидской лирике X-XV вв., а 5 февраля на вечере А.С.Соколовского — сообщение «Стихи поэтов южно-русской школы: А.Фиолетова, Э.Багрицкого и Е.Кранцфельд» (афиши вечеров — РГАЛИ. Ф.2552. Оп.1. Ед.хр.137).

¹⁹ Христианскому подвижнику, основателю монашеского ордена францисканцев в Италии святому Франциску Ассизскому (1182-1226) Волошин посвятил 23 ноября 1919 г. стихотворение «Святой Франциск» (при жизни поэта не публиковалось).

²⁰ Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (наст. фам. Сергеев, 1875-1958) в период Гражданской войны жил в Алуште. Рассказ «Небо» был опубликован еще до революции — в 4-м томе его Собрания сочинений в 7 т. (М., 1910).

²¹ См. о нем примеч. 20 к вступит. ст.

²² Карвацкий (Корватский) И.А. — поэт, автор сборника «Безбурность: Прелюдии», вышедшего под псевдонимом «К.Тялявин» (М., 1908). В феврале 1919 г. был издателем-редактором газеты «Таврическая речь» в Мелитополе. В 1923 г. в Константинополе выпустил сборник стихов «Лунное венчание». По-видимому, он же — Иван Карвацкий, автор «Драмы на Босфоре», помещенной в парижской газете «Иллюстрированная Россия» (1926. № 76) и книги «Без ветрил» (Константинополь, 1927).

²³ По-видимому, опечатка, следует читать: Як.Ц<вибак> (см. о нем примеч. 23 к вступит. ст.)

²⁴ Шмелев Иван Сергеевич (1873-1950) в период Гражданской войны жил в Алуште. Повесть «Неупиваемая чаша» была опубликована в книге 1-ой альманаха «Отчизна» (Симферополь: Русское книгоиздательство в Крыму, 1919). В рецензии на альманах С.Крамов назвал это произведение рассказом, оценив его как образец «прекрасной художественной беллетристики» (К искусству! № 2. С.11). В 1922 г. повесть вышла отдельным изданием в Москве.

²⁵ См. о нем примеч. 23 к вступит. ст.

²⁶ Сборник вышел не позднее 20 августа 1919 г. В апреле того же года в издательстве «Творчество» С.А.Абрамова в Москве вышла книжка Волошина «Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы».

²⁷ Мильман Адольф Израилевич (1886-1930, Париж) — художник, до 1917 г. член объединения «Бубновый валет», затем — «Мира искусства». В 1918-1920 гг. жил в Судаке. Выставка его работ в Феодосии состоялась 15-17 февраля 1920 г.

²⁸ Бабаджан Вениамин Симович (1894-1920) — поэт, искусствовед, художник. Автор книг: Всадник: Цикл стихотворений. Одесса: Омфалос, 1917; Врубель. Пг.; Одесса: Омфалос, 1918. В марте 1920 г. подарил Волошину книжку своих стихов «Зоя» (Одесса: Омфалос, 1919). Служил вольноопределяющимся и после прихода «красных» был расстрелян как «белый офицер».

²⁹ В 1919 г. Бабаджан издал книжку «Сезани: Жизнь, творчество и избранные отрывки из писем» в одесском издательстве «Омфалос».

³⁰ См. о нем примеч. 15 к вступит. ст.

³¹ См. о ней примеч. 8 к вступит. ст.

³² См. о нем примеч. 17 к вступит. ст.

³³ 7 марта 1920 г. поэтесса Мария Калмыкова приглашала Волошина в письме принять участие в альманахе «Пьяные вишни», сообщая, что он «выходит в непродолжительном времени» (цит. по копии, сделанной нами в 1970-х гг. в Доме-музее М.А.Волошина в Коктебеле). Пятнадцатистраничный альманах вышел 15 мая — и сохранился в волошинской библиотеке, его участники: И.Северянин, В.Баян, Ф.Гиз, Г.Полузуктова, Э.Миндлин, Анна Грианова, А.Соколовский, М.Калмыкова, Г.Шенгели (стихотворение последнего «Феодосия» републиковано: Победа. 1981. 21 мая). Издательство «Таран» выпустило также альманахи «Радио», «Срубленный поцелуй» (оба без указания года) и «Из батареи сердца» (Пг., 1923).

³⁴ См. о ней примеч. 18 к вступит. ст.

³⁵ См. о ней примеч. 34 к вступит. ст.

³⁶ Гатов Александр Борисович (1899-1972) — поэт-харьковчанин, знакомый Г.А.Шенгели. 21 мая 1918 г. послал Волошину свою первую книжку «Барельефы из воска» (Харьков: Ипокрена, 1918).

³⁷ Сведениями о С.И.Федорове не располагаем.

³⁸ Рассказывая об этом вечере, Э.Миндлин сообщает, что было выручено 13 718 руб.; среди участников он называет и Волошина (Миндлин Э. Указ. соч. С.11). В этот же день в Феодосию прибыли во главе с А.И.Деникиным «белые» части из занятого «красными» Новороссийска.

³⁹ Речь идет о драме Вересаева «В священном лесу». 17 февраля (2 марта) 1919 г. он писал С.Я.Елпатьевскому из Коктебеля в Ялту: «Написал я драму “В священном лесу” (разумей — в священном лесу жизни); действие — в столичной больнице, среди врачей, сестер, фельдшеров, но сюжет — не на врачебную тему, а общечеловеческую. Мечтаю прочесть драму в апреле-мае, когда съедется публика; может быть, придет ко мне Шмелев. Вот бы хорошо было, если бы и Вы приехали! Я этой вещью очень дорожу...» (ИМЛИ. Ф.35. Оп.2. Ед.хр.34).

⁴⁰ Сборник стихов И.Эренбурга «Огонь» вышел в Гомеле (1919), в нем собраны стихи 1918 и весны 1919 гг. Экземпляр в волошинской библиотеке имеет помету «1920, январь».

⁴¹ По воспоминаниям Э.Миндлина, стихи Э.Багрицкого привез в Феодосию А.Соколовский (Миндлин Э. Указ. соч. С.10). Очевидно, он же привез стихи А.Биска, Елены Пантелеймоновны (Петровны) Кранцфельд (1896 — ок. 1920; покончила с собой) и Анатолия Фиолетова (наст. имя Натан Беньяминович

Шор, 1897 — ноябрь 1918). Сборник «Ковчег» вышел, по свидетельству Э.Миндлина, тиражом в 100 экземпляров, — однако волошинский экземпляр имеет номер 144. Рецензия за подписью А.Д. на сборник появилась в журнале «Русская книга» (Берлин, 1921. № 6. С.15).

⁴² К этому времени Волошин уже трижды обращался к творчеству И.Эренбурга. В рецензии «Позы и графареты» (Утро России. 1911. 12 февраля) он весьма критически оценил его сборник «Стихи» (Париж; 1910). Статья «Илья Эренбург — поэт» (Речь. 1916. 31 октября) была посвящена, главным образом, «Стихам о канунах» (1915), но содержала обзор и других книг поэта — уже положительный. В 1918 г. была напечатана статья «Поэзия и революция» (см. примеч. 17). Перипетии личных отношений с Эренбургом Волошин описал в мемуарах (Волошин М. Путник по вселенным. С.301-309, 316-317).

⁴³ Петров Григорий Спиридонович (1868-1925) — священник, лектор, публицист (псевдоним Русский). Член 2-ой Государственной думы. Автор книги «Евангелие как основа жизни» (1898). С 1908 г. имел в Коктебеле дачу «Вишневый сад». В 1920 г. (по другим данным — в 1921 г.) эмигрировал в Болгарию.

⁴⁴ Прочитана, скорее всего, А.Цыгальским (напомним его сборник стихов «Душа русского гражданина», упомянутый в примеч. 24 к вступит. ст.).

⁴⁵ Манасина Наталья Ивановна (1869-1930) — детская писательница, подруга П.С.Соловьевой, вместе с которой издавала в Петербурге журнал для детей «Тропинка» (1906-1912). В Коктебеле имели совместную дачу, где жили в период Гражданской войны.

⁴⁶ Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850-1923) — мать М.А.Волошина.

Кнорринг И. После всего: Стихи 1920-1942 г. / Предисл., сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л.Жовтиса. Алма-Ата: Вариант, 1993. 126 с. Тираж 1000 экз.

Ирина Николаевна Кнорринг (1906-1943) принадлежит к числу наименее известных в России поэтов-эмигрантов, хотя в эмигрантской периодической печати ее стихи появлялись довольно часто и, как писал современник, «от рижского “Сегодня” до “Нового русского слова” в Нью-Йорке, повсюду тщательно набирали стихи Кнорринг, Червинской, Штейгера...» (Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993. С.165). В этом свидетельстве имя И.Кнорринг упомянуто первым. В частности, она печаталась в газете П.Н.Миллюкова «Последние новости», в которой как музыкальный критик выступал и ее отец, историк Н.Н.Кнорринг (поэтесса училась в организованном Миллюковым парижском Франко-русском институте социальных и политических знаний). Но поэтесса не обольщалась насчет литературного значения газетных публикаций, о чем написала в сплошь построенном на инфинитивах стихотворении 1930 г. «Всю жизнь тоскливо думать про искусство...»: «<...> И отозвить покорно и упорно / Своих любимейших и неповторных / Литературных маленьких детей / На кладбище “Последних новостей”».

С книжными публикациями было хуже. И.Кнорринг выпустила в Париже небольшие сборники «Стихи о себе» (1931) и «Окна на север» (1939), во Франции же посмертно вышел составленный отцом И.Кнорринг сборник стихотворений разных лет «После всего» (1949). «Общий тираж всех трех книжек не превышал 750 экземпляров» (с.10), — сообщает в предисловии к новому алмаатинскому изданию известный литературовед, стиховед и переводчик А.Л.Жовтис, в свое время подготовивший первое и единственное советское издание И.Кнорринг, включавшее 34 стихотворения (Алма-Ата: Жазушы, 1967). История издания этой книги заслуживает отдельного рассказа.

Название книги «Новые стихи» (с.10) вызвало в свое время удивление советского, «новомирского», и зарубежного, парижского, рецензентов. Стихотворения в ней печатались без дат, но в предисловии А.Жовтиса, озаглавленном «Возвращение», с условными, вынужденными идеологическими «говорками» основные сведения о поэтессе все же сообщались. Из предисловия к новому изданию мы узнаем, чем было вызвано столь очевидно нелепое название сборника. Прочитавший рукопись «не отрываясь и не поднимая головы» (с.9) А.Твардовский не смог (может быть, и не захотел?) напечатать или помочь напечатать стихи эмигрантки, и тогда друзья 86-летнего Н.Н.Кнорринга, репатрировавшегося в середине 1950-х гг. и оказавшегося «на жительство» в Алма-Ате, использовали задуманную в издательстве «Жазушы» серию для начинающих авторов «Новые

стихи». Рискованное предприятие удалось, можно сказать, случайно. В сигнальном экземпляре был указан тираж 6800 экз. А.Л.Жовтис называет теперь другую цифру — 5000.

Тираж новой книги, подготовленной им же и изданной на средства внука поэтессы А.И.Кнорринг-Вышневого, — 1000 экз. Все стихи, вошедшие в книжку 1967 г., включены в новое издание. Причем стихотворение «О России» (1933) полностью: в 1967 г. были напечатаны лишь три последние четверостишия, начиная со слов «Россия! Печальное слово...» (Кнорринг И. Новые стихи. С.37). В опущенных строфах героине попадает «какой-то советский журнал», навевающий «странные мысли»: «Россия! / Чужая Россия! / Когда ж она стала чужой?». Такие «странные» мысли, разумеется, были в то время неуместны в советском издании.

В сборник «После всего» вошло 127 стихотворений. Это «лишь небольшая часть» собранного Н.Н.Кноррингом в шести машинописных тетрадах (с.10). Тетради эти держала в руках А.А.Ахматова. Она отдала дань «высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка», словам, «которым нельзя не верить» «Это простые, хорошие, честные стихи». Рекомендация Ахматовой не помогла их публикации несмотря на особый акцент (естественный, впрочем, для обеих поэтесс), сделанный на том, что автору стихов «душно и скучно на Западе» (Кнорринг И. Новые стихи. 1967. С.4; в издании 1993 г. слова «и скучно» пропущены, см. с.8) и что «судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной» (с.8).

Последнее признавала сама И.Кнорринг, сохранившая о России «смутные воспоминания» («Мы мало прожили на свете...»). К стихотворению 1940 г. «Сбываются сны роковые...» она поставила эпиграфом собственное четверостишие, написанное семью годами ранее: «Зачем меня девочкой глупой / От страшной родимой земли, / От голода, тюрьмы и трупов / В двадцатом году увезли?!» («О России»). Вопрос, конечно, риторический, но отец поэтессы в Алма-Ате оправдывался перед памятью дочери, предлагая, какая судьба после революции могла ждать его, дворянина, действительного статского советника, члена кадетской партии, а соответственно и его семью (с.8).

И.Кнорринг начала писать стихи восьми лет; об уровне ее детских стихов дает представление единственное приведенное А.Л.Жовтисом стихотворение 1920 г., написанное на константинопольском рейде в кубрике корабля «Генерал Алексеев». Это детское подражание Пушкину («...Брожу по палубе пустынной...»). Зрелые стихи Кнорринг начинаются в сборнике с 1923 г., лишь одно стихотворение датировано 1922 г. В неполные восемнадцать она с невероятным смирением представляет себе возвращение в Россию:

«И больно вспоминая марш победный, / Я поклонюсь
вчерашнему врагу, / И если он мне бросит грошик
медный — / Я этот грош до гроба сберегу» («Я девоч-
кой уехала оттуда...»). Эпиграф к цитируемому сти-
хотворению взят из Анны Ахматовой: «Темна твоя
дорога, странник, / Польною пахнет хлеб чужой».

А.Л.Жовтис, подчеркивая, что «творчество Ирины
Кнорринг развивалось в русле классической русской
поэзии», называет наиболее близкими из современ-
ных ей поэтов — Ахматову и предположительно
(«пожалуй») Бунина — «с ясностью и завершен-
ностью его лирических композиций, с безуслов-
ностью его реалистической художественной детали»
(с.6). В издании 1967 г. тот же автор предисловия
представлял поэтическую родословную И.Кнорринг
несколько шире: она «не прошла мимо творческого
опыта русского акмеизма» (с.4). Но буквальных под-
ражаний акмеизма у Кнорринг почти нет. Из числа
напечатанных стихотворение 1931 г. «Монпарнас»,
начинающееся отточием и противительным союзом:
«...А сказать друг другу было нечего...», несомненно,
навяно Ахматовой, конкретно — стихотворением
«Вечером» («Звенела музыка в саду / Таким невыра-
зимым горем...»). Стихотворение «Я не помню»
(1926), в особенности, строчки «Я не помню, в каком
краю / Так зловеще красив закат», «И остались в ду-
ше моей / Недопетой песней без слов / Перезвоны да-
леких церквей, / Пересветы арабских костров», пере-
ключается с лирической дилогии Мандельштама
1922 г., выполненной таким же стихом («Я не знаю, с
каких пор...» и «Я по лесенке приставной...»), где мо-
тив «сна» параллелен мотиву воспоминаний у Кно-
рринг. Но уже в стихотворении 1930 г. «И вовсе не вы-
сокая печаль...» отразились постоянные споры
И.Кнорринг с мужем (поэтом Ю.Б.Бек-Софиевым) о
Гумилеве или «о Блоке и таланте Гумилева». «Стихи
Софиева не лишены гумилевской нотки» (Яновский
В.С. Указ. соч. С.193), И.Кнорринг эта «нотка» была
вполне чужда. Другое дело Блок. «Говорили о злобе
пожарищ...» (1928) и «Просыпались глухими ноча-
ми...» (1941) отдаленно напоминает «Поднимались из
тмы погребов...» и некоторые другие блоковские
вещи; пристрастие Кнорринг к затынутым цепочкам
конструкций с инфинитивом — тоже от Блока
(«Грешить бесстыдно, непробудно...»). Но и это, в
общем, детали. Вряд ли на И.Кнорринг Блок повлиял
на много больше, чем на поэзию ХХ в. в целом.
«Известную роль в становлении таланта поэтессы
сыграла Марина Цветаева, которая правила некото-
рые ее стихи» (с.6), — сообщает составитель сборни-
ка. «Поэма дороги» (1935) — название, безусловно,
цветаевское. В книге есть типично цветаевские фор-
мальные «обрывы», финальные полустихия вне риф-
мовки (с.39, 68), но они выступают как бы в виде от-
рывков, с отточиями, что для Цветаевой вовсе не обя-
зательно. Основная же интонация стихов Кнорринг
противоположна цветаевской: это не страстная речь
взхлеб, а тихие скорбные размышления, часто вос-
поминания, иногда предположения. Разветленность
поэтической родословной И.Кнорринг в конечном
счете — один из признаков ее оригинальности.

Это поэзия откровенно автобиографическая,
«очень личная — едва ли не самая грустная во всей
зарубежной литературе. Через нее проходит тема тя-
желой эмигрантской доли (с 1929 г. — жены и мате-
ри), безысходной усталости, неприкаянности»
(Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк,

1956. С.356). Ностальгические мотивы пронизывают
все творчество Кнорринг. Но в опубликованных сти-
хах нет ничего похожего на светлую патриархальную
Русь, какой она предстала, например, в эмигрантском
творчестве И.С.Шмелева. Запомнилась Россия времен
войны и смуты. Анафора «Россия» в стихотворении,
этим словом и названном (1924), вводит в каждую из
строф весьма разные образы: «Россия — плетень да
крапива <...> Россия — гамаша и боты <...> Россия —
базары и цены, / У лавок — голодные люди <...>. Рос-
сия — глубокие стоны / От пышных дворцов до под-
валов <...>. Россия — тоска, разговоры / О барских
усадебках, салазках... / Россия — слова, из которых /
Сплетаются милые сказки».

Революция в России — «святоотатство»: «Ломая
зданья многих лет, / Там растоптали в грязь завет /
Свободы, равенства и братства». Но поэтесса в
1924 г. убеждена, что «там восстанет человек, / Вос-
станет он для жизни новой <...>» («В глухой горячке
святоотатства...»). В стихотворении того же года «Я
верю в Россию. Пройдут года...» первые слова также
повторяются рефреном, и в конце сказано: «Ведь все,
что вершится, так только там». В 1925-м столь вы-
сокое мнение о России сменяется куда более скептиче-
ским: «И блуждаем мы, злые, больные, / Повторяя
чужие слова, / Что себя бережем для России, / Что
Россия как будто жива» («Мы бездомные, глупые де-
ти...»). Ю.Бек-Софиев работал мойщиком окон и, по
свидетельству мемуариста, «вполне проникся класси-
ковым сознанием, на всех наших собраниях <...> он за-
щищал интересы трудового народа...» (Яновский В.С.
Указ. соч. С.193). В 1930 г. И.Кнорринг обращается к
другу жизни, размечтавшемуся о возвращении
«домой», о малиновом варенье, занятиях наукой и
искусством, с охлаждающими его фантазию словами:
« — Глупый друг, ты упустил одно: / Что не будет
главного — России» («Ты мечтаешь: “Вот вернусь
домой...”»). СССР для нее вовсе не Россия. Или тут
смысл — «все равно не поедим»?

Несомненно автобиографический характер имеют
и другие сквозные темы и сюжеты И.Кнорринг, из ко-
торых можно составить представление о жизни по-
этессы (брак с Ю.Бек-Софиевым, рождение сына,
«больничная» и «военная» темы и др.)

Простота стиля И.Кнорринг очевидна. Можно от-
метить совершенно разговорные слова, отсутствие
смелых, задерживающих восприятие метафор (едва ли
не единственная в рецензируемой книге: «Скользят
автомобили / Швыряют наглые плевки...»). Налицо
стремление к точности описаний и наименований. В
частности, стихи И.Кнорринг изобилуют конкретны-
ми географическими и топографическими обозна-
чениями, и не зря все тексты датированы: мир этой ли-
рики существует во времени и пространстве.

А.Л.Жовтис пишет, что творчество Кнорринг ли-
шено «броских примет версификаторского модерни-
зма (разве что неточная рифма “в стиле” 20-х годов)»
(с.6). Утверждение не абсолютно точное. У поэтессы
есть интересные дольки и тактовики, например,
созданное в семнадцать лет тактовиковое, с отступле-
нием в акцентный стих, стихотворение «Бизерта».
Одновременно написаны 4-стопным (а не 5-стопным,
как обычно) ямбом две терцины с замыкающим риф-
менную цепь седьмым стихом — «Есть в лунном ве-
чере черта...». «У богомольных есть красная лампад-
ка...» (1924) — пять цепных строф со схемой АББВ

нальное сочетание). «Такой же день, как девять лет назад...» — неправильный сонет, созданный не в самое убойное на сонеты время, в 1935 г.

«Верно, мне не сделаться поэтом...» — сетовала двадцатитрехлетняя Ирина. В 32 года, отчаявшись, она писала, что живет для того, «чтоб никудашными стихами / Вились ненужные года» («Я человек второго сорта...») Теперь же А.Л.Жовтис утверждает — пусть с некоторой долей преувеличения, — что такие ее стихи, «как “Я человек второго сорта...”, “Уверенный, твердый, железный...” или “Темнота. Не светят фонари...”, <...> становятся в ряд с лучшими образцами русской лирики первой половины XX столетия» (с.5-6). Не подлежит сомнению, что творческое наследие поэтессы заслуживает гораздо лучшей участи.

Последним желанием И.Кнорринг, ее завещанием отцу было: «Напечатай мои стихи на Родине» (с.8). Можно радоваться, что А.Л.Жовтис осуществил свою давнюю мечту и выполнил за покойного Н.Н.Кнорринга последнюю волю Ирины Николаевны — «стихи русского поэта возвращаются к русскому читателю» (с.10). Можно сетовать на явно недостаточный объем и тираж издания. Но можно и должно также констатировать, что, в сущности, завещание поэтессы не выполнено и даже невыполнимо. Место, где вышла книжка, где похоронены отец и муж И.Кнорринг, — не Россия. Да и Российская Федерация, где до сих пор появилась лишь крохотная рецензия Ник. Смирнова на издание 1967 г. в «Новом мире» Твардовского (1968. № 9) и где стихи поэтессы, безусловно, должны быть напечатаны, — не Россия Ирины Кнорринг*. Перед революцией ее отец был директором гимназии в Харькове, который теперь тоже в другом государстве.

Остается реальное и необходимое духовное воссоединение.

С.И.Кормилов

Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika, 1675-1940 / Toimetanud E.Annus. Tallinn, 1993. 477 lk.

Недавно вышедший в свет пятый том «Эстонской ретроспективной национальной библиографии» — «Периодические издания на немецком, русском и других языках в Эстонии 1675-1940 гг.» (редактор Э.Аннус) представляет интерес и для незстонских читателей и исследователей. В него включено 384 периодических издания на немецком, 270 — на русском, 20 — на еврейском и на других языках, выходившие в свет до 1940 г. в Эстонии и — выборочно — в Латвии. Среди них газеты, журналы, сборники, труды, ежегодники и протоколы научных обществ и учреждений, а также периодически издававшиеся статистические сборники.

Для русских читателей, естественно, наибольший интерес представляет второй раздел библиографии — «Периодические издания на русском языке» (с.273-368), причем особого внимания заслуживает описание изданий, увидевших свет в Эстонии в 1918-1940 гг. Дело в том, что если газеты, журналы, сборники и альманахи дореволюционного периода с достаточной полнотой расписаны в уже имеющихся библиографических указателях (Н.М.Лисовский; Л.Н.Беляева,

М.К.Зиновьева, М.М.Никифоров; Н.П.Смирнов-Сокольский; О.Д.Голубева, Н.П.Рогожин и др.), то этого никак нельзя сказать о русских изданиях за пределами Советского Союза после 1917 г. Имеющиеся библиографии (М.Шатов; Т.Осоргина-Бакунина; Л.Фостер и др.) все же неполны, причем прежде всего не полны по части изданий обширнейшей «периферии» русского зарубежья. По-видимому, более или менее полную библиографию русских периодических изданий и альманахов за рубежом этого периода станет возможным составить лишь после того, как будут подготовлены и изданы «региональные библиографии» такого рода изданий — по Дальнему Востоку (Маньчжурия, Китай), по балканским странам, странам Прибалтики, Финляндии, Польше и другим государствам. Уже в силу этого раздел «Периодические издания на русском языке» в рецензируемом указателе заслуживает самого пристального внимания.

В обозреваемом труде, помимо обычных данных, приводимых в подобного типа библиографиях, при каждом издании указываются библиотеки, в которых его можно найти. Приведены сведения о наличии описываемых периодических изданий в четырех библиотеках Эстонии (Национальной и Академии Наук в Таллине, Литературного музея и университета в Тарту), в Историческом архиве Эстонии в Тарту, в двух библиотеках Риги (Национальная библиотека Латвии и Латвийская академическая библиотека), а также в Российской национальной библиотеке (РНБ) в С.-Петербурге. В отдельных случаях указываются еще и другие библиотеки, в частности Библиотека Российской Академии Наук (БАН) в С.-Петербурге. Это очень существенно и ценно, поскольку немецкие и русские периодические издания, выходившие в свет в Прибалтике, давно уже стали раритетами, оказались разбросанными по библиотекам разных стран; ни в одной библиотеке мира нет сколько-нибудь полного собрания этих изданий: если, например, в РНБ и БАН хорошо представлены дореволюционные издания, то зато в них мы можем найти лишь очень немногие русские и немецкие зарубежные издания 1918-1940 гг. Все это крайне затрудняет поиски этих изданий для читателей и даже для специалистов-исследователей. Должен заметить, что ни в одной подобной библиографии, вышедшей в других странах, автору этих строк не приходилось встречать такого рода сведений. В конце приводятся ценные указатели. Их всего шесть: систематический указатель журналов, хронологический, топографический, указатель организаций и учреждений, именной и, наконец, указатель типографий. Опять же должен заметить, что такого числа указателей мне не приходилось встречать ни в одном такого рода библиографическом справочнике. Не приходится говорить о том, что они, конечно, облегчают работу над библиографией.

Библиография прекрасно, даже изящно оформлена, хорошо издана чисто технически, с точки зрения полиграфической: отличная бумага, читабельный шрифт, тщательно продуманное оформление. Особенно хотелось бы отметить, на мой взгляд, очень удачный подбор иллюстративного материала: часто воспроизводятся заголовки газет и журналов, фотографии обложек и титульных листов отдельных изданий и т.д. Книгу приятно держать в руках. За это главный редактор издания Э.Аннус заслуживает только похвалы.

* В декабрьском номере альмаатинского журнала «Простор» за 1993 г. напечатана «Книга о моей дочери» Н.Н.Кнорринга (авторское предисловие датируется 1959 г.). Книга включает множество стихов, как вошедших, так и не вошедших в сборник 1993 г., анализируются отзывы критики о них, цитируется дневник И.Н.Кнорринг.

Не сомневаюсь, что к библиографии будут обращаться — и обращаться еще много лет (ведь национальные библиографии выходят не столь уж часто!) — исследователи многих стран. Однако — при всей неоспоримой ценности рецензируемого библиографического труда в целом — к сожалению, можно предъявить ряд претензий к его редактору и составителям, которые, как мне представляется, все же не использовали всех возможностей для достижения полноты и точности приводимого материала. Кое-что представляется спорным и в принципах отбора материала, не все до конца продумано и в системе его описаний, по крайней мере, порою нарушается столь необходимый для библиографических указателей принцип единообразия.

Наши замечания будут касаться, в основном, лишь русской части библиографии, хотя аналогичные замечания можно было бы сделать и по первой ее части — относительно изданий на немецком и других языках.

Прежде всего о принципах отбора материала для библиографии.

Редакция национальной библиографии решила не ограничиться лишь изданиями, вышедшими в свет на территории Эстонии до 1940 г., но включить в указатель выборочно и издания, опубликованные в Латвии, если они, как сказано в предисловии, представляли «интерес для читателя Эстонии. К последним, в первую очередь, относятся основные издания Риги как губернского центра Лифляндии, так как до 1917 г. Южная Эстония входила в Лифляндскую губернию. В указатель включены и периодические издания других регионов с регулярно публикуемыми в них материалами об Эстонии» (с.19). Против этого как будто особенно не приходится возражать: действительно, русские газеты и журналы, издававшиеся в Риге, имели самое широкое распространение в Эстонии, воспринимались (в особенности до революции) как «свои», местные. Даже еще в 1920-1930-е гг. одной из наиболее выписываемых русских газет в Эстонии была рижская «Сегодня», что, кстати, отрицательно сказалося на судьбе многих местных русских изданий — они не выдерживали конкуренции с «Сегодня», которая была одной из лучших газет русского зарубежья. И все же путь, избранный редакцией национальной библиографии, таит в себе явные опасности: в отбор материала для библиографии входит элемент субъективности, спорности, да и рамки библиографии оказываются размытыми. Очень трудно, а в ряде случаев и невозможно доказать, что некоторые включенные в библиографию издания, выходявшие в свет в Латвии, имели в Эстонии большее распространение или имели к Эстонии большее отношение, чем многие, не включенные в нее журналы и газеты. Автору этих строк, например, не ясно, почему в библиографию не вошли такие русские издания, как «Старая Русь: Старообрядческий двухнедельный иллюстрированный журнал» (Рига, 1911-1912; напомним, что в Эстонии проживало много старообрядцев, составлявших значительную часть коренного населения), «Современная контора: Русско-немецкий журнал для всех родов занятий» (Рига, 1909-1911), газета «Рижская жизнь» (Рига, 1907; она была предшественницей газеты «Рижская мысль», которая включена в библиографию), и многие другие. Список этот можно было бы значительно расширить.

Вопросы возникают и в связи с отбором для библиографии сборников и альманахов. В предисловии оговорено, что будут включаться лишь «пропорциональные научные и литературные сборники, а также сборники по прикладным наукам, продолжение изданий которых не ограничено» (с.19). Но в таком случае не понятно, почему в библиографии оказались, к примеру, «Русский альманах» (Таллин, 1934; № 604) или «Русский Дом: Сборник статей, посвященных идее "Русского Дома"» (Таллин, 1929; № 608). Это же были непрономерованные одиночные издания. Если же они все-таки включены, то сразу возникает еще один вопрос: почему в таком случае нет многих других литературных альманахов и сборников, как немецких (из 60 отмеченных в фундаментальной библиографии К.Goedeke немецко-прибалтийских сборников и альманахов указано только 9), так и русских; из русских, например, «Литературно-научный сборник» (Таллин, 1927) или «Поток Евразии. Кн. I» (Tallinn, 1938; в ней имеется указание на готовящийся к печати № 2).

То же отсутствие системы и с годовыми отчетами. В предисловии указано, что в библиографию будут включены ежегодники и протоколы научных обществ и учреждений, но не войдут «годовые отчеты ненаучных обществ, учреждений и предприятий, отражающие деятельность лишь данной организации» (с.19). Но вряд ли «Bericht des Revaler Börsen-Comités...» (Отчет о деятельности Ревельского биржевого комитета; № 94) можно отнести к научным изданиям, между тем он представлен в библиографии. В то же время «Отчет о деятельности Учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете» (Юрьев, 1902-1914) — не представлен.

Еще хуже, что в библиографии встречаются пропуски газет и журналов, которые выходили в свет именно в Эстонии и поэтому без всяких оговорок должны бы быть включены в указатель. Некоторые из этих пропусков трудно объяснить. Другие объясняются, видимо, тем, что, к сожалению, составителям оказались не известными или, по крайней мере, ими не использован ряд как старых, так и новых справочников по русской и немецкой периодической печати. То, что основной корпус библиографии, как сказано в предисловии, составлялся в 1978-1981 гг., все же не может служить оправданием. Составители обязаны были перед сдачей библиографии в печать дополнить ее, используя справочники, вышедшие в свет до конца 1980-х гг., и проверив старые данные по каталогам основных библиотек Эстонии и обязательно С.-Петербурга, где находятся наиболее полные собрания прибалтийско-немецких и русских изданий до 1917 г. В крайнем случае это можно было сделать по печатным каталогам собраний периодической печати, хранящихся в российских библиотеках. Имеются достаточно полные печатные каталоги русских газет в фондах РНБ и БАН, а также в фондах РГБ в Москве, но они, судя по списку использованной литературы (с.24-25), остались вне поля зрения составителей. Особенно печально, что не использован справочник «Периодическая печать в России в 1917 году: Библиографический указатель» (Л., 1987. Ч. I-III), что, как мы увидим ниже, привело к особенно многочисленным пропускам.

Укажем основные пропуски. Из немногочисленных русских газет XIX в. не отмечены:

Объявления. Нарва, 1890-1897 (Ф.Гнивовский и И.Грюнталь). Еженедельное издание. В год обычно выходило 52-53 №. Полный комплект имеется в РНБ.

Перновский листок объявлений / Издатель-редактор А.Биркган. На русском, эстонском и немецком языках. 2 с.

1892. № 1 (2 дек.) — № 8 (30 дек.)

1893. № 1 (6 янв.) — № 67 (18 дек.) РНБ

Отсутствие этих двух газет тем более непонятно, что они указаны в общеизвестной библиографии Н.М.Лисовского, отмеченной в списке «Использованная литература».

Из изданий начала XX в. отсутствуют:

Труды Ямбургской агрономической организации. Нарва, 1913-1914.

1913. Вып.1. 46 с.

1914. Вып.2. 55 с.

Напоминаем, что до 1917 г. Нарва числилась городом Ямбургского уезда Санкт-Петербургской (Петроградской) губернии.

Телеграммы Петроградского телеграфного агентства. Везенберг, 1914. Текст на русском и эстонском языках.

В БАН сохранился один номер — № 15, см.: Русские дореволюционные газеты в фондах Библиотеки Академии Наук СССР. 1703-1916: Алфавитный каталог. Л., 1984. Кн.2. С.85.

Несравнимо больше пропусков изданий 1917 г. Из изданий, указанных в библиографии «Периодическая печать в России в 1917 году», не отмечены: «Бюллетени» (Нарва, 1917, см.: Ч.1, № 165а), «Бюллетень Белорусской Рады XII армии» (Валк, 1917, см.: Ч.1, № 217), «Дело трудового народа» (Валк, 1917, см.: Ч.1, № 1030), «Известия Валкского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Валк, 1917, см.: Ч.1, № 1455), «Листок Военно-революционного комитета г.Валка» (Валк, 1917, см.: Ч.1, № 2324), «Рижский фронт» (Валк, 1917, см.: Ч.2, № 3249; газета продолжала выходить и в 1918 г. — в Библиотеке Тартуского университета имеется № 24 от 14 (1) февраля 1918 г.)

Чтобы больше уже не возвращаться к этому, заметим, что обращение к библиографии «Периодическая печать в России в 1917 году» позволило бы составителям избежать и некоторых неточностей при описании и привести более полные данные еще о ряде изданий — газетах «Земля и народ» (Аренсбург, 1917), «Известия Моонзундской укрепленной позиции» (Аренсбург, 1917; в числе прочего не отмечено изменение названия газеты — «Известия Совета воинских и рабочих депутатов Моонзундской укрепленной позиции»), «Известия Совета солдатских депутатов XII армии» (Валк, 1917).

Обратимся к периоду независимой Эстонской Республики (1918-1940), для нас, быть может, наиболее интересному. Из изданий этого периода мы не найдем в библиографии:

Приевский край: Военно-осведомительная, литературная и политическая газета / Изд. В.Лебедев; ред. Г.Лампе. Нарва, 1919-1920. Начала выходить в Гатчине, с № 23 (от 7 декабря 1919 г.) печаталась в Нарве.

1919. № 1 (19 окт.) — 43 (30 дек.)

1920. № 44 (1 янв.) — 50 (7 янв.)

Общедоступная библиотека / Изд. газеты «Нарвский листок». Нарва, 1923, 42-45 с.

1923. Кн. 1-3.

Гайдский и скаутский листок / Изд. русских отрядов герль-скаутов и бой-скаутов. Таллинн, 1922. Гектограф.

Источник: Сарматов А. Первые ростки: [Рец.] // Последние известия. Ревель, 1922. 5 апр. № 78 (Библиография).

Журнал пионеров / Изд. русского отряда пионеров при YMCA. 1924. [Вероятно, также гектограф.] 1924. № 1-5.

Источник: Последние известия. 1924. 14 июля. № 179. С.2 (Хроника).

Бой-скаут / Журнал Нарвской дружины русских скаутов. Нарва, 1927.

1927. № 1.

Источник: Тишинский, Борис. Журнал «Бой-скаут» // Наша газета. 1927. 18 сент. № 150.

Особо следует остановиться на очень странном издании, идущем под № 671: *Пробуждение. 1931 (знак * означает, что составители описали издание по архивным или другим источникам). Без сомнения, речь идет о журнале: Пробуждение. Ежемесячный русский свободный христианский журнал / Ред. В.Крауель, Р.Фогель. Гельсингфорс, 1921-1940. Редакция его находилась в Хельсинки, печатался же журнал в 1928-1940 гг. в Нарве в типографии М.Н.Миниса; подписка на журнал принималась и в Эстонии, так что его можно считать в какой-то мере и местным изданием. В год выходило 12 номеров журнала. Комплект журнала за 1928-1940 гг. имеется в библиотеке Литературного музея в Тарту, комплект за 1928-1933 гг. — и в Библиотеке Тартуского университета. В 1930-е гг. выходило и приложение к журналу — «Детский уголок: Бесплатное прибавление к журналу "Пробуждение"» (комплект за 1931-1939 гг. имеется в библиотеке Литературного музея). Сведения об этом издании можно найти и в финской библиографии: Hellman D., Kjellberg J. Suomen venäjakielisen kirjallisuuden bibliografia. 1813-1972. Helsinki, 1988. L.91.

Мы уверены, что список выходявших в 1919-1940 гг. в Эстонии русских периодических изданий (правда, в основном изданий «однодневок», т.е. таких, которых вышло всего один или несколько номеров) со временем будет еще пополнен. Они неполно представлены в библиотеках Эстонии и почти вовсе не представлены в библиотеках России. Многие из них не отмечены и в имеющихся библиографиях русской зарубежной печати. Вполне возможно, что кое-что найдется в библиотеке Русского заграничного исторического архива в Праге, где имеется самое полное собрание русских зарубежных изданий 1920-1940 гг. Представителем архива в Эстонии был А.А.Булатов, человек очень основательный и аккуратный, который старался не пропускать ни одного русского издания и весьма регулярно посылал в Прагу русские книги, газеты и журналы, выходявшие в свет в Эстонии. Как известно, библиотека Русского архива в Праге лишь недавно стала доступна исследователям, и воспользоваться ею составители рецензируемого труда, конечно, не могли.

Из немногочисленных русских изданий второй половины 1940 г. — первого года советской власти в Эстонии — не отмечена газета «За новую жизнь». 1940. № 1-3. (Она указана в библиографии: 25 aastat

Nõukogude Eesti trükisõna. (1940-1965) / Koost. L. Ptüss. Tallinn. 1971. Lk.171).

Кроме очевидных пропусков в библиографии, к сожалению, встречаются неполные данные об отдельных изданиях и фактические ошибки либо неточности при их описании. Они бывают разного рода.

При «Вестнике объединения» (№ 440), во-первых, следовало бы отметить, что он был отпечатан не типографским способом, а размножен на ротаторе. Во-вторых, если бы составители библиографии заглянули в предисловие к этому изданию, то узнали бы, что оно стало выходить вместо издания: «Бюллетень: Информационный орган Объединения членов Общества русских студентов, окончивших Тартуский университет» (это издание вообще пропущено в библиографии).

При описании газеты «Вестник Северной Армии» (№ 442а) указано, что она выходила: 1919, № 6 (29 июня) — 139 (9 дек.) На самом деле в Библиотеке Тартуского университета (комплект этой библиотеки вообще не отмечен) имеются и первые шесть номеров газеты, так что должно бы быть: 1919, № 1 (22 июня) — 139 (9 дек.) Уже с № 14 газета стала называться «Вестник Северо-Западной Армии», в библиографии под № 442а есть указание на это, но нет отсылки: Вестник Северо-Западной Армии → Вестник Северной Армии 442а; соответственно это название не попало и в указатели.

Первые два номера газеты «Голос гунгербуржца» (№ 458) действительно отсутствуют во всех известных нам книгохранилищах России и Эстонии. Дело в том, что они были отпечатаны незаконно — еще до получения свидетельства на издание газеты. Все же даты выхода в свет первого номера газеты можно восстановить по архивному делу Главного управления по делам печати (РГИА. Ф.776. Оп.9. Ед.хр. 852. Л.1) от 1 (14) июля 1907 г.

В связи с описанием издания «День русского просвещения» (№ 462) возникает, по меньшей мере, пять замечаний. Во-первых, не указан выпуск за 1940 (май — август. 16 с.; имеется в Библиотеке Тартуского университета). Во-вторых, выпуск 1934 г. помечен как необнаруженный, найденный (отмечен звездочкой). На самом деле он имеется: выпуск сборника за 1934 г., как и выпуски 1932 и 1933 гг., вышел в свет в виде отдельного номера журнала «Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ». В-третьих, в описание «Дня русского просвещения» вкрался ряд неточностей: «День русского просвещения» за 1930 г. помечен не июнем, а августом; в сборнике за 1931 г. не 42, а 48 стр. Указано, что «День русского просвещения» в 1924-1939 гг. печатался в типографии В.Бейлинсона (за исключением 1937 г., когда он набирался в типографии Либрис), — на самом деле в типографии Либрис он печатался и в 1938 г. (как и в 1940 г.), а в 1939 г. печатался в типографии наследников А.Григорьева в Нарве. В-четвертых, поскольку количество страниц в сборниках все время менялось в диапазоне от 4 до 48 стр., то, вероятно, следовало бы при каждом годе указывать количество страниц, как это сделано, например, при описании сборников «Новь» (№ 535). В-пятых, в качестве подзаголовка сборника указано «Сборник статей Союза русских культурно-просветительных и благотворительных обществ в Эстонии», но этот подзаголовок сохранялся только до 1929 г., в 1930 г. он был заменен другим, что не отмечено.

«Дерптский листок» (№ 463) не был продолжением митавской газеты «Прибалтийский край». Если бы это было так, то указание на это, конечно, обязательно бы имелось в архивном деле Главного управления по делам печати, касающемся разрешения на издание «Дерптского листка», см.: РГИА (С.-Петербург). Ф.776. Оп.12. 1891 г. Д. 21.

В библиографии указано 3 номера органа эсеров «За народ» (№ 474b). Из архивных источников известно о выходе в свет, по меньшей мере, пяти номеров журнала, см. донесение ревельского агента Центра действия (Париж) от 13 декабря 1921 г., сохранившееся в бывшем Русском заграничном историческом архиве в Праге: ГА РФ. Ф.5784. Оп.1. Д.127. Л.38.

При «Известиях Печерской выставки» (№ 478) не указаны редакторы и издатели, а также типография, хотя их легко выяснить, просмотрев само издание:

1924. 13 сент. Отв. ред. В.Ярг. Издатель: Печерское сельскохозяйственное общество. Типография «Тяхт».

1925. 26 сент. Ред. И.Рабба. Издатель: Правление Печерской сельскохозяйственной выставки. Типография на этот раз не указана.

При описании «Нарвской газеты» (№ 511) неверно указано, что в типографии Г.Пихлакаса были отпечатаны № 5-61, на самом деле № 5-56, последние же номера газеты (№ 57-61) были напечатаны, как и первые, в типографии М.Н.Миниса.

При описании газеты «Нарвский голос» (№ 514), выходившей под редакцией Н.Ф.Владимирова, не отмечено, что вышло два выпуска «Бесплатного приложения к «Нарвскому голосу»».

При описании газеты «Нарвский листок» (№ 518) не отмечено, что в 1904-1905 гг. в дни невыхода газеты выпускалось издание «Нарвский листок: Телеграммы Российского телеграфного и торгово-телеграфного агентства» (в РНБ оно даже переплетено отдельно и дано в каталоге под отдельным шифром).

Но с газетой «Нарвский листок» (№ 518), как и вообще с описанием нарвских газет 1923-1926 гг., возникает и еще целый ряд проблем, в которых составители национальной библиографии не разобрались.

В библиографии лишь сказано, что газета «Нарвский листок» (Нарва, 1898-1917, 1924-1940) в 1924-1925 гг. выходила под названием «Былой нарвский листок» и в 1926-1940 гг. — под названием «Старый нарвский листок», причём читателя, не получившего разъяснений, не может не удивить странная путаница с указанием, который это по счету год издания газеты за 1924-1932 гг., и то, что в 1926 г. явно одновременно выходило два издания газеты, каждая со своей нумерацией: № 1(230) — 70(299) (почему-то без дат) и № 1(45) (5 янв.) — 147(191) (25 дек.)

Попробуем в этом разобраться. Действительно, с 6 марта 1924 г. по 10 января 1925 г. выходила газета «Былой нарвский листок». Она декларировала, что является продолжением газеты «Нарвский листок», основанной И.К.Грюнталем в 1898 г. и прекратившейся в конце 1917 г. В январе 1925 г. газеты «Былой нарвский листок» и «Нарвский голос» (№ 516) объединились. Новая объединенная газета стала выходить под названием «Нарвский листок». Она издавалась с 13 января 1925 по 7 сентября 1926 г. (1925. № 5-123; 1926. № 1-70) и прекратила свое суще-

«Старый нарвский листок» никак не был связан с одноименным «Старым нарвским листком» 1923-1924 гг. с редактором-издателем А. (а не И.) Юркано-вым (№ 634), к которому он ошибочно «приписан» в библиографии. Сначала новоиспеченный «Старый нарвский листок» никак не декларировал своих связей с «Нарвским листком» 1898-1917 гг. Лишь с №33 от 3 декабря 1925 г. появляется на первой странице надпись: «Основан И.К.Грюнталем в 1898 г.» Эта надпись сохраняется и далее. Газета вела отчет годов издания то от 1925 г., когда она реально была основана, то от 1898 г., хотя связь ее с «Нарвским листком» 1898-1917 гг. была чисто декларативной. Отсюда и странности с годами издания в библиографии под № 518. Отмеченные же здесь под 1926 г. два издания на самом деле были совершенно разными газетами, которые были конкурентами: первая запись — № 1(230) — 70 (299) фиксирует газету «Нарвский листок» в период с 1 января по 7 сентября 1926 г. (ср. выше), вторая же запись — № 1(45) (5 янв.) — 147 (191) (25 дек.) — относится к газете «Старый нарвский листок».

Читатель библиографии, конечно, сам не в силах разобраться во всем этом, составители же не только не приходят ему на помощь, но еще и запутывают вопрос. Плюс ко всему возникает путаница с редакторами и издателями газет, данными здесь «суммарно».

Как наиболее разумно, на наш взгляд, было поступить в данном случае? Вероятно, надо было дать отдельно «Былой нарвский листок» 1924-1925 гг., в примечании оговорив, что он формально считал себя продолжением «Нарвского листка» 1898-1917 гг. Затем дать также отдельно «Нарвский листок» 1915-1926 гг. под редакцией И.Сергеева и затем В.Степука, оговорив, что он был создан путем объединения двух газет и продолжил нумерацию одной из них — «Былого нарвского листка». Наконец, в заключение надо было бы дать отдельно «Старый нарвский листок» 1925-1940 гг., указав и здесь в примечании, что он считал себя продолжением «Нарвского листка» 1898-1917 гг. В этом случае читателям все было бы ясно, не возникла бы путаница с редакторами и издателями. Впрочем, боюсь, что ошибки с редакторами и издателями все равно остались бы: О.Нилендер был издателем не только в 1928-1940 гг., как сейчас указано, но входил в состав издательского трио уже в 1925-1927 гг., и редактором он был не только в 1938-1939 гг., но и в 1926-1927 гг., И.Сергеев был редактором и в 1927 г, и т.д.

Составители библиографии все же обязаны разбираться с такими сложными случаями (им на помощь могла прийти статья: Этапы русского печатного слова в Нарве // Новый нарвский листок. 1927. 10 сент. № 69). Это входит в их обязанность, относится к области библиографической эвристики. Настоящий библиограф не должен быть только механическим фиксатором формальных данных, дело его профессиональной чести — разобраться в фактических связях отдельных периодических изданий, которые он описывает. В данном случае библиографы этого не сделали. И это не единственный случай.

В «Нарвском листке» (№ 519) не отмечена смена издателя: с № 5 за 1924 г. издателем газеты стал Л.Лазимер.

При описании журнала «Наш голос» (№ 522), во-первых, следовало бы отметить, что № 1 издан не типографским способом, а на множительном аппарате.

Во-вторых, надо бы указать подзаголовок «Издание Союза Русских Учащих Печерского края». В-третьих, в № 2 указана и типография — «Тягт» в Печерах (в библиографическом описании неверно указание — «без типографии», т.е. типография неизвестна).

При описании сборников «Новь» (№ 535), во-первых, не отмечено изменение издающей сборник организации. «Комиссия по организации «Дня русской культуры» — «Дня просвещения» выпустила только сборник 1. Сборники 2-6 — издание Комитета «Дня русской культуры в Ревеле (Таллинне)», а сборник 7 — издание «Нови». Во-вторых, не отмечена редколлегия сборника 4: Е.Ваннари, П.Иртель, В.Клышейко, В.Лензин, Б.Мизернок, А.Прохоров, М.Роос (см.: Новь. Сб.4. С.6). В-третьих, отметим неточность с обозначением типографии: сборник 6 напечатан не в типографии Tallinna Eesti Kirj.-Õh., а в типографии И. и А.Пальмана.

При описании таллинского журнала «Ревельская пчела» (№ 575) не отмечено, что последний номер его за 1917 г. — № 7/6 — вышел под другим названием — «Революционная пчела».

При описании «Ревельского вестника» (№ 580) не отмечено третье приложение к газете — «Телеграммы и последние новости «Ревельского вестника»» — регулярно выходившее в свет с 1 августа по 19 сентября 1914 г.

При описании газеты «Ревельский листок» (№ 586) неточно указано место печатания отдельных номеров газеты: на самом деле в типографии И. и А.Пальмана были напечатаны № 1-5 и 49-51, в типографии Ю.Топмана — № 6-48.

При описании газеты «Рижский вестник» (№ 596), выходившей в 1917 г. в Тарту, не отмечено любопытное приложение к № 28 от 4 февраля 1917 г. «Кабирия» (в указателе «Периодическая печать в России в 1917 году», ч.1., с.307, оно даже дано как отдельное издание).

При описании журнала «Революционная Россия» (№ 592а) не отмечен важный подзаголовок с № 11: «Центральный орган Партии Социалистов-революционеров». Именно в 1921 г. Эстония стала центром деятельности партии русских эсеров. Следовало бы также указать, что издание журнала с января 1922 г. было перенесено в Берлин, а затем в Прагу.

При описании газеты «Свобода России» (№ 621а) не отмечено, что с № 36 за 1920 г. ответственным редактором ее стал М.Вейман.

При № 634 «Старый нарвский листок», во-первых, не отмечено, что он стал выходить вместо «Нарвского листка» (№ 519) и что после прекращения его с 1 марта 1924 г. вновь стал выходить все тот же «Нарвский листок». Во-вторых, как мы уже заметили, указанный здесь «Старый нарвский листок» 1925 г. не имеет отношения к данному изданию.

В качестве последнего выпуска журнала «Театр и кино» (№ 638) указан № 24 за 1922 г. (20-26 мая). Между тем в комплексе журнала в библиотеке Литературного музея в Тарту есть еще № 25 (27 мая — 4 июня) и 26 (11-27 июля).

А.В.Добрынин был редактором-издателем журнала «Верность» (№ 667) не только в 1931-1939 гг., но, по крайней мере, и в 1928-1930 гг. (возможно, и раньше). При описании этого журнала отмечено, что № 1-8 за 1928 и № 4 за 1930 г. отсутствуют в библиотеках Эстонии. На самом деле они есть в библиотеке Литературного музея. В цитированной выше библиографии

В. Hellman и J. Kjellberg (с. 89) указывается, что журнал стал выходить с 1927 г., а не с 1926 г. Впрочем, данный факт еще нуждается в проверке, так как и в этой библиографии сведения о журнале далеко не полные.

Особо надо остановиться на изданиях, выходявших длительный срок, в частности, на газете «Эстляндские губернские ведомости» (№ 659). При таких изданиях, видимо, ради экономии места дается сводный, «суммарный» список редакторов и издателей. Но тут нужна исключительная точность, а также нужно, чтобы эти списки (перечни) были бы понятны читателю. Из библиографии он узнает, что редакторами «Эстляндских губернских ведомостей» в 1883-1885 гг. был Гольст, в 1884-1887, 1890-1891 гг. Гансен, в 1885-1894 гг. Фест, в 1887 г. М.Н.Харузин, в 1887, 1889-1890 П.П.Шавердов, в 1889 А.Андрияшев, а также И.И.Глыбовский, Д.И.Сапожников и т.д. Любой читатель, даже достаточно квалифицированный, будет в недоумении: то ли одновременно было несколько редакторов, то ли они все время и как-то неясно менялись. На самом деле в «Эстляндских губернских ведомостях» в этот период были отдельные редакторы официальной и неофициальной части газеты — М.Н.Харузин (известный этнограф), П.П.Шавердов, А.М.Андрияшев (историк), И.И.Глыбовский, Д.И.Сапожников были редакторами именно неофициальной части, которая в эти годы фактически превратилась в самостоятельное издание. К тому же в списке, приведенном в библиографическом описании газеты, перемешаны постоянные редакторы и временно исполняющие их обязанности (по закону, в случае отъезда в командировку или в отпуск, в случае болезни редактора за него должен был выпускать газету и подписываться «за редактора» кто-либо из чиновников губернского правления). В библиографическом описании все эти различия никак не отмечены. Мы уже не говорим о том, что приведенные данные о редакторах неполны и не всегда точны. Не отмечено, например, что в 1869 г. редактором неофициальной части был П.Тиханов. М.Н.Харузин был редактором неофициальной части не только в 1887, но и в 1888 г., вплоть до своей смерти. П.П.Шавердов заменял редактора неофициальной части и в 1888 г., так же, как и А.М.Андрияшев, что тоже не отмечено в описании. Все же в таких случаях целесообразнее было бы, не гонясь за экономией места, давать редакторов официальной и неофициальной части, постоянных и временно исполняющих должность, раздельно по годам. Этого требует библиографическая точность.

Заметим еще, что в ряде случаев следовало бы на основе других печатных источников проставить и инициалы редакторов. Это сделать нетрудно, поскольку все они числились чиновниками губернского правления и данные о них можно найти в регулярно публиковавшихся «Адрес-календарях».

Из имеющихся печатных указателей статей в «Эстляндских губернских ведомостях» отмечен лишь один: указатель статей официальной части за 1887-1889 гг. Между тем имеются аналогичные указатели и за 1885 и 1886 гг. и, что особенно важно, очень ценный указатель: Статьи и заметки, помещенные в неофициальной части «Эстляндских Губернских Ведомостей» с 1853 г. // Эстляндские губернские ведомости: Неофициальная часть. 1887. 3 сент. № 33. С. 236; 10 сент. № 34. С. 242-243.

Особо приходится остановиться на неполноте приведенных в библиографии данных о наличии тех или

иных изданий (прежде всего газет — они особенно плохо сохранились) в разных библиотеках. Читатель на основе предисловия вправе ожидать, что в библиографии приведены более или менее полные данные о наличии описываемых изданий в основных библиотеках Эстонии и в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге. Увы, это далеко не так. Мы произвели выборочную проверку этих данных по двум библиотекам — Библиотеке Тартуского университета и РНБ (частично — в очень небольшой степени — и в Библиотеке Литературного музея в Тарту и в БАН в С.-Петербурге). Выборочная проверка в библиотеках Тартуского университета и Литературного музея производилась *de visu*, петербургских же библиотек — в основном, по имеющимся печатным каталогам (хотя некоторые издания в РНБ нами также были просмотрены *de visu*).

Проверка показала, что в библиографии не отмечена значительная часть изданий, имеющих в этих библиотеках. Даже в Библиотеке Тартуского университета мы нашли, по меньшей мере, 55 газет и журналов, наличие которых в библиографии не было отмечено вообще или же было отмечено не полностью. Перечисление всех этих 55 изданий заняло бы слишком много места. Укажем лишь на некоторые. Не отмечен единственный в библиотеках Эстонии полный комплект журнала «Справочный листок птицевода» (№ 632), по-видимому, наиболее полный в эстонских библиотеках (хотя все же с отдельными пропусками) комплект газеты «Рижский епархиальный листок» (№ 597), полные комплекты таких газет и журналов, как «Былой нарвский листок», «Старый нарвский листок», «За народное дело», «Верный путь», «Известия Печерской выставки», «Вестник Северной Армии» (→ «Вестник Северо-Западной Армии», вероятнее всего, с единственными сохранившимися в мире № 1-6), «Еврейская молодая мысль», «Еврейское слово», «Гамаюн», «Свет и крест» и ряд других.

Не отмечены и все издания, имеющиеся в Библиотеке Литературного музея в Тарту. Так, в библиографии не указано, что в этой библиотеке имеется комплект журнала «Лучи света» (№ 669) за 1929-1932 и 1938-1939 гг.

Как известно, нынешняя РНБ и БАН в С.-Петербурге (как и РГБ в Москве, последняя, правда, лишь с 1862 г.) получали в свое время обязательный экземпляр всех печатных изданий Российской империи. Поэтому в этих библиотеках значительно полнее, чем в библиотеках Эстонии и Латвии представлена русская и прибалтийско-немецкая периодика дореволюционного периода. Особенно это касается петербургских библиотек. Правда, пожар в БАН 14-15 февраля 1988 г. уничтожил часть фондов периодики; к сожалению, общественности до сих пор не известно, какую именно часть (кстати, из-за этого у нас нет полной уверенности, что еще целы и некоторые отмеченные в библиографии комплекты или отдельные номера газет и журналов, хранившихся в БАН). Многие русские газеты, выходявшие в свет в Эстонии и Латвии, сохранились только в петербургских и московских библиотеках. Именно в силу этого в рецензируемой библиографии надо было дать с максимальной полнотой сведения о наличии тех или иных изданий в этих библиотеках, в первую очередь в РНБ, поскольку именно ее собрание, если верить предисловию к библиографии, просматривалось особо (собрание БАН просматривалось очень выборочно, а собрание

РГБ в Москве, судя по библиографии, не просматривалось вообще) и сохранилось полностью. И опять же приходится с сожалением констатировать, что в библиографии отмечена лишь часть изданий, имеющихся в РНБ. Тут мы тоже не будем приводить полный список пропущенных изданий — это заняло бы слишком много места. Скажем только, что не указаны многие издания, полные комплекты которых отсутствуют в библиотеках Эстонии («Нарвская газета» — № 511, «Нарвская жизнь» — № 512, «Нарвский голос» — № 514-515, «Нарвский листок» за 1908-1917 гг. — № 518, «Ревельский вестник» — № 580, «Ревельский листок» — № 585, «Рижский вестник» — № 596, полного комплекта его нет и в библиотеках Латвии) и др. После пожара в БАН это в ряде случаев, возможно, единственные комплекты данных изданий в мире.

На наш взгляд, все же желательно было указать в библиографии и некоторые издания из РГБ в Москве — по крайней мере, те издания, которые отсутствуют в библиотеках Эстонии. Обратим внимание, например, хотя бы на такой, пусть частный, факт: по-видимому, лишь в собрании этой библиотеки и имеется № 26 за 1914 г. валгаской газеты «Листок объявлений» (№ 494; в рецензируемой библиографии в качестве последнего номера за 1914 г. указан № 25).

Выше мы уже отметили, что важный для библиографических справочников принцип единообразия не всегда соблюдается в рецензируемом указателе. Мы не видим единообразия и в системе отсылок от одного издания к другому, как и в объединении под одним номером разных изданий. В отдельных случаях под одним номером объединены, по существу, разные, самостоятельные издания, иногда даже издания-конкуренты, и в то же время в ряде случаев оказываются разьединенными, данными под разными номерами, в сущности, единые издания. Так, «Свободная Россия» (1919. 26 авг. — 16 сент.; № 622) и «Свобода России» (1919. 18 сент. — 1920. 23 июня; № 621а) были по сути одним и тем же периодическим изданием: «Свобода России» стала выходить уже через день после запрещения эстонскими властями газеты «Свободная Россия». Все прекрасно знали, что это одно и то же издание, официоз Северо-Западного правительства. Кстати, после запрещения «Свободы России» 23 июня 1920 г. сразу же стала выходить газета «За свободу России» (1920. 24 июня — 26 авг.); последние две объединены под одним № 621а, первые же две — нет. Здесь логики не видно. Все эти издания можно было бы дать под одним номером и под названием первой по счету газеты — «Свободная Россия», естественно, дав и отсылки типа: «Свобода России» → «Свободная Россия» № 622 и «За свободу России» → «Свободная Россия» № 622.

Фактически одним изданием был орган эсеров «Народное дело» (№ 521а и «За народное дело» (№ 474с): последняя стала выходить сразу же после закрытия эстонскими властями газеты «Народное дело».

«Телеграммы ежедневной демократической газеты «Новая Россия»» (№ 639) выходили с 19 мая по 30 июня 1919 г. взамен временно приостановленного выпуска газеты «Новая Россия» (№ 529), причем они даже сохраняли нумерацию «Новой России». Их можно было бы объединить в библиографии под одним номером, но они даны раздельно.

Но, как мы уже отметили, никак нельзя объединять вместе «Старый нарвский листок» 1923-1924 гг. под редакцией А.Г.Юрканова (№ 634) и «Старый нарвский листок» 1925 г. (19 сент. — 31 дек.) под редакцией О.Нилендера и в издательстве Б.Грюнталя — это разные издания. Разными изданиями были «Русский голос» 1923-1924 гг. и «Русский голос» 1925 г. (они объединены вместе под № 607) — у них совершенно разные редакторы и издатели.

Газета «Кольвань» (1891-1892), действительно, была продолжением «Ревельского городского листка». Они даны вместе под № 582. Но все же разумнее было бы их дать раздельно, лишь указав, что одно издание было продолжением другого, — все-таки это вполне самостоятельные издания. «Кольвань» стала выходить вместо «Ревельского городского листка» потому, что губернатор С.Шаховской не был удовлетворен уровнем последнего (оба издания были полуофициозом эстляндского губернатора).

В некоторых случаях взаимосвязи отдельных изданий вообще не отмечены. Не отмечено, например, что «Новая искра» (№ 528) была продолжением «Искры» (№ 484).

Никак не отмечена взаимосвязь газет «Юрьевский вестник» (№ 662) и «Юрьевский листок» (№ 664), редактором-издателем которых было одно и то же лицо — А.А.Урбанович. Как только 3 ноября 1914 г. прекратилось издание «Юрьевского листка», сразу же вместо него начал выходить «Юрьевский вестник» (1914. 4 ноябр. — 24 дек.) и выходил до 1916 г. Но в промежутке, когда на некоторое время прекращалось издание «Юрьевского вестника», в октябре 1915 г. вновь выходил «Юрьевский листок». Этот факт взаимосвязи двух газет надо было отметить.

Порою страдает и система отсылок. Только что отмеченная нами газета «За свободу России» описана под другой газетой — «Свобода России». Но все равно она должна была бы быть представлена в тексте библиографии в форме: «За свободу России» → «Свобода России». Этого не сделано. Читатели, которые захотят разыскать в справочнике газету «За свободу России», могут попросту ее не найти, ибо не каждый догадается искать ее под «Свободой России». Аналогичный случай с «Вестником Северо-Западной Армии», который мы уже отметили выше. Такие случаи опять же не единичны.

На наш взгляд, совершенно ни к чему было вводить в библиографию журнал «Рациональное птицеводство» (№ 572), который выходил в 1904 г. в Петербурге. Журнал, видимо, включен лишь потому, что в 1905 г. его издание было перенесено в Таллин под названием «Рациональное птицеводство и животноводство» (№ 573). Достаточно было при описании последнего оговорить, что ранее он выходил в Петербурге под названием «Рациональное птицеводство».

Несоблюдение принципа единообразия можно заметить и в других случаях.

При описании «Печерского вестника» (№ 549) приведено название параллельного издания на эстонском языке «Petersi Teataja», а двумя номерами ниже при описании газеты «Печерянин» (№ 522), тоже имевшей параллельное издание на эстонском языке — «Petersilane», оно почему-то не названо.

При изданиях, которые имели продолжение за хронологическими или пространственно-географическими рамками рецензируемой библиографии, это

продолжение в примечаниях то указывается, то нет. Так, первый выпуск «Вестника русской флоры» (№ 442) за 1917 г. вышел в Тарту, а выпуски 2-4 — в Ялге, но эти последние не отмечены.

В тех случаях, когда отдельные выпуски периодических изданий представляли собою монографии или вообще отдельный труд, они все же в отдельных случаях расписываются, но чаще, в соответствии с продекларированным в предисловии, — нет. Как нам представляется, обязательно надо было расписать «Russische Bibliothek für Deutsche» (№ 357). Поскольку издания, вошедшие в данный том национальной библиографии, вероятно, не будут расписываться в последующих ее выпусках, где будут представлены книги на иностранных языках, вышедшие в свет в Эстонии, то для читателей и исследователей могут пропаст уникальные творения, опубликованные в трех тетрадях «Russische Bibliothek für Deutsche». В № 3 был опубликован первый немецкий перевод комедии Грибоедова «Горе от ума», который вышел в свет раньше первого русского издания ее в оригинале и к тому же без цензурных купюр. В № 2 был напечатан первый немецкий перевод «Бориса Годунова» Пушкина, тоже явно сделанный с рукописи.

Позволю себе также выразить сомнение, правильно ли давать в качестве отдельных, самостоятельных изданий оттиски из других изданий. До сих пор это не было принято в библиографических указателях. Так, «Краткий отчет Императорского Дерптского (позже Юрьевского. — С.И.) университета» за тот или иной год (№ 490) — это оттиски или же приложения к «Ученым запискам Юрьевского университета». Точно так же оттисками из «Ученых записок» являются «Обзоры деятельности Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» (№ 536), к тому же они принадлежат одному автору — проф. Н.И. Кузнецову. То же с «Отчетами о состоянии и деятельности Юрьевского ветеринарного института» (№ 545b), которые были оттисками из «Журнала научной и практической ветеринарной медицины». На мой взгляд, корректнее было оттиски давать под соответствующими изданиями, где они были напечатаны, используя систему отсылок.

Также сомневаюсь, верно ли было в указателях при отчетах учебных заведений и организаций давать не годы выхода этих изданий в свет, а годы, охваченные данными отчетами. Все же в библиографиях за основу берутся выходные данные, т.е. годы выхода изданий в свет; тем более их надо было взять за основу в хронологических указателях.

Тут мы уже перешли к указателям.

Выше мы уже с похвалой отозвались о шести вспомогательных указателях к библиографии: систематическом указателе журналов (с.371-390), хронологическом (с.391-416), топографическом (с.417-444), указателе организаций и учреждений (с.445-457), именном (с.458-472) и указателе типографий (с.473-477). Все же, к сожалению, и к ним можно предъявить претензии.

Прежде всего о систематическом указателе журналов. Вероятно, имело бы смысл ввести в него раздел «Политика», ибо иначе некуда относить такие журналы, как «Революционная Россия». Раздел «Педагогика» лучше бы назвать «Педагогика и образование», потому что попавшие сюда издания типа «Краткий отчет имп. Дерптского университета» или «Отчет о деятельности Юрьевских частных университетских курсов» трудно отнести к педагогике.

Некоторые журналы почему-то вообще не попали в «Систематический указатель». Составители, по-видимому, или забыли или же затруднились ввести в систематический указатель издания, дополнительно включенные в библиографию в самый ее конец под № 666-673. Впрочем, не попали и кое-какие журналы из основной части («Русская беседа», «Ревельская пчела», «Еврейская молодая мысль» и др.) Совершенно по ошибке в список литературных журналов попала газета «Свобода России».

С отнесением журналов к тому или иному разделу систематического указателя в библиографии также много сомнительного или попросту ошибочного. Происходит это, главным образом, оттого, что многие наши библиографы не любят заглядывать в сами издания, перелистывать их страница за страницей, просмотр *de visu* ограничивается часто титульным листом и выяснением выходных данных. Иначе, например, «Византийское обозрение» (№ 447) не попало бы в раздел «Языкознание». В этом журнале почти нет статей по языкознанию; почти все статьи и рецензии посвящены либо истории Византии, либо истории византийской литературы. «Сборники Учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете» (№ 617) — это не литературные журналы: на их страницах публиковались материалы по истории, краеведению, педагогике, богословию, юриспруденции и т.д. и вовсе нет художественных произведений, т.е. сборники надо бы отнести к «Общим журналам». Ясно, почему составители отнесли «Временник Эстляндской губернии» (№ 450) к разделу «Экономика. Статистика»: ведь «Временник...» — это «Труды Эстляндского губернского статистического комитета». Но если бы составители заглянули хотя бы в оглавление двух выпусков «Временника», то увидели бы, что на его страницах больше материалов по истории Эстонии, есть публикации по архивистике, этнографии, археологии, антропологии, медицине, материалы библиографического характера, т.е. опять же логичнее было бы отнести «Временник» к разряду «Общих журналов». Сомнительно отнесение «Вестника объединения» к «Педагогике», и т.д., и т.п.

С точки зрения сугубо практической не вполне удовлетворит читателя и сам по себе ценный и необходимый хронологический указатель. Дело в том, что названия газет и журналов даны в нем не в том варианте, в котором реально выходило в том или ином году определенное издание, а в том варианте, который признан основным в библиографии и под которым оно описано. Например, читатель захочет узнать, какие русские газеты выходили в 1930 или 1935 г. в Эстонии: он найдет в указателе газету «Нарвский листок», но такой газеты реально в эти годы не было, выходила газета «Старый нарвский листок» — она же за эти годы не указана.

Теперь об именованном указателе. Отдельные имена почему-то оказались не включенными в именной указатель. Так, мы не нашли в нем имени редактора «Свободы России» Э.Я. Веймана (№ 621a). Не отмечен Г.П. Вахт как редактор журнала «Революционная Россия» (№ 592a), также не отмечен автор приложения к нему В. Чернов, вождь русских эсеров (кстати, именно он был реальным редактором журнала). В именной указателе не попали редакторы и издатели № 666-669 — «Балтийского альманаха», «Верности», «Всходов» и «Лучей света» (как эти издания не попали и в другие указатели). Редактор еженедельника

«Киномагазин» и журнала «Панорама» А.П.Девис в именном указателе превратился в А.П.Девича, редактор «Нарвского листка» В.С.Степук — в В.С.Степучка, редактор «Ревельского городского листка» и «Кольвани» М.Ляшенко — в М.Лященко, составитель указателей к журналу «Гимназия» и к «Педагогическому еженедельнику» Е.Ветск — в Е.Вейтнека, редактор газеты «Русское слово» Я.Тилликас — в Я.Тиллакаса, один из редакторов «Рижских епархиальных ведомостей» Иоаким — в Иоокима.

Впрочем, в некоторых случаях ошибки были допущены уже и в основном описании. Так, редактором «Журнала научной и практической ветеринарной медицины» был Сергей Ефимович Пучковский, а не С.Ф.Пучковский. Редактором «Нарвского листка» в 1898-1905 гг. был И.М.Лазаревич-Шепелевич, а не Шепелевич. Редактором первой кохтла-ярвской газеты «Свой путь» (кстати, органа евразийцев) был Владимир Пейль, а не А.Пейль.

В именном указателе сделана попытка дать и имена и отчества, а также даты жизни упоминаемых в библиографии лиц, но сделано это очень выборочно, непоследовательно. Мы прекрасно понимаем, что в ряде случаев в настоящее время и невозможно выяснить имена и отчества и даты жизни многих редакторов и издателей, но все же в тех случаях, когда их можно без особого труда найти в печатных справочниках, это надо было бы сделать. Имена и годы жизни Г.Курциуса и К.Негельбаха можно найти во всех немецких энциклопедиях, да и в русской энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Год смерти известного русского этнографа А.Н.Харузина указан в «Большой Советской энциклопедии». Имя и отчество Е.Шмурло, даты жизни Б.Гриневецкого и В.Регеля можно найти во втором томе «Истории Тартуского

университета», даты жизни дирижера и композитора С.Прохорова — в «Библиографическом словаре деятелей эстонской музыки» (приведенная в указателе дата рождения его неверна) и т.д.

Отмечу и некоторые ошибки в именах и отчествах и в датах жизни в именном указателе. Отчество редактора «Нови» Н.Андреева — Ефремович, а не Ефимович, К.Гершельман умер не в 1956, а в 1951 г. При упоминании имени Т.П.Лаговской-Милотиной не надо ставить вопросительного знака вместо года ее смерти: она жива и часто выступает на страницах нашей печати. Год смерти А.Байова не надо сопровождать вопросительным знаком, он действительно умер в 1935 г.

Несколько слов об «Указателе типографий». Все названия типографий даны тут латинским алфавитом на основе немецкого или эстонского языка. Вряд ли это оправданно. Лучше было бы дать названия типографий из русской библиографии в указателе кириллицей или, по крайней мере, продублировать кириллицей эти названия. Читатель может, например, не догадаться, что типографию «Общественная жизнь» (№ 437, 484, 526, 575, 591, 655) надо искать в указателе под эстонским названием «Ühiselu». И в этом указателе обнаруживаются мелкие неточности.

Это все, конечно, мелочи, но мелочи досадные и особенно нежелательные в библиографическом указателе, где требуется точность во всем.

Мы совсем не хотим умалять труд составителей библиографии и его редактора. Они проделали большую работу. Изданная библиография представляет собой огромную ценность и будет служить читателям и исследователям много лет, но именно поэтому ее можно было сделать и более тщательно.

С.Г.Исаков

КНИГИ

Монахиня Мария. Стихи. — [М.:] МИК, [1993]. — 104 с. — Тираж 10 000 экз.

Настоящее издание является репринтным воспроизведением сборника «Стихи» (Берлин, 1937) — единственной стихотворной книги, подготовленной самой Е.Ю.Кузьминой-Караваевой в эмиграции и выпущенной под ее наблюдением. Некоторые стихотворения из этой книги входили в состав ее «Избранного» (М., 1991), все остальные (по сути дела — две трети) републикуются в России впервые. Но этим дело не ограничивается. Приведем цитату из предисловия: «Новые штрихи к портрету матери Марии», подписанного редакционным советом издательства «МИК»: «Несколько лет назад архитектор Жорж Лещенко, живущий в пригороде Парижа, обнаружил удивительную книгу. Он разбирал архив своего крестного отца — писателя и журналиста Даниила Скобцова, бывшего вторым мужем матери Марии. В бумагах, оставшихся после него, господин Лещенко нашел уникальный экземпляр книги «Монахиня Мария». Она издана в Берлине издательством «Петрополис». Издана скромно, на плохой, видимо дешевой, бумаге. Но книга бесценна: почти на каждой ее странице — легкие беглые рисунки, выполненные пером и тушью. Они сделаны на полях, порой забегают на текст. Мать Мария своей рукой проиллюстрировала этот экземпляр» (с.4). И не сделай Е.Ю.Кузьмина-Караваева в свое время этих «новых штрихов», так и суждено было бы ее стихотворениям доживать свой век «на плохой, видимо дешевой, бумаге». Стоит добавить, что на первой и четвертой полосах обложки воспроизведены «картины религиозного содержания», по предположению редакционного совета принадлежащие кисти Е.Ю.Кузьминой-Караваевой и созданные «в те дни, когда мать Мария <...> готовилась к пострижению в монахини».

Наппельбаум Ф. Стихи / Сост. Е.М.Царенкова, А.Л.Дмитренко. — СПб., 1993. — 90 с. — Тираж 500 экз.

В сборник стихов Фредерики Моисеевны Наппельбаум (1901-1958), «музы “Звучащей раковины”», дочери знаменитого фотографа, вошли, как утверждает составитель в аннотации, любовно подклеенной в рецензионный экземпляр (машинопись, собственность А.Ю.Галушкина): в первый раздел (1921) — «все стихотворения из соответствующего раздела книги 1926 г., а также три стихотворения из “Звучащей раковины” (“Петергоф”, “Зеленеет овсяное поле...”, “Сердце”) и одно из альм<анаха> “Ушкуйники” (“Плывут, мерцая, звездные круги...”), не вошедшие в книгу 1926 г.»; во второй раздел (1922-1925) соответственно все стихотворения из второго раздела книги 1926 г.; «третий и четвертый разделы (1926-1940; 1941-1957) печатаются по экземпляру машинописной книжки, составленной родственниками Ф.Наппель-

баум сразу после ее смерти (собственность Е.М.Царенковой)».

Книга издана на средства родных и почитателей творчества Ф.М.Наппельбаум.

Рыкова Н. Стихи прошедших лет: 1922-1988. — СПб., 1993. — 98 с. — Тираж 400 экз.

В первый сборник известного поэта-переводчика Надежды Рыковой вошли преимущественно стихотворения 1920-1940-х гг. (к 1960-м и 1980-м относятся только несколько стихотворений). Сборник небезынтересен и, несомненно, привлечет внимание стиховедов (изысканный акцентный стих, сверхдлинные размеры и проч.), а также всех, кто не утратил способности воспринимать стихотворную речь. Такие же стихи как «Февраль 1945» («Но славься от края до края // Земель, и небес, и морей, // Чтоб слышали мы, подыхая, // Рычанье победы твоей») и «Советскому поэту» (1948; с симпатичным посвящением «Недоброй памяти А.А.Жданова»), войдут когда-нибудь в антологию «Потаенная муза» на равных со стихами Анны Ахматовой, Анны Барковой и других поэтов, «презревших печать».

Мевора: Еврейские мотивы в русской поэзии / Сост., предисл. и примеч. А.Колгановой. — М.; Иерусалим: Еврейский ун-т в Москве; Гешарим. 1993. — 400 с. — Тираж 5000 экз.

Сообразно своему заглавию, эта антология включает семь тематических разделов («Народ тысячелетий», «Эрец-Исраэль», «Холокост», «Еврейско-русское», «Юдофилы и юдофобы», «Над Библией», «Жены Сиона»). Представлен широкий спектр лирики — от Пушкина и Лермонтова до Пригова и Губермана. Все разделы, за исключением (по хронологическим причинам) третьего, включают и профильные для «DV» тексты, причем не только Бунина, Мандельштама, Сологуба, Бальмонта, Эренбурга или Гумилева, но и, скажем, Т.Щепкиной-Куперник, С.Парнок, Л.Каңегиссера, К.Вагинова, И.Сельвинского, К.Чуковского, Г.Шенгели, В.Шилейко и др. Разобраться в круге авторов позволяет указатель.

Ряд стихотворений (отмеченных в содержании) публикуется впервые. Датировок нет, не указаны и источники публикаций, за исключением одного из текстов С.Маршака (с.12) и глухого упоминания «старых русско-еврейских журналов», из которых извлечено некоторое количество стихотворений. Примечания сводятся к пояснению чисто еврейских реалий.

Составителя легко упрекнуть, к примеру, в переоценке степени «неизвестности широкой публике» выбранных ею текстов Брюсова, Цветаевой или Маяковского (с.10), которые входили в соответствующие семитомник (тщанием цензуры излишней полнотой вообще-то не страдающий), однотомник в «Библиотеке поэта» 1965 г. и тринадцатитомник — вообразить себе что-либо еще более доступное публи-

ке, чем эти издания, трудно. Можно и посоветовать на отсутствие «Неопалимой купины» Вл. Соловьева, павшей некогда запоздалой жертвой арабо-израильской войны 1973 г. (Соловьевский томик «Библиотеки поэта», славный этой же лакуной, имел несчастье быть подписанным в печать в апреле 1974 г.) Согласимся и с рецензентом «Русской мысли», отмечавшим отсутствие в книге некоторых произведений Е. Кузьминой-Караваевой, И. Уткина, Э. Багрицкого (1994. № 4050). Не станем, впрочем, множить подобные претензии, ибо эта антология, равно как и прочие тематические, к сожалению, не резиновая. Тем более и сама составитель «отдавала себе отчет в завидомой непредсказуемости того, что получится» (с. 9). Надо признать, что получилось в целом неплохо. (В.Н.)

Брюсов Валерий. Огненный ангел: Роман, повести, рассказы / Сост. и примеч. Н. Климова. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 912 с. — Тираж 25 000 экз. — (Библиотека русской классической литературы. 1000 лет русской литературы).

Издание подобного капитального тома — наиболее полное собрание в одном издании «малой прозы» Валерия Брюсова можно только приветствовать. Неплобимый современным литературным истеблишментом и «законодателями мод», Брюсов, кажется, по-прежнему любим читателем. Включение тома избранной прозы Брюсова в «Библиотеку русской классической литературы», причем в один из первых — по времени выхода — ее томов, вполне естественно и закономерно подтверждает несомненное место этого мастера в истории не только русской поэзии, но и прозы. Однако досадно, что такое капитальное издание подготовлено не профессионалом, — по крайней мере, специалистам по творчеству Брюсова имя покойного Николая Климова не известно. В сборнике довольно механически собраны практически все опубликованные к настоящему времени рассказы Брюсова, но их произвольная композиция вызывает, мягко говоря, недоумение: «разделы тома группируются (разумеется, условно) по сюжетно-тематическому принципу: 1 раздел — фантастическая, 2 — мистическая, 3 — реалистическая, 4 — историческая проза». Каждому мало-мальски знакомому с прозой Брюсова и тем более с его взглядами на искусство становится очевидным не только произвольность, но и недопустимость такого деления: именно у Брюсова «мистическую» прозу невозможно отделить от «фантастической», с одной стороны, и от «реалистической», с другой. Гораздо корректнее было бы сохранить композицию прижизненных сборников («Земная ось» и «Ночи и дни»), объединив в специальные разделы рассказы, не вошедшие в сборники и не опубликованные при жизни.

Составитель собрал все опубликованные рассказы Брюсова, включая неотделанные и незаконченные, но, видимо, и не подумал заглянуть в архив писателя, где нашел бы немало выдающихся, и в том числе вполне законченных прозаических произведений. Столь же поверхностны и малосодержательны и приложения к книге, так что отсутствие предисловия или послесловия воспринимается с некоторым облегчением. По счастью, книга удачно и со вкусом оформлена, а благодаря полноте текстов (некоторые не переиздавались по 60-80 лет) читатель вполне может оценить все богатство новеллистики Брюсова. Об «Огненном ангеле» говорить не приходится — он выдержал уже много изданий, а популярность его не убывает. (В.М.)

Сологуб Ф.К. Царица поцелуев: Проза; Арцыбашев М.П. Женщина, стоящая посреди: Эротический роман; Каменский А.П. Мой гарем: Рассказы, повести / Сост. Л.Б. Бессмертных; Предисл. и примеч. В.В. Ермакова. — М.: Мистер Икс, 1994. — 384 с. — Тираж 50 000 экз. — (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика).

Описание этой и последующих книг новой серии затруднительно, так как на обложках значится одно (в нашем конкретном случае — просто «Секс-пир. Царица поцелуев»), на титульном листе — другое («Федор Сологуб. Царица поцелуев»), а в содержании — третье, как раз дающее реальное представление о составе книг. В аннотируемый сборник вошли как произведения, уже переиздававшиеся, так и малоизвестные — ведь составителем его выступил известный коллекционер и знаток эротической литературы. Ф.К. Сологуб представлен в этом томе новеллами «Царица поцелуев», «Милый паж», «Смерть по объявлению», «Красота» и драмой «Любовь!»; М.П. Арцыбашев — означенным романом; А.П. Каменский — новеллами и повестями «Мой гарем», «Леда», «Четыре», «Идеальная жена», «Микроб легкомыслия», «Законный брак», «Настурции», «Зверинец», «Мимоза», «Чудовище», «Ольга Ивановна», «Люди». Сопроводительные тексты включают сведения об источниках этих републикаций и краткие данные об авторах.

Особо отметим иллюстративный ряд (источники указаны на с. 382, причем альбом Б.Д. Григорьева «Intimite» в этой и последующей книгах серии упорно — явно в силу засевшей в компьютере ошибки — именуется «Jutimite»). В частности, широкой публике впервые представлены рисунки К.А. Сомова из бесцензурного (известного как «большой» или «открытый») варианта «Книги маркизы», в выходных данных которого местом издания указана Венеция, а не Петербург, как в варианте обычном. Эти иллюстрации — черно-белые, к сожалению. (В.Н.)

Мар А. Женщина на кресте: Роман; Бакунина Е.В. Любовь к шестью: Роман; Бакунина Е.В. Телю: Роман / Предисл. и послеслов. В.В. Ермакова. — М.: Мистер Икс, 1994. — 336 с. — Тираж 50 000 экз. — (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика).

Состав тома в данном случае очевиден, текстологические принципы те же. В одном из послесловий отмечено, что первое и второе издания романа А. Мар имели «огромные цензурные купюры», восстановленные «только в третьем, уже посмертном издании» (с. 102), а в сведениях об источнике публикации — что таковая произведена по второму изданию 1916 г. (с. 332). Однако беглое сличение текста третьего издания с нынешней републикацией заставляет думать, что либо купюры были не слишком велики, либо републикация произведена все-таки по полному посмертному изданию. Любопытствующих текстологов отсылаем к хранящемуся в РГБ под шифром W 36/345 экземпляру третьего отдельного издания 1918 г., в котором неведомый коллега уже успел отметить соответствующие (непринципиальные, на наш взгляд) разночтения. Спешите, ибо пометки сделаны карандашом и потому не вечны.

В иллюстративном ряду — продолжение публикации рисунков из «большой» «Книги маркизы» К.А. Сомова, воспроизведение работ петербургского венгра М. Зичи (1827-1906) из его посмертно изданного в Лейпциге альбома «Liebe». Укажем также, что рисунок Б.Д. Григорьева (с. 123) заимствован не из его альбома 1918 г., как можно решить, прочитав соответствующие разъяснения (с. 333), а из книги А.А. Сидорова «Записки собирателя» (Л., 1969), в которой он и был впервые обнаружен.

В отличие от А.Мар, имя Е.Бакуниной не попало на страницы биографического словаря «Русские писатели». Воспользуемся случаем сообщить некоторые биографические сведения об этой писательнице.

Бакунина (Новоселова) Екатерина Васильевна (1889, Царское село — 2.4.1976, Лондон)* — журналист, переводчик, литературный критик, поэт и прозаик. Окончила петербургскую Екатерининскую гимназию, около двух лет проучилась на агрономических курсах и, не доучившись, уехала в США, где работала чернорабочей в магазине (см. ее очерк «Кони-Айланд» в «Русском богатстве», 1912, № 1). Перевела сборник американских иммиграционных законов. Вернувшись в Россию, поступила на юридический факультет Высших женских курсов. Уже в это время активно сотрудничала в печати (в частности, в «Синем журнале», где вела отдел «Кунсткамера», заполнявший переводными материалами). В середине 1917 г. выехала на Украину, где экстерном сдала выпускные экзамены в Харьковском университете и была зачислена в сословие присяжных поверенных Харьковского судебного округа. В 1919-1920 гг. — сотрудник ряда харьковских кооперативных изданий («Вестник кредитной кооперации», «Бюллетень Харьковского кредитного союза кооперативов»). Эмигрировав с Украины во Францию, с начала 1930-х гг. была секретарем редакции сборников «Числа», где опубликовала несколько стихотворений и рецензий. Первая и единственная поэтическая книга «Стихи» (Париж, 1931) вызвала, среди прочих, благожелательный отзыв В.Ходасевича (Возрождение. 1931. 25 июня; Ходасевич В. Коллеблюмый треножник. С. 579-580). Литературной известностью Е.Бакунина обязана прежде всего своими романами «Тело» (Берлин, 1933; переведен на французский и чешский) и «Любовь к шестерым» (Париж, 1935). Первый из них вызвал оживленную полемику в печати, см.: Адамович Г. // Последние новости. 1933. 9 марта; Цетлин М. // Современные записки. 1933. № 53; Фельзен Ю. // Числа. 1933. Вып. 9; Ходасевич В. // Возрождение. 1933. 11 мая. Не остался без внимания и второй роман, см.: Ходасевич В. // Возрождение. 1935. 1 августа; Гиппиус З. // Современные записки. 1935. № 58. После выхода в свет своих романов, Бакунина сосредоточивается исключительно на поэтическом творчестве (ее стихи появляются в эмигрантской периодике и в коллективных сборниках). Сведениями о последних годах жизни Бакуниной, к сожалению, мы не располагаем (судя по глухим упоминаниям, она покинула Францию во время немецкой оккупации и переехала в Англию). (В.Н.)

Мар А. Женщина на кресте: Роман; Каменский А.П. Мой гарем: Рассказы. — М.: Мистер Икс, 1994. — 352 с. — Тираж 50 000 экз. — (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика. [Малая серия]).

По аналогии с «Библиотекой поэта» эту и следующую книжечку можно отнести к некоей «малой серии» русской части «Секс-пира» (есть и переводная, но ее мы не касаемся). Предисловия, послесловия, аппарат и иллюстрации отсутствуют, формат меньший, нежели в «Большой серии», обложка мягкая. Указания на источники текста, впрочем, даны (с.4). Библиографическое описание связано с дополнитель-

ными сложностями по сравнению с вышеуказанными для всех выпусков «Секс-пира», ибо на обложке значится «Мой гарем», а начинается книжечка с романа А.Мар. Тексты А.П.Каменского те же, что и в томе «Царица поцелуев», за вычетом отсутствующих в «малой серии» рассказа «Мимоза» и повести «Люди». (В.Н.)

Бакунина Е.В. Любовь к шестерым: Роман; [Б.п.]. Галченко: Рассказ земского врача; Зиновьева-Аниибал Л.Д. Тридцать три уroda: Повесть. — М.: Мистер Икс, 1994. — 384 с. — Тираж 50 000 экз. — (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика. [Малая серия]).

Состав см. выше, указания на источники текста даны (с.4). С учетом лексических особенностей анонимного рассказа «Галченко», датировка его «концом XIX века» представляется довольно сомнительной. См., напр.: «Снова застонав, она попыталась сделать своей поясницей коитальное движение <...> Она прекратила свои попытки “подмахнуть”, но головкой члена я почувствовал еще большее увлажнение ее вульвы» (с.324).

Начало серии, впрочем, положено хорошо. (В.Н.)

Амфитеатров А.В. Жар-цвет: Фантастический роман в двух частях / Ред.-сост. М.Латышев. — М.: ТЕРРА, 1993. — 464 с. — Тираж 100 000 экз. — (Четвертое измерение).

Очередное переиздание посвященного спиритизму и оккультизму романа, аттестуемого в издательской аннотации как «одно из самых интересных произведений» А.В.Амфитеатрова. Впервые опубликованный в 1895 г., роман уже в советские времена входил в книгу А.Амфитеатрова «Закат старого века» (Кишинев, 1989).

Храм снов: Русская фантастика 10-30 годов XX века / Ред.-сост. М.Латышев. — М.: ТЕРРА, 1993. — 512 с. — Тираж 100 000 экз. — (Четвертое измерение).

В сборник, в частности, вошли произведения: «Попутчик» А.Амфитеатрова, «Республика Южного Креста» В.Брюсова, «Жидкое солнце» А.Куприна, «Львиный удар» А.Грина, «Страна гипербореев» Л.Гумилевского, «Храм снов» А.Хейдока, «Утес из будущего» В.Хлебникова, «Манекен Футерфаса» В.Каверина, «Завтра» Н.Асеева, «Квадратурин» и «Прикованный Прометеем» С.Кржижановского, «Чужие» А.Волкова, «Эфирный тракт» А.Платонова. Отметим присутствие в сборнике рядом с достаточно известными произведениями повести А.Иванова «Стереоскоп» (см. об этой повести и ее авторе: Купченко В.П. Еще один Александр Иванов // Лица. М.: СПб., 1993. [Вып.] 3. С.5-16), а также универсальный рассказ В.Набокова «Сказка», кочующий из эротических сборников в фантастические (и обратно).

Собачий переулок: Романы и повесть / Сост. В.Геллерштейн; Вступ. ст. Г.Белой. — М.: Современный писатель, 1993. — 384 с. — Тираж 30 000 экз.

В сборник вошли роман Л.Гумилевского «Собачий переулок» (1926), роман-дневник С.Смирнова «Голод» (1922) и повесть А.Тарасова «Шоколад» (1922). Автор вступительной статьи относит эти произведения к «незамеченной литературе», являющейся «фондом неоценимых исторических свидетельств».

Вавилон: Вестник молодой литературы. — М.: АРГО-РИСК, 1993. — Вып. 2(18). — 92 с. — Тираж 999 экз.

«Второй типографский “Вавилон”», как и первый (см. о нем: DV. 1993. № 11. С.72), посвящен, в основном, «молодой литературе». В постоянной рубрике «Золотой запас» Д.Кузьмин публикует стихотворения С.Боброва: пять из них извлечены публикатором из последней прижизненной книги поэта «Лира лир», остальные одиннадцать публикуются впервые. Раздел

* Бытующая в литературе более поздняя дата ее рождения (см.: Ходасевич В. Коллеблюмый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г.Перельмутера; Комментар. Е.М.Беня; Под общ. ред. Н.А.Богомолова. М., 1990. С.652; «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990 (Первая и вторая волна) / Сост. Е.В.Витковского; Биограф. справки и коммент. Г.И.Мосешвили. М., 1994. Кн. 2. С.438) не точна и не подтверждается, в частности, автобиография Бакуниной (см.: Калифорнийский альманах. San Francisco, 1934. С.96) и другими сообщаемыми ею фактами ранней биографии.

«Штудии» на сей раз посвящен книге «великого русского филолога» Ю.Тынянова — «Проблема стихотворного языка». В редакционной врезке говорится, что Ю.Тынянов «принадлежит к создателям новой науки — теории литературы, обособлением которой от литературной критики, истории литературы, эстетики, философии и психологии искусства ознаменовалось начало XX века». Читателю предлагается сжатое изложение этой «науки», причем оговаривается, что «книга Тынянова занимает полтораста страниц и написана местами весьма сложно. Тем не менее в данной публикации мы старались дословно воспроизвести фразы авторского текста» (с.86). Насколько «дословно» воспроизведены «фразы авторского текста», сказать трудно. Да и вряд ли необходимо. «Когда макет этого выпуска [“Вавилона”] был уже готов <...> в издательстве “Высшая школа” в серии “Классики литературной науки” вышел, наконец, сборник избранных работ Ю.Н.Тынянова “Литературный факт”, включающий и “Проблему стихотворного языка”, а также обстоятельный комментарий Вл. Новикова, систематизирующий основные понятия тыняновской литературной теории».

Jews and Slavs / Ed. by W.Moskovich, S.Shvarzband, A.Alexeev. — Jerusalem; St.Petersburg, 1993. — Vol. 1. — 359 с. — Тираж 1500 экз.

Издание, осуществленное Израильской Академией наук и Еврейским Университетом Иерусалима (отделение русских и славянских исследований, центр изучения славянских языков и литератур) в содружестве со Славянским Библийским Фондом РАН (подготовившим оригинал-макет книги), является первым томом задуманной серии неперIODических изданий под общим названием «Славяне и евреи». Как сообщают в предисловии издатели, идея такого сборника появилась как результат проведения международных симпозиумов «Синхрония и диахрония в еврейско-славянских языковых контактах» (Иерусалим, 1984) и «Библия и восточнославянская культура XI-XX вв.» (Иерусалим, 1993). Новое издание призвано служить делу взаимопонимания культур и расширения еврейско-славянского диалога, а потому рассчитано на привлечение в число его сотрудников исследователей из разных стран, в частности, из Израиля, России, Украины, Италии, США, Великобритании, Югославии и т.д. (с.7). Сборник включает 23 статьи авторов из семи стран, опубликованных по-английски (большая часть материалов, включая краткое предисловие издателей), по-русски, а также по-французски и по сербохорватски. Весь материал распределен по двум большим разделам: «Библия в славянском мире» и «Еврейско-славянские контакты в языке и литературе». Проблематика вошедших в сборник исследований необычайно широка как по времени (от начального этапа славянско-еврейских литературных связей до наших дней), так и по сюжетам (библизмы в славянских языках, еврейские источники русской литературы, русский язык в современном Израиле, сравнительное литературоведение и т.д.)

Остановимся подробнее на материалах, связанных с историей русской литературы и культуры конца XIX — первой половины XX вв., в порядке их следования в сборнике. В.Паперный, анализируя некоторые особенности философской методологии Льва Шестова, прежде всего специфику толкования священных текстов, связывает ее со специфической еврейской традицией и методом толкования «мидраш» и заявляет о неправомерности постановки вопроса о «национальной почве» философии Шестова (именно так и озаглавлена статья; с.161-175). Концепция автора может вызвать некоторые возражения, но его бесспорной заслугой являются тонкие и продуманные наблюдения над стилистикой и методологией фило-

софствования идеолога «беспочвенности». Статья С.Польской «Стихотворение В.Набокова “Лилит”: упрямство в двусмысленности» (с.188-197) — эlegantный по исполнению оригинальный по замыслу и предельно точный и обстоятельный по содержанию комментарий к одному из самых «темных» текстов Набокова — должна быть признана подлинным украшением сборника, а также и достойным внимания образцом этого не столь легкого, как порой кажется, жанра. Статьи Е.Меламада «Другой Наумов: история одной повести и одной жизни» (с.319-330) и Н.Портновой (Иерусалим) «Песни С.Фруга и русская поэзия» (с.343-353) представляют как специфический интерес в плане раскрытия истории «еврейской темь» в русской литературе (что, видимо, прежде всего и имелось в виду составителями сборника), так и несомненный общепилологический и общеметодологический интерес в плане исследования бытования в русской литературе поэтов и писателей «второго ряда» (Фруг) и тем более маргиналов (Н.Л.Коган-Наумов*). Оба автора, которым посвящены исследования, как бы не вписываются в традиционную панораму русской литературной жизни рубежа веков и кажутся принадлежащими исключительно предыдущей литературной эпохе, но не следует забывать и о роли Фруга в развитии русской лирики, и даже о том, что родившийся в 1863 г. Наумов был ровесником не только Фофанова, но и Сологуба. Завершает сборник заметка Р.Тименчика «Еврейские подтексты в “Египетской марке” Осипа Мандельштама» (с.354-358) — содержательная, но скромная (трудно подобрать другое слово) до объема традиционных «тезисов». О содержательной глубине и многосторонности анализа затронутой темы говорит хотя бы тот факт, что применения к заметке по объему даже на несколько строк превышают ее основной текст.

Сборник издан Санкт-Петербургским отделением издательства «Наука», однако все авторские права принадлежат Еврейскому Университету Иерусалима. К сожалению, сборник едва ли получит широкое распространение в России ввиду как малого тиража, так и высокой цены (15 долларов США), но остается надеяться как на преодоление в будущем этих «организационных» трудностей, так и на продолжение этого поистине замечательного начинания при активном участии филологов из России. Тем более что незатронутых тем всегда много больше, чем затронутых: например, история и теория перевода еврейской поэзии (как на иврите, так и на идише) в России, где этим занимались многие ведущие мастера; образ России и русских, «русская тема» в еврейской литературе (прежде всего на материале написанного и изданного в России); отношение русской прессы и русской общественности к политическим и культурным инициативам русского еврейства (например, история Еврейского легиона) и т.д. Одним словом, было бы желание. (В.М.)

Контекст-1992. — М.: Наследие, 1993. — 288 с. — Тираж 1500 экз.

Новый выпуск ежегодника предваряется краткими замечаниями от редакции: «При всем удовольствии, какое доставляет сотрудникам редакции собрание каждого из его выпусков, редколлегия до крайности огорчает недостаточный отклик, чтобы не сказать — общественный резонанс, какой вызывают сборники “Контекст”». Не претендуя на высокое звание носителя «общественного резонанса», опишем материалы, вошедшие в книгу.

Сборник состоит из нескольких неравновеликих блоков материалов: «Русская литература и немецкая

* Не лишне будет упомянуть, что эта статья Е.И.Меламада ранее была напечатана в № 2 «Вестника Еврейского университета в Москве» за 1993 г. — ДУ.

философия», «Материалы наследия В.В.Розанова», «Из наследия Алексея Федоровича Лосева», «Контекст представляет: Вольфганг Шумахер (Нью-Йорк — Гамбург)»; присутствует и постоянная рубрика «Статьи и публикации».

В розановскую подборку входят прежде всего материалы к книге «Во дворе язычников» (предисловие, эпиграф и план книги «Во дворе язычников», относящийся предположительно к 1909-1910 гг.) Помимо впервые публикуемых материалов в подборку вошли статьи, печатавшиеся в периодике и отобранные писателем для книги, (все они так или иначе затрагивают тему народной культуры, относясь к «фольклорному приделу» розановского «двора культуры»): «Культура и деревня» (1899), «Первые шаги отечественведения» (1901), «Сказочное царство» (1900), «К лекции г. Вл. Соловьева об Антихристе» (1900), «Письмо в редакцию газеты "Новое время"» (1900), а также статьи, не входившие в состав книги «Во дворе язычников», но «созвучные ей по тематике (происхождение религии, богостроительство и богоискательство)» — «О "народо"-божии как новой идее Максима Горького» (1908), «Плеханов о религии» (1909) Подготовка текстов, вступительная заметка и примечания Т.В.Померанской и А.Л.Налепина (с.25-100).

Продолжает «фольклорную тему» в розановском творчестве статья А.Л.Налепина «В.В.Розанов и народная культура» (с.101-127), основной пафос которой сводится к следующему: «Именно "сказочный" стиль литературного поведения позволил Розанову сохранить творческую свободу, остаться самим собой, личностью в годы, когда это было практически невозможно, т.к. эпоха требовала позиции, определенности, конкретной стороны социальной баррикады» (с.125).

Подборка розановских материалов завершается публикацией «Предисловия П.А.Флоренского к неосуществленному изданию книги В.В.Розанова "Во дворе язычников"» (с.127-132), осуществленной инициативой Андроником (Трубачевым), М.С.Трубачевой и П.В.Флоренским; предисловие и комментарии Е.В.Ивановой.

А.А.Тахо-Годи в рубрике «Из наследия Алексея Федоровича Лосева» публикует предисловие, оглавление и первую главу из недавно найденной рукописи, которая, по мнению публикатора, «условно может быть названа "Диалектика имени"» (с.133-149), а также фрагмент «задуманного, но неосуществленного раздела "От социально-политического утопизма к апокалиптике"» из книги «Владимир Соловьев и его время» (с.150-191). Здесь же Г.И.Вадорнов представляет письмо А.Ф.Лосева к Н.М.Тарабукину от 15 января 1956 г., которое послужило поводом для рассказа о жизни и творчестве Н.М.Тарабукина и его взаимоотношениях с А.Ф.Лосевым (с.191-197).

В рубрике «Статьи и публикации» — «О В.Ф.Переверзеве — по-новому» рассказывает в пространной статье В.П.Раков (с.221-250). «Социально-генетическое литературоведение хотело быть точным, — пишет исследователь, — вопреки нарастающим тенденциям научного "эссеизма". <...> Переверзев и Фриче ищут в художественных произведениях формы жизни, "бытие". Мы писали об ошибках, в которые неизбежно впадали эти литературоведы. Но разве произведение искусства не есть некое бытие?» (с.247).

Далее следует окончание работы Г.Г.Шпета «Герменевтика и ее проблемы» (с.251-284; публикация и комментарий Е.В.Пастернак). Начало см. в другой жизни, в другом времени, в другом государстве — «Контекст-1989», «Контекст-1990», «Контекст-1991».

Палиевский П.В. Шолохов и Булгаков. — М.: Наследие, 1993. — 120 с. — Тираж 500 экз.

Точнее было бы назвать этот сборник «И Шолохов, и Булгаков». Два имени, вынесенные на обложку, оказались рядом только потому, что (как объясняет

автор) «занимают в русском XX веке примерно то же положение, что Толстой и Достоевский в XIX-м. Они бесспорно первенствуют в литературе; через них общаются вперед новые задачи; в них заложен духовный заряд истории и представление о человеческом образе, которое нельзя терять. Они и по типу схожи: один как будто ближе к материи жизни, другой — полету ее фантастических сил, но оба говорят о чем-то одном, неотступном и живом». В сборник вошли статьи, в разные годы печатавшиеся в периодике и, в общем, довольно хорошо известные: «Мировое значение Шолохова» (отдельное издание: М., 1972), «"Тихий Дон" М.Шолохова» (Москва. 1980. № 5), «Шолохов сегодня» (Наш современник. 1986. № 2), «Шолохов и Фолкнер» (Дон. 1987. № 5), «И вот берег...» (Литературная Россия. 1990. 1 июня), «Последняя книга М.Булгакова» (Наш современник. 1969. № 3), «В присутствии классика» (Там же. 1991. № 9).

Признаемся, что нужно иметь известное мужество (в чем автор себе не отказывает), чтобы сознательно «не догонять времени» и помнить, ссылаясь на Гоголя, «что никому "нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость и нелепость"; читатель "не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на ранневременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала"; упрек будет адресован "ему, а не им". Пусть будет так и в этот раз» (с.4). Не меньшее мужество (и даже хладнокровие) требуется и для того, чтобы выставить на всеобщее обозрение (= прочтение) «отошедшие слова» со «следами» памятных всем «обстоятельств».

У кого-то может возникнуть ощущение некоторой поспешности и преждевременности этой книги. В размерах одной отдельно взятой эпохи — без сомнения, а в пределах вечности — о какой «поспешности» может идти речь. Автор, без сомнения, сделал одолжение своим грядущим исследователям, собрав под одной обложкой не только свои статьи, рассеянные в периодике, но и отклики современников («прежде всего — критические»), в том числе В.Боборыкина, Л.Якименко, В.Гура, В.Камянова, И.Роднянской, И.Кисунько, В.Гусева, И.Дедкова, И.Ростовцева, С.Дангулова, Б.Бялика, И.Виноградова, Р.Медведева, Е.Тамарченко, С.Ломинадзе, В.Воздвиженского, Н.Гаврюшина, а также снабдил один из них («не вступая, конечно, в полемику с покойным Бяликом») уточняющим комментарием. Несомненно, без этого книга была бы менее значительной и более тонкой (отклики занимают почти половину книжного объема). Было бы замечательно, если бы в Приложении автор поместил еще варианты рукописных редакций и пр., снабдил бы текст указателями имен, произведений, героев произведений, других источников и пр. (А.Р.)

Гаккель С., прот. Мать Мария. 1891-1945. — М.: Вещерков. православ. молодежи. движение, 1993. — 172 с. — Тираж 50 000 экз. — (Материалы по истории церкви. Вып.2).

Вынесенные на титул даты рождения и гибели Е.Ю.Кузьминой-Караваевой, не совсем соответствуют содержанию книги, которая посвящена, в основном, тому периоду, когда «совершился разрыв с прошлым» и произошло «преображение Елизаветы Юрьевны в монахиню Марию». Поэтому точнее было бы в подзаголовке указать дату «второго рождения» — 1932-1945. Книга о. Сергия Гаккеля, выходящая до того в Англии и Германии (1965, 1967) печатается, вероятно, по изданию 1979 г. (Paris: YMCA-Press, 1979). Говорим — «вероятно», потому что никакой ссылки на источник ни на титуле, ни на обороте титула, ни в выходных данных не наблюдается. В книге обильно цитируются материалы из архива матери

Марии («временно в хранении автора») и из архива автора. Открывается книга тремя предисловиями: Ильи Соловьёва «Путь матери Марии» (с.5-9), автора (с.10-12) и митрополита Суражского Антония «Слово о матери Марии» (с.16-17). Завершается книга краткой библиографией трудов Марии (с.170-171) — с 1912 по 1992 г. Целиком разделяя радость и счастье издателей, «что книга о матери Марии выходит наконец в нашей стране для широкого круга отечественных читателей», хочется выразить надежду, что следующей книгой, выпущенной в серии «Материалы по истории церкви» станет двухтомник матери Марии (Скобцовой) «Христос и мир: Воспоминания, статьи, очерки» (Paris, 1992).

Издание осуществлено при поддержке А/О «Российская инновационная топливно-энергетическая компания». (А.К.)

Таганов Л. «Прости мою ночную душу...». — Иваново: Областное книжное изд-во «Талка», 1993. — 176 с. — Тираж 4000 экз.

Первая книга о поэтессе Анне Александровне Барковой (1901-1976) открывается «главой от автора», в которой автор — доктор филологических наук и писатель Леонид Таганов пытается сформулировать свои творческие принципы. В частности, он пишет: «Я всегда скептически относился к живописным беллетристическим завитушкам, якобы украшающим описания жизни замечательных людей. <...> Автор относит себя к той части русской интеллигенции (если таковая еще сохранилась), которая никогда не была сильна по части ответа на вопрос “что делать?”, но в изыскании владела опытом “самоседства”, *проектирующего из нецельного чувствования жизни* (курсив наш. — А.Р.)». В скобках заметим, что одна из следующих глав называется «Чевенгур Анны Барковой». По сути дела эта декларация так и остается декларацией, и все последующее повествование ее опровергает: «описание жизни замечательной поэтессы не обходится без «беллетристических завитушек» и проч. В общем-то ничего предосудительного нет в том, что писатель одолел доктора филологических наук и вместо научной биографии мы получили беллетризованную биографию — если бы «завитушки» сплошь и рядом не превращались в общие места, банальные вопросы и тривиальные ответы: «Рождение большого таланта — всегда тайна. Зачем, почему в этом черном, пролетарском городе обозначилась, тревожно замерцала золотая звезда Анны Барковой? Бог зажег ее или дьявол!» И вот приходится читателю просеивать повествование и отделять полезные сведения и факты (которых в книге немало) — и не от вымысла даже... а от общих мест, лирических отступлений и проч. Отводя одну треть книжного пространства под стихи Барковой, автор пишет, что «не боится “пересцитировать”» малоизвестную любовную лирику Барковой (хотя «пересцитирован», скорее, «Бунтующий человек» А.Камю), но не боится он и «переинтерпретировать», «перезаанализировать» любовную лирику (см., напр.: «Может быть, это самый счастливый вздох в ее поэзии» — с.118).

В своем исследовании Л.Таганов в основном опирается на так называемый «гулаговский архив» Анны Барковой (позднейшие изыскания ивановского краеведа О.К.Переверзева, к сожалению, автором не могли быть учтены), который не так давно был издан трудами Л.Н.Таганова и З.Я.Холодковой, см.: Баркова А.А. Избранное: Из гулаговского архива / Сост., подгот. текста и коммент. Л.Н.Таганова и З.Я.Холодовой; Вступ. ст. Л.Н.Таганова. Иваново, 1992. Об этой книге, хоть и с некоторым опозданием, хотелось бы сказать. По сути дела, это первое более или менее научное издание стихов и прозы Анны Барковой. Основной корпус составили в основном неизвестные стихотворения А.Барковой, найденные в

следственных делах, находившихся в «архивах госбезопасности в Москве, Калуге и Луганске». Помимо стихов в книгу вошла проза Барковой конца 1950-х гг. (повести «Как делается луна», «Восемь глав безумия», «Счастье статистика Плаксиотина»), послушавшая «основанием для обвинения писательницы по ст. 58-а» в 1958 г. «Безусловно антисоветские, враждебные социалистическому строю», «только человек, всей душой ненавидящий нашу действительность, может так клеветать и обливать грязью наш социалистический строй», — таково было мнение экспертной комиссии об этих произведениях, которые, на наш взгляд, сегодня оказались нисколько не устаревшими и неожиданно актуальными. В книгу вошли также отрывки из дневников (1946-1947 гг.), записных книжек (1956-1957 гг.) и эссе «Обретаемое время» (1954). «Обзор архивных следственных дел А.А.Барковой» (с.271-280) подготовлен представителем группы общественных связей УМБ РФ по Ивановской области В.Пановым, по мнению которого «о жизненном пути и творчестве Анны Александровны Барковой наряду с литературоведами и прочими специалистами <...> дано право говорить и сегодняшним представителям органов государственной безопасности, на долю которых выпала гуманная работа по реабилитации жертв произвола тоталитаризма, необоснованных массовых репрессий, имевших место в мрачные периоды нашей истории». (А.Р.)

Боксер О.Я. История поэзии о науке: На подступах к лирике науки. — Шуя: Шуйский пед. ин-т, 1993. — 260 с. — Тираж 500 экз.

Термин «лирика науки» принадлежит автору и был впервые предложен в его статье «Поэзия науки актуальна» (Наука Сибири. 1986. 11 октября). По оценке автора, эта статья «была своего рода маленьким стиховедческим манифестом»: «А что нам действительно нужно, крайне необходимо и может стать “витком спирали”, я для краткости назвал бы “поэзией науки” или более подробно — поэзией (лирикой) научного труда. Под этим понимаю стихи преимущественно лирические, посвященные личностным, морально-нравственным, эмоциональным, волевым, эстетическим (красота опыта, идеи), психологическим, конфликтным и т.п. вопросам научного творчества. <...> Лирика науки еще только зарождается: имеются только эпизодические ростки и “намек”. Отсюда и подзаголовок книги: “На подступах...” Но элементы этих ростков и намеков случались давно» (с.6, 7). Сам О.Я.Боксер отдал дань науке и поэзии, выступив автором и редактором ряда книг по «методам и приборам психофизиологического контроля и психорегуляции», «функциональным биотехническим системам обучения» и т.п., а также двух сборников стихотворений (1989, 1991).

Собственно «элементам ростков и намеков» (более известным как «научная поэзия») и посвящена книга: поэзия о науке в странах Западной Европы (Древняя Греция и Древний Рим, Англия, Германия, Франция); русская поэзия о науке в XVIII в. (Ломоносов, Кантемир, Херасков, Радищев), в XIX веке (А.Дельвиг, А.Пушкин, Ф.Глинка, Г.Батеньков, Д.Давыдов, П.Лавров, А.Бородин, Н.Ядринцев, В.Г.Богораз-Тан); в XX в. (В.Брюсов, А.Белый, В.Хлебников, М.Горький, П.Антокольский, С.Ципачев, Н.Заболоцкий, Л.Мартынов, Л.Вышеславский и др.) Отдельный раздел посвящен «Русским поэтам-ученым XX века», который в свою очередь делится на подглавки, посвященные, в частности, А.Чижаскому, «поэтам-ученым профессионального поэтического уровня» (Н.А.Морозов, Н.А.Холодковский, Е.Н.Павловский, П.Л.Драверт, А.Гастев, М.Н.Воскресенская, Е.К.Ефремов, В.Ф.Ноздрев, Г.В.Кисунько и др. — приводятся образцы их поэтического творчества), а также «признанным самостоятельным поэтам из числа

ученых». Здесь же дается «количественный анализ» (академики, профессора, доктора наук, геологи, химики и т.д.) В отдельной главе рассматриваются «возможности поэтов-любителей».

В заключение в главе «Лирика науки в любительских опытах Якова Вернера» О.Я.Боксер сделал любопытное признание, — оказывается, под именем «Якова Вернера» скрывается он сам — речь о его лирической поэме «Эмоции науки» (М., 1991), изданной за счет средств автора. По-набоковски пристально разбирая поэму, Боксер-Вернер приходит к следующим выводам: «...таким образом, искренность, правдивость, непримуданность плюс неотсроченность поэтического восприятия — заслуживающие внимания достоинства моего поэтического дневника».

В приложении печатаются «Выдержки из лирической поэмы» Я.Вернера.

Издание осуществлено за счет средств автора и «в авторской редакции». (А.Е.Смуров)

Серебряный век: Поэзия; Критика: Хрестоматия по истории русской литературы конца XIX — начала XX века: Учеб. пособие / Сост. Л.В.Ляпаевой, И.П.Яковлевой; Под ред. Е.В.Владимирова. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1993. — 276 с. — Тираж 25000 экз.

Хрестоматия состоит из двух частей: «Стихотворения» и «Критика». В первую вошли стихотворения Д.Мережковского, З.Гиппиус, Вяч. Иванова, Ф.Сологуба, К.Бальмонта, А.Белого, Н.Гумилева, С.Городецкого, О.Мандельштама, А.Ахматовой, В.Нарбута, М.Кузмина, В.Хлебникова, Б.Пастернака, И.Северянина, М.Цветаевой, В.Ходасевича и Н.Рериха. Во вторую — статьи Н.Бердяева «Кризис искусства», В.Брюсова «Свобода слова», Н.Гумилева «Анатомия стихотворения», О.Мандельштама «Утро акмеизма», М.Цветаевой «Поэт и время» и Н.Рериха «Прекрасное: Приветствие школе Дальтона» (1930).

Вступительная статья написана Л.В.Ляпаевой, а вступительные заметки (в хрестоматии они поименованы «комментариями к творчеству») к стихотворным подборкам поделены между составителями. Не будем приводить многочисленные примеры ошибок и несообразностей, присутствующих в «комментариях к творчеству» (так, например, О.Мандельштам назван «одним из теоретиков акмеизма», а год смерти В.Нарбута комментаторам остался «неизвестен»).

Барковская Н.В. Поэзия «Серебряного века»: Учеб. пособие. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ин-т, 1993. — 192 с. — Тираж 5000 экз.

В предисловии автор пишет: «Последние годы открыли перед читателем целый «материк» — литературу начала XX века, поэзию «серебряного века». <...> Мы стали понимать, что символизм — это не просто «мистика» и «уход от жизни», акмеизм не только «эстетство», а футуризм вовсе не один лишь «эпатаж». <...> Настоящее пособие призвано оказать помощь в разработке цикла уроков по сложной и новой для школьного изучения теме. Учителю не предлагаются готовые конспекты, а предоставляется методическая свобода» (с.7).

«Методическая свобода предоставляется» по следующим направлениям: «Мироощущение эпохи рубежа веков»; «Серебряный век в русской поэзии: Лирика природы И.Бунина»; «Философские основы символизма. Образ-символ. «Старшие» символисты: Д.Мережковский, Ф.Сологуб, В.Брюсов, К.Бальмонт, И.Анненский»; ««Младосимволисты»: А.Белый»; «Акмеизм: М.Кузмин, Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам»; «Своеобразие поэтической системы М.Цветаевой (1892-1941)»; «Футуризм: И.Северянин, В.Хлебников»; «Целостный анализ стихотворений»; «Заключение» («...традиции «серебряного века» были продолжены в творчестве

лучших советских поэтов и поэтов-эмигрантов (Ходасевич, Г.Иванов»).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют «типы заданий при изучении поэзии «серебряного века»» («Если преследуется цель вызвать общее ощущение о поэзии «серебряного века», то можно давать задания, связанные с подготовкой урока-концерта: отработать выразительное чтение стихотворения, подобрать иллюстративный материал» и т.д.) Не менее интересен и «примерный план ответа», включающий помимо «общих сведений» еще и «ритмико-интонационное своеобразие» и «библиографический поиск».

Обширный и разнообразный «список рекомендуемой литературы» (составленный совместно с Л.В.Груниным) никак не вписывается в общую картину и представляет несомненный интерес для учителей и учащихся.

Имя этой теме: любовь! Современники о Маяковском / Сост., вступ. ст., коммент. В.Катаняна. — М.: Дружба народов, 1993. — 336 с. — Тираж 45 000 экз. — (Литературные мемуары. Век XX).

В сборнике впервые в полном объеме печатаются мемуары С.Шамардиной «Футуристическая юность» (до этого частично в сборнике «Встречи с прошлым», М., 1988), М.Бурлюк «Начало было так далеко...», Э.Триоле «Заглянуть в прошлое» (впервые: Слово. 1990. №1, 3, 7), Л.Брик «Из воспоминаний» (печатались неоднократно в различных редакциях начиная с 1934 г.), Н.Брюханенко «Пережитое», Н.Рябовой «Киевские встречи», Г.Катанян «Азорские острова», В.Полонской «Последний год» (впервые: Вопросы литературы. 1987. №5). Источники текстов обозначены в весьма вольной манере. К примеру, воспоминания Н.Брюханенко сопровождаются пояснением: «Главы, относящиеся к ее встречам с Маяковским, на русском языке появляются впервые» (без всякого указания, — где, когда и на каком языке они были опубликованы до этого); воспоминания Г.Катанян — «Отдельные главы из «Азорских островов» опубликовались». О реальном комментарии умолчим.

Бабореко А. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. — М.: Скифы, 1993. — 211 с. — Тираж 5 000 экз.

Книга известного литературоведа А.К.Бабореко, исследователя жизни и творчества И.А.Бунина, основана, как сказано в авторском вступлении, на «повременных записях и письмах, полученных от писателей, деятелей искусства и культуры — соотечественников и изгнанных. Над всем в ней возвышается фигура И.А.Бунина, ведущего нас в третье тысячелетие. У него много мудрости, идти за ним радостно» (с.3).

«Повременные записи», сделанные в жанре «повести о пережитом», посвящены тем годам, когда, пользуясь выражением автора, «владычествовали над нами лже-Мессии, лжецы и скудные умы, обессмертившие себя — подобно прокуратору Иудеи, отдавшему на распятие Христа, — тем, что обрекали безвинных на смертные муки, и Сатана пил из полной чаши идоложертвенную кровь» (с.206). «Демагоги», «карьеристы», «тупые чиновники», «маститые стукачи», «хамы», «плагаторы», «сухари», «типичные кинодралы», — вот далеко не полный перечень «уродиков, уродиц и уродов», которым противопоставил автор (речь в книге идет, в основном, об истории изданий И.А.Бунина в 1950-1960 гг., а также о невыездах А.К.Бабореко за границу), а вместе с ним «и борцы «за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся»». В книгу частично и целиком вошли письма, полученные автором в разные годы от В.Буниной, А.Цакни, Е.Пешковой, М.Куприной-

Иорданской, А.Твардовского, К.Чуковского, А.Седых, А.Толстой, Г.Кузнецовой, Ю.Оксмана, Б.Зайцева, Г.Струве, К.Паустовского, Г.Адамовича и др. Эти письма, содержащие, в основном, поздравления, здравницы, слова благодарности и приветия, и только в редких случаях какие-то факты и полезные сведения, вероятно, могут пригодиться историкам и исследователям.

Книга А.К.Бабореко несомненно будет интересна и как опыт человеческого сопротивления «бесчеловечному режиму». Пригодится ли этот опыт — это уже совсем другой вопрос. (А.Р.)

Альманах библиофила. — М.: Международное сообщество книголюбков; Издат. центр «Книголюб», 1993. — Вып. 28. — 320 с. — Тираж 4000 экз.

К тематике «DV» можно отнести: интервью с П.И.Негретовым, озаглавленное «Судьба записей В.Г.Короленко» (с.18-24); обстоятельно прокомментированные Л.П.Ивановой лаконичные воспоминания Н.В.Тулупова «Моя работа в издательстве И.Д.Сытина» (с.48-74); библиографическую справку И.С.Лазебника об А.И.Булгакове «Отец мастера» (с.108-113); наконец, фрагментарно воспроизведенный О.Г.Ласунским газетный цикл М.А.Осоргина «Литературные размышления» (с.202-197; публиковался в октябре 1937 — августе 1939 гг. в парижских «Последних новостях»). По каким именно причинам не были опубликованы размышления за № 1, 7, 30, 32, 37, 39-42, 46-49, 59-60, 63, 65, 67-69, 74, 78-79, 84, 86-87, — судить не беремся. Не помогает понять это даже обращение к изданному в 1973 г. в Париже тому персональной библиографии Осоргина (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Études slaves. Vol. XXXV. См.: № 731-761), который, как вероятно предполагалось, имеет под рукой всякий из четырех тысяч потенциальных читателей альманаха.

Ранний М.Горький: Горьковские чтения. 1992 г. — Нижний Новгород: Изд-во нижегородского ун-та, 1993. — 186 с. — Тираж 500 экз.

В сборник, выпущенный по материалам конференции «Ранний М.Горький», состоявшейся в Нижнем Новгороде 19-20 мая 1992 г. и приуроченной к 100-летию начала литературной деятельности, вошли работы: Хьетсо Г. Переписка М.Горького с И.Ю.Микколой (с.3-7); Спиридонова Л.А. Осмысление истории в раннем творчестве Горького (с.7-13); Заика С.В. М.Горький в читательском восприятии 90-х — начала 900-х гг. (с.13-18); Ермакова М.Я. Концепция человека в творчестве раннего Горького (Горький и Достоевский) (с.18-24); Минакова А.М. О художественных открытиях в ранней новеллистике Максима Горького (с.24-27); Киселева Л.Ф. «Быть или не быть?...»: (Раздумья молодого Горького над писательской судьбой) (с.27-31); Зайцева Г.С. М.Горький и Д.Линев: Из истории литературных отношений (с.31-39); Драгомирецкая Н.В. «Перерождение» романтического образа в творческом процессе М.Горького (с.39-43); Примочкина Н.Н. Проблема правды и лжи в раннем творчестве Горького (с.44-48); Еремина И.Ф. «Макар Чудра»: Философский аспект (с.48-52); Иванова Е.В. Об особенностях творческого метода молодого Горького: Горький и символисты (с.53-57); Гаранина Л.Ф. Художественная правда М.Горького в цикле рассказов «Жалобы» (с.58-62); Захарова В.Т. Черты импрессионизма в прозе М.Горького 1890-х годов (с.63-67); Языкова Ю.С. Становление художественной речевой системы М.Горького (с.67-71); Позднин Е.Н. Неизвестные фельетоны М.Горького (с.71-75); Бармин В.В. М.Горький — основоположник российского синдицированного журнализма (с.76-79); Ревякина И.А. Неизвестный Горький: Из переписки с Лениным 1910-х гг. (с.80-84); Морохин В.Н. Ранний М.Горький

и фольклор (с.84-89); Желтова Н.И. Горький и деятели искусства конца XIX — начала XX века (с.89-93); Белова Т.Д. Эстетические взгляды раннего М.Горького (с.93-99); Шустов М.П. Художественные особенности первопечатного горьковского произведения «Макар Чудра» (с.100-102); Полуяхтова И.К. Горький и Ницше: (Язык поэзии) (с.102-107); Злобин В.А. Специфика конфликта в рассказе М.Горького «Макар Чудра» (с.107-113); Леднева Т.П. К вопросу о субъективной организации ранних рассказов М.Горького (с.113-118); Гушин Ю.Г. Рассказ А.М.Горького «Ма-аленькая!..»: К проблеме традиции и новаторства в творчестве А.М.Горького (с.119-123); Иванов Н.Н. Проблема русской души и счастья в романе М.Горького «Фома Гордеев» (с.124-129); Ханов В.А. К спорам о финале пьесы М.Горького «На дне» (с.129-134); Химич В.В. Самостояние личности в изображении раннего Горького и Л.Андреева (с.134-138); Изумрудов Ю.А. Творчество Клычкова в философском споре Горького и Воронского (с.138-143); Матевосян Е.Р. Некоторые соображения о «Конце героя» (Данко и Клим Самгин) (с.143-147); Савинкова Т.В. М.Горький и М.Пришвин в обстановке 20-30-х годов (с.148-154); Киреева И.В. «Дело Артамоновых» А.М.Горького и «Мусор» Лестера Коузана: Опыт сопоставительного анализа (с.154-159); Лазарев В.А. Революционно-романтические произведения М.Горького в чешской печати (с.160-166); Рассказов А.В. О некоторых особенностях концепции «Обескрыленного сокола»: В воспоминаниях Е.Д.Кусковой (с.166-171).

Во второй части сборника даны краткие (10-12 строк) аннотации других докладов, прозвучавших на конференции: Черников А.П. Образ рассказчика в раннем творчестве Горького; Егорова Л.П. Ранний М.Горький и Ф.Ницше; Уртминцева М.Г. Проблема человека в пьесе М.Горького «На дне» и поэма Ф.Ницше «Так говорил Заратустра»: (Опыт сопоставительного анализа); Лященко А.В. Духовный мир героев М.Горького: К постановке проблемы; Самохвалова В.И. М.Горький в борьбе за человека: К проблеме изучения пьесы «На дне» в вузе и школе; Погозова Н.В. Традиции М.Горького в творчестве А.Вампилова; Равина Г.П. Ребенок и мир в ранних рассказах М.Горького и рассказе В.Богомолова «Иван»; Ионова М.И. Горьковские мотивы в творчестве Ф.Абрамова; Наривская В.Д. М.Горький и Ф.Абрамов: К постановке проблемы; Попова С.В. Нижегородский знакомый А.М.Горького Н.Н.Симанский; Лебедева А.М. Надежда Николаевна Райковская: К истории отношений родственников А.Д.Сахарова с А.М.Горьким и Е.П.Пешковой; Кутузова М.Г. Казанский знакомый А.М.Пешкова — С.Елеонский (С.Н.Милосвич); Жадаева Н.Ф. Провизор Павел Павлович Матвеев: (Нижегородское окружение А.М.Горького); Пропольянис Г.Э. Семья Лебедевых: (Нижегородское окружение А.М.Горького); Крюкова О.С. А.М.Горький и круг нижегородских литераторов начала XX века: (В.Е.Чешихин-Ветринский, В.Я.Кокосов, В.Н.Золотницкий); Криштофов М.В. Баронесса В.И.Икскуль фон Гильденбрандт: (Горький и его окружение); Соколова Е.И. Материалы А.М.Горького в личном архивном фонде семьи Дороватовских; Мурысова О.В. Последняя переписка А.М.Горького и В.Г.Короленко; Рыжова Т.А. А.М.Горький о преподавателе Саррафине Саровском: (По материалам Архива А.М.Горького ИМЛИ и Государственного музея А.М.Горького); Воровбитова А.А. Риторические приемы воздействия на читателя в ранней публицистике М.Горького; Пономаренко П.А. Компаративность в рассказе М.Горького «Ледоход»; Киселев А.Л., Молько А.В. Творчество М.Горького в оценке М.М.Пришвина: (По материалам переписки М.М.Пришвина с Н.И.Замосшкиным 1926-1929 годов); Новикова Е.Б. О

биографии А.М.Горького в англоязычной критике 80-х годов; Владимирова И.Г. А.М.Горький в освещении немецкоязычной периодики второй половины 80-х годов; Моторная Л.И. Работа над каталогом личных вещей Кашириных в фонде музея; Токарева Н.А. Странствия А.Пешкова по Руси и открытый фонд М.П.Дмитриева; Тутасва А.А. Организация работы литературно-мемориального музея на современном этапе; Гарифжанова Р.Г. Литературно-мемориальный музей А.М.Горького в Казани.

Английская литература в контексте русской и национальной культуры: Тезисы докладов. — Смоленск, 1983. — 88 с. — Тираж 150 экз.

В сборник, выпущенный по материалам III Международной конференции литературоведов-англистов, в частности, вошли тезисы работ: Скуратовская Л.И. Новое в английском и русском романе 1900-1920 годов (с.17); Ушаков О.М. Т.С.Элиот и русская литература: (К постановке проблемы) (с.18); Бардыкова Н.В. Конфликт природы и цивилизации в антиутопиях Е.Замятина и О.Хаксли (с.23); Шапкин А.А. Трагедия любовной темы в романах Д.Г.Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» и В.В.Набокова «Лолита» (с.39); Кучинская В.А. Метафоры в трагедии В.Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводах на русский язык: (Сопоставительный анализ переводов Т.Л.Щепкиной-Куперник и Б.Л.Пастернака) (с.83).

Кочеткова Г.К. Дом Цветаевых. — Иваново: Экологический вестник, 1993. — 160 с. — Тираж 5000 экз.

Автор книги о «Доме Цветаевых» (ср. «Дом Романовых») — Галина Константиновна Кочеткова, «хранительница цветаевского наследия в Талицах, инициатор создания дома-музея семьи Цветаевых». В 1929 г. ее отец купил дом, построенный в середине XIX в. священником Владимиром Васильевичем Цветаевым. «По настоянию родителей я занялась историей дома и его обитателей. Результатом пятнадцати лет поиска и стала эта книга, — пишет исследовательница в предисловии. — Имя поэта Марины Цветаевой, дочери Ивана Владимировича, не нуждается в комментариях. Однако и многие другие Цветаевы, представители разных поколений этой большой и славной семьи, имеют право на наше внимание и память» (с.3).

В книге подробно рассказывается о судьбе о. Владимира Цветаева, его сыновей — Петра, Ивана, Федора и Дмитрия, внуков и правнуков.

В Приложении помещены: проповедь о. Владимира Цветаева «Слово на день Иоанна Богослова» (публикация И.Ручимского), факсимиле письма И.В.Цветаева фабриканту Д.Г.Бурылину от 9 февраля 1913 г., а также автобиография И.В.Цветаева, статья И.В.Цветаева «Прежде и теперь: Картинка одной народной школы» о талицкой земской школе (Русское обозрение. 1894. Декабрь), приветствия А.И.Цветаевой Цветаевским чтениям в с. Ново-Талицы (1989, 1990, 1991, 1993).

Отдельная глава «Вторая жизнь дома» (с.83-102) рассказывает о нескольких поколениях семьи Смир-

новых («Три поколения Цветаевых жили в Талицком доме 75 лет. Три поколения Смирновых — 60 лет. Я считала себя вправе написать и о них, сохранивших в своей семье не только "тело" дома, но и, во многом, его дух. Это дань памяти моим родителям»).

Эпиграфом к книге следовало бы, наверное, поставить: «Не все ли равно, про кого говорить. Заслуживает того каждый из живших на земле» (И.Бунин. «Сны Чанга»). (М.Е.Вайсман).

Мамаев А.А. Астрахань Велимира Хлебникова: Путеводитель. — Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ин-та, 1993. — 20 с. — Тираж 1000 экз.

В первой части книги приведены краткие сведения об астраханской родине поэта и хроника посещений им (с 1911-го по 1919-й) города — героя поэмы «Хаджи-Тархан», украшенная подобающими цитатами и сносками. В части второй даны фотографии и адреса десятка сохранившихся хлебниковских (в той или иной степени) мест Астрахани, включая Дом-музей его имени (Б.Демидовская, она же ул.Свердлова, 53). За отсутствием карт эта брошюра практическим путеводителем служить не может, однако в справочном хозяйстве бесполезна.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. (1917-1992) / Рос. нац. б-ка. — СПб.: РНБ, 1993. — 144 с. — Тираж 300 экз.

Каталог отражает фонды более 24 библиотек, музеев и архивов С.-Петербурга, среди которых не только БАН, ИРЛИ, Научная библиотека С.-Петербургского университета, РГИА, Театральная библиотека и РНБ, но и Библиотека Военно-Морской академии им. Н.Г.Кузнецова, Библиотека Эрмитажа, Библиотека Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Государственный музей истории религии, Музей политической истории России, Российский институт истории искусствознания, Библиотека С.-Петербургской духовной Академии, Центральная Военно-морская библиотека, Центральный государственный архив историко-политических документов, Центральный государственный архив литературы и искусства, Библиотека Филармонии им. Д.Д.Шостаковича, Библиотека С.-Петербургского технического университета, Библиотека военно-медицинской Академии, Библиотека Академии художеств, Государственный центральный архив военно-морского флота и др. Всего описано 423 издания. Каталог снабжен именным и географическим указателями, а также указателем коллективов (издающих организаций).

Значение этого каталога трудно переоценить — с такой широтой и аккуратностью он подготовлен. Напомним, что издания такого же типа по московским фондам, вышедшие ранее в Москве, далеки от полноты (Материалы к сводному указателю периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы. М., 1991; Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы. М., 1993); подробнее о них см.: DV. 1993. № 8. С.83-84.

ЖУРНАЛЫ

Байкал:

В № 5 — повесть А.Куприна «Купол святого Исаак Даламатского» и рассказ «Извозчик Петр» (из его книги: Купол святого Исаак Даламатского. Рига, 1928); вступительная статья и подготовка текста Т.Очировой.

В № 6 — под заглавием «Любовь остается с нами: Всеволод Иванов» глава из документальной повести В.Никонова «Жизнь и книга» (воспоминания о Вс. Иванове, Б.Пастернаке в послевоенные годы).

Библиография:

В № 6 — статья В.Н.Терехиной «Только мы — лицо нашего времени» о русском футуризме. В Приложении — «Русский футуризм: Краткая библиография».

Там же — статья Л.С.Панова «Остался честным перед своей совестью» о документах из семейного архива В.С.Венгерова и о составленном им «Библиографическом указателе произведений В.Г.Короленко и литературы о нем».

Там же — «В центре борьбы за свет и познание...»: (Новые материалы о Павле Федоровиче Беликове); составитель В.Г.Семенова.

Дополнения к публикации в № 1 за 1993 г. (см.: DV. 1993. № 5. С.89), посвященной библиографу и исследователю творчества Рерихов П.Ф.Белякову. Печатается письмо его сына, К.П.Белякова, с некоторыми подробностями биографии отца (в частности, о перепишке с Н.К.Рерихом), а также описание неопубликованных работ П.Белякова.

Библиотека:

В № 10 — статья М.Давыдовой «Очаг русской культуры: Тургеневская библиотека в Париже» (в частности, о редких изданиях русской эмиграции в фондах библиотеки).

В № 11/12 — статья В.Сахарова «Переключка через века: (А.К.Толстой и М.А.Булгаков)» (в частности, о повести А.К.Толстого «Упырь» как источнике «Мастера и Маргариты» М.Булгакова).

Там же — статья А.Сафонова «Дружески поможет разобраться...» о личной библиотеке А.М.Горького.

Там же — в составе «методических рекомендаций по проведению семейного праздника “Рождество”» стихотворение Б.Пастернака «Рождественская звезда»; составители В.Валькова и Е.Кузьменкова.

Вестник МУ: Серия 8. История:

В № 6 — письмо С.В.Селиверстова «К вопросу о развитии “русской идеи”»: (По поводу статьи П.Йосифовой и Н.Цимбаева ““Русская идея” как элемент национального сознания”») (о В.Соловьеве).

Вестник МУ: Серия 9. Филология:

В № 6 — статья Т.Н.Беловой «Роман Б.Л.Пастернака “Доктор Живаго” в англоязычных исследованиях 80-х годов».

Там же — отчет Т.П.Буслаковой «О международной научной конференции “Русская литература в контексте развития мировой литературы”». Ср. ее же отчет в № 8 «DV» за 1993 г.

Вестник РАН. Т.63:

В № 10 — статья Е.А.Барковской «Владимир Соловьев: Взгляд на ислам и мусульманский мир».

Волга:

В № 10, 11 — продолжение воспоминаний В.Зернова «Записки русского интеллигента» (конец 1900-х гг.); подготовка текста и комментарии В.А.Соломонова. Начало в № 7-9.

Вопросы истории:

В № 10 — биографический очерк Т.О’Коннор «Анатолій Васильевич Луначарский».

По-академически приподнимаемая публикация отрывка из книги, впервые вышедшей в 1983 г. в США. Мы предлагаем ознакомиться с этой работой американского историка-слависта, автора монографий о Г.В.Чичерине и Л.Б.Красине, по ее отдельному российскому изданию, см.: О’Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992.

Вопросы философии:

В № 11 — статья М.А.Колерова «С.Н.Булгаков и религиозно-философская печать. (1903-1905)».

Восток:

В № 5 — статья Е.Б.Рашковского «Тоталитаризм как мировой феномен XX века и судьбы России: Социокультурное измерение».

Там же — статья В.М.Алпатов «Языковая политика в СССР в 20-30-е годы: Утопии и реальность» (в частности, о Е.Д.Поливанове, Н.Ф.Яковлеве, Л.П.Якубинском).

Встреча:

В № 9/10 — статья О.Платонова «По ту сторону добра и зла», посвященная «национальной русской

мысли» второй половины XIX — начала XX в. и, в частности, «босачьей культуре» и М.Горькому. Начало в № 1, 3, 5-6 и 7 за 1993 г.

Грани:

В № 170 — статья М.Шнеерсон «“Я — писатель мистический”»: (К семидесятилетию “Белой гвардии”)» о М.Булгакове.

Дальний Восток:

В № 6 — окончание публикации «глав из книги» Д.Андреева «Роза Мира». Начало в № 5.

Даугава:

В № 6 — статья М.Костенецкой «Колыбельная моему современнику» (в частности, о «Несвоевременных мыслях» М.Горького).

Детская литература:

В № 10/11 — воспоминания Е.Таратуы «Как все начиналось» о создании Детгиза и его работе в 1930-е гг.

Там же — «Из воспоминаний» А.Чегодаева о работе в Детгизе в 1936-1941 гг.

Там же — «Переводы» С.Маршак (стихотворения для детей); составитель и автор предисловия И.Чернявская.

Диалог:

В № 10/12 — статья Б.Межуева «Вл. Соловьев по поводу “последних событий”»: “Русская идея” перед вызовом современности».

Там же — статья М.Лилиной «Минувшего проклятые вопросы» (в частности, о незаслуженных выпадах современной критики в адрес «золотого периода нашей литературы» — литературы 1920-х гг.: Шолохова, Фадеева, Олещи, а также о В.Маяковском и «Двенадцати» А.Блока).

Другие берега:

В № 3 (время выхода не указано) — продолжение романа Г.Газданова «Пилигримы» (печатается по «Новому журналу», 1953-1954, № 33-36). Начало в № 1, 2.

Там же — отрывок из статьи Д.Мережковского «М.Ю.Лермонтов — поэт сверхчеловечества».

Там же — стихотворение Г.Иванова «Мелодия ставновится цветом...»

Там же — рассказы И.Буннина «Красный генерал. Рассказ Н.Н.» и «Товарищ Дозорный: Рассказ Н.Н.» (печатаются по книге: Бунин И. Митина любовь. 2-е изд. Париж, 1930); публикация В.Иорданского.

Там же — статья Ф.Степуна «Литературные заметки: И.А.Бунин (По поводу “Митиной любви”)» (впервые — Современные записки. 1926. № XXVII).

Дружба народов:

В № 11 — статья А.Немзера «Три сосны: К вопросу об исчезновении “классики”» (в частности, о литературе «серебряного века» и «Голубой чашке» А.Гайдара).

Звезда:

В № 10 — «Письма Л.Добычина М.Л. и И.И. Слонимским. (1925-1927)»; предисловие и подготовка текста В.Бахтина.

Публикуемые в этом номере письма из частного архива И.И.Слонимской (С.-Петербург) шли к читателю, похоже, не один год. Еще в 1990 г. в комментариях А.Ю.Арьева и Е.Д.Прищера в книге «Расколованный круг» (Л., 1990. С.669) сообщалось: «Высказывания писателя [Добычина] взяты из его писем к Слонимскому, подготовленных к печати [В.С.]Бахтиным». И вот весь корпус из 46 писем напечатан. Письма (точнее даже записки) по-добычински лаконичны и посвящены преимущественно деловым вопросам (гонорары, судьба произведений, отосланных в петроградские издания, и т.п.) Комментарии успешно соперничают с ними по лаконичности. Трудно допустить, что публикатор

не располагал сведениями о И.Ионове, И.Садофьеве, Л.Сейфуллиной, Г.Адонце, П.Зайцеве и др., об альманахе «Ковш», журналах «Ленинград» и «Россия» (публиковавших произведения Добычина), об издательстве «Картонный домик», критических отзывах о произведениях Л.Добычина в журналах «Новый мир» и «Печать и революция», романе А. де Ренья «Яшмовая трость» и пьесе А.Толстого и П.Щеголева «Азеф» (фигурирующих в письмах без указания авторов). Этими именами и названиями, перечень которых можно было бы и продолжить, щедро пересыпаны письма Добычина. Не прояснено, почему Добычин в 1925 г. пишет о предполагаемой публикации своих рассказов в «Русском современнике», хотя к тому времени журнал был уже закрыт. Добычин недоумевает, почему ответ о судьбе рассказа, посланного им в альманах «Круг», приходит от А.Воронского из «Красной новы». И на этот, и на многие другие вопросы ответа нет. (А.Г.)

В № 11 — статья В.Н.Ильина (1891-1974) «Бердяев и судьбы русской философии»; предисловие и публикация В.Безносова.

Там же — статья В.С.Яновского (1906-1979) об американском поэте Уинстоне Хью Одене.

Там же — под заглавием «“Звезда” в годы “Большого террора”: Хроника цензурных репрессий: (По секретным донесениям Ленгорлита и Главлита)» подборка документов 1926-1940 гг.; предисловие, подготовка текста и примечания А.Блюма.

Из фондов ЦГАЛИ С.-Петербурга и ЦГА ИПД (бывш. Партархив) публикуются секретные документы, принятые в связи с произведениями Б.Пилюняка (1926), В.Шишкова (1929), П.Кухтина, М.Журавлева, О.Форш (1932), Е.Чаренца (1935), А.Г.Фомина (1937), Е.А.Федорова, Г.В.Алекшина, Ф.С.Князева, В.Базальтова, Ю.А.Инге (1938), О.Берггольц (1940) и др. Особо интересен блок документов 1933 г., когда относительно либеральная «Звезда» в отношении либеральной эпохи литературной «коттепели» позволила себе публикацию «Горжества земледелия» Н.Заболоцкого, стихотворений и «Путешествия в Армению» О.Мандельштама, «Символистов» О.Форш, «Возвращенной молодости» М.Зощенко и стихотворений Н.Олейникова. Приводимые А.Блюмом документы по поводу этих публикаций, а также известные статьи в «Правде», «Литературной газете» и др., их сопровождавшие, убеждают, что 1933-й год стал своеобразным прологом 1946-го — года принятия памятного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Об этом далеком времени красноречиво напоминают купюры в публикуемых текстах. (А.Г.)

Там же — в рубрике «Антология шедевров» стихотворения Ф.Сологуба «Грудь ли томится от зною...» (1900), «Равно для сердца мило...» (1902), «Когда я в бурном море плавал...» (1902).

Знамя:

В № 11 — поэтическая подборка Д.Кленовского «Из собрания стихов» (1949-1975); биографическая справка редакции.

Там же — статья А.Жолковского «Поэтика произвола и произвольность поэтики: (Маяковский: “Дачный случай” — 1928)». Посвящена памяти Ю.Карабчиевского.

Золотой век:

В № 4 (время выхода не указано) — письма В.С.Трубецкого (1891-1937) художнику В.Голицыну 1934-1937 гг.; предисловие А.В.Трубецкого.

Там же — статья Г.Газданова «О Гоголе» (1960); предисловие Ф.Хадоновой.

Там же — отрывок из воспоминаний М.Шагала «Моя жизнь»; предисловие Н.Апчинской.

Известия РАН: Серия литературы и языка. Т.52:

В № 6 — статья И.С.Приходько «Мифопоэтика “Песни судьбы” А.Блока».

Там же — статья Л.Ф.Кациса «Достоевский. Розанов. Маяковский: (О литературных истоках поэмы “Про это”)».

Известия СО РАН: История, филология и философия:

В № 3 — статья Л.П.Якимовой «Творчество Г.Гребенщикова в новом социально-историческом контексте: (К 110-летию со дня рождения)».

Иностранная литература:

В № 11 — главы из книги Э. де Грация «Девушки оголяют колени везде и всюду: Закон о непристойности и подавление творческого гения» (в частности, глава «Своими коготками, Лолита», посвященная истории публикации романа В.Набокова); перевод с английского О.Алжкринского.

Там же — статья Б.Носика «Набоков-переводчик и переводчица Набокова».

Искусство кино:

В № 11 — статья Н.Сиривали «История, которую мы потеряли...» (в частности, об экранизации произведений Л.Андреева, И.Бабеля, А.Куприна).

Исторический архив:

В № 4 — рецензия В.Ю.Афиани и М.В.Бельдова на альманах: Российский архив. М., 1991-1992. Вып. 1-3 (в частности, о выпуске, посвященном М.О.Меньшикову).

Источник:

В № 2 — «“Всюду и везде я буду доказывать свою невиновность”: Письма Н.И.Бухарина Сталину и другим членам Политбюро»; публикация и примечания Ю.Мурина.

В составе публикации особый интерес представляет «покаянное» письмо Н.Бухарина от 27 августа 1936 г., адресованное «Всем членам Политбюро ЦК ВКП (б)» и «Тов. Вышинскому» и написанное по поводу процесса над так называемым «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром». Н.Бухарин, в частности, пишет о некоторых подробностях несостоявшегося назначения Л.Каменева руководителем «литературного отдела» в «Правде», а также упоминает о хлопотах Б.Пастернака за О.Мандельштама и жены писателя Ст. Вольского (А.В.Соколова) за мужа: «Ко мне, напр-симер», приходили в свое время просить за О.Мандельштама (Б.Пастернак. Дело решил тов. Сталин), за С.Вольского (т.Сталин приказал его немедленно освободить по письму его, Вольского, бывшей жены) <...>. В комментариях сообщается дополнительная информация по поводу этих хлопот: в частности, резолюция Сталина на письме к нему Бухарина от июня 1934 г. по поводу ареста Мандельштама («Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие...»).

Там же — воспоминания Н.Рахманиновой «С.В.Рахманинов» (впервые — Новый журнал. 1971. № 103).

Кентавр:

В № 6 — статья В.В.Горбунова «Философ-лирик» о В.В.Розанове.

Континент:

В № 78 — к 100-летию со дня рождения В.Маяковского фрагмент из работы В.Страда «Театр у Маяковского. (1913-1917)» и его статья к 100-летию поэта, написанная для «Коррьере делла Сера»; перевод с итальянского.

Крик:

В вып. 5 — под заглавием «История кнута без пряника: Телесные наказания в России» отрывок из книги Н.Н.Евреинова «История телесных наказаний в России» (1913).

Там же — статья С.Останина «Мальчиш-плохиш: Уголовное досье Аркадия Гайдара» (по материалам дела по обвинению в «самочинных расстрелах» 1922 г.)

Лад:

В № 9 — под заглавием «И без сабли на боку!» интервью с режиссером Архангельского молодежного театра-студии В.Пановым (в частности, о С.Писахове и Б.Шергине); беседу вел А.Сальников.

Там же — сказка С.Писахова «Не любо — не слушай».

Там же — сказка Б.Шергина «Умная Дуня».

Там же — статья Ю.Легостаева «Даниловское» о родовой усадьбе Батюшковых (в частности, о Ф.Д.Батюшкове, А.Куприне).

Лепта:

В № 6 — под заглавием «Из пражского архива» письма И.Бунина и А.Куприна к Е.Н.Ляцкому; публикация Л.С.Кишкина и В.А.Моторного, вступление и примечания Л.С.Кишкина.

Публикация из фондов Литературного архива Праги представляет 12 писем И.Бунина 1920-1938 гг. и 25 писем А.Куприна 1920-1925 гг., связанных в основном с издательскими проектами адресата (стокгольмское издательство «Северные огни» и пражское «Пламя»). Обсуждаютсяonorарные вопросы, сроки присылки рукописей и др. такого же рода проблемы, не представляющие, кажется, интереса для широкого читателя. В «Литературном наследстве» эти тексты были бы более уместны.

Там же — рассказ И.Лукаша «Поликсена: Из рассказов деда о Гоголе».

Там же — под заглавием «Бабушка» фрагменты семейной «хроники» поэта и прозаика О.Ильиной-Боратынской (1894-1991); вступление и публикация И.Лапшиной.

Там же — статья А.Тринко «Конь черный Чепурного: (Трилогия А.Платонова в зеркале метаистории)» («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»).

Там же — статья А.Рабинянц «М.А.Булгаков и пушкинисты» (В.В.Вересаев, Б.В.Шапошников, П.С.Попов).

Литература в школе:

В № 6 — статья М.Дунаева «Испытание веры: О творчестве А.П.Чехова» (в частности, о взглядах С.Н.Булгакова, высказанных им в публичной лекции «Чехов как мыслитель», Киев, 1905).

Там же — статья Л.Н.Пастухова «“Не позволяй душе лениться...”»: Урок по лирике Н.А.Заболоцкого в X классе».

Литературное обозрение:

В № 9/10 — к 100-летию со дня рождения В.Маяковского «Воспоминания о Маяковском» И.Я.Хвасс; публикация А.Рустайкис, предисловие, примечания А.Сердитовой и А.Зименкова.

Мемуары пианистки и переводчицы И.Я.Хвасс (Хвас; 1892-1945) написаны в декабре 1939 г., печатаются по машинописи, хранящейся в московском Государственном музее В.В.Маяковского. Описываемые события относятся преимущественно к 1910-1915 гг.: выставки «Бубнового вала» 1910 и 1912 гг., диспуты в Политтехническом музее, отношение Маяковского к А.Вертинскому, выступление на чествовании К.Бальмонта в 1913 г., знакомство с Бриками, дружба с К.Большаковым и др.

Там же — под заглавием «Я Маяковского знаю давно...» отрывки из стенограммы выступления Д.Бурлока в Государственной библиотеке-музее В.В.Маяковского 10 мая 1956 года (о пребывании В.Маяковского в США в 1925 г.); вступительная статья, публикация, примечания Е.И.Погорельской.

Там же — под заглавием «Беседа с С.С.Прокофьевым — 1948» дневниковые записи телефонных разговоров Н.В.Реформатской с композитором о В.Маяковском; публикация, предисловие и примечания М.А.Реформатской.

Там же — статья Л.Е.Колесниковой «Круг чтения поэта: Личная библиотека Маяковского».

Из ответов В.Маяковского на анкету «Писатель и книга» (1926) известно, что у него и О.Брика была общая (и совсем не большая по нынешним понятиям) библиотека в 1000-12000 книг. Это собрание не сохранилось в полном объеме. В статье описывается лишь рабочая библиотека поэта в его комнате на Лубянской проезде. Обращает на себя внимание присутствие книг К.Цюльковского «Прошедшее земля» и «Общественная организация человечества» и «небольшой брошюры с популярным изложением сущности теории относительности, написанной Эйнштейном» (выходные данные которой почему-то не указаны).

Там же — статья Н.А.Петровой «Мотив “флейты”»: Маяковский и Мандельштам».

Там же — под заглавием «“Великая утопия”»: К истории пореволюционной идейной эволюции художественного авангарда публикуется «Доклад Удальцовой в профессиональном Союзе» 1918 г.; публикация, вступительная статья и комментарии Р.Янгирова.

Пореволюционная эволюция футуристов и их «альянс» с советской властью в 1918 — начале 1920-х гг. до сих пор остается одним из наименее изученных эпизодов истории русского авангарда, окруженных, по выражению публикатора, «плотной завесой недостоверных легенд и двусмысленных мифов». Далеко не в достаточной степени освоены архивы ИЗО Наркомпроса, в который пришли в 1918 г. футуристы. Во вступительной статье излагаются некоторые факты из истории Коллегии по делам искусств и художественной промышленности ИЗО Наркомпроса и группы «Левая федерация», созданной в рамках профессионального Союза художников-живописцев в Москве. Публикуемое выступление в Союзе художники Н.А.Удальцовой имеет декларативный характер и, очевидно, предшествовало выходу из Союза членов «Левой федерации» и вступлению их в ИЗО.

Там же — статья Г.Г.Поспелова «Яшвили и Маяковский в мастерской Машкова».

Выдвигается предположение о возможном посещении П.Яшвили и В.Маяковским мастерской И.Машкова в 1909 г. и Маяковским как герое «Портрета мальчика в расписной рубашке» И.Машкова.

Там же — статья В.Н.Дядичева «Маяковский: Стихи, поэма, книги, цензура...»: Фрагменты посмертной судьбы поэта».

Издательская судьба произведений В.Маяковского в 1930-1980-х гг. воссоздается по документам — как опубликованным (которые приводятся полностью, как, например, резолюция Сталина на письме Л.Брик конца 1935 г. или интервью последней в газете «Литературный Ленинград» от 26 декабря того же года), так и неопубликованным. Среди последних — записка зав. отделом печати и издательства ЦК Б.М.Талы Н.И.Ежову и письмо Сталину (декабрь 1935 г.) по поводу плана издания произведений Маяковского. Автор письма особо предупреждал Сталина: «В связи с Вашими указаниями о В.В.Маяковском весьма оживились участники старых левых группировок».

Не менее пугающая, впрочем, была и тень футуристического прошлого Маяковского. Из архива Отдела культуры ЦК КПСС (ныне — ЦХСД) публикуется блок документов, связанных с цензурной историей 12-го тома Полного собрания сочинений поэта, содержащего его статьи, заметки и выступления по вопросам искусства (письмо директора ИМЛИ АН В.Р.Щербинны в Гослитиздат, письмо директора и главного редактора Гослитиздата Г.Владыкина и А.Пузикова в ЦК, «рекомендации» Отдела культуры ЦК, подписанные зам. зав. отделом А.Петровым, зав. сектором И.Черноуцаном и инструктором Н.Геом, и др.) Здесь же воспроизводится и знаменитый «Манифест Летучей Федерации Футуристов» Д.Бурлока, В.Каменского и В.Маяковского, впервые опубликованный в «Газете футуристов» 15 марта 1918 г. и исключенный из 12-го тома ПСС. В статье также приводятся многочисленные примеры цензурных изъятий из художественных произведений поэта.

Там же — статья В.А.Александрова «Изабелла Хэпгуд и деятели русской культуры: Автографы Л.Толстого, Я.Полонского, М.Горького, И.Репина, А.Н.Веселовского в Нью-Йорке» (в частности, публикуется письмо Горького И.Хэпгуд от 7 сентября 1901 г.)

Там же — воспоминания Г.Лахути «“Любви моей осталось в мире дело”»: Повесть об отце» (в частности, о встрече автора с А.Ахматовой в 1963 г., об отношениях А.Лахути с Б.Пастернаком и О.Мандельштамом).

Там же — рецензия В.Чайковской «Искажающее зеркало» на книгу: Медведев Ф. После России. М., 1992.

Там же — в рубрике «Почта ЛО» письмо О.Ждановой «Сбереженное сердце» о книге И.Кудровой «Версты, дали... Марина Цветаева. 1922-1939» (М., 1991).

Молодая гвардия:

В № 10 — под заглавием «Гордиев узел: Горький и Сталин» стенограмма «Беседа И.М.Гронского с со-

трудниками Архива А.М.Горького и Музея А.М.Горького, состоявшаяся 28 сентября 1963 года, на темы: "Горький и Сталин", "Горький и культ личности"; «вступление, текст стенограммы и примечания подготовил доктор филологических наук В.С.Барахов».

Фигура И.М.Гронского (Федулов; 1894-1985) — едва ли не одна из ключевых в литературном процессе начала 1930-х гг. Ответственный секретарь «Известий», секретарь Оргкомитета Союза советских писателей (впоследствии — редактор «Нового мира»), Гронский в то время был «прикосновенен» к решению важнейших вопросов политики партии в области искусства. Книга его воспоминаний и дневников «Из прошлого», вышедшая в 1991 г. в Москве — на спаде бума «возвращенной литературы», — прошла почти незамеченной. Публикуемая стенограмма, по сообщению публикатора, в этой книге появилась «в извлечении». Это утверждение нуждается в некотором уточнении: на самом деле, в книге «Из прошлого» опубликована лишь дневниковая запись, сделанная после выступления, а также текстуально близкие к стенограмме воспоминания.

В центре беседы (точнее — монолога, т.к. вопросы или реплики сотрудников Музея и Архива Горького в публикуемом тексте не выявлены) взаимоотношения Горького и политической оппозиции 1920-х гг. (Троцкий, Зиновьев и Каменев, Бухарин, Рыков, Томский: «шла борьба за Горького между вождями... оппозиционных группировок и ЦК партии»), постепенная эволюция отношения Горького к Сталину (от осторожной оценки его исключительно как практика и хорошего организатора до появления «ноток почтения» и «любви» к Сталину). Сталин, по мнению И.Гронского, «боялся Горького. Горький был человек очень смелый и не боялся Сталина. <...> Он [Сталин] хорошо понимал, что если Горький выступит против такой политики, которую Сталин проводит, то к голосу Горького прислушаются». (А.Г.)

Москва:

В № 10 — окончание романа И.Шмелева «Няня из Москвы». Начало в № 8, 9.

Там же — под заглавием «Из наследия» стихотворения Д.Андреева 1941-1951; публикация А.Андреевой, предисловие редакции.

Там же — под заглавием «Но душа любить не перестанет...» стихотворения В.Смоленского (1901-1961) «Над Черным морем, над белым Крымом...», «Я знаю, Россия погибла...», «Стихи о Соловках», «Огромные, двуглавые орлы...», «Стансы», «А у нас на Дону...», «Канут годы в вечность без следа...»; вступительная заметка и публикация М.Шаповалова.

В № 10, 11 — «воспоминания и впечатления» В.Ливанова «Невдуманый Борис Пастернак».

Сочинение известного артиста театра и кино посвящено истории многолетней дружбы семьи Ливановых и Бориса Пастернака. Приводится более двадцати писем, записок, дарственных надписей поэта 1934-1959 гг., тексты которых, как сообщает В.Ливанов, «даются в орфографии и манере автора». Обильно цитируются «воспоминания матери, Е.К.Ливановой, а также мемуары других современников поэта, в полном объеме воспроизводится «критическая» статья Дм. Урнова «Безумное прерывание своих сил», посвященная «Доктору Живаго» и опубликованная в «Правде» в 1988 г.

На основе всех этих материалов, а также собственных воспоминаний, автор строит свою версию ключевых моментов биографии поэта (телефонный разговор со Сталиным, передача за границу романа), объясняет природу взаимоотношений его с З.Н.Нейгауз и друзьями, дает новую интерпретацию «Доктора Живаго». Согласно В.Ливанову, этот роман написан как восхваление доблестных советских характерных органов (образ Евграфа Живаго). Этим же объясняется и травля Пастернака, развернувшаяся в эпоху разоблачения «культ личности»: «Недаром именно Семичастный — главный «евграф» хрущевской «оттепели» — с такой звериной яростью поносил роман и его автора. Требовалось решительно, громогласно, публично отречься от всякой чехистской преемственности. А роман Пастернака, видимо, именно эту преемственность и отстаивал. (К.М.Полынов)

В № 11 — под заглавием «Возвращение в Россию» фрагменты мемуаров Н.В.Плевицкой «Дежкин карагод», «Мой путь с песней» и «Венец»; предисловие А.Ремизова (к 1-й части мемуаров, вышедшей в Берлине в 1925 г.), а также И.Рахши, публикация И.Рахши.

Там же — статья В.Курбатова «Родина мысли и согласия» о книге М.Пришвина «Мы с тобой».

Московский вестник:

В № 5/6 — эссе А.Ткаченко «Коктебель Максимилиана Волошина».

Там же — статья Ю.Сохрякова «"Возраст русской идеи есть возраст самой России": К 110-летию со дня рождения Ивана Ильина» (противостояние И.Ильина «хулителям России» и «руссофобии»).

Московский журнал:

В № 11 — статьи И.А.Ильина «Молитва перед речением: Из записок убитого друга 8 ноября 1917 года»; публикация Ю.Т.Лисицы.

Московский наблюдатель:

В № 10 — рецензия М.Зайонц «Двое в комнате — я и Сталин» на спектакль «Живаго (Доктор)» по роману Б.Пастернака в Театре на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

В № 11/12 — статья Б.Гулинцева «Ich sterbe...» (в частности, о сходстве К.Гальмонта и некоторых героев «Вишневого сада» Чехова, а также о восприятии творчества Чехова И.Анненским и А.Ахматовой).

Там же — статья В.Мильдона «Другой человек» (в том числе о книге Н.Бердяева «Смысл творчества» и статье Ф.Степуна «Мысли о России»).

Изучение взаимосвязей русской литературы с русским же философствованием нельзя назвать чрезмерно распространенным. Потому приятно, что В.Мильдон исследует «новую антропологию», «художественную философию» А.П.Чехова и полагает необходимым поспорить с современным писателем «антропологом» Н.А.Бердяевым. И даже строит на противопоставлении писателя и мыслителя нечто теоретическое. И даже привлекает к защите Чехова от Н.К.Михайловского «вексовскую» статью С.Л.Франка. На этом параллели исскают, хотя пресыщенная параллелями публика давно жаждет от чеховедов по крайней мере внятного исследования известной переключки «Вех» и антиинтеллигентских пассажей Чехова (в письме к С.П.Дягилеву). (М.К.)

Московский обозреватель:

В № 39 — перепечатка афоризмов Дон-Аминадо из газеты «Московский комсомолец», № 199 (см. ниже).

Музыкальная академия:

В № 4 — статья О.Томпаковой «"Иду сказать людям, что они сильны и могучи": Учение А.Н.Скрябина и современные ему философы» (в частности, о Г.В.Плеханове, С.Н.Булгакове, Б.А.Фохте, Н.В.Шперлинге).

Там же — статья Л.Гервер «Скрябин и Хлебников: "Божественная поэма" и поэма "Ангелы"».

Музыкальная жизнь:

В № 19/20 — заметка И.Илошина «"Молдаванка" в Америке» о мюзикле «Молдаванка, молдаванка» по мотивам произведений И.Бабеля в Русско-американском театре в Нью-Йорке (автор либретто — А.Эппель, музыка и постановка А.Журбина).

Наука и жизнь:

В № 10 — под общим заглавием «Подслушанная песня» подборка стихотворений ученого-энтомолога В.В.Гуссаковского (1904-1948); вступительная статья Ф.Патрунова.

Начала:

В № 1 за 1993 г. (вышел в октябре) — статья С.Г.Семеновы «Учение Н.Ф.Федорова о воскрешении».

Там же — под заглавием «Из материалов к третьему тому "Философии общего дела"» статьи, заметки и письма Н.Федорова; публикация и примечания А.Г.Гачевой.

Там же — статья П.И.Новгородцева «Анализ главнейших теорий бессмертия»; публикация В.А.Волкова и М.В.Куликовой.

Там же — статья А.Г.Гачевой «А.К.Горский, А.Н.Сетницкий — последователи Н.Ф.Федорова».

Там же — статья В.В.Бибихина «Возвращение отцов» (в частности, о В.Розанове и Н.Федорове).

Там же — статья М.Хагемейстера «Европейская эмиграция» (в частности, о «евразийцах»); перевод с немецкого В.В.Козловского и А.Т.Казаряна.

Там же — под заглавием «Уход Н.Ф.Федорова из Румянцевской библиотеки» подборка материалов, связанных с работой философа в библиотеке; подготовлено В.С.Борисовым.

Там же — избранная библиография Н.Ф.Федорова (85 позиций); составитель А.Г.Гачева.

Там же — анонимные заметки «Федоровские чтения» и «Об открытии музея-читальни Н.Ф.Федорова».

В № 2 (номер посвящен 100-летию А.Ф.Лосева) — статья В.П.Троицкого «Виртуоз мысли».

Там же — работы А.Лосева «Строение художественного мироощущения» (предположительно 1915-1916 гг.), «Самое слово» (конец 1920-х — начало 1930-х гг.), «От социально-исторического утопизма к апокалиптике» (1980-е гг.); публикация, подготовка текста и комментарий А.А.Тахо-Годи.

Последняя из перечисленных работ посвящена В.Соловьеву (в частности, его эстетическим взглядам). Подробно анализируется отношение к нему В.Брюсова, К.Бальмонта, А.Блока, Вяч. Иванова, А.Белого, Г.Чулкова, Д.Мережковского.

Там же — воспоминания А.А.Тахо-Годи «О В.М.Лосевой».

Там же — предисловие В.М.Лосевой к книге А.Лосева «Диалектические основы математики» (1936); публикация, подготовка текста А.А.Тахо-Годи.

Там же — «Из рассказов А.Ф.Лосева» (записанные В.В.Бибихиным устные рассказы философа 1970-1980-х гг.)

Там же — «Письма А.Ф.Лосева к В.М.Лосевой» (1938-1939); «Переписка А.Ф.Лосева с В.И.Микшем и В.Я.Микш» (1936); публикация, подготовка текста и комментарий А.А.Тахо-Годи.

Там же — «эскиз» М.М.Гамаюнова «Крейслериана профессора А.Ф.Лосева».

Там же — «Список печатных трудов А.Ф.Лосева. (1980-1993)»; составитель А.А.Тахо-Годи.

Там же — заметка Л.А.Гогтишвили «Об изданиях, подготавливаемых к 100-летию А.Ф.Лосева».

Там же — информация А.А.Тахо-Годи «О конференциях, посвященных А.Ф.Лосеву».

Наше наследие:

В № 27 (время выхода не указано) — окончание воспоминаний Д.С.Лихачева «Беседы прежних лет». Начало в № 26.

Вторая часть мемуаров Д.С.Лихачева посвящена А.Мейеру, Ю.Н.Данзасу (псевдоним «Юрий Николаев»), Г.О.Гордону, П.Ф.Смотрицкому, В.С.Раздольскому, В.Кемешкому (Свешникову), А.А.Пешковскому, А.А.Бедраге, Л.Моглянской, М.И.Хачатурову, Ю.А.Казарновскому, Н.К.Горскому. Отдельный сюжет — впечатления от приезда М.Горького на Соловки в 1929 и 1930 гг. Завершает воспоминания список заключенных Соллага, с которыми общался автор.

Там же — под заглавием «Над пустыней мертвого песка...» стихотворения С.М.Соловьева 1920-х гг.; публикация и «редакция» Н.С.Соловьевой; в качестве предисловия — воспоминания Н.С.Соловьевой «Отцом завещанное».

Там же — отрывки из публицистического цикла М.О.Меньшикова «Письма к ближним» (по отдельному изданию: СПб., 1904); вступительная статья и подготовка текста М.Поспелова, комментарии Д.Евсеева, послесловие В.Лазарева «Так это было».

Нева:

В № 10 — рецензия И.Сухих на публикацию: Чуковский К. Из дневника. 1932-1969 // Знамя. 1992. № 11, 12.

Там же — рецензия И.Пруссаковой на книгу: Лоская В. Марина Цветаева в жизни. М, 1992.

Там же — статья И.Западalова «Он умирает в ее объятиях»: Дополнительная страничка к биографии А.А.Блока».

Вполне сенсационная публикация о последнем увлечении Блока — А.К.Чубуковой и здравствующей и поныне дочери великого поэта — Александре Петровне Люш, родившейся 1 мая 1921 г. Ср. более раннюю публикацию на эту тему московской поэтессы Н.Сидориной: «Быть светлым меня научи» // Домашнее чтение. 1993. № 20.

В № 11 — статья Н.Банк «Так закалялись мы: Еще один «учебник жизни», на котором нас растили» (о романе Н.Островского «Как закалялась сталь»).

Неман:

В № 11 — статья В.Конона «Великий сход: Первый Всебелорусский форум: политический и духовный смысл» (в частности, о переводе М.Горьким стихотворения Я.Купалы).

Новое время:

В № 42 — статья П.Бицилли «Наследие империи» к юбилею Октябрьской революции (впервые — Современные записки. 1927. № 32); публикация [и предисловие] Ю.С.Пивоварова.

В № 43 — статья О.Васильевой и П.Кнышевского «“Золотой” буревестник».

Отрывок из книги «Красные конкистадоры», подготовленной к выпуску в издательстве «Молодая гвардия», посвящен участию М.Горького и М.Ф.Андреевой в работе экспертной комиссии при Петроградском отделении Наркомата торговли (позже Внешторга). Выступавший в «Новой жизни» против утечки предметов искусства за границу, Горький в феврале 1919 г. стал председателем этой комиссии, занимавшейся продажей предметов искусства за границу. В тексте статьи, в частности, приводится письмо в Совнарком на имя Ленина за подписью Горького от 2 марта 1921 г. об использовании «предметов искусства и роскоши» для «товарообмена с заграницей», письмо Ленину от февраля 1921 г. с отчетом о деятельности комиссии за подписями Ф.Т.Чучан и М.Ф.Андреевой. К этому сюжету приклеены совершенно к нему не относящиеся сведения о судьбе невышедшего сборника воспоминаний о Горьком, подготовленного в 1941 г. и «зарубленного» после знакомства с рукописью начальника Управления агитации и пропаганды ЦК А.Пузина и зав. сектором художественной литературы того же Управления А.Еголина. Их отзыв о сборнике, направленный секретарю ЦК А.Щербакову, содержит краткие негативные характеристики включенных в сборник произведений Л.Пантелеева, В.Вересаева, Б.Агапова, В.Шкловского и др.

Там же — фрагменты из статьи И.Шмелева «Убийство» (написана в 1924 г., впервые напечатана в парижской «газете» «Возрождение» в 1965 г.); публикация Р.Золотарева.

В № 44 — статья Г.Федотова «Сумерки отечества» (1931) и отрывок из его статьи «Россия и свобода» (1945); публикация Р.Золотарева.

В № 46 — статья Б.Сарнова «Неужели это только цветочки?» (в частности, о статье Вик. Ерофеева, посвященной творчеству М.Булгакова).

Там же — «И вот пришел чудак: Путь от смешного до гибельного — история Михаила Кольцова в воспоминаниях брата» Б.Ефимова.

Новый мир:

В № 10 — окончание публикации «“Наша любовь нужна России...”: Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой» (43 письма 1911 г. и одно письмо

Е.Трубецкого августа 1918 г.); составление, публикация и комментарий А.Носова. Начало в № 9.

Переписка Маргариты Морозовой и князя Евгения Трубецкого выходит далеко за рамки простого свидетельства переживаемой ее героями любовной драмы — настолько тесно они сопрягаются со сложными религиозными и философскими проблемами. Особая роль в переписке принадлежит, несомненно, М.Морозовой. Из ее литературных опытов до сих пор известны были лишь воспоминания, написанные довольно сухо (и даже заурядно) и значительно отличающиеся от впервые публикуемых интимных писем. Подборка из обширной переписки, длившейся с 1906 по 1918 гг. (начало их отношений относится к 1905 г.), бережно сохраненной владелицей и переданной в 1930-х гг. в нынешнюю РГБ, не оставляет сомнений в том, что Морозова была не менее выдающейся фигурой «серебряного века», чем ее корреспондент, с трудами и личностью которого не надо знакомить читателя «ДВ». В этих письмах — одна из эпох» долгой жизни первой московской красавицы, вдовы купца-миллионера Михаила Морозова, хозяйки модного салона, бывшего воистину крупным культурным центром, объединявшим художников, философов, общественных деятелей.

Деяния Морозовой — передача в 1910 г. собрания И.А.Морозова Третьяковской галерее, организованное и возглавляемое ею издательство «Путь», разнообразная благотворительная деятельность — и раньше не оставляли сомнения в незаурядности ее личности. Читатель, знакомый с Морозовой по различным воспоминаниям, будет удивлен образованностью светской дамы, рассуждавшей с профессором-философом о высоких материях. Исключительная искренность писем делает естественным переключение кажущегося сегодня напыщенным философствования в чисто человеческие чувства, которыми оубраваемы все тайные возлюбленные. (Н.Ю.Семенова)

Там же — под заглавием «Филологическая проза» заметки Ю.Карабчиевского («О С.Маршаке»); публикация С.Карабчиевской, составление, подготовка текста, предисловие и примечания С.Костырко.

Там же — рецензия А.Василевского «Попытка компенсации» на публикации: Милашевский В. Из цикла «Глазами пятилетнего» // Волга. 1993. № 2; Он же. Нелли: Роман из современной жизни // Там же. 1991. № 12.

В № 11 — роман Б.Садовского «Пшеница и плевелы» (1936-1941); публикация и вступительная статья С.Шумихина; послесловие В.Вацура.

Там же — под заглавием «Лишняя любовь: Сцены из московской жизни» начало публикации глав из мемуарной книги Э.Герштейн.

Там же — статья А.Г.Макарова и С.Э.Макаровой «А власть эта не от бога»: «Соавторская» обработка художественного текста в «Тихом Доне».

Статья, по сообщению авторов, является «новым этапом» их работы, начатой «эновмирской» публикацией «К истокам "Тихого Дона"» (1993. № 5,6). Основываясь на скрупулезном анализе текста, авторы находят новые подтверждения тому, что Шолохов является не более чем «соавтором» (вполне, впрочем, одаренным) «Тихого Дона». Смирившись с неопределенностью терминологии (временами почти «школьной») и нечеткостью формулировок, мы не можем не признать справедливости некоторых наблюдений авторов, выявивших многочисленные «логические неувязки в развитии судеб персонажей» и «немотивированные изменения» в их поведении, «путаницу» в хронологии описываемых Шолоховым событий, и лексические перепалы и пр. «Изучение текста "Тихого Дона", — подводят итоги своей работы авторы, — выявило многочисленные аномальные места, искажающие единое художественное поле или явно из него выпадающие. <...> Выраженные в них чувства и внутренние раздумья, отношение к событиям и даже сама лексика героев — все чуждо, подчас противоположно тому тексту, в который эти фрагменты введены. Чужеродность фрагментов приводит к нарушениям логичности повествования и внутренней логики художественного образа, к появлению в тексте явных или скрытых противоречий. <...> Эти нарушения и искажения художественного поля носят вполне локальный характер».

Неясным, однако, остается одно: в каком отношении к «эновмирским» публикациям А.Г. и С.Э.Макаровых находится их же книга «Цветок-татарник: К истокам "Тихого Дона"» (М., 1991. Ч.1: Полевые сумки), вышедшая тиражом 300 экз. на ротاپринте ВНИИЭгазпрома. Каковы «структура знаменитостей» и отношение «спратжста» к тексту окончательно? Нам кажется, что эти вопросы вполне уместно было бы оговорить уже при публикации первых частей исследования.

Там же — статья П.Басинского «Возвращение: Полемика заметки о реализме и модернизме» (в частности, о русской литературе XX века).

Там же — рецензия С.Аверинцева «Верность здравомыслию» на книгу: Струве Н. Православие и культура. М., 1992.

Там же — рецензия А.В. на книгу: Литературная энциклопедия. München, 1991. Т.10 (репринтное воспроизведение корректуры невышедшего в 1930-е гг. тома).

Там же — рецензия А.Н. на второе издание книги: Kasack W. Lexikon der Russischen Literatur des 20. Jahrhunderts. München, 1991.

Огонек:

В № 42/43 — рассказ Д.Бурлюка «В заводе» (из сборника: Давид Бурлюк, отец русского футуризма. Новеллы. Нью-Йорк, 1929); вступительная заметка С.Тиминой.

Октябрь:

В № 10 — под заглавием «Жизнь стала веселее...» отрывки из дневника М.Пришвина 1936 г.; вступительные, подготовка текста, комментарий и публикация Л.А.Рязановой.

Уже первые публикации фрагментов пришвинского дневника, не входивших в его Собрания сочинений (наиболее полная подборка дневников 1905-1954 гг. была представлена в последнем томе Собрания сочинений в 8 т., вышедшем в 1986 г.), произвели ошеломляющее впечатление. В 1991 г. издательство «Московский рабочий» взялось за издание полного текста Дневников в 6 т., но за прошедшие три года вышло только два тома. Тем временем идет активная распечатка дневника в журналах и газетах. Этому, конечно, нельзя было бы не радоваться, если бы эти публикации не готовились с поспешностью и поверхностностью, противоречащей не только энциклопедическим и филологическим нормам, но и самому духу пришвинского текста.

В дневнике писателя, жившего в 1936 г. в отдалении от центров литературной жизни (и в прямом, и в переносном смысле этого слова), записи о литературных встречах не так часты (В.Шкловский, Р.Иванов-Разумник, Б.Пастернак, А.Толстой). Не часты упоминания и реалий общественно-литературной жизни времени. Но среди них такие, как принятие сталинской Конституции и «реабилитация» елки, публикация «Улисса» Джойса и «Идиотии» вокруг «Богатырей» Д.Бедного, выход книги А.Жида о СССР, и др. Все это не привлекло внимания публикатора, полностью проигнорировавшего эти знаменательные для 1930-х гг. факты. Зато отмеченным комментарием оказался тогдашний директор Детиздата Г.Е.Цыпин: «Возможно, имеется в виду Цыпин Г.М. — автор книг о музыкантах». Это «пояснение» выглядит тем нелепее, что материалы Первого совещания по детской литературе, на котором выступали Цыпин и Пришвин, не только опубликованы (см.: Комсомольская правда. 1936. 15-23 января; Детская литература. 1936. № 1-4), но и описаны в пришвинской библиографии (Русские советские писатели: Прозанки: Биобиблиогр. укл. Л., 1964. Т.3. С.712).

Антисталинские высказывания щедро рассыпаны по дневнику. Трудно удержаться от цитат. Сколько, например, может сказать об иллюзии и реальности 1930-х гг. и о позиции Пришвина хотя бы такая запись: «О конституции говорят, как было при весте о конце РАППа. Все на словах, а сами рапповцы сели на хорошие места, и вот погодите... Так теперь же: какая же свобода, если ведет все по-прежнему партия? Как будто партия есть нечто вовсе неизменное. <...> А я думаю, что перемена коснется и нас, писателей, должно быть уже по тому одному, что в деле послушания, молчания и лжи дошли до последнего предела». (А.Ю.Галушкин)

Там же — продолжение книги Д.Мережковского «Иисус Неизвестный». Начало в № 11/12 за 1992 г. и № 1-9 за 1993 г.

В № 11 — продолжение романа М.Алданова «Начало конца». Начало в № 7,8.

Там же — статья Л.Алексеевой «Десять лет спустя: Об одной неоткрытой выставке В.Маяковского».

Десятилетний юбилей смерти Маяковского — событие в литературной жизни 1930-х гг. не менее, пожалуй, заметное, чем 100-летие смерти Пушкина в 1937-м. Выход в 1940 г. мемуарных и исследовательских книг о Маяковском и развернувшаяся вокруг них полемика вернула литературную общественность к, несколько забытым после «диску-

ссии о формализме и натурализме» 1936 г. вопросам о месте и роли футуризма в истории советской литературы.

В статье Л.Алексеевой, основанной на материалах РЦХИДНИ (протоколы Политбюро ЦК), ГА РФ и ГЛМ, восстанавливается история несостоявшейся юбилейной выставки поэта. Вокруг идеи организации выставки в 1940 г. объединились соратники и исследователи творчества поэта: А.Веснин, В.Дувакин, А.Бромберг, Н.Удальцова, С.Адлинкини, А.Родченко, В.Фаворский, В.Чуйков, В.Перцов, Н.Харджиев, А.Феаральский, Г.Винокур. Консультантами были назначены Л.Тимофеев и Л.Случевская.

«Засилие футуризма» отмечалось уже первыми рецензентами плана экспозиции К.Зелинским, Л.Тандитом и К.Козловым. На последовавшем за этим обсуждении в защиту футуристического прошлого Маяковского выступил Н.Асеев, к тому времени уже удостоенный Сталинской премии за поэму «Маяковский начинается»: «Дело в том, что задание правительства я понимаю так — показать Маяковского, как вырос, откуда, из каких сил сложился и какую помощь нам оказывал, какую роль играл. Совсем не нужно делать вид, что ни Бурлюка, ни Хлебникова не было, никаких футуристов не было. Я принимаю на себя. Пускай футуристом буду». Особой резкостью отличались и другие критические замечания Н.Асеева: «Ошибка заключается в том, что авторы проекта все стеснялись и боялись показать Маяковского в его полный рост. <...> И здесь вся выставка так — В.И.Ленин и И.В.Сталин, а при них Маяковский. Неправильно! Революцию делали люди, и Маяковский в том числе. Не надо делать церковь, куда люди придут, помолвятся и уйдут. Здесь же ничего не остается. Обыкновенный писатель, который представлен тем, что приехал Ленин, а он написал три поэмы! <...> Никто не говорит — создайте историю партии по Маяковскому. Выставка Маяковского — не история партии».

Выставка, однако, была «сбракована» Управлением агитации и пропаганды ЦК как «контрреволюционная и вредительская» (О.В.Маяковская, в частности, на одном из просмотров заметила портрет репрессированного Мейерхольда и такие издания как «Газета футуристов» и «Искусство коммуны»). (А.Ю.Галушкин)

Отечественная история:

В № 6 — под заглавием «Выдающийся деятель русской культуры» отчет А.И.Володина о конференции, посвященной 150-летию Н.К.Михайловского (Москва, 22 декабря 1992 г.)

Отечественные архивы:

В № 6 — заметка З.В.Бушмелевой «О Никите Шкловском — сыне писателя» (приведены упоминания о сыне в письмах В.Шкловского за 1941-1943 гг.)

Охота и охотничье хозяйство:

В № 9 — под общим заглавием «Белый и Блок о России» стихотворения А.Белого «Русь», «Родине» и «Родина» и А.Блока «Русь», «Россия» и «Коршун»; предисловие Н.Банникова.

Подъем:

В № 10 — начало публикации романа Н.Зарудина (1899-1937) «Тридцать ночей на винограднике»; предисловие редакции.

Простор:

В № 10 — повесть Г.Д.Гребенщикова «Ханство Батырбека»; предисловие редакции.

Работница:

В № 10 — под заглавием «Шкатулка с секретом» фрагмент воспоминаний Н.Плевицкой; вступительная статья И.Ракиши.

В № 11 — стихотворения И.Бунина «О счастье мы всегда лишь вспоминаем...», «Не видно птиц...», «Песня», «Одиночество».

Родина:

В № 11 — статья Ю.Пивоварова «Представляю журнал «Современные записки»: Россия в изгнании» (в частности, о сотрудничестве с этим журналом П.М.Бицилли).

Там же — статья П.Бицилли «Нация и государство» (Современные записки. 1929. № 38); публикация Ю.Пивоварова.

Там же — под заглавием «После России» фотопроизведения портретов деятелей русской культуры из

коллекции Е.А.Ляцкого (в том числе К.Бальмонта, Б.Зайцева, А.Ремизова, И.Шмелева), а также статья Л.Кишкина о Е.Ляцком и его архиве.

Россия и современный мир:

В № 2 — в рубрике «Русские писатели и мыслители о полезном труде и личной выгоде» отрывки из дневника М.Пришвина 1930 г.

Там же — статья Л.В.Пономарева ««Евразийство»: Его место в русской и западно-европейской историко-философской традиции».

Там же — реферат Ю.Д.Жмакина на книгу: Ignatov A. Der «Eurasismus» und die Suche nach einer Neuen Russischen Kulturidentität. Köln, 1992.

Там же — заметки М.М.Голубкова «Новый журнал» по истории этого издания.

Там же — продолжение библиографического указателя ««Русская идея» вчера и сегодня: (Данные о русской эмигрантской и зарубежной литературе)»; составитель И.Л.Беленький. Начало в № 1.

Русская речь:

В № 6 — в рубрике «Антология поэзии «серебряного века»» подборка стихотворений Г.Галиной (псевдоним Г.А.Эйнерлинг; 1873-1942); предисловие Н.В.Банникова.

Там же — подборка стихотворений Б.Поплавского; вступительная статья Л.М.Грановской «Стихи Бориса Поплавского».

Там же — заметка А.А.Шунейко «Волчий билет» (об употреблении фразеологизма «волчий билет» в произведениях М.Булгакова, М.Волошина, Б.Пильняка, Саши Черного).

Русская словесность:

В № 5 — статья А.А.Шахматова «Чем должен дорожить университет?» (1920), сопровождаемая подборкой из воспоминаний 1920-1921 гг. о А.Шахматове Б.М.Соколова, П.Н.Сакулина, Д.К.Петрова, П.А.Росторгуева и С.Ф.Ольденбурга; предисловие редакции.

Там же — воспоминания А.Ф.Кони «Федор Михайлович Достоевский» (печатаются по кн.: Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Т.6); предисловие и комментарий В.А.Скибы.

Там же — статья Е.Ф.Глебовой «и др.» (так!) «На уроках русской словесности: (Из опыта нижегородских педагогов)» (в частности, о рассказе А.Платонова «Любовь к родине, или Путешествие воровья»).

Там же — очерк М.Н.Баженова ««Свою меж вас еще оставив тень...»: (Москва и москвичи в судьбе Анны Ахматовой)» (в частности, о встрече А.Ахматовой и М.Цветаевой в 1941 г., взаимоотношениях А.Ахматовой и М.Булгакова).

Там же — заметки А.Ф.Маркова «На прилавке букинистического магазина»; предисловие редакции, эпиграф из А.С.Пушкина.

Первая из заметок известного коллекционера («А.И.Куприн: «Горжусь твоей дружбой») посвящена взаимоотношениям А.Куприна и Ф.Д.Батюшкова. По автографу из собрания автора цитируется письмо А.Куприна Ф.Г.Беренштаму от 10 января 1907 г., по копии из частного собрания (С.-Петербург) — письмо от 28 января того же года (по поводу удачного приобретения по рекомендации Ф.Батюшкова щенка). Вторая заметка («Лохвицкую называли «Русской Сафо») повествует о взаимоотношениях М.Лохвицкой с К.Бальмонтом. Воспроизводятся, в частности, две дарственные надписи поэтессы на книги, подаренных ею в 1897 и 1898 гг. матери К.Бальмонта В.Н.Бальмонт (из собрания А.Маркова), а также дарственная надпись М.Лохвицкой К.Бальмонту 1896 г. (из фондов РГБ).

Там же — поэма Д.Мережковского «Протопоп Аввакум»; в качестве предисловия статья О.В.Дефье «Путь к гармонии: (Д.С.Мережковский)».

Там же — анонимные аннотации на книги: Русская поэзия «Серебряного века». 1890-1917: Антология. М., 1993; Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992; Голубков С.А. Гармония смеха: Комическое в прозе А.Н.Толстого. Самара, 1993; Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М., 1992.

Русский язык за рубежом:

В № 4 — статья Т.Лахузена «Евгений Замятин: Теория энтропии и литературный дискурс» (преимущественно на материале рассказа «Дракон»).

Русь:

В № 10 — отрывок из мемуарной книги А.А.Золотарева (1879-1950) «Самро santo моей памяти» (1935-1949); предисловие «Рукопись, извлеченная из архива» А.Аниковской и В.Хализева.

Там же — статья Е.Кудряшовой «Была ли персидская княжна?» (в частности, о посвященных Степану Разину романах А. Чапыгина и С.Злобина).

Там же — «святочный» рассказ Е.Руссат «В погоне за темой» (из журнала «Нива» за 1911 г.)

Север:

В № 11 — начало публикации романа В.Яновского (1906-1989) «По ту сторону времени» (впервые — Новый журнал. 1987-1988. № 166-170); предисловие и «Библиография В.С.Яновского» Ю.В.Линника.

Там же — под общим заглавием «К 160-летию со дня кончины Серафима Саровского» статьи Б.Зайцева «Около св. Серафима: (К столетию его кончины)» и И.Шмелева «Милость преподобного Серафима»; предисловие, публикация и комментарии А.Любомудрова.

Сельская молодежь:

В № 10 — статья Г.Газданова «О Гоголе»; публикация С.Никоненко.

Семья и школа:

В № 10/12 — под заглавием «Конец года» статьи С.Яблоновского о П.Стрепетовой (впервые — Русское слово. 1903. 6 октября), Зигфрида [Э.А.Старка] о наводнении в Петербурге (впервые — Петербургские ведомости. 1903. 14 ноября), эссе Н.А.Демчинского (впервые — Русь. 1903. 14 декабря).

Там же — анонимная рецензия на книгу: Северин Н. (псевдоним Н.И.Мердер, 1839-1906). Звезда цесаревны; Царский приказ; Тайный брак. М., 1993.

Славяноведение:

В № 6 — отчет С.Ш. «Международная конференция «Русский авангард в кругу европейской культуры»». Ср. отчет в № 4 «DV» за 1993 г.

Слово:

В № 9/12 — статья В.Кузнецова ««Блудный сын» Октября» о публицистике М.Горького периода революции, в частности, о взглядах писателя на «еврейский вопрос» (по материалам сборников «Статьи 1905-1916 гг.» и «Революция и культура: Статьи за 1917 г.»)

Смена:

В № 11 — статья Э.Розентала «Знаки и возглавия» о М.Волошине.

Социологические исследования:

В № 11 — статья А.И.К. «Новый журнал» о журнале «Начала» (в частности, о № 4 за 1992 г., посвященном евразийству).

Столица:

В № 40 — отрывок из романа В.Набокова «Ада» (1969); предисловие и перевод с английского С.Таска.

В № 41 — статья Н.Малинина «Князь и Маргарита: Love story в декорациях “серебряного века”» (о М.Морозовой и Е.Трубецком).

В № 42 — рецензия Н.Богомолова «Hommage a M.Gasparov» на книги: Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-1925 годов в комментариях. М., 1993; Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917. М., 1993.

Там же — заметка Н.Малинина «Миграции эмиграции» о конференции в Москве «Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940». Подробнее см. отчет в № 10 «DV» за 1993 г.

В № 43 — рецензия А.Ерохина «С диким совершенством» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

Там же — отрывки из книги поэта, философа, исследователя искусства Л.Корна (Л.Е.Фейнберга; 1896-1980) «Ave mirabile»; публикация В.Марковой и С.Прокофьевой.

В № 44 — статья Н.Малинина «Этот “противоречивый” В.В.: Заметки недоуменного с Первых Розановских чтений в Ельце». Подробнее см. отчет в № 1 «DV» за 1994 г.

В № 46 — статья А.Митрофанова «Золотая улица» об улице Качалова в Москве, где жили или бывали В.Брюсов, Л.Андреев, М.Горький, С.Есенин, В.Хлебников.

Там же — рецензия М.Смоляницкого «Пиррова победа: “Победа над солнцем” на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

Там же — в рубрике «Антресоли» (ведущий Н.Малинин):

заметка о памятнике А.Блоку в Москве;

сообщение о подготовке первого заседания Российского ученого литературоведческого совета (РГУ), посвященного «серебряному веку»;

информация о мадельштамовской выставке в Германии (организаторы — Литературный музей и Мандельштамовское общество);

информация о выходе в свет сборника «Русское литературное зарубежье» и первой части справочника «Писатели русского зарубежья». (1918-1940);

заметка о выставке «Всем вам, кто жил и умирал без страха», посвященной С.Эфрону и Белому движению, в Доме Марины Цветаевой в Москве.

Там же — рассказ А.Аверченко «Добрые калифорнийские нравы» из сборника «Караси и шуки» (1917); публикация Р.Соколовского.

В № 47 — рассказ А.Аверченко «Бедствие» (из книги «Веселые устрицы», 1911); публикация Р.Соколовского.

В № 48 — рецензия М.С. «Фанера» на спектакль «Шизофрения, как и было сказано» по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в Театре сатиры.

Там же — статья Н.Малинина «Черным по Белому» об А.Белом и посвященной ему конференции в ИМЛИ.

Форум:

В № 5 — статья С.Н.Булгакова «Война и русское самосознание»; публикация и предисловие А.Брежнева.

Человек:

В № 6 — статья А.Б.Фенько «Ностальгия» (в частности, о В.Набокове и М.Цветаевой).

Там же — под заглавием «Разговоры с Бахтиным: Петербург. Поэты» продолжение публикации записи бесед В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным; подготовка

текста В.Ф.Тейдер и М.В.Радзишевской, комментарии С.Г.Бочарова. Начало в № 4,5.

Рассказ об обстоятельствах знакомства с Вяч. Ивановым, В.Ходасевичем, Е.Поливановым, Н.Гумилевым, С.Городецким, деятельности общества «Omphalos», посещения Религиозно-философского общества. Высказывания о В.Брюсове, А.Белом, С.Соловьеве, А.Блоке, З.Гиппиус, Д.Мережковском, Д.Философове, М.Горьком, И.Анненском, А.Мейере.

Там же — под заглавием «Человек исключительных даров духа» окончание публикации глав из книги Д.С.Дарского «Розанов»; публикация А.Н.Богословского. Начало в № 5.

Там же — в рубрике «Поэты русского зарубежья — соотечественникам» подборка стихотворений Матери Марии; предисловие А.Н.Богословского.

Там же — статья В.Н.Терехиной «Женщина русского авангарда» об О.Розановой.

ГАЗЕТЫ

Век:

В № 40 — статья С.Рассадиной «Дядька Гилый» (о В.А.Гиляровском).

Ветеран:

В № 37 — статья В.Шлееса «В киевском доме Михаила Булгакова» (о Доме-музее писателя).

Вечерний клуб:

В № 227/228 — под заглавием «Анастасия Цветаева: "Что есть гений?"» фрагмент беседы Н.Леонтьева с А.Цветаевой (в частности, о В.Хлебникове, М.Волошине), а также ее стихотворение «Сюита оконная»; предисловие Н.Леонтьева.

В № 229/230 — рецензия М.Строевой «Воланд разбирается с дурацкой Москвой» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

В № 237/238 — заметка Н.Зимяниной «Прошел молебен памяти "зловредного идеалиста" Алексея Лосева» о Международной конференции в МГУ к 100-летию со дня рождения А.Ф.Лосева.

В № 241/242 — анонимная рецензия «Театр "K and K" побеждает солнце в Вене и на Таганке: Возвращение блудного футуризма» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

В № 249/250 — заметка У.Скойбеда «Черт знает, что творилось в субботу на Патриарших» о традиционном булгаковском празднике в Москве.

В № 253/254 — статья Ю.Безелянского «Наркотик Валерия Брюсова: Любимые женщины поэта» (об отношениях Брюсова с Н.Петровской, Н.Львовой, Адалис и др.)

В № 259/260 — статья Н.Зимяниной «Три любимые женщины монаха Андроника» о судьбе и творчестве А.Ф.Лосева, а также публикация высказываний А.Ф.Лосева, записанных В.В.Бибихиным и А.Бабуриным.

В № 261/262 — заметка О.Фукс «Николай Заболоцкий и фарисей» о праздновании в Русском лицее (Трубниковский пер.) 90-летия со дня рождения поэта и о его жизни после возвращения из лагеря.

В № 269/270 — под общим заголовком «Поздние раскаяния композитора Богословского» стихотворение Н.Олейникова «Прощание» («Два сердитые субъекта расставались на Расстанной...») и «Послесловие» Н.Богословского.

Почти десять лет назад, 2 декабря 1983 г., в № 49 газеты «Литературная Россия» известный композитор, народный артист СССР Н.В.Богословский опубликовал стихотворение «Прощание». В сопроводительной к нему заметке говорилось, что стихи эти были сочинены Николаем Олейниковым в 1933 г. экспромтом и подарены публикатору, но список утерян и поэтому публикуются они по памяти.

Ныне в «Вечернем клубе» Н.В.Богословский признал в своей мистификации, утверждая, что эти стихи были написаны им самим. Поверить в это нетрудно: налицо явные ритмические, стилистические, интонационные и прочие

расхождения этого текста с текстами, бесспорно принадлежащими Олейникову, и, прежде всего, иной характер юмора: вместо характерной комической серьезности — изобретательная шутовщина в духе «Клуба 12 стульев» («Был один субъект — девица, а другой был непрестанно / Всем своим лицом приятным от серженя полосат»). Тем не менее, мистификация удалась, и текст «Прощания» был благополучно включен в два сборника Олейникова: Перемена фамилии / Сост. В.Глоцер. М., 1988. С.19-20; Пучина страстей / Вступит. ст. Л.Я.Гинзбург и А.Н.Олейникова; Сост., подгот. текста и примеч. А.Н.Олейникова. Л., 1991. С.141-142. Причем в последнем издании имеется ссылка А.Н.Олейникова не только на две предыдущих публикации, но и на «список ЛО» (т.е. копии со списков, изготовленных вдовой поэта Л.А.Олейниковой с его автографов — причем как автографы эти, так и списки утрачены, см.: Пучина страстей. С.241-242).

В телефонном разговоре с нами Н.В.Богословский полностью и весело свое авторство подтвердил; В.И.Глоцер же отрицал факт своего знакомства со «списком ЛО» (по которому, если верить комментарию А.Н.Олейникова, стихотворение было перепечатано в сборнике «Перемена фамилии»).

Остается лишь в очередной раз подивиться тому, какие посмертные шутки продлевают обриту и «чинари» (ведь Олейников, строго говоря, обринутом не был) со своими публикаторами, и задаться вопросом: кто же лучше пошутит? (А.Г.Г.)

Вечерний Петербург:

В № 224 — под заглавием «...Мне музыка вздымает волосы» стихотворения А.Присмановой (1892-1960) «Жемчужина», «Служение», «Бабушка», «Труба» (1946), «Музыка», «Настоящий вонтель является пущенным мясом...» (1935); вступительная статья С.Ивановой.

В № 226 — рецензия О.Быковой «Отцвели уж давно...» на спектакль «Маков цвет» по пьесе З.Гиппиус, Д.Мережковского и Д.Философова в Александринском театре.

В № 229 — под заглавием «Совершенно неважно, ушла я от него или не ушла» интервью с Л.Абрамовой-Высоцкой (в частности, о Н.Мандельштам и судьбах других жен русских поэтов); беседу вел М.Рутман.

В № 234 — под заглавием «Где похоронен Н.Гумилев?» запись беседы с И.Б.Запаладовым; записал Ю.Горинов.

Вечерняя Москва:

В № 206 — статья Г.Сафневой «Путешествие по Переделькино с посохом и памятью» (в частности, о Б.Пастернаке в последние годы жизни).

В № 214 — статья Д.Шеварова «Чуковская осень» о публикации в журнале «Нева» II тома записок Л.Чуковской об А.Ахматовой.

Там же — рецензия Д.А. «Визит Сатаны» на спектакль «Шизофрения, как и было сказано» по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в Театре сатиры.

В № 216 — заметка М.Чикина «Картина Репина: Не ждали» о портрете К.Чуковского кисти И.Репина (1910).

В № 221 — рецензия Н.Лагиной «С любовью о любви...» (Драмбалет «Натали» в театре «О'Кей») на спектакль по рассказу И.Бунина.

Голос Родины:

В № 40 — под заглавием «Новороссийск» окончание публикации фрагментов романа Н.Н.Раевского «Рыцари судьбы». Начало в № 38,39.

В № 40, 41/42 — окончание статьи Л.Ермиловой «И тебе говорю, Америка...» о С.Есенине. Начало в № 39.

В № 41/42 — под заглавием «Вот судьба: Неизвестный автограф В.В.Шульгина» письмо Шульгина к В.А.Степанову от 6(19) января 1919 г. (впервые опубликовано в канадской газете «Вестник»); публикация В.Бортневского.

Там же — под заглавием «Родина в горе родней» стихотворения М.Волковой (1902-1983) «Крылья», «Страна отцов», «Илья»; предисловие редакции.

В № 44 — под заглавием «Последние годы» отрывки из книги Н.Берберовой «Чайковский: История одинокой жизни» (Берлин, 1936); предисловие от редакции.

Там же — рецензия Н.Яковлевой на книги: Письма Елены Рерих: 1932-1955. Новосибирск, 1993; Писатели русского зарубежья. 1918-1940: Справочник. М., 1993. Ч.1; Русское литературное зарубежье: Сборник обзоров и материалов. М., 1993. Вып. 2.

В № 46 — статья К.Ковальджи «Божья сила» об А.И.Гветаевой и ее письмо к К.Ковальджи от 31 мая 1993 г.

Гражданин России:

В № 11 — статья В.Смирнова «Смысл, раскаленный добела: О лирике Георгия Иванова» и под заглавием «Стихи разных лет» стихотворения поэта 1925-1958 гг. «Я люблю эти снежные горы...», «На один восхитительный миг...», «Здесь в лесах даже розы цветут...», «Теперь тебя не уничтожат...», «Мне весна ничего не сказала...».

В № 12 — очерк Г.Иванова «Закат над Петербургом» (1953) и его стихотворения «Свободен путь под Фермопилами...», «Лунатик в пустоту глядит...», «Эмалевый крестик в петлице...», «Балтийское море дымилось...»; предисловие редакции.

Деловой мир:

В № 220 — рецензия Г.Вирена «Воланд снова в Москве. На Юго-Западе» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

Домашнее чтение:

В № 24 — статья Н.Сидориной «Все мне чудится тихий раскованный звон...» о С.Есенине.

Там же — статья И.Михайлова и Н.Е.Арефьевой «Михаил Михайлович, разреши представиться...» (о музее М.Зошенко в Петербурге).

В № 25 — рассказ А.Куприна «Заклятие»; публикация О.Фигурновой.

В № 26 — под заглавием «Мои встречи с Россией: Иван Бунин» глава из книги Этторе Ло Гатто «Мои встречи с Россией»; анонимное предисловие Этторе Ло Гатто и русская культура».

Там же — републикация анонимной заметки «Вручение Нобелевской премии И.Бунину» (Новая заря. 1933. 20 декабря).

Там же — рассказ И.Бунина «Красный генерал» (1924); публикация И.Хабарова.

В № 27 — стихотворение К.Бальмонта «Тургенев — первая влюбленность...» (к 175-летию со дня рождения И.С.Тургенева).

В № 28 — очерк К.Бальмонта «Как я не украл» (Иллюстрированная Россия. Париж, 1924. № 4); вступительная заметка и публикация В.Приходько.

Домострой:

В № 40 — под заглавием «Родина» фрагмент из повести А.Ф.Лосева «Жизнь» (1941); предисловие редакции.

В № 41 — «Слово о погибели Русской земли» А.Ремизова (печатается по альманаху «Скифы», 1918); предисловие редакции.

В № 46 — рассказ В.Севского (псевдоним В.А.Краснушкина) «Год спустя» (впервые — Приазовский край. Ростов, 1919. 19 мая/1 июня); публикация и послесловие А.Кручинина.

Там же — к 100-летию со дня рождения А.Ф.Лосева под заглавием «Путь к цельному знанию» фрагменты записи беседы Ю.Ростовцева с А.Ф.Лосевым (1981 г.)

Иерусалимские вести:

В № 17 — статья Л.Юниверга «Иерусалимский клуб библиофилов» (в частности, о редких книгах А.Эфроса, А.Платонова, М.Горького, Ю.Арцыбашева и Белоцветова).

Известия:

В № 188 — статья К.Кедрова «Поэт, обманувший время» об А.Введенском.

В № 202 — статья А.Шальнева «Николай Рерих не был агентом ОГПУ: Свидетельствуют документы из секретных архивов разведки».

В № 220 — статья С.Краюхина ««Тихий Дон» из спецхрана: Развеем еще одна литературная мистификация».

Восторженная статья написана в связи с открытием, сделанным в библиотеках (или библиотеке?) С.-Петербурга: старший научный сотрудник Пушкинского Дома, кандидат филологических наук В.Н.Запесалов нашел книгу И.Родионова «Тихий Дон» (1914). Переиздание книги донского писателя (см.: Родионов И.А. Тихий Дон / Предисл. В.Н.Запесалова. СПб., 1994. Studiorum Slavicorum Monumenta. Т.4) позволяет, по мнению автора статьи, «вычеркнуть его (Родионова) имя из списка потенциальных авторов шолоховского романа». И.Родионов, однако, в статье аттестуется как «генетический предшественник М.А.Шолохова» и литератор, достигший «европейской писательской славы». Не имея возможности проверить точность первой характеристики, позволим себе усомниться в справедливости второй, показавшейся нам несколько преждевременной.

Иностранец:

В № 20 — статья Н.Ажгихиной «Американская зачка Елена Якобсон» (в частности, об ее отце, А.А.Жемчужном, авторе книги рассказов «Хорунжий Сергиенко», вышедшей в 1930-е гг. в Харбине, и ее матери З.Жемчужной, авторе мемуарной книги «Пути изгнания»).

Книжное обозрение:

В № 40 — анонимная заметка «Ты Восток наш с Россией связал» о Ташкентском музее С.А.Есенина и музейной газете «Мир Есенина». Обзор пяти первых номеров этой газеты см. в № 3 «DV» за 1993 г.

Там же — статья Р.Мошинской «Роман ужасов и Маргарита» о книге Э.Барстоу «Маргарита» (СПб., 1992; впервые — в качестве приложения к журналу «Родина», СПб., 1911) как об одном из источников романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита».

Там же — статья С.Лесневского «Прорыв в бессмертие» о книжных новинках, в частности, о книгах: Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П.Козьмина. М., 1991. Т.1 (первое издание — 1928 г.); Российский архив. М., 1993. [Вып.] IV (посвящен М.О.Меньшикову).

Там же — информация Ю.Л.Шеняевского о выходе в свет подготовленной им книги: Чюрленис в русской поэзии. [СПб., 1993].

В № 41 — в рубрике «Спрашиваем — отвечаем» биографическая справка об Н.Я.Агнивцеве.

Там же — рецензия А.Финаева «Пять к одному: Русская рулетка» на книгу: Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992.

Там же — под заглавием «Кристин, дочь Лавранса и подруга Марины» отрывок из работы Л.Кертмаи «Непроизнесенное слово Марины Цветаевой» о роли книги «Кристин, дочь Лавранса» норвежской писательницы С.Унсет в жизни и творчестве М.Цветаевой.

В № 42 — статья Г.М.Бонгард-Левина «Бедный К.Д.Бальмонт» об ошибках при публикациях произведений поэта, допущенных Э.Штейном (см.: ДУ. 1994. № 1/2. С. 121) и В.Крейдом (в книге: Бальмонт К. Светлый час. М., 1992).

Там же — статья И.Гривниной «Дети Ахматовой» (об отношении А.Ахматовой в 1950-е гг. к И.Бродскому, Е.Рейну, А.Кушнеру и др. молодым поэтам).

Там же — статья Л.Озерова «Библиотека и музей с филиалом у тещи» о библиофиле Г.М.Абольшине, создателе домашнего музея Б.Л.Пастернака.

Там же — рецензия М.Скороходова «Трава под ногами» на книги: Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992; Она же. Последний Лель. М., 1993.

Там же — объявление о подготовке в издательстве «Голос» Полного собрания сочинений С.Есенина в 8 т.

В № 43 — некролог Л.В.Горнунгу; автор — Л.Озеров.

Там же — под заглавием «О самом глубоком и самом тайном...» подборка стихотворений М.Зенкевича 1910-х — 1960-х гг.; предисловие, публикация и подготовка текста С.Зенкевича.

Там же — заметка В.Глоцера «Хармсу это не нужно» о современных изданиях поэмы В.Буша «Плих и Плюх» в переводе Д.Хармса, выходящих без указания имени автора поэмы; в тексте заметки приводится неопубликованное письмо Д.Хармса директору Госиздата Г.Цыпину (середина 1930-х гг.)

В № 44 — заметка П.Негретова «Судьба книги А.Д.Гриневицкой» о книге А.Д.Гриневицкой (1877-1949) «В.Г.Короленко в Нижнем Новгороде», тираж которой был уничтожен в 1949 г.

Там же — в рубрике «Новости без комментариев» сообщения Б.Аникина об открытии памятника А.Блоку работы О.Комова в Москве и о новой инсценировке «Мастера и Маргариты» М.Булгакова в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль) и Булгаковском празднике на Патриарших прудах.

Там же — заметка А.Обриза «Шолоховский Мелехов возвращается» о готовящемся к изданию в декабре 1993 г. продолжении романа М.Шолохова «Тихий Дон» — повести В.Скворцова «Григорий Мелехов».

В № 45 — анонимная заметка «Пишется продолжение “Доктора Живаго”» о подготовленном к выпуску английским писателем А.Молином продолжении романа Б.Пастернака под названием «Дочь Лары».

Там же — в рубрике «Новости без комментариев» сообщение Б.Аникина о конференции по творчеству А.Белого в ИМЛИ РАН.

Там же — статья Е.Немировского «Сколько книг нужно России?» (в частности, о выпущенных на русском языке за рубежом сборнике «Марина Цветаева: Статьи и тексты», монографии С.Ельницкой «Поэтический мир Цветаевой», Собрании сочинений Ф.Сологуба).

В № 46 — статья А.Кузичевой «Лакшин» (в частности, о работах В.Лакшина, посвященных М.Булгакову).

В № 47 — статья Л.Озерова «Спутник, притом вечный» о Ф.Тютчеве (в частности, о работе

А.Ахматовой над предисловием к книге ее избранных стихотворений 1963 г., ее отношении к Ф.Тютчеву).

Коммерсант-Daily:

В № 199 — рецензия П.Поспелова «Европейские будельяне победили русских футуристов» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

Там же — заметки Е.Даниловой «Зазежий музыкант пишет автобиографию» (в частности, о книге: Русская поэзия «серебряного века». М., 1993).

В № 209 — заметки Е.Даниловой «Между кавалером и героем — дистанция огромного размера» (в частности, о книге: Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993).

В № 211 — рецензия М.Смоляницкого «Роман Булгакова в клинику профессора Стравинского не попал» на премьеру спектакля «Шизофрения, как и было сказано» по «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль).

В № 212 — рецензия Л.Юсиповой «Среди темных аллей российского антрепренера» на премьеру спектакля «Натали» по рассказу И.Буннина в театре «О'Кей» (режиссер М.Лавровский).

В № 214 — заметка Н.Сиповской «На торги в Женеве выйдет портрет работы Репина» об очередных «русских» торгах в Женеве (в частности, о выставленном портрете К.Чуковского работы И.Репина, 1910).

Там же — заметки Е.Даниловой «Любовь не спасла Толстого, но могла спасти Мандельштама» (в частности, о книге: Поляновский Э. Гибель Осипа Мандельштама. Париж; СПб., 1993).

В № 219 — анонимная заметка «На “Акции” будет представлен инскрипт Александра Блока» о неизвестной ранее дарственной надписи Блока на книге «Соловьинный сад» (С.Г.Каплун, 1918), выставленной на антикварном аукционе «Акция» в Москве.

Там же — заметки Е.Даниловой «“Высшая школа” выпустила “Цветы зла”» (в частности, о книге: Воспоминания о серебряном веке. М., 1993).

В № 224 — заметки Е.Даниловой «Добродетель музе не подруга» (в частности, о посвященной «делам» Бабеля, Кольцова, Мейерхольда и др. книге: Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993).

В № 227 — статья Н.Климонтовича «За океаном решили издать “Советскую энциклопедию”» (о проекте издания «Краткой энциклопедии советской цивилизации»).

Комсомольская правда:

В № 186 — стихотворение М.Цветаевой «Твой знамена — не мои...»

В № 200 — статья Ю.Водзаковской «Портрет жены художника» (о Е.Рерих).

Крестьянские ведомости:

В № 47 — рассказ В.Шишкова «Колдовской цветок».

Культура:

В № 38 — анонимная заметка «“Марк Рич” и письма Пастернака» о передаче более двух десятков писем Б.Пастернака и А.Ремизова швейцарской фирмой «Марк Рич» в дар ИРЛИ.

Там же — под заглавием «Александр Кизеветтер: Ведь я тобой сыновей связью связан!» два отрывка из воспоминаний А.А.Кизеветтера; предисловие В.Нечаева.

В № 42 — рецензия Л.Долгачевой «Победа над солнцем?» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем»;

поставленной австрийским театром «К & К» (режиссер Д.Кауфман).

Там же — рецензия О.Игнатюк «Мастер и Черная королева» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

В № 45 — заметка М.Шашковой «Возвращение» о «Словаре русских зарубежных писателей», вышедшем в Нью-Йорке в издательстве «Норман Росс», и о его составителе В.Ф.Булгакове.

Куранты:

В № 191 — заметка Л.Масловой «Загадочная судьба» к 100-летию со дня рождения С.Я.Эфрона.

В № 192 — рецензия Т.Исканцевой «Возвращение футуризма» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «К & К» (режиссер Д.Кауфман).

В № 202 — под заглавием «Во всем виноват... Владимир Соловьев» отклик Евг. Бена на резкую критику В.Соловьева Л.Савельевым (Москва. 1993. № 8).

В № 222 — рецензия Т.Исканцевой «Сам сатана велел» на спектакль «Шизофрения, как и было сказано» по «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль).

В № 227 — под заглавием «Он по звездам стрелял» заметка А.Белого, содержащая краткие характеристики К.Бальмонта, В.Брюсова, Д.Мережковского, Вяч. Иванова, Б.Зайцева, В.Лидина (предположительно датируется 1917 г.); предисловие и публикация Евг. Бена.

ЛГ-Досье:

В № 11/12 — рассказ М.Булгакова «Морфий» (1927); предисловие редакции.

Литература:

В № 27/28 — эссе Ю.Томашевского «Зощенко, который не смеялся».

Там же — под общим заглавием «Слово о Зощенко» отзывы о писателе его современников (включая И.Сталина и А.Жданова).

В № 31/32 — статья А.Чернышева «Алданов и его роман "Начало конца"».

Литературная газета:

В № 41 — под заглавием «То ли мы еще видели...» фрагменты из дневников Л.Я.Гинзбург 1927-1989 гг.; предисловие А.Кушнера «Из дневников Лидии Гинзбург».

Публикация новых фрагментов (посвященных, в частности, К.Чуковскому, В.Шкловскому, А.Ахматовой, Ю.Тынянову, Б.Пастернаку, О.Мандельштаму, М.Цветаевой и др.) в очередной раз заставляет пожалеть о том, что, по-видимому, издания полного текста дневника Л.Гинзбург придется ждать еще довольно долго. И дело не только в его объеме и в сложности комментирования, но и в текстологии. Тексты, публиковавшиеся Л.Гинзбург, проходили довольно существенную авторедактуру, о чем, к сожалению, не упоминается ни в одной из известных нам посмертных публикаций — даже во вполне академически подготовленной «новомирской» публикации А.П.Чудакова (1992. № 6). О необходимости текстологически подготовленного издания свидетельствует и новая публикация: некоторые фрагменты близки к уже опубликованным, а запись о выступлении О.Мандельштама в редакции «Литературной газеты» с чтением новых стихов датирована (автором? публикатором?) январем 1931 г. — между тем, известно, что состоялось оно в январе 1932 г. (А.Г.)

В № 42 — под заглавием «Печальный сюжет» письмо в редакцию В.Огнева по поводу отклика Ц.Воскресенской («Литературная газета. 1993. № 37») на публикацию своих «Фрагментов о Пастернаке» (Там же. 1993. № 35).

В № 43 — заметка Н.Ивановой-Гладищичевой «Здравствуйте, Александр Блок!» об открытии памятника поэту в Москве (скульптор О.Комов).

В № 44 — статья С.Рассадина «Продажные и заподанные» о рыночных отношениях в литературе (в частности, на примере из жизни О.Мандельштама и В.Маяковского).

Там же — статья Н.Лейдермана «Старый портфель со стихами: Лирический дневник бывшего ээка» о книге Я.Зунделовича (1893-1965) «Стихи разных лет» (Екатеринбург, 1993) и о его жизни и трудах.

Там же — заметка Н.Ивановой-Гладищичевой «Монах Андроник, или Тайна профессора Лосева» о проходившей в МГУ научной конференции «А.Ф.Лосев: Философия, филология, культура», посвященной 100-летию со дня рождения философа.

Там же — заметка В.Радишевского «Пустите Патрицию в Европу! Прощание с Маяковским» о вечере, посвященном 100-летию со дня рождения В.Маяковского, в Концертном зале им. П.И.Чайковского.

Там же — статья К.Азадовского «Как сжигали Серебряный век» (в сокращении) об уничтожении изъятых КГБ у автора в 1980 г. книг и фотографий русских писателей «серебряного века».

В № 45 — статья С.Липкина «Один из нашего поколения» о поэте П.Кроле, погибшем в 1941 г.; публикуются стихотворения П.Кроля «Школьницы, молочницы, бродяги...» (1932?), «Три месяца томится узник...» (1937?).

Там же — отклик Г.Анджапаридзе «Новое в зомбиоведении» на оценку Р.Арбитманом общественной позиции М.Булгакова («Литературная газета. 1993. 29 сентября»).

В № 46 — рецензия К.Ваншенкина на публикацию «Судьба и стихи Леонида Каннегисера» (Наше наследие. 1993. № 25).

Там же — заметка С.Лесневского «Дитя Арбата» о Международной научной конференции, посвященной А.Белому, в ИМЛИ РАН. См. подробнее отчет в настоящем номере «DV».

Там же — статья В.Радишевского «Модильяни рисует Ахматову» (по поводу публикации в № 4000 «Русской мысли» — см. ниже).

Там же — под заглавием «Продолжение судьбы Григория Мелехова» анонс повести В.Скворцова «Григорий Мелехов», являющейся «продолжением» романа М.Шолохова «Тихий Дон».

В № 47 — статья Л.Наврозова «“У нас этого читать не будут”, — заявляют американские издатели» о восприятии русской литературы XX в. на Западе (в частности, о М.Пришвине, М.Шолохове, И.Бунине, Е.Замятине, А.Платонове, В.Набокове, Б.Пастернаке).

Литературная Россия:

В № 36 — заметка Э.Зиновенко «Посвящено Сергею Есенину» о Международной Есенинской конференции в ИМЛИ РАН. Подробнее см. отчет в настоящем номере «DV».

Там же — анонимная заметка «Я песней ткал судьбу, миров...» о торжествах, посвященных 100-летию А.Ганина в г.Сокол и с.Архангельском Вологодской обл.

В № 38 — рецензия А.Казакова «Завещание Павла Флоренского» на книгу: Флоренский П. Детям моим: Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992.

Там же — два стихотворения А.Цветаевой; вступительная заметка Н.Леонтьева.

Там же — анонимная заметка «Праздник сына России» о «Есенинском празднике» в с.Константиново.

В № 40 — статья Т.Марченко «Солнце мертвых и живых» о Вторых Шмелевских чтениях в Алуште. См. подробнее отчет в № 11 «DV» за 1993 г.

В № 42/43 — анонимная рецензия «Поэт или черный человек?» на книгу: С.А.Есенин: Материалы к биографии. М., 1992.

Литературные новости:

В 47/48 — некролог Н.Берберовой; автор — Н.Климонтович.

Там же — статья М.Капустина ««Неистовая страсть» Марины Цветаевой» (любовь в жизни и творчестве М.Цветаевой).

Там же — воспоминания Ю.Денисова «Шутки Светлова».

В № 49 — заметка Н.Докучаева «Серафимович — тоже хороший человек» в защиту писателя от критики (Приложение к газете «Первое сентября». 1993. № 5).

Там же — рассказ И.Потапенко «Подарок» (в сокращении); вступительная статья В.Капианидзе «Ушедший и забытый».

В № 50 — рассказ А.Аверченко «Спорт» (впервые — Меч. Харьков, 1907. № 1); публикация С.Цыпина.

В № 51/52 — статья В.Литвинова «Маяковский: Жизнь, любовь, смерть» о публикациях к 100-летию поэта В.Турбина, С.Рассадиной, Б.Янгфельдта, М.Розановой, Б.Галанова, Ю.Безежковского и др.

Там же — статья А.Петрова «Зощенко: Осень классика» о последних годах жизни писателя.

Там же — статья С.Городецкого «Карабах» (впервые — Кавказское слово. 1919. 23 марта); публикуется в № 1 газеты «Армянская Ассамблея» (Москва).

Там же — статья К.Ковальджи «Век ее светлый» об А.И.Цветаевой.

Там же — под общим заглавием «Последний леопард русского авангарда» подборка материалов А.Е.Крученых; публикация Ю.Денисова и С.Сухопарова.

Подборке предшествует жанрово расплывчатый текст, предположительно атрибутируемый нами одному из публикаторов, Ю.Денисову, и представляющий собой нечто промежуточное между обзором опубликованных воспоминаний об А.Крученых и собственными впечатлениями о встречах с поэтом в 1960-е гг. Наиболее интересны публикуемые отрывки из стенограммы «Выступление на вечере, посвященном обсуждению поэмы Николая Асеева «Маяковский начинается?» (8 декабря 1936 г.) с воспоминаниями А.Крученых о раннем футуризме и встречах с В.Маяковским в 1912-1915 гг. Публикуется также сказка (?) А.Крученых «Брожу на козогоре...» (без даты) и два стихотворения «1914-1924: Вольный перевод с немецкого» (1925) и «Весна с двумя угощениями» (1925).

Московская правда:

В № 190 — рецензия М.Хализевой «Булгаковский роман продолжает приносить сюрпризы» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белжкович).

В № 193 — анонимная заметка «Гостиная на Петровских линиях открывает сезон» о вечере, посвященном М.Цветаевой.

В № 195 — статья Е.Никитина ««Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»: Третьего октября исполнилось 98 лет со дня рождения Есенина» (о московских адресах С.Есенина).

В № 206 — анонимная заметка «В Театре сатиры «Мастер и Маргарита»» о спектакле «Шизофрения, как и было сказано» по роману М.Булгакова (режиссер М.Зонненштраль).

Там же — статья Э.Котляра «Фартовый импрессио Вертинского» о поездке А.Вертинского в Тулу после возвращения на родину.

В № 210 — анонимная заметка «Я буду бешеной Кармен» о вечере, посвященном испанским мотивам в творчестве М.Цветаевой, в Государственном культурном центре в Москве.

В № 218 — стихотворения А.Цветаевой «Портрет» и «Маленький лорд»; публикация Н.Леонтьева.

Там же — анонимная заметка «Есенин академический» о ПСС С.Есенина, готовящемся в ИМЛИ РАН.

В № 228 — анонимная заметка «Бунтом жить невозможно» о книге: Ремизов А. Собрание сочинений. В 2 т. М., 1993.

Там же — сказки А.Ремизова «Ослиные уши» и «Лев-зверь» (1909).

Московские ведомости:

В № 17 — под общим заглавием «Человек еще с порога...» подборка стихотворений А.Цветаевой; предисловие Н.Леонтьева.

В № 20 — начало публикации «Писем о русской культуре» Г.Федотова; предисловие «Просвещенный патриотизм Георгия Федотова» М.Аксенова-Меерсона (из книги: Федотов Г. Россия и свобода. New York, 1981).

Московские новости:

В № 44 — рецензия И.Захарова «Издатели добрались и до «Спутников Пушкина»» на книгу: Версаев В. Спутники Пушкина. М., 1993.

В № 46 — рецензия С.Гречишкина «Орфей и Психея» на книгу: Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. СПб., 1993.

Там же — статья И.Дадашидзе «Я ни в малой степени не чувствую себя женой преступника».

В статье, посвященной выходу в свет 1-го номера альманаха «Золотое руно», анонсируется выходящая в № 2 публикация неизвестных писем Б.Пастернака грузинским друзьям (по архиву поэта, в свое время приобретенному грузинским Музеем дружбы народов, ныне — Центр по исследованию национальных отношений АН Грузии). Полностью воспроизводится написанное рукой Б.Пастернака прошение Н.Табидзе на имя Л.Берия о пересмотре дела своего мужа, поэта Т.Табидзе (датируется предположительно концом 1940 г.)

В № 47 — рецензия Н.Агишевой «Шизофрения, как и было сказано» на одноименный спектакль по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в Театре сатиры.

Там же — рецензия И.Захарова на книгу: Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина: Случай Зощенко. М., 1993.

Московский комсомолец:

В № 199 — под заглавием «Если иметь подходящий народ, можно сделаться вождем народа» подборка афоризмов Дон-Аминадо; предисловие С.Мнацакяна.

В № 203 — отрывки из романа В.В.Лаврова «Катастрофа» (в частности, об И.Бунине в 1917 г.)

В № 221 — статья О.С.Прокофьева «Строки из дневника отца» о С.Прокофьеве (в частности, об отношениях С.Прокофьева с поэтами-футуристами, с В.Маяковским, о дружбе с К.Бальмонтом).

Народная газета:

В № 190 — статья С.Белова «Сергей Есенин в Подмосковье».

Там же — статья А.Лебедева ««Я сердцем никогда не лгу...»: (Есенин и Шукшин: Точки соприкосновения)».

В № 201 — рецензия А.Нефедова «Открытие «Российского архива»» на книгу: Российский архив.

М., 1993. Вып. IV (выпуск посвящен М.О.Меньшикову).

В № 205 — заметка И. Чинаева «Жил в Болшеве писатель» об открытии музея С.Н.Дурылина.

В № 207 — «документальное повествование» А.Нефедова «Чаша радостей и печалей» к 120-летию со дня рождения И.С.Шмелева.

В № 210 — заметка А.Нефедова «Память о погибшем поэте» о выставке в Мытищинском историко-художественном музее, посвященной жизни и творчеству Д.Кедрина.

Там же — заметка Л.Петровой «Дерзновенная идея» о вечере Романтического театра Марины Цветаевой в подмосковном Калининграде, на котором были показаны спектакли по пьесам М.Цветаевой «Фортуна», «Червонный валет» и «Метель».

В № 219 — статья Т.Никологорской «Последнее пристанище великого скитальца» о М.Пришвине (жизнь в с.Дунино под Звенигородом, мемориальный Дом-музей М.Пришвина в Дунино).

Там же — заметка Ю.Коровина о завершении реставрационных работ в Доме-музее М.Пришвина в Дунино и конференции в Москве, посвященной 120-летию со дня рождения писателя. О последней см. подробнее отчет в настоящем номере «DV».

Невское время:

В № 202 — анонимная рецензия «Фея любви» на книгу: Мок-Бикер Э. «Коломба десятих годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993.

В № 228 — статья Лавдовской «Дом поэта» о музее А.Блока в доме № 57 по Офицерской ул. в Петербурге.

Неделя:

В № 40 — статья Ю.Безелянского «Последняя любовь Ивана Бунина» (о Г.Кузнецовой).

В № 44 — статья Ю.Безелянского «Есть печальная улада...» об отношениях А.Блока и Л.Менделеевой.

В № 45 — воспоминания М.Ардова «Легендарная Ордынка» (в частности, об А.Ахматовой, ее дружбе с Ф.Раневской в 1960-е гг.)

Независимая газета:

В № 188 — рецензия Б.Тулинцева «Петр Ильич и Александр Иванович» на книгу: Берберова Н. Чайковский: История одинокой жизни. СПб., 1993.

В № 191 — рецензия В.Денисова «Без драм, без драм...» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

В № 193 — рецензия Ф.Сергеева «Домой из зарубежья: Внутренняя музыка Бориса Поплавского» на книгу: Поплавский Б. Домой с небес. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

В № 198 — рецензия С.Федякина «Колдовское словесное зелье: Докука и балагурье Алексея Ремизова» на книгу: Ремизов А. Сочинения. В 2-х кн. М., 1993.

В № 202 — статья А.Панова «Кризис жанра?: К итогам «Розановских чтений», Елец, 27-30 сентября».

Там же — рецензия А.Шемякина «Вполне постмодернистская ситуация» на спектакль «Страсти по Бумбарашу» по произведению А.Гайдара в Театр-студии О.Табакова (режиссер В.Машков).

В № 205 — под заглавием «...Спаси, как сама знаешь...»: Риторический вопрос Религиозно-философского общества отрывок из документального романа А.Ласкина «Неизвестные Дятлевы, или Конец цитаты». Аннотацию на другую публикацию отрывков из романа см.: DV. 1994. № 1/2. С. 117.

В № 214 — под общим заглавием «40 лет назад скончался Иван Бунин. А 60 лет назад он стал Нобелевским лауреатом» подборка материалов к юбилейным датам писателя; предисловие С.Федякина.

Перепечатываются статьи Г.Адамовича «О Бунине» и К.Мочульского «Последнее свидание» И.А.Бунина, впервые появившиеся в парижском еженедельнике «Звено» (1924. 11 февраля; 1927. 8 мая) — повстие неизвестным источникам республикаций. Здесь же с предисловием О.Королева впервые печатаются четыре письма И.Бунина М.Алданову (осень 1933 г.; по автографам из ГА РФ), дополняющие уже известные материалы переписки двух писателей: письма Бунина Алданову 1941-1947 гг. из Бахметевского архива в свое время появились в «Cahiers du Monde russe et soviétique» (1981. № 4), а Алданова Буниным — в нью-йоркском «Новом журнале» (1965. № 80, 81).

В № 216 — воспоминания Ю.Лотмана «Просматривая жизнь с ее начала...» (в частности, о встречах с Г.Гуковским и В.Гиппиусом); запись Г.Амелина.

Там же — заметки О.М. «Труды историков и диалоги мудрецов» (в частности, о книгах: Шестов Л. Собр. соч. В 2 т. М., 1993. Т.1; Ильин И. Одинокий художник. М., 1993).

В № 217 — статья В.Виноградова «Глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД: Новые находки в архиве госбезопасности».

11 ноября 1993 г. в Министерстве безопасности России (ранее — КГБ и пр.) состоялось представление выявленных в Центральном архиве МБ документов, относящихся к жизни и творчеству М.Булгакова: фотокопии рукописи его дневника, подлинников и копий писем и заявлений, собственноручно написанных во время вызова в ОГПУ показаний и др. материалов. «Независимая газета» посветила этому событию и статью начальника Центрального архива МБ РФ В.Гусаченко (№ 220 — см. ниже). Как следует из указанной публикации, на «презентации» присутствовали С.В.Степаншин, Р.Г.Пякоя, Ф.Ф.Кузнецов, а также П.В.Палиевский и Г.С.Файман, «исследователи творчества писателя».

«Пожалуй впервые, — пишет В.Виноградов, — архивисты МБ РФ рассекретили в полном объеме <...> оперативные документы, которые имелись в материалах секретно-политического и информационного отделов ОГПУ-НКВД. Среди них агентурно-осведомительные сводки и записки, позволяющие проследить сложный творческий путь М.А.Булгакова в условиях советской действительности <...>». Министерство безопасности предоставляло «НГ» возможность опубликовать некоторые из выявленных документов. В полном объеме этот корпус текстов будет напечатан в журнале «Служба безопасности». Автографы М.А.Булгакова и другие раритеты, относящиеся к писателю, безусловно, — заключает В.Виноградов, — являются важным культурным наследием России».

В этом же номере приводятся «Информационные сведения» о деятельности М.Булгакова в газете «Гудок», из которых, в частности, яствует, что автором фельетона «Микробы», напечатанного в № 260 «Гудка» от 10 ноября 1926 г. за подписью «Рабочор Окт. дор.», является М.Булгаков. Этот фельетон и воспроизводится в «НГ».

В № 218 — рецензия О.Морозовой ««Я все отдал за жизнь...»: За смертью адресата» на книгу: Полиновский Э. Гибель Осипа Мандельштама. СПб.; Париж, 1993.

Там же — рецензия С.Федякина «Ясность и точность, или Полемика — дело неблагоприятное» на книгу: Толстой И. Курсив эпохи. СПб., 1993.

В № 220 — статья В.Гусаченко «Находки последних лет: Новый взгляд на спецфонды».

Там же — статья Г.Файмана «Перед премьерой: 1926 год в жизни Михаила Булгакова». Консультанты — В.Виноградов и В.Гусаченко.

На основании новых документов воссоздается история обывка у писателя 7 мая 1926 г., и изъятия рукописей «Собачьего сердца», «Дьяволады», произведений других авторов. Приводится ордер на обыск и протокол обыска, заявление писателя в ОГПУ о возврате изъятых рукописей, его письмо председателю Совнаркома, информационные сводки ОГПУ 1926-1927 гг. с упоминаниями о М.Булгакове. Особенно интересен протокол допроса М.Булгакова 22 сентября 1926 г., содержащий высказывания, ожидающие адумчивого и неслогового анализа: «Связавшись слишком крепкими корнями со строящейся Советской Россией, не представляю себе, как бы я мог существовать в качестве писателя вне ее. Советский строй считаю исключительно

крепким». По поводу своих настроений периода Гражданской войны: «В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской власти. <...> Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением». На вопрос о конфискованном «Собачьем сердце»: «Считаю, что произведение "Повесть о собачьем сердце" вышло гораздо более злостным, чем я предполагал, создавая его, и причина запрещения печатания мне понятна. <...> Да, политические моменты есть, оппозиционные к существующему строю». И в заключение: «Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные стороны жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик)».

В № 222 — рецензия Г.Заславского «Полное фиаско на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

В № 223 — рецензия М.Астиной «Имена почтенны и уважаемы, но читатель обречен на немощь» на книгу: Холодовский Р. Анна Ахматова и Данте / Институт русской дантологии, посвященный В.Маяковскому в связи со столетием со дня его рождения. М., 1993 (Тетради русской дантологии. [Вып.] I).

Там же — рецензия А.Беляевой «Саша Черный вверх ногами» на новинки литературы для детей, в частности, на книгу: Смешные стихи от Саши Черного до Тима Собакина. М., 1993. Вып. 1.

В № 224 — статья Г.Файмана «Латентный период: Начало интереса к гражданину Булгакову». Консультанты — В.Виноградов и В.Гусаченко.

Использованы документы, связанные с хлопотами М.Булгакова о возврате конфискованного при обыске дневника: письмо писателя А.В.Луначарскому от 30 октября 1926 г., переправленное в ОГПУ Г.Г.Ягоде адресатом с сопроводительной запиской, и резолюция начальника отдела СО ОГПУ А.Ф.Рутковского. Приводится также отрицательный отзыв драматурга Б.Ромашова о «Днях Турбинных», также сохранившийся в архиве ОГПУ.

В № 225 — под заглавием «Под пятой» «Из дневника 1922 года» и «Мой дневник. 1923 г.» М.Булгакова; подготовка текста Г.Файмана. Консультанты — В.Виноградов и В.Гусаченко.

Публиковавшийся ранее по копиям дневник М.Булгакова впервые воспроизводится с уточнениями и исправлениями по фотокопии с рукописи из архива ОГПУ.

В № 226 — рецензия П.Гуревича «У порога нового мира» на книгу: Рерих Е.И. У порога нового мира. М., 1993.

В № 227 — статья И.Вишневской «Человек без портфеля» к 100-летию со дня рождения А.Файко.

В № 228 — рецензия И.Зотова «Белее красного: Опыт метафизической реабилитации» на книгу: Чудинова Е. Держатель знака. Самара, 1993 (один из героев романа — Н.Гумилев).

В № 229 — статья Д.Бавильского «Ценный подарок: Журнал "Знамя" № 9 как повод для размышлений» (в частности, об эссе Н.Мандельштам «Моцарт и Сальери»).

Там же — статья В.Рабиновича «Зеркало и смерть» о смерти как феномене культуры (в частности, о произведениях Д.Хармса, А.Введенского, Г.Шенгели).

Новая ежедневная газета:

В № 43 — статья О.Пшеничного «Семьдесят пять лет песне Вертинского "То, что я должен сказать"» (о песне «Я не знаю, зачем, и кому это нужно...»).

В № 49 — статья С.Беляевой «Без грима Воланд выглядел вполне мирно» о спектакле «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

Общая газета:

В № 11 — некролог «Прощание с Берберовой»; автор — Н.Климонтович.

В № 14 — анонимная заметка «Крестный путь» о Матери Марии (Е.Ю.Скобцовой) и под заглавием «Памяти Матери Марии» фрагмент неопубликованного письма Н.Бердяева из архива Д.А.Скобцова.

В № 15 — под общим заглавием «У нас в гостях журнал "Золотой век"» фрагменты «Из переписки князя Владимира Трубецкого с князем Владимиром Голицыным» (1935) и «Страницы воспоминаний» М.Шагала. Полностью материалы печатаются в № 4 «Золотого века».

Там же — рецензия Н.Старосельской «Куриная кость в петлице» на спектакль «Шизофрения, как и было сказано» по «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль).

Там же — под общим заглавием «Ожидание и встреча» воспоминания Е.В.Заболоцкой и посвященный Е.Заболоцкой отрывок из дневника Е.Шварца (под заглавием «Это, прямо говоря, одна из лучших женщин, которых я встречал в своей жизни»); предисловие редакции.

Воспоминания посвящены жизни Заболоцкого после ареста писателя и до его возвращения в 1944 г. Подробно рассказано о попытке Заболоцкого добиться пересмотра своего дела в 1939 г. Приговор поэту (обвинявшемуся, как следует из публикации, и в организации «Таганцевского заговора») не был смягчен — хотя об этом хлопотали не только К.Чуковский и Н.Степанов, но и А.А.Фадеев.

В № 16 — заметки Е.Данилиной и А.Мокроусова «Платон опоздал на три года, а Горенштейн — всего на один» (в частности, о книгах: Поэзия «серебряного века». М., 1993; Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993).

Там же — под заглавием «Наш исток» отрывки из записной книжки Е.Замятина 1910-1920-х гг. (по материалам Бахметевского архива); подготовлено А.Тюриним при содействии Э.Скаруффи.

В № 17 — статья И.Руденко «Есть вещи дороже следующего дня страны, даже России» о М.Цветаевой в Чехии.

В № 18 — фрагмент из воспоминаний Э.Герштейн «Лишняя любовь» (о Л.Гумилеве и А.Ахматовой в 1930-е гг.) Полностью печатаются в № 11, 12 «Нового мира».

Там же — под заглавием «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...» подборка материалов о судьбе коллекции картин Н.Рериха и музея его имени.

В № 19 — заметка О.Журавлевой «"Самоубийца" на все времена» о спектакле по пьесе Н.Эрдмана в Челябинском академическом театре драмы им. С.Цвиллинга (режиссер Н.Орлов).

Панорама:

В № 653 — продолжение мемуаров Л.Ошанина «Мои учителя» (в частности, о встречах с В.Маяковским на волейбольной площадке).

В № 655 — очерк С.Абарбарчука «Мастер смеха» о актере и пародисте В.Хенкине — первом эстрадном исполнителе рассказов М.Зоценко.

В № 656 — статья Е.Голлербах «Сюжет без героини: О поэзии Анны Ахматовой».

В № 657 — очерк Л.Кафановой «Сэр Исайя Берлин».

В № 658 — эссе С.Семенович «Россия и Америка Равеля» (в частности, о встречах М.Равеля с деятелями русской культуры).

В № 659 — очерк С.Абарбарчука «Поэзия и джаз», посвященный «самому авторитетному знатоку и любителю джаза» поэту С.Колбасеву.

Подмосковные известия:

В № 195 — статья А.Руднева «Графство Митрича» о жизни Н.Д.Телешова в Малаховке.

В № 201 — заметка С.Чувашева «Помнят Брюсова в Подмосковье» (о вечере в болшевской библиотеке им. С.Н.Дурьлина, посвященном пребыванию В.Брюсова в дер. Бурково летом 1915 и 1916 гг.)

В № 206 — заметка П.Дейнеки «Пришвинские чтения» о Международной научной конференции в ИМЛИ РАН, а также о подготовке к открытию под Звенигородом Дома-музея М.М.Пришвина.

В № 215 — в рубрике «Русский архив» подборка материалов, о жизни и творчестве И.Бунина; выпуск подготовили А.Алешин, И.Хабаров, А.Задикян:

стихотворение Бунина «Смерть» (1928);

под общим заглавием «Нобелевский лауреат: Премия по литературе присуждена автору "Жизни Арсеньева"» анонимная статья «И.А.Бунин» (из газеты «Последние новости», 1933), статья Б.Зайцева «Бунин: (Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 года)» (Возрождение. Париж, 1933; в сокращении) и статья П.Пильского «О любви» (газета «Заря», 1933);

записка И.Бунина П.Б.Струве.

В № 223 — под заглавием «Еще не равен самому себе» интервью с Ю.Нагибиным (в частности, об А.Платонове и Б.Пастернаке, с которыми был дружен его отчим, Я.Рыкачев); беседу вел С.Рыков.

В № 226 — статья Е.Рыка «Кто вы, доктор Булгаков?» (о службе М.Булгакова в Добровольческой армии и его общественной позиции в 1920-1930-е гг.)

Подмосковные:

В № 41 — под заглавием «Лицо и маски» интервью с поэтом Сашей Красным о С.Есенине; беседу вел Н.Леонтьев.

Там же — статья В.Ливадина «"Вы ж такое загибать умели...": Озорные строки Есенина».

В № 43 — под заглавием «Неизвестное об известном» афоризмы Дон-Аминадо; предисловие А.Иванова.

Там же — под заголовком «Твои победы — не мои» фрагменты газетных откликов на события октября 1993 г. в Москве, завершающиеся стихотворением М.Цветаевой «Твои знамена — не мои» (из «Комсомольской правды», 1993, № 186).

В № 46 — к 40-летию со дня смерти И.Бунина печатаются:

отрывки из рецензии П.Пильского «Окаянные дни» (опубликована в газете «Новая заря», Сан-Франциско, 1935);

статья И.Бунина «Гимн» (1922);

статья В.Ладыженского «Два письма» об открытых письмах К.Бальмонта и И.Бунина к Р.Роллану в газете «L'Avenir» по поводу положения писателей в СССР (Возрождение, 1928).

В № 48 — стихотворение Саши Черного «Есть горячее солнце, наивные дети...»

Там же — памфлет А.Куприна «Саранча» (журнал «Отечество», Париж, 1926); предисловие А.Иванова.

Правда:

В № 190 — статья Ю.Махлина «"Стонет Русь от цепких лапц": Мемориальная квартира Сергея Есенина пошла "с молотка"» о квартире С.Есенина на ул. Москвина (бывш. Богословский пер.) в Москве.

В № 205 — заметка И.Новиковой «Дьяволы на Патриарших» о булгаковском доме на Садовой улице.

Президент:

В № 33 — в рубрике «Мысли о политике» под заглавием «Вера нуждается во власти» подборка высказываний М.Алданава; предисловие редакции.

В № 37 — статья Э.Иодковского «Три Гайдара» (в частности, об А.Гайдаре).

В № 38 — в рубрике «Мысли о политике» под заглавием «Мир нуждается в России» подборка высказываний Г.П.Федотова; предисловие редакции.

В № 43 — в рубрике «Мысли о политике» под заглавием «Не попирайте человеческую природу» подборка высказываний П.Сорокина; предисловие редакции.

Российская газета:

В № 196 — рецензия Н.Бобровой «У Воланда в плену» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

В № 212 — заметка А.Здановича «Михаил Булгаков в документах ОГПУ» о презентации более 80 документов из архива МБ РФ, связанных с жизнью и творчеством писателя.

Российские вести:

В № 191 — анонимная заметка «Юбилейные дни Есенина» о Международной научной конференции, посвященной С.Есенину в ИМЛИ РАН. Подробнее см. отчет в настоящем номере «DV».

Там же — статья О.Михайлова «Страна милосердия, а не ненависти» о Международной научной конференции «Культурное наследие русской эмиграции. 1920-1940». Подробнее см. отчет в № 10 «DV» за 1993 г.

В № 196 — анонимная заметка «Время "Опавших листьев"» о Научно-практической конференции в Ельце, посвященной В.Розанову. См. подробнее отчет в № 1/2 «DV» за 1994 г.

Там же — статья О.Михайлова «Духовный путь избранной России» о Р.Герра и его коллекции по «серебряному веку» (в частности, об архиве Д.Кленовского, письмах Б.Зайцева, И.Бунина, З.Гиппцус, Д.Мережковского, А.Ремизова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, И.Шмелева, К.Бальмонта).

Там же — заметка М.Крыловой о 13-м выпуске альманаха «Минувшее» (М.; СПб., 1993).

В № 206 — рецензия Н.Колесовой «История одинокой жизни» на книгу: Берберова Н.Н. Чайковский: История одинокой жизни. СПб., 1993.

В № 211 — статья В.Монова «Слепые окна: Будет ли в Москве Булгаковский центр?» (о попытке создания музея М.А.Булгакова).

Там же — под заглавием «Важины, 19 февраля 1932, № 6» письмо А.Ф.Лосева В.М.Лосевой (с некоторыми сокращениями); публикация А.Тахо-Годи.

Русская мысль:

В № 3998 — окончание работы И.Кудровой «Тайна Елабуги, или Третья версия» о причинах и обстоятельствах самоубийства М.Цветаевой. Начало в № 3993.

Там же — статья В.Купченко «"Не могу забыть и никогда не забуду о Коктебеле": Две жизни Родиона Акульшина».

В загадочной биографии Р.М.Акульшина (псевдоним — Родион Березов; 1896-1988), писателя-«перевальца», эмигранта «второй волны», пережившего за границей войну «второе рождение», выветлен небольшой фрагмент. Как и всегда в «коkteбелеведческих» работах В.П.Купченко, собраны и использованы, по-видимому, все материалы, связанные с пребыванием писателя в Коктебеле в 1927-1934 гг.: дневники, воспоминания, письма и телеграммы, дарственные надписи, устные воспоминания М.С.Волошиной (по архиву ИРЛИ и Дома-музея

М.А. Волошина в Коктебеле). Можно только порадоваться за Р.Акулишина, посетившего в свое время Коктебель.

Там же — «Письмо в редакцию» Н.Муравиной с уточнениями к статье В.Купченко «Их знала М.Цветаева» (в № 3992).

Там же — «Речь А.Солженицына на открытии стеллы памяти Марины Цветаевой» в Вандее в сентябре 1993 г.

Там же — статья А.Гинзбург «Памяти Нины Николаевны Берберовой» (скончалась 26 сентября).

В № 4000 — «Два письма Марины Цветаевой Борису Пастернаку»; публикация, предисловие и примечания А.Саакянц и Л.Мнухина.

Из почти ста писем М.Цветаевой к Б.Пастернаку сохранилось только 23 (причем 20 — в копиях). Эти письма хорошо известны и публиковались уже неоднократно. Тем удивительнее открытие, сделанное публикаторами во время подготовки нового Собрания сочинений М.Цветаевой: тексты двух писем (от 14 февраля и 26 мая 1925 г.) до сих пор не публиковались полностью на русском языке. Ранее первое письмо было известно лишь фрагментарно (см.: Белкина М. Скрепление судеб. М., 1988. С.113-114), а второе печаталось только на итальянском языке (перевод С.Вигали, см.: Цветаева М. Il paese dell'anima: Lettere 1909-1925. Milano, 1988).

Там же — некролог «Памяти Н.Н. Берберовой»; автор — А.Сумеркин.

Там же — под заглавием «Сенсационная находка в Венеции» интервью с А.Докучкиной-Бобель по поводу открытия ею неизвестных рисунков А.Модильяни, изображающих А.Ахматову; беседу вела А.Гинзбург.

В № 4001 — рецензия И.Сермана «Николай Павлович Анциферов в своих воспоминаниях» на книгу: Анциферов Н.П. Из дум о влосом. М., 1992.

В № 4003 — статья И.Сурат «Тайна Израиля: Еврейский вопрос и русская религиозная литература» о книге: Тайна Израиля. СПб., 1993.

В № 4004 — статья С.Носова «Что же такое "русская идея"?» по поводу книги: Русская идея. М., 1992 (в книгу вошли, в частности, тексты русских писателей и философов конца XIX — начала XX вв.)

В № 4005 — рецензия А.Лебедева на № 5 и 6 «DV».

Там же — рецензия В.Купченко «Два примечательных издания» на книги: Волошина (Сабашникова) М. Зеленая змея. М., 1993; Мягков Б.С. Булгаковская Москва. М., 1993.

Там же — письмо в редакцию В.Сендерова с уточнениями к статье И.Сурат о книге «Тайна Израиля» (см. № 4003).

В № 4006 — рецензия С.Носова «Увещательная хрестоматия» на книгу: Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992 (в сборник вошли, в частности, работы Р.Иванова-Разумника, Д.Мережковского, Ф.Степуна, Н.Бердяева и др.)

Русский вестник:

В № 43 — под заглавием «Иван Бунин: Начинался кровавый разбой» отрывок из книги Д.Жукова «Прозрения: Россия на Голгофе» (об И.Бунине в годы Гражданской войны).

Санкт-Петербургские ведомости:

В № 244 — статья В.Ярошецкой «Что такое "живое слово"?» к 75-летию основания Института живого слова в Петрограде.

В № 248 — анонимная заметка «Писал Булгаков Замятину» о готовящейся передаче в ЦГАЛИ Министерством безопасности более 80 документов о жизни и творчестве М.Булгакова.

В № 252 — рецензия В.Полупко «А в бричке-то кто едет?» на спектакль «Мертвые души» по Н.Гоголю и М.Булгакову в Театре «Русская антреприза имени Андрея Миронова» (режиссер В.Фурман).

Сегодня:

В № 61 — статья А.Немзера «Заявка в рубрику "Комплименты"» о № 9 «Нового мира», в частности, о публикуемой в нем переписке Е.Трубецкого и М.Морозовой и материалах А.Платонова.

Там же — рецензия М.Колерова «Роман смыслов» на начало публикации в № 9 «Нового мира» переписки Е.Трубецкого и М.Морозовой.

В № 66 — статья В.Курицына «Nabokov Ильина» в связи с выходом книги: Набоков В. Bend Sinister: Романы / Пер. С.Ильина. СПб., 1993.

В № 67 — анонимный некролог «Умер Лев Горнунг» (поэт, мемуарист, фотограф).

Там же — заметка Ж.Холмс «Алексей Крученых утверждал: Лучшая рифма к слову "театр" — это "хорова"» о московской премьере оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

В № 69 — под заглавием «Нужно было помочь спастись хотя бы слову» интервью с поэтом В.А.Шенталинским, председателем Комиссии по наследию репрессированных писателей; беседу вел Л.Велехов.

Открытие и сенсации почти пятилетней давности: создание Комиссии в 1988 г., конфликты с чиновниками КГБ, «огоньковская» рубрика «Хранить вечно», «дела» и произведения И.Бабеля, А.Платонова, М.Булгакова, Н.Клюева, О.Мандельштама, М.Кольцова, Б.Пильняка.

В № 70 — статья А.Немзера «Есть ценностей незыблемая скала» к 90-летию юбилею Э.Г.Герштейн.

В № 71 — статья редактора журнала «Логос» И.Чубарова «Наши восторженные предубеждения» (в частности, о № 4 «Логоса», посвященном философии ОБЭРИУ).

В № 72 — заметка Л.Коренева «С Михаилом Афанасьевичем по Москве» в связи с выходом книги: Мягков Б. Булгаковская Москва. М., 1993.

Там же — заметка «Поклонникам Даниила Хармса» в связи с переизданием книги: Версаев В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т.1-2. Подписано: Крок Адилов.

В № 73 — заметка «Кому быть живым и хвалимым» в связи с конференцией в ИМЛИ РАН, посвященной А.Белому; подпись — Кот Ученый.

Там же — статья М.Колерова «Тихая, безболезненная жизнь» о выходе № 1 журнала «Вопросы искусствознания» (бывш. «Советское искусствознание»), посвященного почти исключительно русскому авангарду.

Там же — фрагменты статьи И.Лежнева «О чем звенел полтинник?» (впервые — Россия. 1924. № 2).

В № 74 — рецензия П.Барбарисова «Драмбалет как опыт негрооперетты» на спектакль «Натали» по рассказу И.Бунина в театре «О'Кей» (режиссер С.Лавровский).

В № 75 — рецензия М.Хемлин «Детишки зла в стране белых халатов» на премьеру спектакля «Шизофрения, как и было сказано» по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль).

В № 78 — заметка А.Метелкиной «Фавориты луны» в связи с выходом книги: Кац Р.С. История советской фантастики. Саратов, 1993.

В № 80 — статья Ал. Зорина «Выход из лабиринта» о христианстве у М.Цветаевой.

В № 83 — заметка А.Метелкиной «Без заголовка» о книге: Хармс Д. Меня называют капудином. М., 1993.

Семья:

В № 45 — в спецвыпуске «Маленькая тележка: Детская газета» рассказ Н.Телешова «Самое лучшее» (1919) и «отрывок из поэмы для детей» С.Заяицкого «Клю и Кля» (1925).

В № 46 — под заглавием «Дмитрий Толстой об отце Алексее: "Он спасал свою семью"» интервью с сыном А.Толстого; беседу вел И.Логвинов.

Один из основных вопросов беседы, конечно, вопрос о сервиллизме А.Толстого. У Д.Толстого по этому поводу есть свое мнение: «У него была довольно благородная мысль: надо спасти свою семью. <...> Отец решил, что он должен спасти и себя, и детей, и семью. Поэтому он должен играть в эту игру. <...> И он пошел на это как артист, если хотите. Ведь он был артистом — вот этого не нужно забывать. <...> Отец хорошо понял психологию этого злодея и садиста, каким был, конечно, усаытый тиран, и блестяще сыграл роль верноподданного». По мнению интервьюера, А.Толстой раскусил довольно рано не только «усаытого злодея» — ведь уже главным героем «Гиперболоида инженера Гарина» «имеет явные черты сходства с Лениным». Интересны также и сообщаемые отдельные подробности семейного быта писателя, изложение причин возвращения из эмиграции, подробностей встречи Горького и Толстого со Сталиным в 1933 г. и отношения Сталина к роману «Петр I» и др.

Спасение:

В № 30/31 — статья Д.Мунгалова «Символика города-призрака» об образе Петербурга в романе А.Белого «Петербург».

Там же — статья Г.Пруцкова «Дождь под небом Петрограда» об образе Петербурга в русской поэзии 1914-1924 гг.

В № 38 — рецензия М.Пичхадзе «Экологические интуиции в русской культуре» на одноименный сборник (М., 1992), вышедший в ИНИОН РАН и посвященный, в частности, И.Анненскому, Б.Пастернаку, М.Пришвину, А.Платонову.

Там же — отрывок из статьи А.Белого «Как мы пишем» (1930).

Там же — статья М.Гинзбург «Предыстория в лицах» к 113-летию со дня рождения А.Белого.

Там же — статья Е.Егоровой «"Трудовая повинность" Андрея Белого» о сотрудничестве А.Белого в журнале «Весь».

Там же — статья Г.Шульпякова «Серебряная почта, или Письма без ответа» о письмах А.Белого к М.К.Морозовой.

Там же — «Из дневника 1927 года» К.Бугаевой (по рукописи из РГБ); предисловие и публикация Н.Малинина.

В № 40 — статья Г.Шульпякова «Культурное собрание в Борисоглебском, 6» об Архиве-библиотеке Российского фонда культуры (архивы Б.Савинкова, М.Алданова, письма А.Ремизова). Здесь же — фото-репродукция автографа А.Ремизова.

Там же — статья Г.Шульпякова «Карманное событие русского книгоиздания» о вышедшей в 1908 г. книге стихов Верлена в переводе Ф.Сологуба и о переиздании этой книги томским издательством «Водолей». Здесь же — стихотворение Верлена «Тоска» в переводе Ф.Сологуба.

Срочно в номер!:

В № 84 — статья А.Маслова «До свиданья, друг мой, до свиданья...» о медико-криминалистическом расследовании причин смерти С.Есенина.

Сын Отечества:

В № 43 — в рубрике «Поэзия белой гвардии» стихотворение Г.Вяткина «Москва» (из журнала «Единая Россия», 1919).

Труд:

В № 226 — стихотворение И.Анненского «Среди миров»; предисловие И.Шкляревского.

В № 233 — под заглавием «Любимая женщина журналиста № 1» отрывок из книги А.Ваксберга «Нераскрытые тайны» (о М.Кольцове и его гражданской жене М.Остен).

В № 246 — в рубрике «Уроки чтения» статья Р.Киреева «Последние пророчества мастера» (о М.Булгакове).

Учительская газета:

В № 40 — статья А.Фурсова «Плач кладбищенской сосны» о пребывании М.Цветаевой в Елабуге.

Час пик:

В № 39 — очерк Л.Лунца «Путешествие на больничной койке» (в сокращении) и его письмо к А.М.Горькому от 16 августа 1922 г.; публикация и предисловие В.Бахтина.

Публикация снабжена загадочным примечанием: «Публикатор и редакция благодарят И.И. и С.М.Слонимских за предоставленные материалы». Между тем автографы лунцевских писем хранятся в Архиве А.М.Горького ИМЛИ РАН, а «Путешествие...» (полный текст которого, как извещает публикатор, будет напечатан в «Звезде»), уже 25 лет как опубликовано Г.Керном в нью-йоркском «Новом журнале» (1968. № 90).

В № 42 — заметка Е.А. о книге: Мок-Бикер Э. Колумбина десятых годов... Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993.

Там же — заметка Н.Сивериной о выставке «Два века русской цензуры» в Музее истории города (в частности, о цензурной истории «Крокодила» К.Чуковского).

В № 46 — под заглавием «"Из дневника": По материалам "Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского дома на 1990 год"» шесть стихотворений Ф.Сологуба 1883-1904 гг.; вступительная статья «"Ликует боль, и стыд, и страх..."» (Неизвестный Федор Сологуб) и публикация М.Павловой, послесловие А.А.Шеласовой.

Экран и сцена:

В № 39/40 — рецензия Г.Ходуса «Футуристический сон наяву» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

В № 41 — рецензия Л.Аннинского «Ветер с "Юго-Запада"» на спектакль «Мастер и Маргарита» по роману М.Булгакова в Театре на Юго-Западе (режиссер В.Белякович).

Там же — под заглавием «Крестница Александра Агина: (Из очерков литературных нравов)» воспоминания А.М.Борщаговского о встречах с Ал. Алтаевым (М.В.Рокотовой-Ямщицкой) в послевоенные годы.

В № 43 — рецензия Н.Енукидзе и Г.Пантелеева «Здравствуй, тьма?» на московскую премьеру оперы М.Матюшина и А.Крученых «Победа над солнцем», поставленной австрийским театром «K & K» (режиссер Д.Кауфман).

В № 47 — рецензия Ю.Рыбакова «Добрый дух в дни смуты» на спектакль «Белая гвардия» по пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных» в Театре им. Моссовета (режиссер П.Хомский).

Эмиграция:

В № 38 — статья Б.Носика «Жена Набокова» (о В.Е.Набоковой-Слоним).

В № 39 — статья В.Демитовой «Хранитель могилы Пастернака» об Э.Е.Лифшице, хранителе могилы Б.Пастернака в Перелешине.

В № 40 — статья С.Магидсон «Последний роман Анны Ахматовой» (о встречах А.Ахматовой с И.Берлиным).

Megapolis-Express:

В № 41 — «пародия-детектив» Саши Черного «Голова блондинки» (из приложения № 6 «Бумеранг»

к парижскому журналу «Иллюстрированная Россия», 1915, 15 июня, № 23); вступительная статья и публикация В.Приходько.

Modus vivendi:

В № 17 — статья Т.Сергеевой «Не размораживайте воспоминаний, или От “Живаго” до “Живаго”» о

спектакле Театра на Таганке по роману Б.Пастернака (режиссер Ю.Любимов).

В № 18 — статья Н.Лагиной «Иван Бунин на пуантах» о постановке балета «Натали» по рассказу И.Бунина в театре «О'Кей» (режиссер М.Лавровский).

СЛАВИСТСКИЕ ЖУРНАЛЫ В 1993 ГОДУ

Die Welt der Slawen: Halbjahresschrift für Slawistik (München):

H.1 — Simonek S. Mandel'stam i Mocart: Zu Neubewertung einer literarischen Figur. S.12-27.

Мандельштамовская трактовка сюжета о Моцарте и Сальери в связи со взглядом поэта на акмеизм.

Там же — Döring-Smirnov J.R. [Рецензия на кн.:] Wächter T.: Die künstlerische Welt in späten Erzählungen Čechovs. Frankfurt/M., 1992. S.195-198.

H.2 — Koschmal W. Der fröhliche Sprachtod Nikolaj Erdmans. S.235-253.

Статья о судьбе драматурга Н.Р.Эрдмана и его пьесе «Самоубийца».

Там же — Potthoff W. Schelling in der russischen Religionsphilosophie der Jahrhundertwende: Ein Vorbericht. S.220-230.

«Предварительные заметки» о восприятии Шеллинга в русской религиозной философии рубежа веков.

Там же — Wegner M. Michail Bachtins Chronotopstheorie: Bemerkungen zu ihren geistigen Quellen. S.381-394.

Учение А.Эйхштейна и И.Канта как главные источники бахтинской теории хронотопа.

Zeitschrift für slawische Philologie (Heidelberg):

H.1 — Günther H. Das Goldene Zeitalter aus dem Kopf und aus dem Bauch: Zur Utopieproblematik bei Dostoevskij und Platonov. S.157-168.

Утопическая тематика у А.Платонова и Достоевского.

H.2 — Seemann K.-D. Studien zum russischen Balladeners II: Die Nibelungenstrophe in der russischen Ballade. S.319-348.

Продолжение исследования о русском балладическом стихе (первая часть: Zeitschrift für slawische Philologie. 1986. Bd.46). Разбор влияния германской «Nibelungenzeile» на трехстопный ямб в русской балладе (на материале стихотворений З.Гиппиус, Ф.Сологуба, А.Коринфского, А.Белого, В.Маяковского и др.)

Там же — Peters J.-U. Poesie als Erinnerung: Anna Achmatovas «Requiem» und Osip Mandel'stams «Unbekannter Soldat». S.349-368.

«Поэтическая память» в «Реквиеме» А.Ахматовой и в «Стихах о неизвестном солдате» О.Мандельштама.

Там же — Malachov V. Vladimir Nabokov und die russische Literaturtradition. S.369-385.

В.Набоков как «десакрализатор» русской классики и продолжатель ее традиций.

Там же — Keil R.-D. [Рецензия на кн.:] Marina Tsvetaeva: Actes du ler colloque international. (Lausanne, 30.VI. — 3.VII.1982). Bern, 1982. S.439-442.

Там же — Schulze B. [Рецензия на кн.:] Müller-Scholle Chr. Das russische Drama der Moderne: Eine Einführung. Frankfurt/M., 1992. S.442-445.

Там же — Peters J.-U. [Рецензия на кн.:] Schmid W. Ornamentales Erzählen in der russischen Moderne. Bern, 1992. S.445-448.

Zeitschrift für Slawistik (Berlin):

В № 2 — Krehl B., Mann U. Internationale Konferenz «Michail Bulgakov und die russische Literatur der 30er Jahre», Leipzig, 5-6 Februar 1991: [Орчер]. S.268-270.

Там же — Belentschikow V. [Рецензия на кн.:] Ильёв С.П. Русский символистский роман: Аспекты поэтики. Киев, 1991. S.280-282.

Там же — Grübel R. [Рецензия на кн.:] Literaturkritik und Literaturtheorie in der frühsowjetischen Diskussion: Standorte — Programme — Schulen / Hrsg. von A.Hiersche u. E.Kowalski. Berlin; Weimar, 1990. S.283-294.

Там же — Klein W. [Рецензия на кн.:] Correspondence entre Romain Rollan et Maxime Gorki. 1916-1936 / Preface et notes de Jean Pérus. Paris, 1991. S.304-305.

В № 3 — Kluge F. Zettels Wanderung: Eine unberücksichtigte Korrekturmotiz Bal'monts. S.452-456.

Публикация корректурной записи Бальмонта к своему сборнику стихов «Северное сияние» (Париж, 1931).

Там же — Hesse P. [Рецензия на кн.:] История советской литературы: Новый взгляд: По материалам Всесоюзной научно-творческой конференции 11-12 мая 1989 года, Москва. М., 1990. Ч.1. S.489-493.

Там же — Belentschikow V. [Рецензия на кн.:] Сологуб Ф. Собрание сочинений / Сост. Б.Лауер, У.Штельтнер. München, 1992. T.I: Рассказы. (1894-1908). S.494-495.

Там же — Sokoljanskij M. [Рецензия на кн.:] Belentschikow V. Rußland und die deutschen Expressionisten. 1910-1925: Zur Geschichte der deutsch-russischen Literaturbeziehungen. Frankfurt/M. [u.a.], 1993. I. Teil. S.496-497.

В № 4 — Meyer-Fraatz A. Die «Schönheit» des Symbolismus: Baudelaires Sonett «La Beauté» in russischer Übersetzung. S.584-603.

Сонет Ш.Бодлера в русских переводах (в частности, К.Бальмонта, В.Брюсова и Вяч.Иванова).

Там же — Klotz L. «Beschwörung durch Lachen»: Die Wirkung Velimir Chlebnikovs in deutschen Übersetzungen. S.604-619.

Немецкие переводы стихотворения В.Хлебникова «Заклятие смехом»; в Приложении — тексты пяти переводов.

Wiener slawistischer Almanach (München):

Bd.31 — Fryszman A. «Теория коммуникации» Серена Кьеркегора и диалогическое мышление Бахтина. S.39-55.

Там же — Бонещкая Н. П.А.Флоренский: Имя — образ — произведение. S.99-126.

Там же — Безродный М. Watch the Birdie! S.127-130.

Заметка о стихотворениях М.Цветаевой «Имя твоё — птица в руке» (1916) и польской поэтессы Марии Павличковой-Ясножеской (1891-1945) «Twe imie, nie wiem szemu...» (1912).

Там же — Хазан В. А.Ахматова: «Я над ними склонюсь, как над чашей...»: Попытка комментария. S.131-172.

Там же — Eshelman R. Von der Moderne zur Postmoderne in der sowjetischen Kurzprosa: Zoščenko — Paustovskij — Šukšin — Popov. S.173-207.

Там же — Günther H. [Рецензия на кн.:] Menzel B. V.V.Majakovskij und seine Rezeption in der Sowjetunion. 1930-1954. Berlin, 1992. S.299-311.

Там же — Harer K. Eine neue Zeitschrift zur russischen Literatur des «silbernen Zeitalters»: [Рецензия на:] De Visu. 1992/1993. № 0-2. S.317-320.

Bd.32 — Jensen P.A. Zum Problem der primären und sekundären Stile. S.9-20.

Критический разбор дихотомии «первичных» и «вторичных» стилей, развернутой в работах Д.С.Лихачева и И.П. и И.Р.Смирновых (в частности, на материале русской литературы XX в.)

Там же — Zajac P. Existiert so etwas wie eine Pulsations-Literaturgeschichte? S.21-32.

Там же — Schmid H. Gustav Špets Entwurf einer hermeneutischen Literaturgeschichtsschreibung. S.33-68.

Там же — Koschmal W. Die slavischen Literaturen — ein alternatives Evolutionsmodell? S.69-88.

Там же — Fiaker A. Thesen zur Periodisierung der russischen Literatur 1892-1953. S.115-128.

Там же — Grtibel R. Die Epoche des Vasilij Rozanov: Probleme der literarischen Periodisierung unter dem Blickwinkel der sich bewegenden und stillstehenden Zeit. S.129-173.

Там же — Greber E. Mystifikation und Epochenschwelle: (Čerubina de Gabriak und die Krise des Symbolismus). S.174-206.

Там же — Hansen-Löve A. Probleme der Periodisierung der russischen Moderne: Die «dritte Avantgarde». S.207-264.

(Этот выпуск, вышедший под редакцией В.Кошмала, посвящен конференции «Periodisierung und Evolution in den slavischen Literaturen», проходившей 2-4 марта 1994 г. в Университете земли Саар, г.Саарбрюкен).

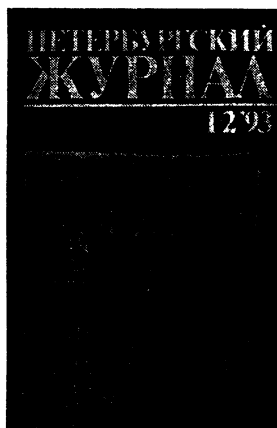
Wiener Slavistisches Jahrbuch (Wien):

Bd.39 — Simonek S. [Рецензия на кн.:] Stone Nakhimovsky A. Russian-Jewish Literature and Identity. Baltimore; London, 1992.

Там же — Simonek S. [Рецензия на кн.:] Pechterev A.S., Klapka J. Russkaja literaturnaja émigracija v Čechoslovakii. (1918-1938). Praha; Brno, 1993.

К.Хареп

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖУРНАЛ 1993. № 1/2

Идея возродить журнал «Ленинград» возникла, насколько нам известно, лет пять тому назад, сразу же после отмены печально знаменитого постановления. Чуть позже, после отмены самого топонима «Ленинград», возникли (как доносила «случайная молва») проблемы с названием: «Ленинград» или «Петербург». В конце концов остановились на «Петербургском журнале». Старый новый журнал, как и по-

концов принимает форму постскриптума («Журнал вышел. Вышел из состояния клинической смерти. Жизнь вернулась к нему почти через полвека»), сопровождаемого инскриптами «тех, кому посчастливилось участвовать в реанимации». А именно: главный редактор Николай Крышук; редакция: Леонид Дубшан, Самуил Лурье, Елена Скульская, Марина Токарева, Дмитрий Толстога; художественное оформление Галины Терешенок. Издатели: ТОО «Таврический сад», АО «ОМИС», издательство «Феникс», ГАО «Газета «Эстония», СП «СЛ-Интернейшел». Тираж 5000 экз.

Согласно правилам преемственности, первые страницы (глава первая: «Журнал «Ленинград». Автобиография») «реанимированного» издания отданы генеалогическим разысканиям. Это — обширное сообщение Л.Дубшана «Памяти неизвестного журнала», посвященное истории журнала «Ленинград» (с 1924 по 1940 г. выходившего под названием «Резец», с.9-30), и свод документальных материалов под общим названием «Хроника того августа», включающий в себя, в частности, хронику вхождения в жизнь «печально знаменитого» постановления (9 августа — 4 сентября), фрагменты стенограммы заседания Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей от 19 августа 1946 г. (выступления В.Саянова, Б.Эйхенбаума, Т.Кожемякина и др., с.31-40). С «воспоминаниями о старом «Ленинграде»» выступают Д.Золотницкий, В.Шефнер и М.Дудин.

Далее следуют «персональные дела». Ю.Томашевский публикует «письма и документы» М.М.Зоценко 1950-х гг. (письма Ю.Н.Лебединскому, М.Э.Козакову, зав. отд. сатиры и юмора журнала «Огонек» Секундову, В.Н.Плучеку и Г.П.Макогоненко); сопроводительный текст автора публикации (с.48-60). Э.Герштейн печатает отрывки из готовящейся к печати мемуарной книги (под заглавием «Заметки о «Поэме без героя» Анны Ахматовой»), посвященные поискам прототипа «гостя из будущего» (называются В.Гаршин и И.Берлин) (с.61-64).

Завершается глава публикацией фрагмента А.Ахматовой «Fata libelli» («Habeant sua fata libelli» — «книги имеют свою судьбу»), представляющего собой один из вариантов сюжета, несколько раз изложеного Ахматовой (редакция «публикует еще не известное читателю набросок, любезно предоставленный нам Отделом рукописей ГПБ им. М.Е.Салтыкова-

ложено, открывается «Письмом к читателю». «Мы все опоздали — можно не торопиться», — пишет главный редактор, очевидно имея в виду, что любые журналы имеют свойство опаздывать. Существуют, впрочем, разные категории опоздания: можно опоздать немного, а можно опоздать навсегда. Но об этом позже. Немного путаясь в местоимениях, главный редактор пытается сформулировать основные принципы издания, обосновать преемственность и очертить аудиторию: «Наш журнал для тех, кому утро принесит новость жизни. <...> Мне хотелось бы, чтобы подписчиков у нашего журнала было не больше, чем собравшихся для разговора полуночников. Всех прочих не хочу обижать, но есть ведь куда пойти — столько изданий. Возможно, нас совсем мало и мы прогорим. <...> Сегодня, когда нецивилизованный рынок буянит и хамит, заводить новое издание, пусть даже и возрождаемое, пусть даже со своей легендой — идея безумная. <...> «Ленинград» начинался как «Резец». «Резец» начинался как «новая ступень культурного развития ленинградского рабочего» и стоил 15 копеек. Это о преемственности». Не лишне будет сказать, что «Письмо к читателю», начинаясь на 2-ой странице обложки 1-й книги (первый двоянный номер «в довершение бесчисленных злоключений <...> не уместился под одной обложкой»), тянется через две книжки двоянного номера, превращаясь то в редакционные врезки, то в примечания на полях, и в конце

Щедрина», и выражает «признательность за содействии сотруднице отдела Н.И.Крайневой»).

Только «бесчисленными злоключениями» можно объяснить тот факт, что к «автобиографической части» подверсталась «бесконечно тянущаяся» проза И.Ефимова «По дороге с работы».

Глава вторая «Тексты этого города» содержит эссе В.Вейдле «Петербургские открытки» о Петербурге, которого больше нет, и статью Н.Ульянова «Арабеск или Апокалипсис» о гоголевском «Носе», который на самом деле, как утверждает автор, «самый настоящий черт» (с.99-116). По странному совпадению, оба текста не сопровождаются ссылками на первоисточник, т.е. на те издания, где они впервые появились. У неискушенного читателя может создаться впечатление, что писатели В.Вейдле и Н.Ульянов завещали свои тексты тем, кто «воскресит» их любимый журнал. Между тем «Петербургские открытки» были впервые напечатаны в альманахе «Воздушные пути» (1963. № 3) и перепечатаны затем в книге (см.: Вейдле В. Безымянная страна. Париж, 1968), а «Арабеск или Апокалипсис» впервые был напечатан в «Новом журнале» (1959. № 57), о чем совсем не лишне было бы сообщить, а в случае с «Новым журналом» — и поставить в известность редакцию. И совсем не ради соблюдения пустой формальности, а просто потому, что по-другому не принято, дурной тон... Впрочем, вернемся к тексту. Любезно сообщая читателю годы жизни В.Вейдле и Н.Ульянова (и ничего больше об этих литераторах не сообщая), редакция выражает надежду, что «недалеко уже то время, когда их книги, вышедшие на Западе, будут изданы у нас». Мы же выражаем надежду, что анонимные публикации и пиратские перепечатки как не соответствующие духу нашего времени впредь не будут появляться на страницах «Петербургского журнала». И не только, конечно, его.

К анонимным публикациям стоит отнести и публикацию дневника Б.М.Эйхенбаума 1946 г., которая не

обременена ни ссылкой на архивный источник (никому не вынесена благодарность за «содействие»), ни вступительной статьей, ни комментариями (с.183-202).

В паре с дневником Б.Эйхенбаума («Воспоминания о XX веке») впервые в полном объеме печатаются воспоминания Дмитрия Сеземана «Париж — Гулаг — Париж», ходившие в последние годы по Москве и Питеру в рукописи. Читателю должны быть памяты фрагменты из этих воспоминаний, печатавшиеся в «Литературной газете» (1990. 21 ноября), в альманахе «Болшево» (1992. № 2) и в книге «Воспоминания о Марине Цветаевой» (М., 1992), а еще раньше в «Вестнике РСХД» (1979. № 128); и, возможно, в других изданиях (с.119-182).

Завершается глава третья и, соответственно, книга 1-я «разговором за кулисами» главного редактора Николая Крышчука с членом редколлегии Самуилом Лурье — «...отступление лирическое историческое философское критическое ироническое (нужное подчеркнуть)» посвящено критике («имеет ли право литератор судить литератора?»). Ответ: не имеет. На этом можно было бы остановиться.

Но в журнале есть еще главы четвертая и пятая («Избранные сочинения в стихах и прозе» и «Частная жизнь ума»), посвященные литературе *последней* четверти XX века и в сферу наших профессиональных (не читательских) интересов не вмещающиеся. Отметим, все же, заметки Л.Лосева «Жизнь как метафора: (О поэзии Михаила Еремина)» и Я.Гордина «Ничто человеческое...» об «альбомных» стихах И.Бродского. Насколько нам известно, это уже вторая попытка Я.Гордина представить широкому читателю «шуточные» стихи Бродского (первая была предпринята в 1990 г. и под названием «Другой Бродский» вошла в сборник «Иосиф Бродский: Размером подлинника», Л., 1990).

А.Р.

De Visu обращается с просьбой к редакциям новых периодических изданий, в сферу интересов которых входит русская литература первой трети XX века, присылать эти издания для наших обзоров.

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ПРОСМОТРЕННЫЕ «DE VISU»
(ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ 1993 ГОДА)**

ЖУРНАЛЫ:	Литература в школе	Театральная жизнь	Москва-Иерусалим
Байкал (Улан-Удэ)	Литературное обозрение	Форум	Московская правда
Библиография	Мир музея	Фотография	Московские ведомости
Библиогека	Молодая гвардия	Человек	Московские новости
Вестник МУ: Серия 7.	Москва	Die Welt der Slawen	Московский комсомолец
Философия	Московский вестник	(Мюнхен)	Народная газета
Вестник МУ: Серия 8.	Московский журнал	Zeitschrift für slawische	Невское время
История	Московский	Philologie (Гейдельберг)	Неделя
Вестник МУ: Серия 9.	наблюдатель	Zeitschrift für Slawistik	Независимая газета
Филология	Музыкальная академия	(Берлин)	Новая ежедневная газета
Вестник МУ: Серия 10.	Музыкальная жизнь	Wiener slawistischer	Общая газета
Журналистика	Наука и жизнь	Almanach (Мюнхен)	Панорама
Вестник РАН. Т.63	Наука и религия	Wiener Slavistisches	(Лос-Анджелес)
Военно-исторический	Начала	Jahrbuch (Вена)	Патриот
журнал	Наш современник	ГАЗЕТЫ:	Первое сентября
Волга (Саратов)	Наше наследие	Аргументы и факты	Подмосковные известия
Вопросы истории	Нева (С.-Петербург)	Арт-фонарь	Подмосковье
Вопросы философии	Неман (Минск)	Век	Правда
Восток	Новое время	Ветеран	Президент
Встреча	Новый мир	Вечерний клуб	Рабочая трибуна
Грани	Огонек	Вечерний Петербург	Рабочая газета
Дальний Восток	Октябрь	Вечерняя Москва	Российская газета
(Хабаровск)	Отечественная история	Восточный экспресс	Российские вести
Даугава (Рига)	Отечественные архивы	Голос	Россия
Детская литература	Охота и охотничье	Голос Родины	Русская мысль (Париж)
Диалог	хозяйство	Гражданин России	Русский вестник
Дон (Ростов-на-Дону)	Петербургский журнал	Гудок	Санкт-Петербургские
Другие берега	(С.-Петербург)	24	ведомости
Дружба народов	Простор (Алма-Ата)	Деловой мир	Сегодня
Журналист	Работница	Домашнее чтение	Семь с плюсом
Звезда (С.-Петербург)	Родина	Домострой	Семья
Звезда Востока	Россияне	Еврейская газета	Смена
(Ташкент)	Россия и современный	Известия	Собеседник
Знамя	мир	История.(приложение	Совершенно секретно
Золотой век	Русская речь	к газете «Первое	Советская Россия
Известия РАН: Серия	Русская словесность	сентября)»	Солидарность
литературы и языка.	Русский язык за рубежом	Книжное обозрение	Спасение
Т. 52	Русь (Ростов; Ярославль)	Коммерсантъ-Daily	Срочно в номер!
Известия СО РАН:	Свободная мысль	Комсомольская правда	Сын Отечества
История, филология и	Север (Петрозаводск)	Красная звезда	Труд
философия	Сельская молодежь	Крестьянская Россия	Учительская газета
(Новосибирск)	Семья и школа	Крестьянские ведомости	Федерация
Иностранная литература	Славяноведение	Криминальная хроника	Цирк
Искусство кино	Слово	Культура	Час пик
Исторический архив	Смена	Куранты	Экран и сцена
Источник	Согласие	ЛГ-Досье	Эмиграция
Кентавр	Социологические	Литература (приложение	Megapolis-Express
Континент	исследования	к газете «Первое	Modus Vivendi
Крик	Социум	сентября)»	
Кубань (Краснодар)	Столица	Литературная газета	
Лад (Вологда)	Театр	Литературная Россия	
Лепта		Литературные новости	

Художественный текст и культура

12-14 мая 1993 г., Владимир

Всероссийская научная конференция была организована кафедрой литературы Владимирского государственного педагогического университета; в рамках конференции работали секции русской классической литературы, литературы конца XIX — начала XX века, зарубежной литературы, лингвистики. К началу работы конференции был выпущен сборник тезисов: Всероссийская научная конференция «Художественный текст и культура»: Тезисы докладов. Владимир, 1993. 181 с. Тираж 120 экз.; цифры после названия докладов в нашем отчете отсылают к этому изданию.

И.Ю.Искрижская (Москва; «Достоевский и катарсис “последних” вопросов в русском символизме», с.48-49) говорила о том, что культура символизма явилась «доволощением» духовных и творческих исканий Ф.М.Достоевского. Основой средства символизма и Ф.М.Достоевского, по мнению докладчика, стало «вопросание» о «последних» глубинах бытия.

В докладе И.С.Приходько (Владимир) «Песня Судьбы и Книга Судеб: (Философема судьбы в драмах “Песня Судьбы” А.Блока и “Жизнь Человека” Л.Андреева)» (с.50-52) блоковская драма была рассмотрена как оппозиция по отношению к драме Л.Андреева. Были проанализированы две противоположные концепции человека, обусловленные различными философскими и религиозными ориентациями авторов.

И.И.Чекалов (С.-Петербург; «Шекспировское слово в восприятии И.Ф.Анненского», с.52-53) исследовал воздействие творчества Шекспира на педагогическую, филологическую и переводческую деятельность И.Анненского.

Г.В.Петрова (Н.-Новгород; «На пути поисков оправдания мира в творчестве И.Ф.Анненского», с.54-55) проанализировала стихотворения И.Ф.Анненского «Сентябрь» и «Раса»: (Статуя мира).

Доклад С.И.Бройтмана (Махачкала; «Ранний О.Мандельштам и Ф.Сологуб», с.55-57) был посвящен генезису лирики О.Мандельштама. Отметив сходство отдельных мотивов, С.И.Бройтман показал, как О.Мандельштам переосмыслил сологубовские принципы теургии: стих поглощает внесудожественную реальность, создается своего рода до-мир, определяемый лишь апофатически. Лирика О.Мандельштама оказывается одним из последних актов обретения искусством своей автономии.

О.И.Федотов (Москва) в докладе «“И в стольких жила зеркалах” (А.Ахматова)» (с.57-59) рассмотрел темы и мотивы, из которых складывается мир «Зазеркалья» в лирике поэтессы. Моменту «откровения» в творческом процессе Ахматовой, по наблюдению докладчика, предшествовало «состояние расслабленности» (ср. рисунок А.Модильяни), когда поэтесса стремится «уловить момент поэтического озарения».

В.В.Кудасова (Владимир; «“Вечер” А.Ахматовой: Поэтика заглавия», с.59-61) рассмотрела слово «вечер» как ключевой образ раннего периода творчества А.А.Ахматовой.

Сообщение А.С.Бирюковой (Москва) «Метаморфоза в ритмическом воплощении у В.Хлебникова» (с.62-63) было посвящено проблеме традиции в творчестве В.Хлебникова, а также трансформациям пушкинского ямба в стихотворении «Трущоба».

В докладе С.А.Ташлыкова (Иркутск) «Идеи Ф.Ницше в творчестве А.Куприна» (с.63-64) говорилось, что влияние философа на творчество писателя не ограничилось повестью «Поединок» — эстетический идеал «прекрасной звериности» нашел воплощение в таких произведениях, как «Листригоны», «Штабс-капитан Рыбников», «Бред» и др.

Несколько докладов было посвящено творчеству И.А.Бунина. Т.М.Бонами (Москва) в докладе «Жанрово-стилистические особенности рассказа И.А.Бунина “Чистый понедельник”» (с.65-67) показала, что жанр «Чистого понедельника» вбирает в себя черты «рассказа-исповеди», «драматической новеллы», «очерка-воспоминания», и соотнесла тональность этого произведения с музыкальным строем «Лунной сонаты» Л.Бетховена.

Г.В.Красновой (Елец; «К вопросу о соотношении культур в рамках одного текста», с.67-69) был проанализирован бунинский рассказ «Святитель». Н.Н.Комлик (Елец; «Бунин и Булгаков», с.69-70) попыталась показать, что оба писателя одинаково переживали современную им российскую действительность, отметив «генетическую связь» между дневниковыми записями Бунина 1920-х гг., рассказом «Конец» и такими произведениями М.А.Булгакова, как «Ханский огонь», «Бег».

В.Т.Захарова (Н.-Новгород) в докладе «Импрессионизм в ранней прозе С.Сергеева-Ценского» (с.71-73) выявила черты импрессионистического мирозерцания в поэме «Печаль полей», повестях «Улыбки», «Негоровливое солнце», «Недра».

Доклад И.А.Костылевой (Владимир) «Экспрессионизм в русской литературе XX века: Л.Андреев и Е.Замятин» (с.73-75) был посвящен общим в произведениях Л.Андреева («Жизнь Человека», «Царь Голуд») и Е.Замятина («Мы», «Дракон», «Пещера») чертам экспрессионистической образности (гиперболизация, гротеск, синтез реализма и фантастики, образы-идеи, отказ от традиционного психологизма).

Среди сообщений, прозвучавших на других секциях, представляют интерес два доклада о М.М.Бахтине: Н.К.Бонеецкой (Москва; «М.Бахтин и проблема текста художественного произведения», с.9-11) и А.И.Журавлевой (Москва; «Драма как открытый текст», с.11-13). В последнем докладе отмечалось, в частности, что идеи М.М.Бахтина примиряют две крайности: понимание произведения как имеющего раз и навсегда данное содержание и субъективизм рецептивной эстетики. Через Ю.Кристева эти идеи повлияли на Р.Барта с тем отличием, что у Барта происходит деперсонализация текста. Идеи М.М.Бахтина могут послужить ключом к теории интерпретации театрального произведения.

С.А.Мартьянова

Владимир Маяковский и его время 28-30 сентября 1993 г., Варшава

Международная конференция, организованная Институтом славистики Польской академии наук при финансовой поддержке «Фонда Стефана Батория» (аналога Фонда «Культурная инициатива»), прошла в усадьбе Заборово под Варшавой. Конференция открылась приветствием директора Института славистики ПАН Е.Бжетецкой-Фелешко (Варшава). Во вступительном слове А.Дравич (Варшава) отметил, что, хотя Стефана Батория с трудом можно назвать другом русского народа, Фонд его имени оказался вполне дружественным русской культуре. «Маяковский хотел воскреснуть в наше время, — сказал Дравич, — но времена уже не те, и с воскресением могут быть проблемы — именно поэтому и важно собраться и поговорить о Маяковском сегодня».

Э.Бальцежан (Познань) отметил, что канонизация Маяковского как художника марксистского толка привела к искажению эстетической позиции поэта и к почти полному неприятию его творчества. Маяковского читали так, как это было выгодно в определенных моментах. Изучение же возможно лишь с учетом эстетических директив самого Маяковского, находящегося в сложном интертекстуальном контексте между авангардом и традицией. По мнению докладчика, эстетические установки Маяковского не устарели — в отличие от этических. В дискуссии Б.Янгфельдт (Стокгольм) резонно заметил, что проблема «Возможен ли сегодня Маяковский?» существует только в бывших коммунистических странах, и привел данные об огромных тиражах Маяковского, в частности, в Швеции.

Л.Ф.Кацис (Москва; «Польские мотивы в творчестве Маяковского»), проанализировав варшавские очерки и стихи поэта, пришел к выводу, что очерк «Поверх Варшавы» является отражением борьбы вокруг «Нового ЛЕФа» и диспуты «ЛЕФ или блеф?». По мнению докладчика, очерк обращен к Б.Пастернаку (о чем свидетельствует и переключка его названия и поэтического сборника Пастернака) и связан с пастернаковским отношением к Маяковскому и «Новому ЛЕФу». В докладе были также рассмотрены прямые обращения Маяковского к своим сторонникам и противникам (в частности, В.Полонскому и А.Лежневу) и сопоставлены варшавские очерки и стихи Маяковского с очерком И.Эренбурга «В Польшу».

В.Ворошильский (Варшава) в докладе «Владимир Маяковский — “чужой” и “свой” в окружающем его мире», исходя из анализа употребляемых Маяковским местоимений «я», «мы», «вам», «наши» и др., продемонстрировал, как с течением времени агрессивное «я» предреволюционного Маяковского постепенно трансформируется в коллективистское «мы». Однако постепенно нарастающее ощущение своей чуждости и подспудное существование старого «я» дают о себе знать («Я хочу быть понят мойей страной...», «Я смирял себя, становясь на горло собственной песне...»), приводя к драматическому конфликту и трагической развязке.

М.Ш.Бонфельд (Вологда; «Маяковский как теоретик стиха в свете современной нам и современных Маяковскому теорий художественной речи»), проанализировав статью «Как делать стихи?», привел примеры тонких стиховедческих наблюдений поэта и, в рамках заявленной темы, сопоставил Маяковского с М.Цветаевой, Т.С.Элиотом, Д.К.Рэнсоном. Докладчик обнаружил также методологические сходства у Маяковского с М.Хайдеггером в понимании соотношения литературы и реальности.

Б.Янгфельдт («Маяковский и Гете в зоопарке») сопоставил стихи Гете о Лили Шенеман («Парк Лили») с биографическим мифом Маяковского, основанным на семейном предании Каганов, что Лили Брик была названа в честь Лили Шенеман. Была показана связь этого семейного предания также с поэмой Маяковского «Про это», в частности, с образом любящего медведя — основным в стихотворении Гете. Введение этих источников в научный оборот существенно проясняет поэму «Про это». А сделанное докладчиком уточнение по истории рецепции стихов Гете в России позволяет считать высказанную ранее М.Ф.Пьяных гипотезу о связи стихотворения Гете и поэмы Маяковского научно доказанной.

Ю.А.Молок (Москва) сделал доклад «Графические мифологемы Маяковского». По его мнению, категории «рисованное», «печатное», «устное» отражают не смену эпох в творчестве Маяковского, а постоянные переходы одного в другое. Так, например, книга «Я» — «рукописная, но Маяковский диктует ее Чекрыгину, рисунки делают Чекрыгин и Жегин, поэту принадлежит обложка». Докладчик интерпретировал кляксу на обложке книги как еще одну — графическую — «пощечину общественному вкусу», а жегинский портрет Маяковского — как футуристическую антитезу сомовскому портрету Блока. Исследуя конструкцию книги «Про это», докладчик отметил, что титул этой книги — фамилия «Маяковский», а название поэмы «Про это» мы видим только на следующей странице. В целом же книга выполнена как последовательность кинокадров и может быть сопоставлена с работой Эль Лисицкого «Сказ про два квадрата».

Сообщение Ф.Неуважного (Варшава; «От рыдания к издевательствам») было посвящено сатирическим произведениям Маяковского. Докладчик, в частности, отметил, что, если в ранних сатирах поэта преобладали юмор и ерничество, то поздние стали более злыми и саркастическими.

Т.Тычяский (Варшава; «Хулиган и гломор»: Подступы к Маякологии») остановился на проблеме дегуманизации искусства в XX веке и показал, что авангард — как бунт против «старого авангарда» постепенно перешел в дихотомию футурист-хулиган = авангардист-коммунист. Докладчик считает, что само по себе исповедание поэтом коммунистической идеологии не должно влиять на наши оценки его поэзии. Для Маяковского оказалось невозможным пережить перерождение революции, приведшее его снова к одиночеству («Двое в комнате. Я и Ленин»).

С.А.Гончаров (С.-Петербург; «Маяковский и утопическое сознание») предпринял поиски софийных истоков утопизма Маяковского и возвел образ «флейты-позвоночника» к образу Софии — Ангела с крыльями. Творчество Маяковского, по мнению докладчика, это своеобразная авангардная Библия и авангардное Евангелие.

В докладе Р.Платоне (Рим; «Неминуемые блаженства, или О невозможности описать всеобщее счастье») утверждалось, что после Данте ни одному поэту не удалось создать целостное и убедительное описание райского блаженства. Блаженство исчезает, когда наступает реальность исторического времени. Со времен французской революции эвтопия заменяется эвхронией. Пространство заменяется временем. Это общевангардная утопия, и Маяковский здесь не исключение. Он реализовал это в «Летающем пролетарии», «Мистери-Буфф», «150 000 000» и т.д. Утопии Маяковского сопоставлялись в докладе с брюсовским «Бунтом машин» и «Городом солнца» Т.Кампанеллы.

В.Парниевский (Лодзь; «Маяковский и российская утопия польского дома») сопоставил взгляды

С.Жеромского и Маяковского на проблему «польского дома». По мнению докладчика, Маяковский отказывается от идей патриотизма и стремится стать «другом всех людей», Польша для него — «дом угнетения», Россия — «общечеловеческий дом», русский может быть братом и отцом другим этносам и народам. Это ведет, по мнению докладчика, к теократической утопии Вл. Соловьева. На этом фоне рассматривается роль Ленина и российского пролетариата как миссионерская.

Утопизм Хлебникова и Маяковского был сопоставлен и в кратком сообщении Г.Импости (Милан).

И.Суецка (Варшава; «Авангардные универсальные утопии»), проанализировав утопии Маяковского, Милева, Мицича, отметила, что все они сознавали несовместимость Востока и Запада (сербская панславистская утопия, идея европеизации болгарской культуры, русская утопия всеобщего равенства и справедливости). Маяковский вполне укладывается в этот контекст славянской мысли. Докладчик считает закономерным размежевание Маяковского и других русских футуристов с Т.-Ф.Маринетти, полагая, что антизападничество позднего Маяковского зарождалось еще в 1910-х г.

А.Дравич («Маяковский и несбывшиеся надежды русского авангарда») утверждал, что в современной Польше Маяковский и другие авангардисты (К.Петров-Водкин, С.Эйзенштейн и др.) не могут рассчитывать на успех. Авангард «спроектировал» не только искусство революции, но и революцию, которой необходимо такое искусство. Но промышленная утопия авангарда оказалась нерализованной. «Наше население не научилось отделять поэтику от политики, — сказал докладчик, — смотрят не на то — “как”, а на то — “что”. И в этом авангард повинен». Это соображение вызвало острую дискуссию. Ю.А.Молок, в частности, заметил, что художественный авангард не рассчитывает на реализацию утопии. Это привело бы к гибели искусства. В итоге большинство участников дискуссии сошлось на том, что жизнь оказалась авангарднее искусства. Контекст поглотил авангардный текст.

Проблемы мировоззрения и метода И.С.Тургенева

5-8 октября 1993 г., Орел

Межвузовская научная конференция была подготовлена совместно Институтом русской литературы (ИРЛИ), Орловским педагогическим институтом и Гослитмузеем И.С.Тургенева (Орел). На ней обсуждались вопросы, связанные с анализом романтических тенденций, автобиографических мотивов тургеневского творчества, специфики художественного языка писателя. Наряду с этим внимание уделялось и проблеме внутрилитературных связей тургеневского творчества как преемственного, так и типологического характера. Если сравнительное исследование структуры романов и повестей Тургенева, Пушкина, Гоголя и Достоевского стало уже традиционным, то вопрос о влиянии Тургенева на русских литераторов

конца XIX — начала XX вв. еще недостаточно разработан.

С этой точки зрения были интересны выступления В.К.Гайдука (Иркутск) и Л.И.Пох (Бельск) о тургеневских традициях в творчестве Чехова. Тема традиций тургеневского психологизма в творчестве Б.Зайцева впервые, насколько нам известно, была затронута в докладе Н.А.Куделько (Орел). В докладе И.И.Московкиной (Харьков) «Призраки» И.С.Тургенева и Л.Андреева» была сделана попытка найти общее в творческой манере этих писателей и вместе с тем раскрыть своеобразие модернистской техники Л.Андреева в сравнении с поэтикой тургеневских романтических новелл.

Н.Н.Арсентьева

К вопросу о трагедии личности С.Я.Эфрона и судьбах России

12 октября 1993 г., Москва

Памятные чтения, посвященные столетию С.Эфрона, состоялись в Доме Марины Цветаевой. События в Москве 3-4 октября придали чтением особую остроту и актуальность. Как отметила в своем вступительном слове Н.И.Катаева-Лыткина

(Москва), трагедия личности С.Эфрона — это трагедия не одного человека, а многих поколений, попавших под кровавое колесо большевизма.

Истории возникновения и развития евразийского движения был посвящен доклад А.В.Соболева

(Москва) «С.Эфрон и евразийство». Докладчик охарактеризовал годы после I мировой войны (примерно до 1923 г.) как время наивысшего подъема творческой энергии интеллигенции, а евразийство — как наиболее интересное движение в русской эмиграции. Историко-социальная направленность деятельности евразийцев под влиянием внедрившихся в организацию агентов ГПУ сменяется включением в реальную политику, что привело к расколу и моральной дискредитации евразийства. А.В.Соболев зачитал несколько отрывков из переписки евразийцев, касающихся С.Эфрона, перешедшего на сторону большевиков.

А.А.Саакянц (Москва; «С.Я.Эфрон: Попытка образа: (Из переписки с сестрами)») определила личность С.Эфрона как противоречивую и неоднозначную, утверждая, что «никто не сделал попытки осознания этого удивительного человека, которому М.Цветаева была верна всю жизнь». Опираясь на письма С.Эфрона к сестрам 1912-1939 гг., докладчик проследила этапы жизненного пути С.Эфрона и предприняла попытку реконструкции его образа. По просьбе автора доклад был зачитан Л.М.Турчинским.

Трагическому завершению жизни С.Эфрона был посвящен доклад М.И.Фейнберг-Самойловой (Москва) «Некоторые материалы следственного и реабилитационного дела С.Я.Эфрона». Необычайно мужественным человеком назвала С.Эфрона докладчик: за два года пребывания в сталинских тюрьмах (Лефортовской, где официально были разрешены

пытки, внутренней тюрьме на Лубянке и в Бутырках) — он никого не оговаривает, что почти невероятно в тех условиях. М.И.Фейнберг призвала публикаторов избегать фактографических ошибок, в последнее время появившихся на страницах периодических изданий: так, неверно, что С.Эфрон был расстрелян в Орловском центре — ко времени расстрела (16 октября 1941 г.) Орел уже 10 дней был занят немцами. «Работая с этими кровавыми документами, меньше всего следует заниматься беллетристикой, — отмечает докладчик. — Наша задача — опубликовать и дать комментарий».

Столетие со дня рождения С.Я.Эфрона было отмечено также открытием в Доме Марины Цветаевой выставки ««Всем Вам — кто жил и умирал без страха...»: (Лебединый стан. Красный и Белый Перекоп)». Выставка была подготовлена совместно с сотрудниками РГБ, любезно предоставившей материалы из фондов Отдела литературы русского зарубежья и Отдела военной литературы. В первом разделе — «Лебединый стан» — были выставлены книги разных жанров (в том числе, конечно, и «Лебединый стан» Цветаевой), архивные материалы, дневники и воспоминания деятелей Белого движения, а также военные журналы, уникальные плакаты, листовки того времени и редкие фотографии. Второй раздел — «Перекоп» — представлял издания произведений Цветаевой и Эфрона.

И.Ю.Белякова

Сергей Есенин: Проблемы, поиски, находки

25-26 октября 1993 г., Москва

Очередная научная конференция есениноведов, проходившая в ИМЛИ РАН, открылась докладом Ю.Л.Прокушева (Москва) «Есенин в современном мире». В выступлении Председателя Есенинского комитета и руководителя научной Есенинской группы ИМЛИ была охарактеризована общая концепция современного есениноведения, а также рассмотрены более конкретные задачи, вставшие перед учеными в ходе подготовки академического Полного собрания сочинений С.А.Есенина.

Н.И.Гусева (Москва) построила свое выступление «Сергей Есенин — поэт и человек: (Восприятие русским зарубежом)» на анализе материалов, извлеченных из труднодоступных периодических изданий русского зарубежья.

В докладе А.А.Козловского (Москва) «Есенин и проблемы теодицеи» анализировались «маленькие поэмы» Есенина 1917-1918 гг., в которых, по мнению докладчика, поэт выступил как пророк новой религии, нового мироустройства, цель которого близка к христианским идеалам, но будет достигнута «без креста и мук», путем преодоления смерти.

Доклад Л.А.Киселевой (Киев) «Христианство русской деревни в творчестве С.Есенина и Н.Клюева» был посвящен основным различиям в мировосприятии этих поэтов. На анализе конкретных текстов было показано, что цветовая гамма во многих произведениях Есенина не только создает ощущение иконографичности, но и несет определенный сакральный смысл.

Раскрытию мало разработанной в есениноведении темы был посвящен доклад Е.Шокальского (Варшава) ««Предназначенное расставанье»: Об устойчивости есенинского образа мира: от мира к дому». На многочисленных примерах исследователь показал, что «в есенинской поэзии достаточно четко и многогранно отражено архаическое ощущение цикличности как основы миропорядка, идея изначального круговорота». Такой поворот темы, по мнению докладчика, позволяет рассматривать творчество

Есенина не только в контексте русского религиозно-философского ренессанса, но и говорить о «непосредственном воздействии» на поэта индуистской философии, буддизма, учения Р.Штейнера и др.

Доклад С.Н.Кошечкина (Москва) «Четвертый том: Состав, композиция, текстология» был посвящен истории издания стихотворений Есенина, не вошедших в Собрание сочинений, а также подготовке четвертого тома академического издания.

А.И.Захаров (Москва) выступил с докладом «Проблемы периодизации творчества Есенина в свете его поэтики».

М.В.Скороходов (Москва; «Первая книга С.Есенина в критике современников») рассмотрел эволюцию взглядов на раннее творчество поэта.

Одна из наиболее острых проблем была поднята в докладе С.И.Субботина (Троицк/Москва) «У истоков есенинской текстологии: И.В.Еадокиных в работе над «Собранием стихотворений» поэта». Статья, написанная на основе этого доклада, опубликована в № 11 «DV» за 1993 г.

В.Е.Кузнецова (Мурманская обл.) в выступлении «Иконография Сергея Есенина» рассказала о поисках новых фотодокументов, которые проводит под ее руководством школьный музей С.А.Есенина.

О.Л.Бишарев (Луганск) в докладе «Несостоявшаяся дуль Есенина: (По воспоминаниям Н.И.Стора)» на основе своей переписки с Н.П.Стором атрибутировал Есенину эпиграммы на сотрудников газеты «Заря Востока», впервые опубликованные анонимно в сборнике «Тысяча зевков» (Тифлис, 1924).

Доклад С.В.Шумихина (Москва) «Мемуарные источники биографии Есенина и их интерпретация» большей частью был построен на анализе изъятых, сделанных публикаторами при издании воспоминаний Г.А.Бениславской. Только полное научное издание всех материалов, касающихся биографии Есенина, поможет, как считает исследователь, по-новому взглянуть на личность и творчество поэта.

Доклад Б.В.Соколова (Москва; «Революция и судьба России в поэме Есенина “Анна Снегина”») был посвящен анализу символики топонимов и раскрытию характера лирического героя в поэме.

Т.К.Савченко (Москва; «Поэтический цикл А.Блока “Страшный мир” и поэма С.Есенина “Черный человек”») рассмотрела тему «двойничества» в «Москве кабацкой» и «Черном человеке» и показала, что она связана у Есенина с «кабацкой» лирикой, в то время как у Блока — с «ресторанной».

А.И.Михайлов (С.-Петербург; «Николай Клюев о Сергее Есенине: Новые материалы») познакомил собравшихся с новыми архивными документами из так называемой клюевской «Черной тетради», среди которых выделяется «Бесовская басня про Есенина», а также с письмами Клюева 1920-х гг., посвященных, в частности, Есенину.

Ю.Б.Орлицкий (Калининград/Москва; «Верлибры С.Есенина в контексте русского свободного стиха начала XX века») показал, что образная система есенинских свободных стихов 1917-1918 гг. самым тесным образом связана с русским духовным стихом, послужившим одним из важнейших источников формирования национальной модели верлибра в творчестве М.Кузмина, А.Добролюбова, Вяч. Иванова и др. По

мнению докладчика, опыты Есенина со свободным стихом вписываются в эту традицию.

В докладе В.И.Фатющенко (Москва) «“Но” в лирике Сергея Есенина» на основе лингво-синтаксического анализа текстов был охарактеризован один из излюбленных приемов есенинской поэтики — контрастное противопоставление.

В докладе Н.Н.Арсентьевой (Москва) «Переводы Сергея Есенина в Испании» было рассказано о творчестве современных испанских поэтов — переводчиков Есенина. Прозвучавшие отрывки из новейших переводов есенинской лирики дали представление о несомненной близости их звучания к звуковому образу оригинала. Докладчик отметила типологическое сходство поэзии Есенина и его испанских современников — прежде всего Ф.Гарсиа Лорки, — ориентированных на образную и звуковую систему народной поэзии.

Членами Есенинского общества «Радуница» были также прочитаны доклады: Л.Ф.Карохин (С.-Петербург) «Есенин в Федоровском городке: Новые материалы» (вопросы охраны исторических памятников г.Пушкина), Н.Д.Чистяков (Московская обл.) «Разбуженный в сердце май: (Сергей Есенин и Анна Сардановская)», Г.В.Стадницкий (С.-Петербург) «Экологические проблемы в творчестве Есенина».

М.В.Скорыходов

Андрей Белый

26-28 октября 1993 г., Москва

Международная научная конференция прошла в ИМЛИ РАН и явилась, как подчеркнул во вступительном слове В.А.Келдыш (Москва), первым международным симпозиумом в России, посвященным одному из самых значительных писателей XX века.

Конференцию открыла Л.Силард (Будапешт) докладом «Проблема культуры в книге “Символизм”», в котором была подробно проанализирована культурологическая концепция статьи Белого «Проблема культуры». В отличие от немецкой традиции, по наблюдению докладчика, Белый особое внимание уделял созидательной деятельности культуры, а не ее продуктам, и особенно подчеркивал творческий характер культурологии (когда ценность заключается не в субъекте и не в объекте, но в самом творчестве). Л.Силард отметила близость культурологических концепций Белого и Бердяева, опирающихся на антропологический принцип.

О культурологии Белого говорил в своем докладе и И.В.Кондаков (Москва; «Философия культуры Андрея Белого и современность»), несколько буквалистски, как нам показалось, приложивший культурологические концепции писателя к сегодняшней ситуации в стране.

Серию «топонимических» докладов открыл Л.К.Долгополов (С.-Петербург; «Андрей Белый в знаковой системе русского символизма»), рассмотревший романы «Петербург» и «Москва» как знаковые системы. При этом докладчик высказал небезынтересную, хотя и несколько спорную, мысль, что «Москва» есть «наспех переписанный “Петербург”», причем образ Аполлона Аполлоновича Аблеухова «перетек» в образ Эдуарда Эдуардовича Мандро. Главную же особенность Андрея Белого как личности Л.К.Долгополов, вслед за З.Н.Гиппиус, увидел в «одновременном блуждании во всех четырех измерениях сразу». Заметим, что подобную характеристику с полным основанием можно приложить едва ли не ко всем символистам «среднего» поколения.

Д.Коппер (Ханوفر, США; «Город Москва как тема в прозе Андрея Белого») проследила за развитием мо-

сковской темы во «Второй симфонии», «Крещеном китаице» и «Котике Летяеве».

О.Кук (Колледж-Стэйшн, США; «Летучий Дудкин: Шаманство в “Петербурге”») проанализировала одну из ключевых сцен романа, в которой Дудкин встречается с памятником Петру I. По мнению докладчика, эта сцена проникнута ритуальной символикой, так что Петр предстает «главным шаманом», которому настало время вернуться в Россию и перевоплотиться в нового шамана — «бедного Евгения XX столетия Дудкина». Доклад О.Кука вызвал оживленную полемику среди присутствующих. Далеко не всем показалось убедительным применение самого термина «шаманство» к героям «Петербурга».

Ш.Кастеллано (Питтсбург; «Синтезизация и время повествования в романе “Петербург”») рассмотрела другую важнейшую сцену романа — сон Николая Аблеухова. В ней, как считает докладчик, все мотивы стянулись к ключевому слову «Петербург» — «нуль». К сожалению, доклад, как нам показалось, не был подкреплен достаточным количеством убедительных примеров.

Чрезвычайно интересными оказались лингвистические и «окололингвистические» доклады.

Н.А.Коженикова (Москва; «Метафора и сравнение в стихах Андрея Белого») наметила основные соотношения реальных и тропов в поэтических книгах Белого разных лет. К сожалению, глобальное изучение этой темы, как и языка Белого в целом, затруднено отсутствием словаря языка писателя.

С.И.Гиндин (Москва; «Вторая стиховедческая система А.Белого: О книге “Ритм как диалектика”») говорил о двух тенденциях в оценке этой книги. Одна из них, выразителем которой был В.М.Жирмунский, сводится к тому, что в «Ритме как диалектике» Белый варьирует свою же концепцию из книги «Символизм». Согласно второй (тут докладчик сослался на работы М.Л.Гаспарова), в «Символизме» изучалась статика ритма, а в «Ритме и диалектике» — его динамика. Сам С.И.Гиндин придерживается мнения, что уже в «Символизме» Белый пытался изучать динамику ритма. В заключение С.И.Гиндин попытал-

ся ответить на два вопроса, не имеющих прямого отношения к лингвистике: почему Белый в «Ритме как диалектике» так нападает на Жирмунского и Томашевского и почему в своей книге он так увлекся социальным пафосом? Полемика между Белым и «формалистами» была, по определению докладчика, полемикой между «символистским» и «футуристическим» поколениями стиховедов. Отвечая же на второй вопрос, С.И.Гиндин употребил чрезвычайно удачный термин «заражаемость». Белый очень легко «заражался» настроениями, витающими в социальном воздухе эпохи. Введение термина «заражаемость», на наш взгляд, снимает с Белого обвинение в «постоянных изменах себе самому», прозвучавшее в докладе В.М. и С.И.Пискуновых (Москва) «Теория символа А.Белого и проблема национального своеобразия русского символизма».

Ю.Б.Орлицкий (Москва; «Русская проза XX века: Реформа Андрея Белого») посвятил свой доклад ритмике беловской прозы.

Едва ли не самым интересным среди прозвучавших на конференции оказался нам доклад М.Л.Гаспарова (Москва). Сочетание филологической изощренности и блестящего изложения делает доклады М.Л.Гаспарова увлекательными как для искушенного специалиста, так и для любого мало-мальски подготовленного читателя. Доклад М.Л.Гаспарова был посвящен балладе Белого «Шут» и ее месту в сборнике «Королевна и рыцари» и в творчестве Белого в целом. Докладчик рассмотрел семантику графических сдвигов у поэта и выделил три подхода Белого к графике своих стихотворений. В «Пепле» — подход содержательный; в «Урне» — формальный; в «Королевне и рыцарях» господствует формальный подход, содержательный же присутствует в балладе «Шут» — главным стихотворением сборника. Чем сложнее графическое оформление текста, тем более сложную интонацию предлагает поэт угадать читателю. Отметим, что это предположение М.Л.Гаспарова подтверждается мемуарным свидетельством С.И.Бернштейна (в работе «Стих и декламация»). М.Л.Гаспаров выделил пять последовательных способов изощренности в «Королевне и рыцарях» и проиллюстрировал их примерами из «Шута». Главное графическое новшество «Королевы и рыцарей» докладчик назвал «косой ступенькой». В полную силу оно использовано только в балладе «Шут». «Косая ступенька», по мнению докладчика, пришла в стихи Белого из его же прозы. Таким образом, «проза научила поэзию поэтическим приемам».

А.Г.Бойчук (Москва) в докладе ««Лучезарный старец»: Подтекст Мережковского в «Кубке метелей»» высказал предположение, что в образе «лучезарного старца» отразились конкретные черты не только и не столько Вл. Соловьева, как полагает А.В.Лавров, сколько Д.С.Мережковского. Свое предположение докладчик подкрепил сопоставлением фрагментов из «Кубка метелей» с заметками Белого, посвященными Мережковскому (в первую очередь — с заметкой «Мережковский: Силуэт»). Докладчик подробно проанализировал главу «Молитва о хлебе», показав, что для ее адекватного восприятия, как и для восприятия «Кубка метелей», важно учитывать скрытые цитаты из Мережковского, «впрыснутые» Белым в ткань своей симфонии».

О.Тиллес (Амстердам) в докладе «Приемы «затемнения» в четвертой «симфонии»: «Кубок метелей»» пыталась раскрыть некоторые подтексты из Мережковского, помогающие понять «темные места» в «симфонии» Белого.

«Годами «парили» нас с Блоком», — с этой беловской цитаты начала свой доклад Д.М.Магомедова (Москва; «А.Блок и А.Белый: К вопросу о творческих взаимоотношениях: (Феномен литературного

«двойничества»»)) и посоветовала, что собственно творческие контакты двух поэтов до сих пор изучены весьма слабо. Она рассмотрела мотивные переключки между первой «симфонией» Белого и произведениями Блока. Образное строение беловской «симфонии» оказало огромное влияние на Блока. Но проявилось оно лишь спустя многие годы, во втором блоковском томе. Далее докладчица привела убедительные примеры мотивных переключек между «симфонией» Белого и пьесой Блока «Король на площади», его стихотворением «Влюбленность» и статьей «Безвременье», само заглавие которой восходит к главной теме «симфонии» Белого. Взаимоотношения Блока и Белого докладчица охарактеризовала как «уникальное, в сравнении с XIX веком, явление литературного двойничества». Хотя инициатором творческого диалога всегда выступал Белый, в сознание публики проникли лишь реплики Блока.

Л.Ф.Кацис (Москва) в докладе «Образы берлинской прозы Белого у позднего Мандельштама» возвел «экзотические» слова, а, отчасти, и саму тему мандельштамовских «Стихов о неизвестном солдате» к «берлинским» произведениям Белого.

Доклад К.М.Поливанова (Москва) «Андрей Белый и «Близнец в тучах» Б.Пастернака» был посвящен сопоставлению позиций А.Белого и Б.Пастернака. Следы влияния Белого на опыты молодого Пастернака обнаружить непросто, так как Пастернак, в отличие от многих своих современников, редко прибегал к прямым реминисценциям. Опираясь на работы А.Лаврова, Л.Флейшмана и собственные разыскания, докладчик все же привел несколько примеров влияния Белого на «жизненное» поведение Пастернака и его стихи из книги «Близнец в тучах». В заключение, докладчик высказал мысль о примирении символизма (в лице Белого) и футуризма (в лице Маяковского) на страницах «Близнеца в тучах», что говорит о глубинной общности двух течений.

М.А.Хейфер (Москва) обнародовала в докладе «А.Белый в дневнике Я.Черняка» дневниковые записи близкого друга Пастернака и хорошего знакомого Белого Я.З.Черняка.

Аспекты биографии Белого были затронуты в докладе Н.М.Каухчишвили (Бергамо) «Андрей Белый и Николай Бугаев». Как явствует уже из заглавия, в докладе рассматривались взаимоотношения Белого с отцом, которого современник назвал «столь же математиком, сколь и философом». Теория чисел Николая Бугаева, по мнению Н.М.Каухчишвили, повлияла на построение «симфоний» Белого — «самого «математичного» писателя со времен Льюиса Кэрролла».

Доклад К.Ю.Постоутенко (Москва) «Андрей Белый, Н.Метнер и Э.Метнер: Парадоксы национальной самоидентификации» вызвал неодобрительные реплики у известной части зала ИМЛИ РАН. Полный текст этой работы опубликован в № 1/2 «DV» за 1994 г.

Д.М.Фельдман (Москва; «Белый и издательство «Никитинские субботники»») восстановил контекст выступлений Белого на заседании «просоветского» (по определению докладчика) общества «Никитинские субботники» в Москве, где писателя принимали как живого классика, но с соответствующих идеологических позиций.

Т.Байер (Миддлбери, США; ««Крещеный Китаец» Андрея Белого: Опыт переводчика») поведал присутствующим, с какими неимоверными трудностями пришлось столкнуться ему как переводчику романа, вышедшего в США в 1991 г.

Творческим контактам Белого с предшественниками и современниками были посвящены доклады К.Секе (Сегед) ««Нисхождение» как дилемма культуры у А.Белого и А.Ремизова», О.А.Клишга (Москва)

«Спор о “великом меланхолике”: Пушкин — Гоголь — Белый», Э.А.Полоцкой (Москва) «“Пролет в вечность”: (Андрей Белый о Чехове)», Е.В.Ивановой (Москва) «Жанр “симфонии” в раннем творчестве П.А.Флоренского», М.В.Скороходова (Москва) «Творческие контакты Белого и Есенина в “Скифах”».

Приходится сожалеть, что не состоялись заявленные в программе доклады А.В.Лаврова «Дарьяльский

и С.М.Соловьев: О биографическом подтексте в “Серебряном голубе”, Н.В.Котрелева «Понск учителя: Проблема духовной эволюции Белого» и А.Е.Парниса «К истории отношений Белого и Блока».

Конференцию завершил круглый стол, состоявшийся в музее Андрея Белого на Арбате.

О.А.Лекманов

Пришвинская конференция

4-5 ноября 1993 г., Москва

Международную встречу пришевиноведов, состоявшуюся в ИМЛИ РАН, открыл А.Л.Гришунин (Москва), отметивший важность этой встречи для изучения наследия писателя, которое в полном объеме становится известным только сейчас. В.В.Кожин (Москва) в своем приветственном выступлении подчеркнул современность творчества Пришвина: обладая «мощным пророческим даром», писатель смог увидеть грядущие явления в их «цельности и наибольшей объективности».

Л.А.Рязанова (Москва) рассказала о состоянии дел по обработке архива Пришвина в РГАЛИ. Примерно к концу 1994 г. предполагается открыть архив для исследователей. Она выделила несколько наиболее интересных массивов: материалы, касающиеся работы писателя над романами «Кашея цепь» и «Осударева дорога», поэмой «Жень-шень», произведениями последних лет, а также переписку писателя с известными учеными и деятелями культуры.

Т.Я.Гринфельд (Сыктывкар; «Вл. Соловьев, В.Розанов, М.Пришвин: Понимание “красоты” в природе») говорила о своеобразии отечественной натурфилософии, отразившейся в развитии словесного пейзажа XX века. Докладчица отметила, что в произведениях Пришвина осуществляется переход русской прозы от классических описательных «видов окрестностей» к «самостоятельной природе».

В.Ю.Гришин и Я.З.Гришина (Москва; «Ранний дневник: 1905-1913 годы») говорили о трудности работы с дневником писателя этих лет, представляющим собой отдельные вырезки и «клочки», в более поздние годы объединенные самим писателем в условные тематические подборки. Были выделены два основных направления исследования: дневник как феноменология личности и художественного сознания и как материал для исследования глубинных пластов народного сознания, в котором идет распад мифологической цельности и рост индивидуальной свободы.

Н.Г.Полтавцева (Ростов-на-Дону; «Проблемы культуры в дневниках 1914-1918 гг.») впервые коснулась темы «Пришвин и модерн». На примере дневников Пришвина 1914-1918 гг. она проследила основные положения эстетики модерна: изменение культуры творческого субъекта, новое понимание времени и пространства в культуре, особое соотношение между органическим, социальным и технологическим.

В докладе Н.П.Дворцовой (Москва/Тюмень; «М.Пришвин и А.Ремизов: К истории творческого диалога») рассматривалась история взаимоотношений Пришвина и Ремизова, охватывающая полвека и включающая в себя целый ряд сюжетов: Пришвин и «школа Ремизова», диалог писателей о природе, России, революции.

Доклад А.Л.Гришунина «А.Блок и М.Пришвин» был посвящен развитию взаимоотношений Блока и Пришвина: от взаимного интереса на раннем этапе (Блок вынашивал планы совместных путешествий с Пришвиным вглубь России) до разрыва после Октябрьской революции (резко негативная оценка

Пришвиным статьи Блока «Интеллигенция и революция» («Большевик из Балаганчика», 1918) и «Двенадцати». Об образе Христа в поэме «Двенадцать» Пришвин размышлял на страницах дневника до конца своих дней, постепенно смягчая оценки поэмы.

Ф.Апаевич (Гданьск) выступил с докладом «“Игра с жанром” в “Кашея цепь” Михаила Пришвина». В «Кашея цепь», по его наблюдениям, сталкиваются повествовательные модели таких жанров, как автобиография, персональный и аукториальный роман и волшебная сказка, которые, взаимовлияя друг на друга, выстраиваются в четкую иерархическую структуру, в которой сказочная модель занимает высшую позицию в декодировании семантики произведения. Так же в плоскости изображенного мира взаимодействуют пространственно-временные модели, сюжетные схемы и схемы персонажей названных жанров, не только позволяющие читателю увидеть мир в разных ракурсах, но и вставляющие читателя найти нужный в данный момент. Чтение, таким образом, является тоже игрой, в которой читатель постоянно пытается «догнать» автора, найти его истинную позицию, разгадать его тайну.

Т.Т.Давыдова (Москва; «Образ города в повести М.Пришвина “У стен града невидимого”, А.Чалыгина “Белый скит” и рассказе Е.Замятина “Знамение”») выявила типологические идейно-художественные особенности в раскрытии актуальной для русской литературы 1900-1910 годов темы духовно-религиозных исканий.

В.А.Фатеев (С.-Петербург) в докладе «К пониманию простоты в мировоззрении М.Пришвина» предпринял попытку поиска новых категорий «простоты». Доклад вызвал горячую полемику среди участников конференции.

В докладе Т.М.Рудашевской (Лос-Анджелес; «Нравственно-философский роман в творчестве Пришвина: Проблематика и поэтика “Осударева дорога”») была сделана попытка личного осмысления «Осударева дорога». В результате такого подхода, роман, вопреки сложившемуся мнению о нем как об авторской неудаче, открылся как пророческое слово Пришвина «о мире и ходе вещей в нем». Доклад вызвал оживленную полемику, которая продолжалась и в перерывах до самого конца работы конференции.

Т.Г.Симонова (Гродно) выступила с докладом «Соотношение документального и художественного в дневниках М.М.Пришвина».

Доклад Х.Верстрате (Брюссель) «Переводы М.Пришвина на нидерландский язык», вызвавший всеобщий интерес, был посвящен неизвестному переводу поэмы Пришвина «Черный араб». Перевод был выполнен выдающимся бельгийским писателем Стейном Стреллесом (1871-1969) в 1932 г. Докладчик подробно проанализировал мировоззрение двух писателей, их отношение к природе, творческому процессу и художественным методам.

Я.В.Леонтьев (Москва) в сообщении «М.М.Пришвин и Р.В.Иванов-Разумник» рассказал о многолет-

ней дружбе М.М.Пришвина с Р.В.Ивановым-Разумником, в частности, о сложных взаимоотношениях Иванова-Разумника и Пришвина в годы «большого террора» и о той материальной и моральной помощи, которую оказывал Пришвин своему другу. Были зачитаны выдержки из неопубликованных писем Иванова-Разумника к жене из ссылки, содержащие благожелательные отзывы о Пришвине. В своих дневниках Пришвин постоянно вступает в диалог с Ивановым-Разумником (так же, впрочем, как и с В.В.Розановым).

Необычной теме был посвящен доклад кандидата сельскохозяйственных наук Н.Ф.Бирюковой (Москва; «Агрономические книги М.Пришвина»). Начинаящий писатель и ученый-агроном Пришвин выпустил в свет две книги «Как удобрять поля и луга» (1905) и «Картофель в полевой и огородной культуре» (1908). Произведения Пришвина-агронома во многом актуальны и сегодня, и с успехом могут быть переизданы в помощь современным фермерам и огородникам, к чему автор доклада и призвал издателей.

«Век мой, зверь мой» 6-7 ноября 1993 г., Фрайбург

Конференция была организована Фрайбургской Католической Академией и Мандельштамовским обществом. Единственным рабочим языком конференции был немецкий. В известном смысле это способствовало раскрытию ее проблематики.

П.М.Нерлер (Москва; «Германия и Мандельштам») показал, какое значение имело для Мандельштама его пребывание в Гейдельбергском университете. Строгая философская школа Гейдельберга привила Мандельштаму четкость метода, научила его избегать всего зыбкого, неопределенного, расплывчатого. Мандельштам стал подлинно философским поэтом в противоположность философствующим эпигонам символизма. Докладчик проследил также, как тянутся нити от Гейдельбергского университета к стихотворению Мандельштама «К немецкой речи».

Доклад П.Хессе (Базель) был посвящен проблеме рецепции Мандельштамом философии Бергсона. Анализ докладчика был достаточно убедителен, когда речь заходила об эссенцистике поэта, и не мог быть абсолютно распространен на стихи поэта (то ли стих Мандельштама ускользает от подобного анализа, то ли сам анализ, рассчитанный на другую проблематику и в большей степени применимый к «Новым стихотворениям» Рильке, «проскальзывает» мимо стиха). Недаром П.Хессе предпочитает немецкие переводы русским оригиналам Мандельштама. И ее выводы действительно подтверждаются переводами, принадлежащими к другой поэтической традиции.

Р.Дутли (Париж / Гейдельберг) посвятил свой доклад взаимоотношениям молодых Цветаевой и Ман-

дельштама — вероятно, счастливейшему времени в жизни обоих поэтов, правда, уже смутно угадывающих свою трагическую обреченность. В докладе прозвучали и переводы стихов Мандельштама на немецкий язык, сделанные Р.Дутли. Иногда его переводы поражали слушателей такой достоверностью, что доклад прерывался восторженными аплодисментами (немецкие слушатели стучали при этом по столу, как у нас принято).

Всем, кто пожелает оказать финансовую поддержку Пришвинскому обществу, одной из задач которого является издание дневника писателя, сообщаем его счет: р/с 200700813 в АКБ «Бизнес» Москва, МФО 201638.

Следующие Пришвинские чтения состоятся летом 1995 г. в музее М.М.Пришвина в Дунине под Москвой.

Л. Р.

В.Б.Микушевич (Москва) в докладе «Трагическое у Мандельштама» говорил о том, что «жестокое время требует, чтобы поэзия была подтверждена жизнью поэта». И в этом смысле Мандельштам явился одновременно трагическим поэтом и трагическим героем своей поэзии. Смерть поэта в сталинском концлагере, действительно, стала его последним творческим актом. Мандельштам погиб, героически свидетельствуя: отказ от некоторых незыблемых ценностей будет означать гибель человечества. К сожалению, грозные признаки такого отказа все чаще замечаются не только на Востоке, но и на Западе.

К сожалению, не смог приехать на конференцию С.С.Аверинцев. Всемирно известный ученый хотел приехать в Германию через Швейцарию, но возникли трудности со швейцарским посольством, так вовремя и не улаженные. Его доклад, посвященный «проблеме конфессиональности в случае Мандельштама» был зачитан Р.Зестарханом.

В. Б. Микушевич

К ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ Л.Н.АНДРЕЕВА
De Visu. 1993. № 4

В письме Леонида Андреева к Н.К.Рериху от 25 ноября 1918 г. упоминается «некоторая "студия", где художественно-мейерхольдовская молодежь досужит свои досуги» (с.31). Некоторые сведения об этом уголке русского театрального модернизма содержатся в статье Пьер.-О (С.В.Животовского) «Как мы ставили русскую кинодраму в Усикирко» (Рассвет. Хельсинки, 1919. Приложение № 3 к газете). Сергей Васильевич Животовский (1869-1936), художник (преподаватель Ксенинского института) и журналист, возможно, упомянут в письме от 17 июня 1919 г.: «Сергея Вс. (так! — Р.Т.) не видел давным-давно» (с.38; см. коммент. на с.46: «Личность этого человека установить не удалось»).

Как явствует из статьи С.В.Животовского, кинодраму из революционной жизни поставил Георгий Кроль. По-видимому, речь идет об одном из создателей спектакля «Незнакомка» по А.Блоку в московском кафе «Питтореск» в марте 1918 г. (см.: Безродный М. О проекте постановки «Незнакомки» в Париже // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С.229). Георгий Александрович Кроль считался учеником Мейерхольда (см. его письма Мастеру: РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1798). Впоследствии С.В.Животовский вспоминал:

«15 лет тому назад.

В лесу Новой Кирки (Усикирко по-фински) шла горячая работа.

На поляне, среди сосен, расположились группами странные люди.

Русские солдаты в полном боевом обмундировании с ружьями и пулеметами, русские офицеры, и тут же немцы в касках. Немного в стороне товарищ Троцкий о чем-то горячо спорил с русским полковником, на груди которого белел георгиевский крест.

Прима-балерина Мариинского театра Егорова куталась в шерстяной плед, накинутый поверх бального платья.

— Ах, я совсем простудилась, — говорила она стоявшему около нее Ленину, — скоро ведь и снег выпадет, а я в бальном платье.

— Потерпите еще немного, — утешал ее Ленин, — еще две съемки, и фильма закончена.

Лениным был загримирован автор этих строк, по сценарию которого ставилась фильма.

В этот день мы надеялись закончить фильму.

Но перед самой съемкой, среди участников съемки, а таковых было не меньше двухсот человек, разнеслась страшная весть: в Мустомьяках на

даче Фальковского скоропостижно скончался Леонид Андреев.

Финны, участвовавшие в массовых сценах, к этой вести отнеслись безразлично.

Но русские артисты и русские беженцы, работавшие в фильме в качестве статистов, были буквально потрясены.

Илья Ефимович Репин, Леонид Андреев и Николай Рерих составляли то созвездие, которое на эмигрантском небе Финляндии светило всем нам, русским беженцам.

И вот одна из этих звезд закатилась так неожиданно для всех.

Всего за три дня до этого я видел Леонида Андреева в поезде железной дороги.

Он ехал в Выборг.

Правда, был он невесел.

Печаль легла на его красивое лицо с большими грустными глазами. Но вид у него был совершенно здоровый.

И вдруг — катастрофа.

Конечно, ни о каких съемках в этот день не могло быть и речи.

Наскоро разгримировавшись, на нескольких экипажах мы отправились в Мустомьяки» (Животовский С. На похоронах Л.Андреева // Для вас. Рига, 1934. 29 сентября. № 40).

В статье 1919 г. С.В.Животовский сообщал также, что в процессе съемок Г.Кроль женился на московской актрисе г-же Лорк — об этой же (или другой?) его жене вспоминала Л.В.Иванова, дочь Вяч. Иванова: Раиса Кальца, после развода с Г.Кролем, вышедшая за Джорджо де Кирико, а потом за археолога Гвидо Кальца и сама ставшая археологом (см. комментарии Дж. Малмстада в кн.: Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. Париж, 1990. С.414). Что же касается С.В.Животовского, то соответствующий отечественный справочник (Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1983. Т.4. Кн.1. С.107) обрывает его биографию жизнью в Финляндии «после Октябрьской революции». Впоследствии он перебрался в Берлин, где возобновил было журнал «Огонек» — в берлинском «Новом огоньке» (1923), наполненном его рисунками, есть и его очерк «Берлинские впечатления» (в том числе, и с воспоминаниями о Финляндии). Затем он переехал в Нью-Йорк, сотрудничал в газете «Новое русское слово», много лет возглавлял Фонд помощи русским писателям и ученым (см. некролог: Последние новости. Париж, 1936. 21 апреля. № 5507. С.4).

Р.Д.Тименчик

ЛР № 070205 от 22.10.91 В печать от 21.02.95 г.
Печать офсетная Печ. л. 17,5 Заказ 611 Тираж 1000
Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

